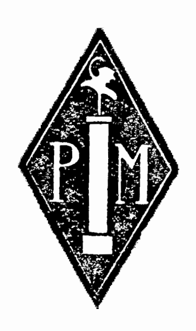
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

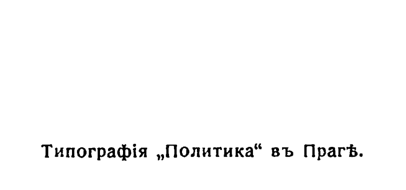
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПЕТРА СТРУВЕ



КНИГА V.

ПРАГА
1922



Типографія „Политика“ въ Прагѣ.

Лунный водоемъ.

(Сонеты.)

I.

Огонь погасъ. И пусть — оставь заботу!
Пусть лунный лучъ туманитъ шелкъ гардинъ,
Узоръ ковра и старину картинъ,
И мебели сѣдую позолоту.

Такъ, день за днемъ, — о, сколько разъ, безъ счету, —
Сидѣлъ я здѣсь и вспоминалъ одинъ,
И тлѣющей золой мерцалъ каминъ
И наводилъ свою печаль-дремоту.

Донгъ-донгъ! Часы двѣнадцать бьютъ въ углу.
Гляжу сквозь сонъ на мертвую золу,
Сквозъ сонъ внимаю хриплому ихъ басу.
Звонъ, равнодушный звонъ къ добру и злу,
Что шепчешь ты таинственному часу?
Умолкъ... И дверь открылась на террасу.

II.

Блистала ночь. Полуувядшій садъ
Изнемогалъ въ серебролунныхъ дымахъ.
Эллизіумъ аллей неисчислимыхъ,
Осенній лабиринтъ сквозныхъ аркадъ!

Я долго шелъ вдоль миртовыхъ оградъ
И слушалъ плескъ фонтановъ еле-зримыхъ.
Вотъ и бассейнъ... На водахъ недвижимыхъ
Спятъ лебеди у бѣлыхъ баллюстрадъ.

Колдунья-ночь воздушной паутиной
Заткала все, и все казалось сномъ, —
Магноліи надъ сказочной руиной,
Скамьи и статуи богинь кружкомъ.
Искрясь алмазами, изъ пасти львиной
Стекали капли въ сонный водоемъ.

III.

Я наклонилъ лицо надъ водоемомъ.
Въ мои глаза взглянула глубина
Зеленой мглы. Огромная луна
Была внизу на небѣ незнакомомъ.

О, какъ влекла зеркальная страна!
Въ свой замокъ лунный, къ отраженнымъ дрёмамъ,
Туда, туда, къ незнаемымъ истомамъ
Вела меня Царевна-тишина.

По заламъ призрачнымъ благоговѣйно
Я слѣдовалъ за ней. И все яснѣй
Звучала музыка печали фейной,
Журчанье-лепеты въ тѣни аллей
И переливъ чуть зыблемыхъ тѣней
На́ мраморѣ стариннаго бассейна.

IV.

И все смѣшалось — водоемъ и тѣни,
И лунный садъ, и статуи богинь.
Одинъ среди мерцающихъ пустынь
Я плылъ въ ладьѣ по волѣ навожденій.

Гдѣ я? Куда?.. Лишь хао̄съ отраженій,
Невѣрный свѣтъ, волшебная теплынь,
Качанье волнъ, опаловая синь,
Да парусъ надъ кормой въ жемчужной пѣнѣ.

Гдѣ я? Кто я? Ахъ, эти небеса,
Ладья моя, и парусъ, и краса
Скалистыхъ береговъ — все было вновѣ.
Куда?.. И вдругъ запѣли голоса
Морскихъ сиренъ и райскихъ птицъ медовѣй:
Въ Анулъ, въ Анулъ, къ прекрасной Меодовѣ!

V.

Медвяный звукъ! Лепечущіе зовы!..
Глядь — пристань. Молъ. Гора. Дубовый тынъ.
И ужъ несутъ ковровый паланкинъ
Навстрѣчу мнѣ послы отъ Меодовы.

Ихъ — шесть, и всѣ горбаты, какъ одинъ.
Страшилища, но мнѣ служить готовы.
Безмолствуютъ, почтительно-суровы,
И вмигъ — меня подъ пестрый балдахинъ...

И вотъ, дивясь горбатымъ скороходамъ,
Не вѣря сну, одолѣвая страхъ,
Вознесся я на шелковыхъ коврахъ,
И колыхался въ шагъ подъ зыбкимъ сводомъ,—
Изъ темноты, невидимый уродамъ,
Разглядывалъ ихъ тѣни на скалахъ.

VI.

Тропа давно кружилась въ гору. Слѣва
Отвѣсныя бѣжали скалы ввысь,
И корни кое-гдѣ по нимъ вились
Змѣинаго распластаннаго древа.

А справа — тамъ, гдѣ, выдохнутъ изъ зѣва
Стремнинъ, туманъ надъ пропастью повисъ,
Тамъ черный цвѣлъ между камней ирисъ,
Цвѣтокъ заботъ, унынія и гнѣва.

Все глуше, сумрачнѣй кремнистый путь
Къ вратамъ Анула на горѣ безбожной.
О, если бы минуту отдохнуть!
Да нѣтъ! Бредутъ уроды. Бездны. Жуть.
Свистящій шипъ гадюки осторожной
И сѣрный духъ изъ щели придорожной.

VII.

Семь ярусовъ диковинно-зубчатыхъ
Винтомъ въ поднебесье. Шатры, столбы,
Узорочье невиданной рѣзьбы
На башенкахъ и куполахъ рогатыхъ.

Зловѣщій видъ! У входа — въ шлемахъ, въ латахъ,
Опершись на щиты, стоятъ рабы.
А на щитахъ — поганые гербы:
Паукъ, да по угламъ семь жабъ крылатыхъ.

— Она въ плѣну, въ плѣну у колдуна, —
Подумалъ я и медлилъ на порогѣ.
Но тутъ ворота настежь. Евнухъ строгій
Махнулъ клюкой изъ своего окна.
И подъ-руки четыре горбуна
Ввели меня въ заклятые чертоги.

VIII.

Насупленный, носъ клювомъ, одноглазъ,
Сидитъ — хрипитъ, на паука похожій,
Губастъ, клыкастъ, Кикиморъ-желтокожій,
Колдунъ-шептунъ, косматый дикобразъ.

А вкругъ — толпа. Весь дворъ встрѣчаетъ насъ:
Старухи, евнухи, шуты, вельможи,
Все страшныя, оскаленныя рожи...
Привелъ меня Господь не въ добрый часъ.

Но гдѣ-жъ она, царевна Меодова?
— Отдай уродъ! — кричу на карлу злого,
Да самъ не знаю какъ, за космы — хвать.
Что было тутъ! Вой, визгъ, взбѣсилась рать
И разорвать въ клочки меня готова.
А я волчкомъ — въ окошко и бѣжать.

IX.

Коня, коня! И вотъ — крылатый конь.
Храпитъ и ржетъ и вздрагиваетъ въ мылѣ.
Слились, взвились, помчались, закружили,
А сзади свистъ неистовыхъ погонь.

И мимо — черный бредъ и злыя были,
Дремучій долъ и высей горныхъ сонь.
И степь, и топь. Летитъ мой конь-огонь,
Отгулъ копытъ, клубы горючей пыли.

Скорѣй, скорѣй, пламеннокрылъ-скакунъ,
Въ полдневный край, къ великому Султану!
Онъ вѣрный другъ, я рать его достану.
Остерегись, кикимора-колдунъ!
Нагряну въ твой вертепъ, какъ буйный гуннъ, —
Испепелю и горевать не стану.

X.

Не знаетъ бѣдъ Султанъ-Мухмедъ давно.
Въ его дворцѣ — серебряныя руды,
Безцѣнныхъ чашъ, клинковъ Дамасскихъ груды
И всякаго добра припасено.

Коврами славятся его верблюды,
И въ закрома ссыпается зерно,
А въ сундуки, набитые полно,
Алмазы, жемчуга, да изумруды.

Но краше всѣхъ сокровищъ для него
И сундуковъ, и золотого хлѣба,
Слоновъ, коней, верблюдовъ и всего
(И я милѣй не видѣлъ ничего) —
Смиренница полуденнаго неба,
Родная дочь его, весна-Зенеба.

XI.

„Люблю тебя, Зенеба. Образъ твой —
Волшебный цвѣтъ съ невѣдомой вершины“.
„Меня къ тебѣ приворожили джины.
Люблю тебя, пришельникъ роковой“.

„Твой взглядъ, Зенеба, розовой звѣздой
Во мнѣ горитъ, невѣста, другъ единый.“
„Какъ небо звѣздное — твой взоръ орлиный,
Женихъ мой грозный, витязь молодой“.

„Твой голосъ, нѣжная, какъ гудъ пчелинный“.
„Твой поцѣлуй, какъ медъ, любовникъ мой“.
„Мы здѣсь одни, Зенеба. Спитъ долина...“
„Но поздно, поздно, милый. Мнѣ — домой...“
„Съ твоей груди возьму-ли два рубина?“
„Мнѣ сладко, рыцарь, ихъ отдать самой“.

XII.

Горой веселый пиръ въ палатахъ злачныхъ.
Краса цвѣтовъ, заморскіе плоды
За трапезой наполнили ряды
Фарфоровъ, бронзъ и хрусталей прозрачныхъ.

Подъ рокотъ музыки текутъ меды.
Не молкнутъ здравицы за новобрачныхъ.
И руки быстрыя араповъ мрачныхъ
На дно глубокихъ чаръ не льютъ воды.

Зенеба за столомъ со мною рядомъ.
Не говоритъ... Сіяетъ и тайкомъ
Мнѣ ногу жметъ атласнымъ башмачкомъ.
То пригрозитъ невинно-смѣло взглядомъ,
То манитъ нехотя къ ночнымъ усладамъ
И вспыхиваетъ дѣвичьимъ стыдомъ.

XIII.

Мы были съ ней одни въ опочивальнѣ.
Луна плыла средь вешней вышины.
И, на полу забытая, — луны
Вѣнчальная фата была печальнѣй.

Свѣжѣе розъ и ключевой волны
Лицо Зенебы, міръ святыни дальней.
И я, какъ грѣшный рабъ въ исповѣдальнѣ,
Дрожалъ предъ алтаремъ ея весны...

Но вдругъ... О, Боже, Боже, — свистъ ужасный!
И свѣтъ погасъ. И буря ворвалась.
Въ моихъ рукахъ ласкалась и тряслась
Плоть скользкая старухи сладострастной.
Проклятье! Вѣдьма! Ты! Колдунъ опасный!
И въ дымахъ тьмы все сгинуло тотчасъ.

XIV.

Я вздрогнулъ... Донгъ! Послѣдніе удары.
Все тотъ же бой! И лепетъ тишины,
Узоръ ковра, гардины, цвѣтъ луны,
И на картинахъ — море и корсары.

И та же грусть моя, товарищъ старый...
Зола въ каминѣ, тѣни старины.
Все тѣ же, Господи, и быль и сны.
Но странно... нѣтъ! Все измѣнили чары.

Я комнату съ тревогой оглянулъ.
Здѣсь кто-то былъ и холодомъ дохнулъ
И сдвинулъ этотъ стулъ! Я зналъ. И чьи-то
Шаги мнѣ слышались... И вѣтра гулъ,
И рядомъ дверь захлопнулась сердито.
Я вздрогнулъ. Дверь... въ мой садъ... была открыта.

XV.

Я вышелъ. Блескъ и тѣни. Я былъ радъ
Забыться вновь въ тиши аллей любимыхъ,
Такихъ пустыхъ, увядшихъ, нелюдимыхъ.
Но было жутко. Все — и статуй рядъ,

И шорохъ листьевъ, пó вѣтру гонимыхъ,
И будто звукъ шаговъ среди аркадъ.
Вотъ и бассейнъ... У бѣлыхъ баллюстрадъ
Спятъ лебеди на водахъ недвижимыхъ.

И подлѣ женщина стояла — Тѣнь.
Ея лицо затмило покрывало,
И только долгій взоръ манилъ устало, —
Въ немъ были свѣтъ и мракъ, и ночь и день.
И въ ужасѣ вскричалъ я: Кто ты, Тѣнь!
И медленно: Я Смерть! — она сказала.

Сергѣй Маковскій.

Бѣгство.

(Окончаніе.)

Часть III.

По пятамъ.

ГЛАВА I.

Старики. Зима.

Когда я проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Подъ утро выпалъ настоящій снѣгъ, и стала зима. Въ небольшое окно избы проникалъ яркій, ослѣпительный для отвыкшаго отъ него глаза, свѣтъ перваго снѣга.

Алеша уже вставалъ, старуха возилась съ печкой, старика въ избѣ не было. Торопиться не приходилось, все равно днемъ итти уже было нельзя, и я съ полчаса пролежалъ еще на печкѣ, обдумывая все происшедшее.

Положеніе наше послѣ вчерашней ночи рѣзко измѣнилось. Фронта съ болѣе или менѣе установившейся линіей, которая была цѣлью нашего движенія и которую надо было гдѣ-то переходить, уже больше не было. Компаса и картъ незнакомой намъ мѣстности тоже не было. Наша задача была уже другая, она была, если и не легче, то, во всякомъ случаѣ, проще и грубѣе. Очевидно, фронтъ былъ сбитъ, и началось отступленіе съ одной стороны и преслѣдованіе съ другой. Осторожность и точное знаніе мѣстности не могли уже играть такой роли, войска были въ движеніи, и главное дѣло было въ томъ, чтобы двигаться какъ можно скорѣе и догнать своихъ.

Мы съ Алешей чувствовали себя во всѣ послѣдующіе дни, выражаясь языкомъ оффиціальныхъ реляцій, такъ, какъ чувствуетъ себя „воинская часть послѣ упорнаго боя съ превосходными силами противника, потерявшая всю свою артиллерію и обозъ, но удачно вышедшая изъ боя“ — и легко, и пусто. Съ этого дня мы съ нимъ какъ то уже не въ силахъ были больше осторожничать по прежнему. Нами овладѣла рѣшимость отчаянія. Мы уже не отпирались, когда насъ съ первыхъ же словъ признавали за дезертировъ и развѣ только

не разсказывали о своемъ прошломъ. Не вздрагивали при каждомъ стукѣ въ дверь, сидя въ пріютившихъ насъ домахъ, замолкая при появленіи каждаго новаго лица. И не стояли въ грустномъ раздумьѣ, когда, выйдя изъ какой нибудь хаты, послѣ долгихъ разспросовъ и объясненій дороги, уже черезъ минуту не знали, куда итти.

Мы провели у нашихъ хозяевъ весь день до темноты. Если бы мы были въ другомъ положеніи, то эта пара могла бы дать наблюденій для цѣлаго большого бытового разсказа. Жили они въ общемъ дружно, но, какъ это всегда бываетъ у одинокихъ крестьянъ, — единственный ихъ сынъ былъ убитъ на войнѣ, — у нихъ былъ потерянъ стимулъ къ жизни. Все дѣлалось ими, какъ и у „людей", но какъ-то вяло, безъ любви и жара, который обычно вкладывается въ работу многосемейными. Работали, чтобы ѣсть, ѣли, чтобы жить, жили... чтобы не умереть раньше смерти. Нѣсколько разъ при насъ между супругами происходили всетаки порядочныя перепалки. Начинала обыкновенно, какъ и полагается, старуха. Она долго попрекала мужа за то, что „вотъ онъ ничего не дѣлаетъ и какъ-то они будутъ зиму жить, да что вотъ онъ все на лавкѣ сидитъ" и т. д. Тотъ сперва долго отмалчивался, но потомъ, наконецъ, не выдерживалъ и, выругавъ ее, уходилъ или подбросить овцамъ соломки, или попоить лошадку, или гусей запереть и т. д.

Старикъ былъ человѣкъ добрый и умный, судя по нѣкоторымъ его фразамъ, онъ догадывался о томъ, кто мы такіе. Мы разсказали ему и про ночное приключеніе и про дальнѣйшій нашъ путь. Онъ выслушалъ насъ, грустно вздыхая и сочувственно покачивая головой. Въ деревнѣ, гдѣ мы ночевали, красныхъ еще не было, но утромъ уже пріѣзжали конные красноармейцы за баранами, и старикъ, какъ только прошелъ объ этомъ слухъ, еще до „оффиціальнаго извѣщенія" рѣшилъ зарѣзать всѣхъ своихъ овецъ до „нормы".

Старуха сперва его ругательски изругала, но потомъ, сраженная въ концѣ концовъ сознаніемъ необходимости этого, поплакавъ, пошла помогать ему „управляться".

Въ деревнѣ ждали красныхъ съ тревогой, особенно родственники бывшихъ при добровольцахъ должностныхъ лицъ; старикъ, не смотря на возраженіе жены, ходилъ при насъ на сходку, обсуждавшую, какъ помочь и заступиться за бабу-

вдову, деверь которой былъ при бѣлыхъ старостой и бѣжалъ съ ними. Но больше боялись не самихъ красныхъ, а момента смѣны властей, всѣ были полны ожиданіями, и крестьяне, нѣсколько разъ заходившіе въ избу, даже мало обращали на насъ вниманія: такъ были заняты своимъ.

— А что, ребятушки — ласково, по отечески сказалъ намъ старикъ, когда я съ трудомъ напялилъ на себя не сходившуюся на мнѣ старикову одежду — моя все еще не высохла — я васъ пріютилъ, накормлю чѣмъ Богъ послалъ, подсобите мнѣ, сынки, ворохъ перевѣять, а то мы со старухой вдвоемъ не управимся, привезъ отъ зятя вѣялку анадысь, да тяжела.

Мы съ радостью согласились, это напоминало „домъ“ и помогало и отвлечься, и скоротать день.

Вчетверомъ мы отправились на гумно въ ригу. Вѣялка, дѣйствительно, оказалась конной, мы съ трудомъ вдвоемъ съ Алешей поворачивали ее. Однако, часа черезъ три весь запасъ ржи былъ перевѣянъ, оставалось только хорошенько спрятать его во избѣжаніе реквизицій, и довольный хозяинъ позвалъ насъ, порядочно таки уставшихъ, — обѣдать.

Поблагодаривъ въ душѣ „товарищей“ за прекрасныя щи съ массой свѣжей баранины и условившись съ хозяиномъ на случай прихода въ деревню красныхъ, гдѣ намъ спрятаться, мы залегли послѣ обѣда спать. Пообѣдали мы рано и проснулись еще часа за два до темноты. Мой „костюмъ“ высохъ, мы стали потихоньку собираться, и перспектива новыхъ ночныхъ блужданій по замерзшей пахотѣ и снѣгу послѣ теплой хаты заставила насъ пригорюниться; отвлекшій насъ отъ дѣйствительности эпизодъ подходилъ къ концу.

Временами, мы, еще не терявшіе способности анализировать свои настроенія, даже смѣялись надъ собой, настолько наши желанія раздваивались между общей задачей, ставившей одни только максимальныя суровыя требованія, и желаніями сегодняшняго дня и данной минуты, просившими о пощадѣ и старавшимися усыпить и бодрствованіе, и бодрость.

Когда впослѣдствіи мнѣ пришлось изо дня въ день проходить по тридцать верстъ въ сутки, то вся задача была въ томъ, чтобы вложить всю свою энергію только въ сегодняшній день, не растрачивая ея на предвидѣніе многихъ такихъ же дней впереди. „Довлѣетъ дневи злоба его“. Иначе было

нестерпимо. Когда однажды я, выходя изъ деревни послѣ ночлега, — у меня была натерта нога, — разсчиталъ, что мнѣ придется, пройдя тридцать верстъ, сорокъ пять тысячъ разъ наступить на больное мѣсто, я сразу же не въ силахъ былъ уже двигаться. Здѣсь и этой экономіи энергіи у насъ не могло быть и не было.

По нашей просьбѣ старикъ, подъ конецъ принявшій въ нашей судьбѣ самое живое участіе, пошелъ къ своему племяннику, чтобы уговорить его за хорошую плату провести насъ до первой желѣзной дороги. Вернулся онъ огорченный и грустный, миссія не удалась. — Того и гляди мятель начнется, куда въ такую погоду и темноту итти, да и опасно — отвѣчалъ онъ. До желѣзной дороги было, по словамъ старика, верстъ семь, но дѣлать было нечего, мы простились и вышли изъ избы. Старикъ передъ отходомъ предупредилъ насъ, что „по чугункѣ“ стоятъ войска.

Шелъ легкій снѣжокъ, замерзшія колчи пахоты и зеленей, по которымъ иногда приходилось итти, больно разбивали ноги. Часа черезъ полтора въ темнотѣ стали вырисовываться телеграфные столбы и насыпь, обсаженная колючимъ, давно не стриженнымъ кустарникомъ. Послѣднія двѣсти саженей мы не шли, а медленно переступали съ ноги на ногу, готовые каждую минуту бѣжать, ноги какъ-то не слушались и все отводили въ сторону. Я не очень вѣрилъ въ „войска по чугункѣ“, но во первыхъ мы не знали, какъ далеко станція, около которой могли быть солдаты, а во вторыхъ, вчерашнее еще было памятно, и потому, подойдя къ изгороди, мы рѣшили, что осторожнѣе будетъ желѣзную дорогу не перейти, а переползти.

Все было тихо, и потому, какъ это всегда бываетъ, особенно тревожно. Мы проползли черезъ кусты, спустились въ выемку, вползли на противоположную насыпь, никого не было. На все это ушло не меньше часа. Когда мы наконецъ поднялись, я почувствовалъ, что колѣнки у меня сильно озябли и, нащупавъ ихъ рукой, увидалъ, что штаны на колѣняхъ розорваны въ ключья, локти на пиджакѣ тоже были прорваны.

Показался лѣсокъ, мы вошли въ него и закурили. Теперь предстояло найти вторую желѣзную дорогу, это было нетрудно. Мы могли просто пройти влѣво по полотну до узловой станціи и отъ нея по новой дорогѣ, но рельсы какъ-то

не манили, да и хотѣлось сократить путь, срѣзавъ уголъ. Только что мы вышли изъ лѣса, какъ началась метель. Ночи были уже лунныя и, хотя луна была и за тучами, но было свѣтло. Прошли еще съ часъ, дороги все не было, неожиданно передъ нами выросъ одинокій хуторъ. Итти въ морозъ въ тысячу разъ легче и лучше, чѣмъ въ дождь; онъ не удерживаетъ, а гонитъ, не давая остановиться. Но, не чувствуя при ходьбѣ холода, пробывъ нѣсколько часовъ на морозѣ, начинаешь какъ-то весь стынуть и деревенѣть, пальцы не слушаются, лицо припухаетъ, и настроеніе, особенно въ метель, дѣлается спокойнымъ и безразличнымъ, какъ будто тоже замораживаясь.

Подойдя къ хатѣ, черезъ замерзшее окно я увидалъ нѣсколькихъ бабъ, мужиковъ не было. Мы постучались, залаяли собаки, и вмигъ потухъ огонь; намъ не отвѣчали.

Я опять сталъ стучать, наконецъ, за дверью послышался бабій полуплачъ-полуголосъ: „кто тамъ?"

— Тетенька, пусти на минуту обогрѣться, дюже застыли — сказалъ я.

— Голубчикъ ты мой, да какъ же я тебя пущу, мужиковъ дома нѣтъ, дѣтей полна хата. Господь тебя знаетъ, что ты за человѣкъ, уже почти плакала она, какъ бы и прося о пощадѣ, и чувствуя, что не сможетъ насъ не пустить, если мы захотимъ войти, и оправдываясь за свой страхъ.

— А гдѣ же мужики?

— Съ подводами уѣхали, родимый.

— Да не бойся, тетенька, мы не изъ тѣхъ, кто обижаетъ, сами еле живы.

Искренность моего тона, повидимому, ее убѣдила, и она отперла дверь. Насъ окружили дѣти, съ любопытствомъ и страхомъ насъ разглядывая, мы сѣли къ топившейся печкѣ, грѣясь и куря. Баба никакъ не могла успокоиться и увидѣвъ, кто мы, оправдывалась въ своемъ страхѣ безпомощностью и одиночествомъ.

По ея словамъ, дорога была верстахъ въ пяти, красные къ нимъ еще не приходили. Мы повеселѣли и, посидѣвъ у нея съ полчаса, опять тронулись. Ненадолго показалась луна, мятель стихла, снѣгъ падалъ рѣдкими хлопьями.

По дорогѣ показалась разрушенная усадьба. Нѣсколько камней отъ фундамента, старыя елки въ саду и большая бе-

резовая аллея — вотъ и все, что осталось отъ нея. Мы невольно на минуту задержались, было удивительно красиво и вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимо грустно смотрѣть на это кладбище чужой жизни. Чье-то гнѣздо разорено, кто-то жилъ здѣсь долгіе годы и бросилъ теперь все это...

Наконецъ, мы съ радостью увидали и вторую дорогу, но дойдя до нея, почувствовали, не сговорясь, что итти по высокой насыпи, на виду, — мы не въ силахъ. Тогда, зная, что вдоль дороги идетъ до города В., который теперь былъ нашимъ маякомъ, также и большакъ, мы рѣшили итти большакомъ.

Это было, конечно, большой ошибкой, но тогда я еще не зналъ обычаевъ гражданской войны и того, что все движеніе какъ отступающихъ, такъ и преслѣдующихъ идетъ на крестьянскихъ подводахъ по грунтовымъ дорогамъ.

Скоро нашли мы и большакъ. Огромное село съ церковью и старой большой барской усадьбой открылось передъ нами. Полуразрушенная каменная ограда и большой бѣлый двухъэтажный каменный домъ съ зіяющими дырами вмѣсто оконъ, и старый большой паркъ — все это было тихо и безмолвно, все умерло.

Еще подходя къ селу, мы условились, какъ спрашивать дорогу, въ предположеніи, что въ избѣ могутъ быть и красные. Подойдя къ хатѣ, стоящей на отшибѣ, я остановился невдалекѣ, Алеша постучалъ въ окно.

— Эй, товарищи, что *** полкъ здѣсь стоитъ? — назвалъ онъ номеръ того полка, которому мы попались на станціи; ему что то отвѣчали, онъ еще что-то спросилъ и вернулся ко мнѣ, опустивъ голову.

— Ну что? — спросилъ я.

— Плохо, братъ, — отвѣчалъ онъ, — красные еще вчера днемъ прошли здѣсь и по слухамъ ночуютъ верстахъ въ десяти впереди. Что же теперь дѣлать?

— Какъ что дѣлать, — отвѣчалъ я, — итти, итти и итти, другого выхода нѣтъ.

Большакъ шелъ черезъ деревню, надо было ее обойти, такъ какъ кое-кто изъ красныхъ въ деревнѣ еще остался. Но сколько мы ни искали за деревней большака, онъ какъ будто пропалъ въ ней. Часа два мы бродили вокругъ безъ толку и только по своему собственному слѣду, оставленному въ глубокой ка-

навѣ, наполненной снѣгомъ, увидали, что кружились все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Да что же это — мы съ тобою спимъ, или подъ гипнозомъ, — разсердился Алеша — битыхъ два часа ищемъ этотъ проклятый большакъ, бросимъ его, идемъ цѣликомъ.

Дѣйствительно я сталъ ощущать въ душѣ какую-то пустоту и безразличіе, — вѣрный признакъ переутомленія. Это была уже прямая опасность, и я сказалъ объ этомъ Алешѣ. Надо было подтянуться и взять себя въ руки.

Не знаю, сколько уже часовъ мы шли и много ли верстъ прошли, но уже совсѣмъ было свѣтло, когда мы подъ утро пришли въ большую деревню; невдалекѣ виднѣлась и насыпь съ телеграфными столбами. Въ деревнѣ еще спали. Передневать на дворѣ мы были, конечно, не въ состояніи.

Алеша, послѣ моей неудачи, безъ уговора, ходившій все время на развѣдку одинъ, почти безсмѣнно, выбравъ побѣднѣе хату, постучалъ въ окно. Скоро онъ вернулся, разводя руками.

— Въ деревнѣ стоятъ красные, у этихъ никого нѣтъ, хозяева ласковые, пускаютъ!

Я махнулъ рукой, и мы вошли въ избу.

ГЛАВА II.

Дворовые. Отказъ въ помощи.

Семья состояла изъ матери и двухъ сыновей: одинъ лѣтъ двадцати, другой восемнадцати. Кромѣ того съ ними жилъ, подновляя хату, прохожій плотникъ изъ сосѣдней губерніи, работавшій не за деньги, а за хлѣбъ. Судя и по одеждѣ и по нѣкоторымъ оборотамъ рѣчи, хозяева были не изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а изъ дворовыхъ.

— Вѣрно, вѣрно, батюшка, признали, у сосѣдней барыни, вонъ усадебка на бугрѣ виднѣется, папаша мой еще до воли кучеромъ жилъ — подтвердила хозяйка.

Старшій сынъ полуинтеллигентнаго, некрестьянскаго типа, удивившій меня сперва нѣкоторыми своими словечками, красивый, стройный малый, какъ оказалось, служилъ прежде въ одномъ изъ крупныхъ столичныхъ магазиновъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ прежнюю „чистую“ жизнь. Онъ явно былъ любимцемъ матери. Второй здоровый, сильный, несклад-

ный, „дурной“, какъ его рекомендовала намъ мать, все время жилъ дома, несъ черную работу и ненавидѣлъ брата, завидуя и его жизни, и его успѣху, и ухваткѣ. Плотникъ, человѣкъ еще не старый, работалъ у нихъ уже недѣли двѣ и, повидимому, уже сжился съ ними. Онъ, и какъ спеціалистъ, и какъ старшій мужчина въ домѣ, велъ себя здѣсь, какъ хозяинъ.

Какъ простые и непосредственные люди, они совершенно не стѣснялись постороннихъ, вся жизнь была у нихъ наружу. Старшій братъ отдавалъ какія нибудь приказанія, младшій отвѣчалъ грубостями, вступалась мать, онъ и ей дерзилъ и даже грозилъ, плотникъ, на правахъ старшаго, бралъ въ руки ремень, приказывая обиженному судьбой дикарю замолчать. Всѣ эти сцены происходили при насъ нѣсколько разъ.

Въ деревнѣ были красные, и, конечно, хозяева, которымъ мы, не обинуясь, сказали, что насъ „ждетъ“ на „этой“ сторонѣ и къ кому мы идемъ, понимали, чѣмъ они рискуютъ, укрывая насъ и тѣмъ не менѣе ни одного слова объ этомъ сказано не было. Больше всего это была простая жалость къ людямъ, попавшимъ въ „бѣду неминучую“ — по выраженію плотника — и страдавшихъ отъ тѣхъ же людей, отъ которыхъ страдали и всѣ кругомъ.

Мы совсѣмъ по культурному, какъ „полагается“, утромъ заварили остатки нашего чая и напились вмѣстѣ съ хозяевами. Печка уже топилась. — Дай-ка я занавѣсочку повѣшу, все не такъ видно будетъ, береженаго Богъ бережетъ — сказала хозяйка, развѣсивъ около печки, на которую мы уже взобрались, на веревкѣ какую-то юбку.

— Боже мой, какое блаженство — протянулся Алеша на самомъ горячемъ мѣстѣ и въ мигъ заснулъ.

Я началъ закуривать, вдругъ вбѣжалъ старшій изъ ребятъ и испуганнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: — тише, господа, къ намъ „товарищи“ идутъ.

Только что онъ успѣлъ это сказать, какъ въ избу вошли два красноармейца. Я, загороженный юбкой, ихъ не видалъ, но, судя по разговору, это были коммунисты. Предупредившій насъ хозяинъ, сказавъ двѣ-три фразы, благоразумно куда-то исчезъ, Алеша тихо похрапывалъ.

Какъ ни жалко мнѣ было его будить, но я, зажавъ ему рукою ротъ и носъ, тихо сказалъ ему на ухо: — проснись, красные здѣсь.

Онъ вздрогнулъ и открылъ усталые глаза. Такъ, притаившись и боясь шелохнуться, борясь со сномъ, мы промучились съ часъ, пока хозяйка не накормила „гостей“. Плотникъ, постукивая топоромъ, поддакивалъ имъ такъ же привѣтливо, какъ и намъ, хваля совѣтскіе порядки. Трудно даже было понять, что это съ его стороны хитрость, или онъ, по свойству своего характера, какъ человѣкъ мягкій и податливый, просто не можетъ удержаться отъ удовольствія быть согласнымъ со своимъ собесѣдникомъ. Наконецъ, эта пытка кончилась — они ушли, и мы заснули.

Насъ разбудили къ обѣду и разсказали послѣднія деревенскія новости. Только что въ деревню вернулись подводчики, отвозившіе добровольцевъ. Они разсказывали, что ихъ отпустили верстъ за двадцать отсюда, что по дорогѣ красныхъ они не видали, но остались ли добровольцы въ двадцати верстахъ или, смѣнивъ подводы, поѣхали дальше, они не знали.

Тоскливое чувство овладѣло мной. Наше спасеніе, наша свобода и жизнь были, быть можетъ, всего въ четырехъ часахъ пути отъ насъ, но мы чувствовали, что насъ отдаляютъ отъ нихъ не двадцать верстъ, а цѣлая пропасть. Разбитыя ноги, усталость, ночныя блужданія — все это обращало эти, какъ будто короткія, двадцать верстъ въ цѣлую вѣчность.

— А что — спросилъ я хозяйку, — нѣтъ ли у васъ на деревнѣ такого человѣка, поухватистѣе, чтобы взялся насъ за хорошую плату довести до бѣлыхъ?

Она задумалась и стала перебирать въ памяти имена знакомыхъ крестьянъ. Долго они совѣщались съ сыномъ: одинъ былъ боленъ, у другого лошадь захромала, у третьяго сани не налажены.

— А Антипъ не поѣдетъ? Онъ мужикъ смѣлый и извозомъ занимается, сходи, сынокъ, пошукай его, скажи, люди хорошіе и въ большой нуждѣ — вдругъ вспомнила она.

Тотъ одѣлся и вышелъ. Съ полчаса онъ не возвращался, намъ не сидѣлось на мѣстѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали мы рѣшенія своей участи. Наша нервность передалась и хозяевамъ. Наконецъ, парень вернулся.

— Ну что? — встрѣтили его всѣ вопросомъ.

— Прійти обѣщался, да что-то запинается — отвѣтилъ тотъ.

Прошло съ полчаса. Наконецъ стукнула дверь въ сѣнцы, слышно было, какъ обиваютъ снѣгъ съ сапогъ, и въ хату вошли два мужика. Поздоровавшись, они сѣли и начали разговоръ о постороннихъ предметахъ.

Крестьяне всегда заходили къ намъ въ гости, и я уже привыкъ, что, въ противоположность намъ, они дѣловую часть разговора всегда откладываютъ до послѣдней минуты. Сперва пьютъ чай, говорятъ, говорятъ о чемъ угодно, о погодѣ, объ урожаѣ, политикѣ, мѣстныхъ новостяхъ, но только не о дѣлѣ, и уже взявшись за шапку, какъ будто между прочимъ, невзначай, гость спроситъ: — а что, Иванъ Николаевичъ, у васъ тутъ дубокъ на дворѣ лежитъ, онъ вамъ безъ надобности, не продадите ли мнѣ?

Это и правило хорошаго тона и классическій пріемъ доказательства своей незаинтересованности, чтобы убѣдить продавца, что для покупателя это дѣло совсѣмъ „не стоющее“.

И потому я не удивился, что они не говорятъ о дѣлѣ. Наконецъ, однако, я не выдержалъ и, отозвавъ хозяина, спросилъ, кто это. Онъ отвѣчалъ, что это Антипъ и его зять. Тогда, не обинуясь, я приступилъ къ дѣлу.

Никогда передъ самыми большими аудиторіями, въ самые отвѣтственные и серьезные моменты былой своей дѣятельности, я не вкладывалъ такъ всю душу въ свою рѣчь.

Я началъ съ практической стороны вопроса: сказавъ, что намъ большая нужда догнать бѣлыхъ, я изложилъ имъ свой планъ дѣйствій. Мы поѣдемъ ночью, или заложенными въ возъ, или порожнякомъ, въ послѣднемъ случаѣ при всѣхъ встрѣчахъ мы будемъ сходить, какъ будто незнакомы. При проѣздѣ деревень, мы будемъ обходить ихъ „задами“, встрѣчаясь за деревней, у околицы, а онъ заѣзжать къ знакомымъ крестьянамъ, узнавать, кто здѣсь стоитъ. Если насъ накроютъ всетаки вмѣстѣ, онъ скажетъ, что попросились, молъ, подвезти, а кто такіе, — не знаетъ, назвавъ точно, куда, къ кому и зачѣмъ ѣдетъ. За поѣздку мы предлагали ему всѣ наши деньги — пять тысячъ рублей, по тому времени за четыре-пять часовъ ѣзды деньги очень большія, далеко превышавшія всѣ нормы.

— Да это что говорить — отвѣчалъ онъ, — деньги прямо за такую работу, можно сказать, шальныя, да не могу я, боязно, неровенъ часъ, что̀ случится, а я человѣкъ семейный.

Упоминаніе о документахъ и еще кое какіе аргументы практическаго характера тоже ни къ чему не привели, онъ упорно отказывался. Съ этой стороны ничего не выходило. Тогда я просто сталъ просить его пожалѣть насъ и спасти, какъ спасаютъ утопающаго, несмотря ни на опасность, ни на то, что̀ за это будетъ дано. Я замолкалъ и опять начиналъ говорить горячо и убѣжденно. Онъ сидѣлъ потупившись, хозяйка вздыхала, зять все время молчалъ, вставляя одни междометія, плотникъ, напряженно, съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица слушавшій нашъ діалогъ, какъ будто онъ присутствовалъ при торжественномъ и важномъ религіозномъ обрядѣ, наконецъ не выдержалъ и заговорилъ:

— Эхъ, Антипъ, — началъ онъ, — грѣхъ тебѣ будетъ, коли не поможешь ребятамъ, коли откажешь имъ, должонъ ты христіанскую душу изъ бѣды вызволить, видишь къ нимъ какая крайность пришла, съ кѣмъ теперь бѣды не бываетъ, не случается.

Хозяйка поддакивала. Антипъ видимо началъ колебаться. Жалость къ намъ боролась въ немъ со страхомъ. Мы всѣ хоромъ напирали на него съ уговорами.

— Ну, по рукамъ, што-ль, посылать запрягать? — старался плотникъ вырвать у него рѣшеніе.

Наконецъ, опять всѣ смолкли, мы съ трепетомъ ждали рѣшенія своей судьбы.

— Пойти съ хозяйкой поговорить — тихо и не глядя на насъ, сказалъ онъ.

Оба встали и вышли изъ избы.

— Ну, — грустно сказалъ плотникъ, — прогорѣло ваше дѣло, ребята, къ бабѣ пошелъ совѣтоваться, не ждать вамъ добра, извѣстно, что баба скажетъ — лѣзь на печку, пока цѣлъ, что въ чужія дѣла встрѣваешь?

Мы стали тѣмъ временемъ понемногу собираться. Минутъ черезъ пять прибѣжалъ мальчикъ и сказалъ, что тятенька не поѣдетъ. Всѣ грустно молчали. Съ наивной эпической простотой и откровенностью, и трогательной и жестокой, плотникъ сталъ выражать намъ свое соболѣзнованіе.

— Эхъ кабы мнѣ лошадку-то — въ разъ бы довезъ, деньги въ карманъ, да и домой — говорилъ онъ, — а пѣшкомъ не дойти вамъ, ребятушки, не догнать, э, эхъ, эхъ, эхъ, жаль мнѣ васъ, охъ какъ жаль, пропали ваши головушки.

Мы наскоро разспросили про дорогу. По большаку и желѣзной дорогѣ до города было верстъ пятьдесятъ, проселками тридцать, мы выбрали второй путь, записали на клочкѣ бумажки деревни, сунули хозяйкѣ почти насильно деньги и вышли. Первая деревня была верстахъ въ пяти, и хозяйка посовѣтовала зайти тамъ на всякій случай къ ея брату, тоже извозчику.

ГЛАВА III.

Въ полусознаніи.

Смеркалось. Небо было въ тучахъ. Неудачный наемъ и послѣдняя сцена сдѣлали свое дѣло, сомнѣнія въ успѣхѣ уже начали меня мучить. Погода какъ нельзя лучше отвѣчала нашему настроенію. Дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ, по землѣ струясь бѣжали змѣйки поземки.

На минуту небо очистилось, показалась луна, и сквозь туманъ мы нашли кастрюльку Сѣверной Медвѣдицы и по ней Полярную звѣзду. Опредѣливъ по звѣздѣ свой путь и предвидя, что она можетъ сейчасъ же закрыться тучами, мы оріентировали по ней вѣтеръ. При правильномъ направленіи онъ долженъ былъ намъ дуть справа, сзади. Дѣйствительно все скоро потемнѣло и скрылось.

Зимой всего легче сбиться въ февралѣ и въ ноябрѣ. Въ февралѣ — изъ-за страшныхъ, иногда трехъ и семидневныхъ метелей, а въ ноябрѣ изъ за отсутствія дороги — старыя колесныя дороги уже скрыты въ снѣгу, новыя санныя еще не наѣзжены. Мы прошли часа два, не зная, по дорогѣ ли мы идемъ или по полю.

— Опять сбились — мрачно проговорилъ Алеша. Вдругъ невдалекѣ загромыхала по замерзшимъ колчамъ телѣга. Мы окликнули ее издалека, спрашивая, далеко ли до нашей деревни; женскій голосъ отвѣчалъ что-то, но вѣтеръ относилъ слова. Мы подошли къ телѣгѣ и повторили вопросъ.

— А вотъ мы туда какъ разъ и ѣдемъ: вотъ она — указывая куда-то въ темноту, отвѣчалъ съ телѣги мужской голосъ, — а вы кто такіе? —

— Такъ, прохожіе — сказалъ я.

— Э, да это никакъ наши попутчики, что на станціи попались — вдругъ весело заговорилъ другой мужской голосъ,

— такъ и есть, они, съ сумкой, ну и рѣзвачи, опять съ развѣдкой прутъ, какъ же вы сюда попали? —

— Да насъ отпустили — отвѣчалъ я.

— Ладно — продолжалъ онъ явно съ насмѣшкой, — сказываете вамъ сюда, ну, такъ и айда за нами, тамъ разберемъ, да не отставайте — полуприказывалъ, полуприглашалъ онъ.

Мы стояли отъ телѣги шагахъ въ пяти, сейчасъ же кинуться бѣжать было неблагоразумно, слишкомъ разбиты были ноги и недостаточно было темно, надо было изобрѣтать что нибудь другое.

Телѣга тронулась, баба сидѣла за кучера и что-то причитала, солдаты понукали лошаденку, она тронулась рысцой и стала отдѣляться отъ насъ. Мы сдѣлали видъ, что ускоряемъ шаги.

— Не отставай, не отставай, товарищи — покрикивалъ на насъ красноармеецъ.

Разстояніе все росло.

— Надо бѣжать — шепнулъ мнѣ Алеша.

— Ясно — отвѣчалъ я.

Чтобы маскировать свой планъ, какъ только телѣга отъѣхала сажень на десять, мы стали то итти за ней, то пятиться назадъ, но все время не останавливаясь. Впереди показалась деревня, и телѣга неожиданно свернула и скрылась за поворотомъ. Не сговариваясь, мы бросились со всѣхъ ногъ въ сторону.

— Тише, тише, — взмолился Алеша, — ноги очень болятъ, совсѣмъ сапоги разлѣзаются, — когда, пробѣжавъ саженей сто, мы, задохнувшись, свалились въ лѣсистый оврагъ.

— Въ третій разъ, однако, попадаться не стоитъ — грустно пошутилъ Алеша, — пожалуй ужъ не выпустятъ.

Повидимому, полкъ шелъ въ направленіи желѣзной дороги, останавливаясь въ ближайшихъ деревняхъ. Почему то, — трудно уже было говорить въ эту ночь о логичности нашихъ рѣшеній, — мы рѣшили повернуть въ сторону, отойти верстъ десять и уже потомъ опять двигаться параллельно желѣзной дорогѣ.

Вся эта ночь слилась у меня въ памяти въ какую-то жуткую, неясную и однотонную картину. Мы уже не шли, а куда-то устало брели, въ какомъ-то полузабытьи, толкаемые еще не совсѣмъ истраченнымъ, но уже приходившимъ къ концу запасомъ энергіи, полученной еще дома и почти не возобно-

влявшейся, ежеминутно задремывая, спотыкаясь, останавливаясь и повѣряя вѣтеръ въ новомъ взятомъ нами направленіи. Холодъ механически заставлялъ все время итти по вѣтру, хотя это было и неправильно. Кругомъ темно, мрачно, тоскливо и страшно безлюдно. Помню, что мы все пересѣкали глубокіе, поросшіе лѣсомъ и занесенные снѣгомъ овраги. На переходъ каждаго, вѣроятно, выходило не менѣе часа, времени мы не знали, мои часы уже дня три какъ остановились. По дну овраговъ протекали полузамерзшіе ручьи, каменистыя кручи выступали какъ то причудливо и странно. Только что выбравшись изъ одного, мы сейчасъ же попадали въ другой, ноги промокли и заледенѣли. Въ ушахъ все время стоялъ лай собакъ, непрерывно доносившійся откуда-то издалека по вѣтру. Этотъ лай преслѣдовалъ меня потомъ долгое время по ночамъ, и какъ только я его слышалъ гдѣ нибудь, вся картина этой ночи немедленно воскресала въ памяти.

Временами мы какъ будто приходили въ себя, брали себя въ руки, старались даже смѣяться надъ своимъ положеніемъ, подбадривать другъ друга, посылали какой-то вызовъ вѣтру и ночи, вспоминая все, что намъ прежде съ Алешей приходилось переживать молодого, веселаго и беззаботнаго, нашу поѣздку за границу, юношескія приключенія, оживленно разговаривали... но усталость и холодъ опять брали свое. Вѣтеръ все вылъ, приходилось почти кричать, чтобы разговаривать, сухіе дубовые листья, сорванные вѣтромъ, далеко уносились въ поле по снѣгу. Овраги до того измучили насъ, что мы, наконецъ, пошли вдоль одного изъ нихъ и, какъ и слѣдовало ожидать, уткнулись въ рѣку. Алеша остановился передъ ней въ недоумѣніи, стараясь припомнить мѣстность.

— Не помню рѣки, мы крутимъ — сказалъ онъ. Въ полуверстѣ виднѣлась деревня. Она притягивала насъ къ себѣ, какъ голодныхъ волковъ, но и какъ волковъ же инстинктивно отталкивала, когда мы подошли ближе. Однако надо было хоть сколько нибудь отдохнуть. Мы тихо подошли къ гумнамъ, прокопали въ одномъ изъ ометовъ длинный ходъ и залегли въ него, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Не знаю, сколько мы пробыли тамъ въ какомъ-то полуснѣ, въ головѣ проносились короткіе тревожные сны, въ ушахъ все стоялъ лай собакъ. Я не то очнулся, не то проснулся отъ пронизывающаго холода, ноги не чувствовались.

— Идемъ, идемъ скорѣе, — тормошилъ я Алешу, — мы замерзнемъ.

Мы встали и опять пошли, не чувствуя отдыха.

— Что это такое? — вдругъ спросилъ я, протирая глаза — у меня уже галлюцинаціи начинаются, смотри — телеграфные столбы, это желѣзная дорога?

— Не вижу, не можетъ быть — отвѣчалъ Алеша.

Черезъ минуту, однако, мы уже убѣдились, что я не галлюцинировалъ. Но мало того, что мы опять пришли къ желѣзной дорогѣ, вмѣсто того, чтобы быть слѣва, она была справа, мы не переходили ее и значитъ шли обратно.

— Такъ и есть, проклятый вѣтеръ измѣнилъ направленіе — устало сказалъ Алеша, — дуетъ вѣдь такъ, какъ мы его оріентировали.

Мы опять попытались оторваться отъ желѣзной дороги и версты черезъ три опять уткнулись въ большую деревню на большакѣ. Почти у самаго въѣзда стоялъ столбъ съ указателемъ, но разобрать надписи съ земли было невозможно. Вѣтеръ какъ будто притихъ, но хотя въ деревнѣ всѣ и спали, зажигать спички мы не рѣшились. Я, нагнувшись, прислонился къ столбу, Алеша полѣзъ на меня, чтобы прочесть надпись и упалъ.

— Нѣтъ не могу, силъ нѣтъ — какъ будто извиняясь, сказалъ онъ.

Съ его помощью я влѣзъ на столбъ, но безъ огня все-таки разобрать старыхъ, почти стертыхъ бѣлыхъ буквъ на черной жестяной доскѣ не могъ и рѣшилъ отодрать ее.

Какъ ни тяжело было наше положеніе, а все-таки, портя общественное имущество, да еще такого назначенія, я испытывалъ непріятное чувство отъ своего некультурнаго поступка.

— Въ этомъ, если хочешь, и есть и наша слабость, и преимущество враговъ, имъ легче, средствъ борьбы больше. Мы будемъ умирать, а все бояться некорректности — улыбнулся Алеша на мои слова.

Отойдя въ сторону въ лощину и прикрывъ полой зажженную спичку отъ вѣтра, мы прочли: до города В. сорокъ верстъ, до села Воронцова десять верстъ. Это было то село, гдѣ мы провели день, въ пути мы были уже часовъ десять и за все время прошли тоже только десять верстъ. Ни слова не говоря другъ другу, мы опять побрели, съ трудомъ пере-

двигая ноги. Было еще темно, но по какимъ-то неуловимымъ признакамъ видно, что близится утро.

— Давай искать деревню для дневки — сказалъ Алеша, — заберемся въ ометъ, а когда утромъ бабы придутъ за соломой, спросимъ, гдѣ мы и кто въ деревнѣ.

Стало свѣтать. Овраги кончились, мѣсто было ровное, но какъ на грѣхъ деревни не было, вотъ зачернѣется что-то въ сторонѣ, мы идемъ туда — лѣсъ. Такъ было нѣсколько разъ.

— Скорѣе, скорѣе, голубчикъ мой, ради Бога, скорѣе — торопилъ я бѣднаго Алешу, совсѣмъ измученнаго — надо до свѣта найти дорогу — мы шли полемъ, — и по ней къ деревнѣ. — Иначе конецъ, первый же кавалеристъ — и мы пойманы.

Наконецъ мы набрели на дорогу, широкій полозъ „розвальней“ на нее указывалъ. Полубѣгомъ, на подкашивающихся ногахъ, изъ послѣднихъ силъ мы двигались по слѣду. Разсвѣтъ приходилъ быстро, какими-то рѣзкими скачками, какъ это бываетъ въ театрѣ. Впереди что-то затемнѣло. Лѣсъ или деревня? Нѣтъ, какъ будто деревня. Уже совсѣмъ засвѣтло, перейдя оврагъ, мы подкрадывались къ гумнамъ еще спящей деревни. На краю, далеко отъ построекъ, чуть надъ землей возвышался небольшой, крытый соломой погребокъ, входъ былъ заткнутъ обмолоченнымъ снопомъ.

Черезъ минуту мы уже лежали внутри на соломенныхъ матахъ, снопъ по прежнему затыкалъ входъ. Но какъ ни старались мы согрѣться, прижавшись другъ къ другу, а вѣтеръ, пронизывавшій насквозь жиденькую крышу, не давалъ покою.

— Богъ ты мой, ну и сельскіе хозяева,— стукнулъ себя по лбу Алеша, — вѣдь не надъ землей же устроена эта крыша, что это съ нами сегодня дѣлается?

Объяснять не приходилось и, ни слова не отвѣчая, раздвинувъ маты, я нащупалъ подъ ними доски.

Уже черезъ минуту, поднявъ маты и доски, мы, заложивъ все по старому, по лѣсенкѣ спустились внизъ и, разровнявъ картошку, на которой мы стояли, легли въ этой гостепріимной не то берлогѣ, не то гробу, въ абсолютной темнотѣ. Только что мы стали засыпать, какъ надъ самой головой послышался топотъ копытъ. Очевидно проѣхало нѣсколько человѣкъ и при томъ верховыхъ, ни шума колесъ, ни скрипа саней по снѣгу слышно не было.

— Разъѣздъ — сквозь сонъ пробормоталъ Алеша.

— Вѣроятно — отвѣтилъ я.

Должно быть, уже проспавъ нѣсколько часовъ, я услыхалъ орудiйный выстрѣлъ и полубезсознательно перекрестился. Алеша проснулся, вѣроятно, крестясь, я его толкнулъ.

— Что ты? — испуганно вскочилъ онъ.

— Крещусь — отвѣчалъ я.

— Почему?

— Выстрѣлъ, фронтъ близко, — и мы оба заснули.

ГЛАВА IV.

Безнадежно.

Черезъ сколько времени мы проснулись, было ли утро, день или вечеръ — мы не знали, въ нашей могилѣ было все такъ же темно. Алеша зажегъ спичку, досталъ изъ моей сумки двѣ послѣднiя домашнiя лепешки и протянулъ мнѣ одну; я попробовалъ и не смогъ — тошнило. Ноги болѣли, должно быть, мы ихъ подморозили прошлой ночью.

— Ну, я иду на развѣдку, въ случаѣ чего крикну, ты меня подожди здѣсь — сказалъ Алеша и полѣзъ вверхъ.

На минутку, пока онъ поднималъ доски и маты, ко мнѣ проскользнулъ тусклый свѣтъ. Я сталъ уже волноваться, такъ долго онъ не возвращался, когда онъ негромко окликнулъ меня.

Полулежа на соломенныхъ матахъ въ верхнемъ этажѣ нашего прiюта, мы стали совѣщаться.

Алеша разсказалъ о результатахъ своей вылазки. Выйдя изъ засады, онъ увидалъ, что мы на краю деревни, расположенной у рѣки, мимо погреба шла протоптанная по снѣгу дорожка къ колодцу, и вскорѣ по ней прошелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати съ ведромъ. Алеша окликнулъ его, тотъ сначала испугался, увидавъ человѣка, выглядывавшаго изъ погреба, но потомъ подошелъ. Оказалось, что мы проспали часовъ восемь, было уже далеко за полдень. Дѣйствительно утромъ черезъ деревню проѣхалъ разъѣздъ красныхъ, днемъ стрѣляли изъ орудiй.

— Вотъ наша изба, крайняя, пойдемъ къ намъ обогрѣться, мамка ушла, „нянька" дома — закончилъ мальчикъ.

Въ теплой избѣ насъ ласково, какъ знакомыхъ, встрѣтила дѣвушка лѣтъ шестнадцати, замѣчательно красивая и изящная. Неизбѣжно грубая и суровая деревенская жизнь часто даетъ

здоровыхъ, красивыхъ и сильныхъ женщинъ, но не часто изящныхъ. Но если уже деревенская дѣвушка изящна, то изящество ея дѣйствительно исключительное – нѣжное, правдивое, чистое и простое — какъ полевой цвѣтокъ. Именно такой и была наша молодая хозяйка. Она ни слова не спросила, ни кто мы, ни откуда; было видно, что ей и такъ все ясно и что она готова на все, лишь бы помочь и спасти своихъ. Насъ сразу овѣяло тепломъ.

Только потомъ, когда я уже смогъ оглянуться назадъ на все нами пережитое, я понялъ, какую огромную роль въ успѣхѣ нашего побѣга и не только просто практическую, а главное нравственную, играло то общее сочувствіе, которымъ мы вездѣ въ пути пользовались. Безъ этого сочувствія едва ли у насъ хватило бы бодрости до конца.

Мы попросили разрѣшенія отдохнуть у нихъ до ночи и, получивъ его, только что собирались лѣзть на печку, какъ отворилась дверь и вошла уже пожилая баба. Увидавъ насъ, она молча остановилась.

— Это еще что за люди? — обратилась она къ дочери.

Та смущенно стала объяснять.

— Уходите, уходите скорѣе, — сразу закричала она — по деревнѣ красные рыщутъ, ищутъ дезертировъ, барскій домъ разграбили, господа съ добровольцами ушли, старосту чуть не убили, застанутъ васъ здѣсь — пропали мы всѣ.

Дочь попыталась что-то возразить.

— Молчи, дура сердобольная, ребятъ не видала, мало своихъ деревенскихъ, чужихъ зазвала — грубо оборвала ее старуха.

Та замолчала, опустивъ голову.

— Покажите тогда, хоть, гдѣ намъ до темноты спрятаться — попросилъ я.

— Покажи имъ, Петя, сведи ихъ къ сусѣдямъ въ закутку, она порожняя — охотно согласилась хозяйка.

Мальчикъ осторожно провелъ насъ въ пустой плетневый сарайчикъ.

Часа два до темноты простояли мы тамъ, ожидая каждую минуту красныхъ, окончательно продрогшіе, переступая отъ холода съ ноги на ногу.

Когда стемнѣло, я опять пошелъ въ избу попросить обогрѣться, но опять встрѣтилъ тѣ же вопли, получилъ кусокъ хлѣба и узналъ дорогу на В.

Намъ надо было перейти рѣку или здѣсь или въ двухъ верстахъ отсюда въ другой деревнѣ, оттуда до желѣзной дороги было версты три, а до города тридцать пять.

Когда я вернулся въ сарайчикъ съ этими свѣдѣніями, Алеша стоялъ, прислонившись къ стѣнкѣ сарая и спалъ. Я тихо подошелъ къ нему и съ нѣжностью и жалостью сталъ вглядываться въ его лицо. Онъ страшно за послѣдніе дни похудѣлъ и осунулся, цвѣтъ лица былъ какой-то желто-землистый.

— Безнадежно, — вдругъ проговорилъ онъ, бредя, и сразу проснувшись отъ звука собственнаго голоса и увидавъ, что я пристально смотрю на него, грустно потупился.

Нѣсколько секундъ мы простояли молча. Я не могъ не понять, о чемъ онъ бредилъ во снѣ, и слова его, отвѣчавшія и на мои, откуда-то издалека все время начинавшія прорываться и подкрадываться, мысли, острой болью сдавили мнѣ грудь. Безысходная тоска охватила меня. Но ни одинъ изъ насъ не смогъ начать этого разговора, и наскоро условившись перейти рѣку въ другой деревнѣ, такъ какъ здѣсь было страшнѣе, мы вышли изъ сарая.

— Сдѣлаемъ послѣднюю попытку — какъ будто отвѣчая на его слова, сказалъ я.

Онъ молчалъ.

Мы подошли къ рѣкѣ, съ воды сорвалась стайка запоздавшихъ дикихъ утокъ и съ характернымъ свистомъ полета унеслась куда-то вдаль, снѣгу здѣсь было меньше. Скоро по обѣимъ сторонамъ рѣки завиднѣлись огоньки деревни.

На наше счастье мостъ оказался на самомъ краю. Съ часъ мы простояли, прижавшись къ вороху замашекъ, дожидаясь пока на улицѣ прекратится ходьба, поискали лодку, нашли ее, но полную льда, воды и безъ веселъ. Наконецъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, пригнувшись, почти ползкомъ, по колѣно въ водѣ, черезъ лежавшій прямо на водѣ плетневый мостъ, мы перешли черезъ сильно вздувшуюся рѣку.

Скоро передъ нами опять завиднѣлись все тѣ же телеграфные столбы, высокая насыпь и та же безмолвная мертвая дорога. Въ проволокѣ нылъ вѣтеръ, столбы монотонно гудѣли.

И странная вещь, стоило мнѣ только дойти до дороги, преодолѣвъ первый барьеръ сегодняшней ночи, какъ силы меня въ первый разъ за все время пути совершенно оставили. Я каждую минуту спотыкался, почти падая, все время подъ раз-

ными предлогами останавливался, прося Алешу подождать. Сорвавшееся у Алеши во снѣ слово, очевидно, подрѣзало меня, физическихъ силъ было немного, ѣсть я уже не могъ, а нервы больше уже не служили. Наконецъ, я совсѣмъ остановился.

Алеша, шедшій впереди, замѣтивъ, что я стою, окликнулъ меня.

Я не отвѣчалъ, такъ было мнѣ тяжело.

Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и какъ-то ласково и нѣжно взялъ меня за руку.

— Ваничка — началъ онъ — не намъ съ тобой обманывать другъ друга, вѣдь ты, какъ ни стараешься подбодрить меня, а тоже не вѣришь въ успѣхъ, какъ и я. Къ чему скрывать правду, разъ мы оба не вѣримъ въ него. Надо честно признаться въ ней другъ другу. Дальше итти въ такомъ видѣ и безполезно, и опасно. Мы не въ силахъ „ихъ“ догнать. Черезъ день пути даже документы насъ уже не спасутъ, когда мы пройдемъ свой городъ. Надо придумывать что нибудь другое.

Трудно передать до чего тяжело было, признаваться въ своемъ пораженіи. Признаваться послѣ столькихъ усилій, мыслей, вѣры, столькихъ удачъ и успѣховъ. Все это пропадало, все это шло на смарку. Я живо представилъ, въ какомъ горѣ будутъ наши, узнавъ о нашемъ провалѣ, и съ ноющей болью все думалъ о томъ, какъ можетъ быть близки тѣ, у кого мы искали защиты и кто уходилъ и уходилъ отъ насъ каждый часъ. Но и правда словъ Алеши, а главное та непоправимая брешь, которая была уже нанесена однимъ тѣмъ, что эти слова были уже произнесены, уже сказаны — покорили меня.

Недолго поговоривъ, мы рѣшили зайти въ первую же деревню, остановиться у кого нибудь и прожить тамъ дня три-четыре, пока фронтъ отхлынетъ и мы окажемся въ глубокомъ тылу. Тогда, повернувъ, итти въ ближайшій уѣздный городъ, гдѣ у насъ были знакомые, написать своимъ, попросить продать все, что можно, и, получивъ деньги, съ помощью комиссіонеровъ-евреевъ перебраться гдѣ нибудь на западѣ черезъ границу.

ГЛАВА V.

Унтеръ-офицеръ.

Съ этимъ рѣшеніемъ, какъ то уныло успокоившись, мы уже черезъ полчаса входили въ какую-то небольшую деревню, свернувъ отъ желѣзной дороги въ сторону по первой попавшейся полевой дорогѣ. Долго стучали въ первую хату, пока не увидали, что на ней виситъ замокъ и не подошли къ другой. Изба была кирпичная и богатая. Мы постучали, кто-то отвернулъ въ лампѣ огонь и спросилъ, что надо.

— Нельзя ли у васъ переночевать? — сказалъ Алеша.

— Заходите, сейчасъ отворю — отвѣчалъ мужской голосъ.

Мы вошли. Насъ впустилъ молодой мужчина, крестьянинъ лѣтъ тридцати, въ чистой бѣлой рубашкѣ, коротко остриженный, съ большими усами и безъ бороды. Кромѣ него въ хатѣ были только его отецъ и мать. Оба уже спали. Онъ предложилъ намъ поѣсть, но, полѣзши въ печку, извинился, что щи съѣли и больше ничего нѣтъ, и мы ограничились хлѣбомъ съ квасомъ.

Хозяинъ, вопреки общему обыкновенію, не спросилъ, откуда мы и кто такіе, и на вопросъ, нельзя ли будетъ у нихъ прожить дня три, отвѣчалъ согласіемъ, а мы уже, стараясь не думать о прошломъ, не спрашивали, сколько верстъ до В. и не предлагали обычныхъ вопросовъ, а понемногу стали разузнавать, далеко ли до того уѣзднаго города, который теперь насъ интересовалъ. Новый планъ и тѣ новыя трудности, которыя съ нимъ неизбѣжно были сопряжены, перенесли уже всѣ мысли и настроеніе въ новое предпріятіе, заставивъ понемногу успокоиться, старое тихо уплывало куда-то назадъ.

Закусывая и уже готовясь къ ночевкѣ, — дешевые, стѣнные часы показывали уже восемь, — я сталъ отъ нечего дѣлать, что-бы только поддержать разговоръ спрашивать хозяина о хозяйствѣ, мѣстной жизни, цѣнахъ и пр.

— Богъ знаетъ, что дальше будетъ, а сейчасъ хорошо было: и соль, и сахаръ, и керосинъ, все было — отвѣчалъ онъ, — сегодня только наши мужики съ базара пріѣхали, на послѣдяхъ прямо возами привезли.

— Какъ съ базара? — спросилъ я, — развѣ у васъ на базарѣ торгуютъ этимъ?

— У бѣлыхъ все есть — отвѣчалъ онъ.

Я насторожился.

— А гдѣ же это былъ базаръ?

— А въ В.

— Да развѣ В. не занятъ красными?

— В.?... Нѣтъ, не занятъ...

Я взглянулъ на Алешу, тотъ также сидѣлъ, насторожившись, хозяинъ, замѣтивъ, что мы переглянулись и волнуемся, какъ мнѣ показалось, чуть улыбнулся.

— А гдѣ же красные?.. — опять продолжалъ я.

— Красные?... — Онъ на секунду замялся, какъ будто для большаго эффекта своихъ послѣдующихъ словъ, — красные позади, а бѣлые впереди...

Въ этотъ моментъ я совершенно случайно взглянулъ на стѣнку: среди вѣеромъ прибитыхъ безвкусныхъ поздравительныхъ открытокъ, съ обычными трафаретными, банальными надписями, висѣло нѣсколько фотографій, и по срединѣ портретъ солдата въ молодцеватой позѣ съ тремя нашивками на погонахъ. Весь нашъ діалогъ съ самаго начала шелъ въ самомъ ускоренномъ темпѣ. Сходство фотографіи съ хозяиномъ было несомнѣнное.

— Это вашъ портретъ? — спросилъ я.

— Мой...

— Вы старшій унтеръ-офицеръ?

— Такъ точно — вытянувшись по военному и весело улыбаясь, отрапортовалъ онъ.

— Охъ, Боже мой! — вздохнулъ Алеша, — ну, тогда нечего скрываться, вы догадываетесь, кто мы?

— Сразу догадался — отвѣтилъ тотъ.

За минуту передъ тѣмъ вялые и устало спокойные, мы оживленно и нервно стали буквально засыпать его вопросами.

— Такъ, скажите, гдѣ же мы сейчасъ? — гдѣ фронтъ?

— Вы въ междуфронтовой полосѣ, красные остались уже сзади, а бѣлые еще впереди, сейчасъ навѣрно они еще въ В.

— Но откуда же вы все это знаете? — вы понимаете, что значатъ для насъ ваши слова, увѣрены ли вы въ томъ, что говорите, вѣдь вопросъ идетъ о нашей жизни — наперерывъ аттаковали мы его вопросами.

— Помилуйте, — съ нѣкоторой даже какъ будто обидой отвѣчалъ онъ, — мнѣ ли ужъ не понять дѣла? Я въ полку былъ старшимъ въ командѣ развѣдчикомъ. Разрѣшите, доложу

вамъ все по порядку, какъ на службѣ полагается. Сегодня днемъ послѣ полдня въ деревню пріѣхалъ разъѣздъ красныхъ, ну, по всей повадкѣ, сразу видно, что передовая конная развѣдка. Пріѣхали съ опаской, понюхали, спросили, гдѣ бѣлые, и сейчасъ же ускакали назадъ, пѣхота не приходила. Я сейчасъ пришелъ съ караула, — у насъ въ деревнѣ теперь по очереди караулъ несутъ по случаю тревожнаго времени, — и не больше, какъ съ полчаса тому назадъ видѣлъ, какъ наши мужики, что я вамъ сказывалъ, — съ базара вернулись изъ В. Бѣлые въ городѣ, войска стоятъ, но неспокойно, верстъ за десять отсюда видали казаковъ, красныхъ нигдѣ по дорогѣ не видно. Бои сегодня шли тамъ-то — онъ назвалъ рядъ деревень, — изъ всего выходитъ, что фронтъ вы уже перешли, настоящаго фронта вѣдь нѣтъ, такъ по деревнямъ раскиданы, ни окоповъ, ничего... Если сможете сегодня ночью дойти до В., завтра будете у „нихъ". А тамъ, какъ хотите, если не въ моготу, ночевать оставайтесь.

Мы даже засмѣялись его послѣднимъ словамъ. Усталости какъ не бывало. Черезъ четверть часа, пожавъ руку хозяину и получивъ отъ него рядъ указаній о всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, мы быстро двинулись опять къ желѣзной дорогѣ. До В. было тридцать двѣ версты.

— Неужели мы спасены? — возбужденно заговорилъ Алеша, когда мы остались вдвоемъ, — подумай только, вѣдь это прямо невѣроятно какое счастье, вѣдь попади мы въ другую избу и все было бы, можетъ быть, по другому, опять бабы стали бы про барановъ разсказывать, и ничего бы мы не узнали. Вѣдь такой человѣкъ, какъ этотъ, можетъ быть, одинъ только на всю волость и есть, и мы случайно попадаемъ именно въ эту деревню и именно въ его хату. Нѣтъ, это удивительно, это какое-то сверхъестественное счастье.

Я дрожалъ, но уже не отъ холода, а отъ волненія.

— Погоди, погоди радоваться, голубчикъ, а то сглазишь — какъ-то суевѣрно останавливалъ я его, — еще неизвѣстно, спасены ли мы, уйти отъ красныхъ это еще не значитъ догнать бѣлыхъ, и ушли ли мы еще отъ нихъ? Еще успѣемъ и отдохнуть и облегченно вздохнуть. Не торопись, не спугни нашего счастья.

ГЛАВА VI.

Послѣдніе часы.

Мы вышли на желѣзную дорогу, она уже не пугала, было довольно свѣтло — и зашагали по шпаламъ. Я шелъ всю дорогу впереди. Сперва мы еще боязливо обходили всѣ будки и станціонныя постройки, часа полтора истратили изъ предосторожности на блужданія и обходъ большого села, въ которомъ мужики будто бы видѣли казаковъ, но пройдя его и никого не встрѣтивъ, рѣшили итти на проломъ, не сходя съ пути и ничего не обходя. За всю ночь мы не встрѣтили ни души.

— Впередъ, впередъ, еще немного — поддерживалъ я самъ себя, равномѣрно ступая по шпаламъ, ноги двигались сами, версты оставались позади. Все время я задремывалъ, но слухъ напряженно бодрствовалъ. Временами однако, засыпая, я спотыкался.

— Ты спишь? — спросилъ меня Алеша.

— Сплю — отвѣтилъ я.

— А сны видишь?

— Вижу.

— И я тоже, — отозвался онъ.

Такъ прошла вся эта однотонная, но, какъ намъ показалось, недлинная ночь.

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда мы, пройдя сквозь большое, еще спящее село, расположенное съ обѣихъ сторонъ вдоль желѣзной дороги, какъ-то неожиданно уперлись въ какую-то большую станцію; сколько мы прошли — мы не знали.

— Ужъ не В. ли? — спросилъ Алеша. Мы шли уже рядомъ.

— Богъ знаетъ — отвѣчалъ я.

На путяхъ стали попадаться желѣзно-дорожные служащіе, подозрительно на насъ поглядывавшіе.

— Какая это станція? — спросилъ я одного.

— В. — отвѣчалъ онъ.

— А кто же здѣсь? — неопредѣленно спросилъ я.

— Не поймешь — сумрачно и коротко отвѣтилъ онъ и ушелъ.

Около вокзала стоялъ бронепоѣздъ, вокругъ ходило нѣсколько человѣкъ солдатъ обтрепанныхъ и безъ погонъ.

— Офицеръ — прочелъ я, и сердце мое радостно забилось.

— Ну, кажется, больше сомнѣваться нечего? — радостно, съ сіяющими глазами и съ совершенно преображеннымъ лицомъ, обратился ко мнѣ Алеша.

— Ну, нѣтъ — отвѣчалъ я, — разъ мы смогли пройти триста верстъ, то отъ версты ноги не отвалятся, идемъ въ городъ на развѣдку, бронепоѣздъ могъ быть захваченъ, на солдатахъ нѣтъ погонъ.

Алеша заворчалъ, но пошелъ за мной.

Городъ только что просыпался. Намъ встрѣтилась молоденькая барышня, собесѣдникъ самый безопасный и подходящій.

— Скажите пожалуйста — обратился я къ ней, — въ чьихъ рукахъ городъ?

— Право не знаю, бѣлые ушли, а красные не приходили — отвѣчала она.

Мы стали искать коменданта. Наконецъ кто-то намъ указалъ домъ. Большой домъ, въ которомъ вѣроятно было прежде какое нибудь правительственное учрежденіе, былъ пустъ, двери были вездѣ открыты настежь. Когда мы вошли внутрь, намъ прежде всего бросились въ глаза развѣшенные на стѣнахъ портреты нѣсколькихъ генераловъ; среди извѣстныхъ именъ Корнилова, Алексѣева, Деникина, нѣкоторые были новыя, намъ незнакомыя: Марковъ, Дроздовскій, Врангель, подъ нѣкоторыми были выдержки изъ ихъ писемъ и рѣчей. Мы чувствовали себя, какъ попавшіе въ другую страну. Все ново, все незнакомо, здѣсь была какая-то другая, неизвѣстная намъ жизнь. Настроеніе наше все повышалось.

Коменданта нигдѣ однако не было. Мы опять вышли въ недоумѣніи на улицу. Все было пусто. Вдругъ откуда-то выбѣжалъ мужичекъ съ испуганнымъ лицомъ и растрепанной бѣлокурой бороденкой.

— Стой, ребята, не ходи на вокзалъ, тамъ бѣлые забираютъ — закричалъ онъ.

— Гдѣ? На вокзалѣ? Ну, туда-то намъ, значитъ и надо. — Радостно отвѣчалъ Алеша.

Тотъ на секунду остановился, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на насъ, махнулъ рукой и побѣжалъ дальше.

Уже не сомнѣваясь больше, мы быстро входили на вокзалъ.

— Гдѣ комендантъ?

Намъ указали комнату.

Войдя въ нее, мы увидали человѣкъ пятнадцать офицеровъ и солдатъ въ погонахъ и съ кокардами. Очевидно здѣсь помѣщался штабъ какой-то части, такъ какъ ежеминутно приходили все новыя и новыя лица, отдавались распоряженія боевого характера, нѣсколько офицеровъ сидѣло за столомъ надъ картами, шелъ разговоръ по телефону. Настроеніе было приподнятое, но спокойное. Никто не обратилъ на насъ вниманія.

Алеша медленно вынулъ перочинный ножъ, вспоролъ свои штаны, досталъ зашитые въ нихъ документы и, подойдя къ капитану — старшему въ чинѣ изъ всѣхъ присутствующихъ офицеровъ, — молча протянулъ ему ихъ. Тотъ, оторвавшись отъ картъ, съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Позвольте представиться — вытянулся Алеша, по военному взявъ подъ козырекъ — штабъ-ротмистръ Алексѣй Бѣленихинъ, это мой двоюродный братъ, поручикъ такой-то — представилъ онъ меня, — мы только что вырвались отъ красныхъ.

Голосъ его дрожалъ и прерывался.

Мы вышли въ сосѣднюю комнату и молча, ни слова ни говоря отъ волненія, протянули другъ другу руки, и не столько радость, сколько чувство ужасной усталости и жажды отдыха и покоя охватили насъ.

Черезъ два часа мы уже уѣзжали съ послѣднимъ уходящимъ изъ В. поѣздомъ, шрапнель съ визгомъ рвалась надъ нами. По бокамъ дороги тянулись безконечныя вереницы уходившихъ изъ города.

Заключеніе.

На этомъ я и заканчиваю эту страницу своей жизни.

И часто теперь, одинокій, никому не нужный и всѣмъ чужой, идя подъ вечеръ домой, съ тоской смотрю я въ освѣщенныя окна, завидуя чужому счастью. И, бродя по улицамъ, мучительно вглядываюсь въ незнакомыя лица прохожихъ: не онъ ли, не она ли?... А вдругъ?... А можетъ быть?...

Гдѣ вы, живы ли вы, услышите ли вы меня, мои близкіе, мои родные?

Гдѣ ты, мой неизмѣнный и вѣрный товарищъ и въ горѣ и въ радости, мой вѣрный другъ и братъ, гдѣ ты теперь, Алеша?

Что съ тобою, моя радость, моя бѣдная, измученная Катя?

Все такъ же ли ты смотришь своими большими усталыми глазами въ безконечную даль, куда я ушелъ отъ тебя?

По старому ли молишься ты за меня, мой дорогой одинокій мальчикъ, молишься за своего безъ вѣсти пропавшаго отца и за его неизмѣнную вѣру въ святое и правое дѣло?

Чувствуете ли вы, какъ подъ лучами нашей любви какъ будто таетъ временами злое бездушное пространство, насъ разлучившее и мы вмѣстѣ попрежнему?

Гдѣ вы, родные мои?... Отзовитесь...

Иванъ Бѣленихинъ.

Севастополь. Октябрь. }
Парижъ. Декабрь. } 1920 года.

Русской арміи.

Слава свѣтлому Воинству Крыма,
Побѣдившему тягостный плѣнъ,
Тѣмъ, чьи очи не слѣпли отъ дыма,
Тѣмъ, чья вѣрность не знала измѣнъ.

Тѣмъ, чья мощь подъ ударами крѣпла
И въ сраженьяхъ не гнулся чей мечъ,
Кто сумѣлъ и подъ грудою пепла
Нехладѣющимъ сердце сберечь.

Тѣмъ, кто, преданный мукамъ безмѣрнымъ,
Тѣмъ, кто, зноемъ и жаждой томимъ,
Оставался безтрепетно-вѣрнымъ
Нерушимымъ обѣтамъ своимъ.

Вамъ, чьи очи не слѣпли отъ дыма,
Вамъ, чьи жизни сгорали до тла —
Бѣлокрылому Воинству Крыма —
Хвала!

Алексѣй Гессенъ.

* * *

Лампаду синюю заправила
Передъ московскою иконой,
Благословенной, серебреной,
И встала около за Правило
Творить молитвы и поклоны.

Вдругъ воздухъ комнаты натопленной
Запахъ знакомой чайной розой
И легкой — русской — папиросой...
Качнулась, ахнула озлобленно,
Взглянула, полная вопроса...

Два слова. Два лишь! И... все брошено.
Вновь — міръ, и лунный хладъ крещенскій,
И санный путь, нашъ деревенскій,
И ликъ твой нѣжный, запорошенный,
Тотъ ликъ таинственнѣйше женскій!..

Кафе: убитыя латаніи,
Хромающіе уанстэпы.
А мнилось — вкругъ лѣса и степи,
И птичій свистъ, и пчелъ летанія!..
Нѣтъ! Не порвать мнѣ наши цѣпи.

Весной московской, волжской, крымскою
Мы связаны нерасторжимо.
Прости, Господь! Одной земли мы, —
Сквозь грѣхъ и радость серафимскую
Несемъ обѣтъ свой нерушимо.

Любовь Столица.

Царь Берендѣй.

(Продолженіе.)

ГЛАВА VII.

Прошло еще четыре дня, добрались Ананьевски послы до Минусинскаго. Ѣхали въ ростепель: такъ тепло стало, что Григорій съ Нилкой даже дохи съ себя поскидали.

Привольно разлеглось на гладкой степи Минусинское!

Улицы въ немъ прямыя да ровныя, а ужъ широки, что дорога столбовая! Но строенью куды жъ до Красноярскаго: все избы, домишки мелконькіе, горницы на двѣ, на три самые наибольшіе. За то лѣсъ, изъ коего рублены, и по Сибири на диво: бревна одно къ одному, по аршину и по полтора въ поперечникѣ; всѣ дома тесомъ покрыты, а ужъ и тесъ — по два вершка доска!

Невелико строенье, зато все высокое: отъ земли до окошка въ пору, развѣ рукой достать. Дворы, что остроги казацкіе, стародавніе, стѣнами бревенчатыми обнесены: амбарами, кладовками да конюшнями, замѣсто забора, кругомъ огорожены; у домовъ, что шатры, вездѣ крыльца съ навѣсами на столбахъ виднѣются... Сытно живутъ люди, крѣпко!

Да и съ чего бъ не жить? Минусинскія степи всей Сибири житница: оттоль хлѣбъ, оттоль скотъ, кожи и всякое сырье идетъ. Горы добра оттолѣ открыто везутъ, а назадъ везутъ подъ полой кубышечки, серебромъ-золотомъ побрякиваютъ.

Схоронитъ хозяинъ въ землю подъ поломъ таку кубышечку, гулятъ, бороду гладитъ, посмѣиватся: не страшны ему ни воры, ни пожары Минусинскіе!

Присталъ Веденѣй Саввичъ на заѣзжемъ дворѣ, отдохнулъ отъ пути, выспался, а на утро пошелъ въ трактиръ чайку попить, рѣчей послушать, дѣло развѣдать: Минусинское послѣднимъ станомъ было, дальше ужъ гону ямского не было; приходилось либо своихъ коней покупать, либо на весь путь возчиковъ договаривать.

Только отворилъ дверь въ трактиръ Веденѣй Саввичъ — такъ и обдало застольнымъ духомъ и голосами. Хоть и ранній былъ часъ, а въ трактирѣ что въ ульѣ — полнымъ полно было. Кто чай, весь распотѣвши, пилъ, кто закусывалъ и водочкой баловался.

Высмотрѣлъ себѣ Веденѣй Саввичъ столикъ у стѣнки, красною скатереткой покрытый, прошелъ туда и поманулъ полового.

Тотъ, что вьюнъ, проскочилъ промежду столовъ. Заказалъ Веденѣй Саввичъ пару чаю и про знакомцевъ своихъ спросилъ — вернулись ли? Нѣтъ, оказалось, не ворочались еще!

— Красноярскіе вы, полагать надо, ваше степенство, пріѣзжіе? освѣдомился половой.

Веденѣй Саввичъ головою кивнулъ.

— Далече ль ѣхать изволите?

— Въ Урянхай сбираюсь... какъ у васъ тутъ на счетъ коней, съ кѣмъ сговариваются?

— Туды ѣзды настоящей нѣтъ съ... развѣ со случаемъ какимъ поѣдете?

— Оно бы и лучше! Не сбирается ли кто туда, не знаешь ли?

— За рѣдкость, однако, туда ѣзда, ваше степенство: вродѣ какъ бы на тотъ свѣтъ съ!... Я поспрошаю сейчасъ... вильнулъ, что хвостомъ, салфеткою и ужъ у стойки стоялъ, съ хозяиномъ переговариваться началъ. А хозяинъ толстъ былъ! ровно бы у него, а не у кита, Іона во чревѣ сидѣлъ! Весь жиромъ оплылъ, съ того, должно быть, и волосъ на лицѣ не росло: какъ комъ тѣста скатаный голова на плечахъ у человѣка сидѣла!

Посмотрѣлъ толстякъ на Веденѣй Саввича, перстомъ, что пестикомъ, указалъ на кого то въ другомъ углу.

Взметнулъ малый головою, пересыпалъ волосами, какъ мочалкой на швабрѣ, и около Веденѣй Саввича выросъ. Изогнулся и доложилъ: — Марковыхъ, Маркъ Ивановичъ, ѣхать сбирается...

— Не здѣсь онъ?

— Здѣсь съ... вонъ высокій, чернявый такой сидитъ: они это самые!...

— А, ну ка, нырни до него, скажи молъ, нужу имѣетъ до него старшой приказчикъ Ананьевыхъ, Матвѣй Палыча!

Оглянуться не поспѣлъ Веденѣй Саввичъ, а ужъ къ нему половой назадъ пробирается, бѣлые чайники со стаканомъ выше головы несетъ — покачиваетъ; за имъ Марковыхъ не спѣша идетъ.

Поставилъ половой на столикъ Веденѣй Саввича Марковскій приборъ и отступилъ въ сторонку: тѣ поздравствовались, обзнакомились.

На новомъ знакомствѣ не чаемъ же кишки полоскать: приказалъ Веденѣй Саввичъ подать закуску и водочку. Честь-честью выпили, балычкомъ покрыли и стали бесѣдовать.

— Такъ въ Урянхай вы сбираетесь? молвилъ Маркъ Иванычъ и бородку черную огладилъ. — Въ кое мѣсто?

Затруднился Веденѣй Саввичъ: не хотѣлось ему Вабилина называть, а обойтись безъ того нельзя было.

— Къ Вабилину имѣю дѣльцо... отвѣтилъ.

— Да, вѣдь вы по красному товару займаетесь? спросилъ Маркъ Иванычъ.

— По красному... Поставочка одна подвертывается, такъ надумалъ Матвѣй Палычъ скота у него приторговать...

— Тэкъ съ, тэкъ съ... Большія дѣла по этой части Вабилинъ дѣлаетъ!...

— И вы, слыхалъ я, туда жъ ѣдете?

— Собираемся...

— Меня съ молодцами въ конпанію не возьмете ли?

— Съ нашимъ удовольствіемъ! Только я до степи до Чакульской, а оттуда вамъ на восходъ, а мнѣ на закатъ пути пойдутъ. Вы на виланы Енисейскіе, я на Кемчикъ ѣду. Вмѣстѣ, стало быть, только сквозь Саяны пройдемъ.

— А тамъ то я его какъ же сыщу? усомнился Веденѣй Саввичъ.

— Тамъ пустое: всякій сойотъ за восьмушку махорки доведетъ... Усмѣхнулся даже Маркъ Иванычъ: — царя Берендѣя да не сыскать?!

— Когда же вы въ путь?

— Дня черезъ три-четыре разсчитываю...Заболѣлъ я тутъ не во время, запоздалъ шибко: въ этомъ году самыми что ни на есть послѣдними отсюда мы съ вами тронемся! Лошадокъ имѣете?

— Нѣтъ, на ямскихъ пріѣхали!

— Приторговать, либо подрядить надобно-съ. Человѣчка

я къ вамъ по этой части пришлю, съ нимъ сладитесь... Впервой въ тѣ мѣста сбираетесь?

— Впервые...

— Такъ совѣтцемъ позвольте вамъ сослужить: запасу всякаго побольше съ собой прихватите. Для сойотни махорки наберите, чаю кирпичнаго, ситчику поярче, кремешковъ съ кресалами, ножичковъ — всякаго пустого прибору!

— А на кую стать?

— Замѣсто денегъ понадобится: не понимаютъ, вѣдь, тамъ ихъ!

— Мѣновой, стало быть, торгъ ведете?

— Мѣновой. А вамъ конька ли прикупить затребуеся, проводнику ли заплатить — сейчасъ изъ мѣшка махорочку! Да очень то не балуйте ихъ, не портите: фунтъ-два за коня и достаточно!

Усмѣхнулся Веденѣй Саввичъ. — Не дорого!... молвилъ.

— А махорку берите не листовую, а толченую, мелкую: тамъ не курятъ, а нюхаютъ...

Много полезныхъ совѣтовъ надавалъ новый знакомецъ Веденѣй Саввичу: человѣкъ откровенный былъ и очень тѣмъ ему понравился.

Только вышелъ изъ трактира Веденѣй Саввичъ — на своихъ молодцовъ наткнулся: по улицамъ гуляли, на народъ глядѣли, себя показывали. Шапки набекрень, зипуны разстегнуты, изъ подъ нихъ суконные кафтаны видать — одно слово: франты!

А на дворѣ весна совсѣмъ! солнце смѣется, грѣетъ, съ крышъ снѣгъ то и дѣло что те пышная барыня въ кринолинѣ плыветъ — шумитъ-рушится, а ужъ вода льетъ — что дождь хорошiй! Забралъ молодцовъ старшiй приказчикъ и пошелъ съ ними на площадь, въ ряды, хурду-мурду всякую покупать. Извелъ двѣ красненькихъ, а товару огребъ — не унести было: салазки верхомъ ему нагрузили.

Воротились къ себѣ на заѣзжiй дворъ, а ужъ тамъ борода поджидаетъ ихъ о лошадяхъ договариваться.

Глаза ажъ выпучилъ Веденѣй Саввичъ, какъ услыхалъ цѣну: въ оба конца ихъ четверыхъ свозить заломила борода двѣ сѣренькихъ! А сталъ въ дѣло вникать — видитъ человѣкъ спросилъ по совѣсти; подъ сѣдоковъ надобились двѣ тройки, да двѣ пары подъ сѣно съ овсомъ: въ пути и клока

моху не получить для лошадей, съ собой все везти требуется. Десять коней, да четверо ребятъ, да шесть недѣль времени, да харчъ въ пути... и слѣдъ бы дать, да безъ торгу не жить же?

— Эко сказалъ что! молвилъ Веденѣй Саввичъ: — вѣдь ты зашибить эдакимъ словомъ человѣка можешь!

— Отъ слова не станется, ваше степенство! отвѣтилъ рядчикъ: — а спрошено не обидно, по Божески!

Зачали торгъ вести: вымучилъ приказчикъ въ уваженье себѣ одну красненькую, на томъ и пошабашили: оба довольны остались.

Три дня проваландались гонцы въ Минусинскомъ; молодцы по рядамъ, по базару ходили, къ торгу присматривались, Веденѣй Саввичъ въ трактирѣ посиживалъ, бесѣды съ купцами велъ. У Марковыхъ побывалъ — тамъ хозяинъ только что волосы на себѣ не рвалъ: давно у него во дворѣ шестеро саней съ кладью стояло увязанныхъ: хоть сейчасъ бы въ путь, да сукна цвѣтныя припоздали изъ Красноярскаго. Безъ сукна не торгъ; по всѣмъ монгольскимъ землямъ они первый товаръ: красныя — ламы — духовный чинъ ихнiй — носятъ, кирпичнаго цвѣту — простой народъ, синiя да голубыя берутъ поменѣе, а другихъ окрасокъ сукно и совсѣмъ на рукахъ у купца останется.

Подоспѣло наконецъ и сукно: двое саней съ нимъ еще уклали-увязали у Марковыхъ; совсѣмъ сготовились въ путь и Ананьевски послы: на зорькѣ положено было выѣхать.

Порѣшили на томъ въ обѣдъ; сумеречить зачало — вышелъ Веденѣй Саввичъ съ молодцами у воротъ постоять: теплынь была, тишина, мягкiй снѣжокъ пушилъ — благодать, одно слово! Прохожихъ, почесть, вовсе не было, только обозъ, саней съ десятокъ, съ кожами съ Енисейскаго рукава въ улицу втягивался.

— Гляньте кось, никакъ медвѣжьи шкуры везутъ?! Нилка сказалъ.

Вглядѣлись всѣ: возы высоченные ѣхали; тамъ и медвѣжьи, тамъ оленьи и всякихъ звѣрей шкуры были.

Взяло любопытство Веденѣй Саввича. — Эй, почтенные, отколь Богъ несетъ? крикнулъ.

Одинъ изъ возчиковъ подошелъ къ стоявшимъ. Весь былъ въ снѣгу, какъ вывалянный.

— Здравствуйте, молвилъ. И шапку приподнялъ. — Изъ Урянхая, однако...

— Да ну ка ты?! обрадовался Веденѣй Саввичъ: — хорошо ли ѣздилось?

— Вызволилъ на этотъ разъ Господь!

— О, что такъ? иль путь не хорошъ стоитъ?

— Путь то хорошъ, да чуть на дно не пустилъ насъ Енисей-батюшка!

— Какимъ родомъ!

— Вскрылся на Большомъ порогѣ безо времени! Только мы его миновали, онъ какъ началъ палить-крутить! на пять минутъ запоздай мы — и крышка бы!

Ахнулъ приказчикъ.

— Да что ты?! молвилъ. — Какъ же, все таки можно еще въ Урянхай пробраться?

Возчикъ свистнулъ и рукой махнулъ.

— Нѣтъ, ужъ шабашъ! ворону теперь въ Урянхай пролетѣть, развѣ, въ пору!

Кровь запечаталась въ жилахъ Веденѣй Саввича. Стало быть, не добыть отъ Вабилина денегъ, не выйти въ люди, не быть съ Матвѣй Палычемъ въ пайщикахъ?!

Взмахнулъ обѣими руками и что шаръ покатился, почесть побѣжалъ, къ Марковыхъ.

— Что, иль онъ въ Урянхай сбирался? спросилъ возчикъ.

— Да... отозвался Григорій.

— И вы съ нимъ?

— И мы...

— Ну, это до будущаго году вамъ отложить придется! Прощевайте, однако, молодцы... и заспѣшилъ за обозомъ.

А тѣ остались у воротъ стоять: глядѣли какъ; ровно бы челны по рѣкѣ, уплывали въ потемки сани; въ домахъ огоньки помаргивали... снѣжокъ щеки нѣжилъ... Сказываютъ люди — Христосъ родился въ такую жъ ночь!

ГЛАВА VIII.

Надѣлалъ переполоху у Марковыхъ Веденѣй Саввичъ! Хозяинъ руками объ полы ударилъ.

— Да не можетъ быть?! вскрикнулъ. Схватилъ шапку и въ чемъ былъ, въ одномъ кафтанѣ, на улицу кинулся, узнавать чей обозъ прошелъ.

Съ полчаса минуло времени, воротился ночи чернѣй, брови въ одну тучу сдвинулись. Вошелъ въ горенку и шапку объ лавку шваркнулъ.

— Нѣтъ фарту ни въ чемъ! сказалъ. — Надо жъ такому горю быть: вѣдь за тридцать лѣтъ только во второй разъ Енисей въ такую рань вскрылся! На зло будто!...

— Какъ же теперь будемъ? Веденѣй Саввичъ спросилъ. А самъ изъ лица что стѣна бѣленая.

— Мнѣ новую зиму ждать приходится... отвѣтъ далъ Маркъ Ивановичъ. И руки въ карманы засунулъ, въ окошко сталъ зрить.

— А намъ? Неужто жъ такъ таки и ходу нѣтъ нигдѣ сквозь горы?

— И есть и нѣтъ... процѣдилъ сквозь зубы хозяинъ.

У Веденѣй Саввича ажъ глаза зажглись: обрадовался!

— Такъ чего жъ лучше? Ѣдемъ, стало быть?!

Маркъ Ивановичъ глянулъ на него искоса. — Горячъ ты, вижу... отозвался.

— Коль о двухъ головахъ — поѣзжай!...

— При чемъ тутъ двѣ головы? Иль опаснѣй по горамъ ѣзда, чѣмъ по рѣкѣ?

— А ты равнять, что ль, рѣку съ тропой думаешь? Горъ то, вѣдь, верстъ на четыреста до Урянхаю пошло, тайга, кручи. Коней половину въ пропастяхъ побьешь, покуль туда доберешься; верхомъ, вѣдь, туда вникнуть только можно, съ вьюками. А конь въ горахъ всего четыре пуда во вьюкѣ несетъ. Ну ка, прикинь, сколько мнѣ ихъ потребуется? Сотня головъ!... Отколѣ ихъ взять?

Замолчали. Потеребилъ Веденѣй Саввичъ бородку-клинышекъ, подумалъ...

— Видать, одному мнѣ съ молодцами ѣхать придется. Каравану у насъ нѣтъ, налегкѣ мы...

— Налегкѣ то налегкѣ, да не совѣтую...

— Почему?

— Опять онъ свое! Мѣста не хороши, вотъ почему!...

Въ другой разъ смолкъ Веденѣй Саввичъ: почудилось, будто не договариваетъ что-то Маркъ Иванычъ. А съ чѣмъ бы прятаться? Нечистой силы поминать, что ль, къ ночи не хочетъ.

Ударилъ онъ кулакомъ по столу. — Ѣду! отрѣзалъ. — Нельзя мнѣ ворочаться дѣла не сдѣлавши!

— Ваша воля... молвилъ Маркъ Иванычъ: — только по Енисею вы бы прямо къ Вабилину доспѣли, а тропой еще верстъ двѣсти крюку дадите!

— Пущай хоть триста!

Сталъ онъ хозяина насчетъ новаго пути допытывать; тотъ отвѣчалъ нехотя, — самъ, де, не ѣздилъ, да и рѣдко, молъ, отъ кого что слыхивалъ. А пошелъ гостя провожать, на крыльцѣ сказалъ: — такъ помните, Веденѣй Саввичъ, не было вамъ моего совѣту тропой ѣздить!

— Не коммерцію ль какую выгодную въ тѣхъ мѣстахъ онъ отъ людей прячетъ? осѣнило дорогой Веденѣй Саввича. И усмѣхнулся: забавно показалось!

А молодцы все у воротъ стояли, ждали его, дождаться не могли; куды какъ не хотѣлось Григорію съ Нилкой домой, въ Красноярскъ, ворочаться! Микита помалкивалъ — тому все едино было. Увидали Веденѣй Саввича — на встрѣчу бросились.

— Ну, ребятки! объявилъ приказчикъ: — пріѣхали мы сюда на саняхъ, отсюда верхами дальше поѣдемъ, по казацки!

Григорій шапку съ себя сорвалъ и вверхъ подбросилъ, Нилка заухмылялся востроносой рожей. Принялись они съ радости кулаками въ бока другъ другу совать, а тамъ въ сугробъ повалились и забарахтались, снѣгомъ другъ дружку кормить зачали.

Веденѣй Саввичъ въ домъ пошелъ; какъ взялъ онъ рѣшенье не ворочаться, а дальше ѣхать, такъ и на душѣ у него опять легко и спокойно стало. А что великъ и тяжекъ путь предстоялъ, его не тревожило: труденъ путь, да сладокъ кусъ по концѣ его!

На другое утро спосылалъ Веденѣй Саввичъ за бородой — съизнова съ ней договариваться приходилось.

А ужъ не то, что возчикъ — весь Минусинскъ зналъ, что Енисей на порогахъ ледъ поломалъ. Толкамъ конца не предвидѣлось: на памяти стариковъ всего два такихъ раннихъ вскрытія было. — Къ войнѣ такое дѣло случилось, сказывали.

На отрѣзъ отказался возчикъ везти гонцовъ въ Урянхай черезъ горы: не бывалъ, дескать, тамъ и путей не знаетъ. И коней вьючныхъ не имѣетъ. Взялся только до Григорьевки, за сто верстъ доставить: деревушка такая къ самому хребту прижалась, черезъ нее промышленники по тропѣ въ горы хаживали. Но и туда ѣхать сразу не доводилось: надо было

весны ожидать — зимой въ тайгѣ, на коняхъ дѣлать нечего! Въ Красный-Яръ ворочаться — опять не рука: туда бъ доѣхали, черезъ недѣлю назадъ въ путь выбираться надо было бы. А распутица, если захватитъ — бѣда! Земля въ степи черная, жирная; развезетъ ее — ни одна тройка не вытянетъ: засядешь горе-горевать на полъ пути недѣли на двѣ!

И такъ и сякъ пораскинулъ мозгами Веденѣй Саввичъ, видитъ — въ Минусинскомъ слѣдъ ждать; оно, пожалуй, и не къ худу все вышло: особо торопиться нужды не было, а отговѣть и пасху святую съ людьми встрѣнуть куда лучше, чѣмъ въ тайгѣ съ медвѣдями!

Послалъ онъ своихъ молодцовъ квартерку подходящую выискать — не на заѣзжемъ же дворѣ было три недѣли сидѣть, а самъ за гусиное перо взялся — цидулку отписать обо всемъ Матвѣй Палычу.

* * *

Дружная весна накатила, ранняя! Не думали, не гадали минусинцы — Святую недѣлю на колесахъ встрѣтили; улицы песчаныя въ городѣ, такъ на солнечныхъ сторонахъ ажъ пыль вѣтерокъ вздымать началъ!

Время ушло — и не видать его было.

Обзнакомились молодцы чуть не со всѣмъ городомъ: у хозяина, гдѣ на квартерѣ пристали, съ дочками къ празднику яйца красили, тѣсто для куличей дѣвки мѣсить ихъ заставили; хоть и Страшнàя недѣля шла, а молодежи весело: чуть старшіе изъ кухни вонъ, у тѣхъ и смѣхи, и переглядки, и разговоры веселые... Григорій Нилкѣ, будто невзначай, носъ сандаломъ замѣсто яйца выкрасилъ, тотъ его тѣстомъ по щекѣ смазалъ, Микитѣ за то, что молчаливъ былъ, горшокъ большой на голову надѣли.

Праздникъ насталъ — воистину Свѣтлый день. Солнце не то что грѣло — пекло, небо словно въ іюнѣ, синее, синее... Ни вѣтра не было, ни воздыханія!

И малъ и старъ, всѣ на улицы повысыпали: всѣ въ новомъ, всѣ разодѣтые. А ужъ женскій полъ вышелъ — заглядѣнье одно: въ цвѣтныхъ сарафанахъ шелковыхъ; на головахъ, на бѣлыхъ шеяхъ нити-уборы жемчужныя, у другихъ въ кичкахъ каменье самоцвѣтное...

Хорошъ исконный сибирскій мужикъ — здоровъ, плечистъ, словъ нѣтъ! По всей Руси супротивъ него развѣ рязанцу вы-

стоять. Ну, а до дѣвки минусинской — куда жъ ему! Любую веди, на королевство сажай! Высокая да статная, грудь что валъ на рѣкѣ несетъ, глаза синіе, ясные; не коса, а канатъ тугой, чуть не до полу; поступью пава, по уму княгиня! Есть на что поглядѣть, есть что рядить, есть что хлѣбомъ кормить!

Съ такой женой, что у Христа за пазушкой: весь домъ поведетъ — не нарадуешся. И гостя, кто бъ ни былъ, съумѣетъ принять и бѣду того лучше встрѣнетъ. Эта не обезпамятѣетъ, киселемъ не скинется; нужда придетъ — въ огонь первая бросится, отъ разбойниковъ одна отстрѣляется.

На площади рядъ качелей поставленъ былъ: парни съ дѣвками живыми на небо летали. Вкругъ качель торгъ въ разносъ шелъ; стрючки, пряники, кедровы орѣхи продавали: они по Сибири замѣсто сѣмячекъ. Тамъ же и яйца крашеныя съ лубковъ катали, другіе бились ими — чье крѣпче. Всюду христосованье шло, съ поклонами съ поясными, истовое.

Нилка яицъ десятка два съ собой взялъ, да халда былъ: пускалъ ихъ кое-какъ, всѣ прокаталъ-прохристосовалъ; Микита, сурьезный человѣкъ, съ пяткомъ пришелъ, да не на дѣвокъ глаза за игрой косилъ, а на конъ глядѣлъ, безъ промаху попадалъ — цѣльное лукошко домой отнесъ.

Григорій и на качеляхъ катался, и яйцами бился, и орѣхами-пряниками знакомыхъ дѣвицъ угащивалъ. О товарищахъ только подъ вечеръ вспомнилъ; глядь, а ихъ и нѣтъ никого: всѣ по разнымъ мѣстамъ разбились.

Воротился Григорій домой, а тамъ ужинать уже на столъ собираютъ. Поодаль ото всѣхъ на лавкѣ кто-то похожій на Нилку сидѣлъ, только сумрачный, да скучный, все въ окошко засматривалъ. Вглядѣлся въ него Григорій — да, вѣдь это самъ Нилка!

— Нилка, ты, что-ль? окликнулъ.

— Я... отозвался тотъ и пуще отворотился. Подскочилъ къ нему Григорій, ухватилъ за голову, повернулъ лицомъ къ себѣ: анъ у того лѣвая щека, что бугоръ вздулась, даже глазъ заплывать началъ.

— Гдѣ тебя угораздило? спросилъ.

— Такъ... качелью зашибло маленько...

Хорошо совралъ молодецъ, да не задачливо: выдала дѣвочка, меньшая дочка хозяйская.

— Анъ врешь! сказала: — я видала, онъ Полю Смирновыхъ щипнулъ, а она его по щекѣ треснула!

— Разговѣлся, стало быть?.,. молвилъ Веденѣй Саввичъ. Хохотъ кругомъ грохнулъ такой, что на улицѣ слыхать было. Нилка краской весь залился, ровно бы фуксиномъ рожу ему облили. Трунить, потѣшаться надъ нимъ всѣ зачали.

— Ничего, не стыдись, быль молодцу нѐ въ укоръ! вступился, наконецъ, за парня хозяинъ. — Напредки только помни: на Красноярски повадки въ Минусинскомъ свои отвѣты живутъ!

ГЛАВА IX.

Отгуляли Ананьевски послы два дня Святой, на третій день подъ ихними окнами на улицѣ двѣ тройки копытами землю рыли, бубенцами погрохатывали. На новыхъ дугахъ ленты алыя да синія повязаны, въ гривахъ у коней онѣ жъ вплетены, у ямщиковъ кушаки на кафтанахъ красные, въ шляпахъ перья павлиньи радугой отливаются... Въ тарантасахъ на сѣнѣ ковры пестрые наброшены... что жениховъ къ вѣнцу собралась борода везти красноярскихъ гостей ради праздника!

Народу сошлось поглазѣть полна улица; пришли проводить и всѣ знакомые — тѣ въ избѣ были. Стоитъ стѣной на улицѣ крещеный людъ, лущитъ орѣшки, пересмѣивается. Снарядились, наконецъ, гонцы, распрощались, вышли, по мѣстамъ посѣдали.

Веденѣй Саввичъ шапку приподнялъ.

— Здоровы будьте, господа честные! сказалъ. Глядя на него и трое молодцовъ шапки скинули, народу поклонъ отдали.

— Счастливо ѣхать! въ добрый часъ! раздалось кругомъ. Разступился народъ, подобрали ямщики возжи, гикнули, и только пыль вскрутилась на мѣстахъ, гдѣ тарантасы стояли. Зарокотали, залились бубенцы, зашарахались люди къ домамъ поближе; будто облако бѣлое пало на земь и понеслось по улицѣ, а изъ него ленты цвѣтныя, перья золотыя посверкивали.

Мигнуть не поспѣли сѣдоки, а ужъ Минусинское позади осталось, впереди степь раскинулась — зеленѣть она уже взялась, а по-за ней, какъ въ дыму, горы по краю земли встали.

Хороша ѣзда по степи зимой, а весной того лучше! Ни ухабовъ нѣтъ, ни заносовъ; не тряхнетъ тебя, ни качнетъ... тепло... глазъ на травку, на даль радуется! Сусликъ на дыбки

подымется, на тебя глядитъ; заяцъ куцый во всю прыть отъ дороги бросится, куропатки въ пыли, что куры, нѣжатся... Паритъ земля, духъ ея теплый, могутный чуешь, силъ съ него набираешься!

Верстъ черезъ двадцать лѣсокъ пошелъ рѣденькій — пихта, да кедры попадались; еще съ двадцать отъѣхали — у ключа на обѣдъ остановились. Безъ чаю нѣтъ ѣды въ пути; ямщики костеръ развели, воду въ котелкѣ грѣть на шестахъ подвѣсили, гонцы припасъ всякій вынули, на бугоркѣ замѣсто стола расклали. А коней къ деревамъ на туго привязали: нѣтъ обычаю по Сибири, чтобъ послѣ бѣгу коню сразу сѣно давать — съ часъ выстаивается.

Съ того привалу тайга надвинулась — не настоящая еще, рубленая, а все жъ подходящая!

Выскочитъ къ ней съ шири степной ѣздокъ — за неволю не разъ и не два оглянется: все сдается — ужъ не въ рать ли несмѣтную онъ попалъ? Дерева ль это кругомъ, не богатыри ль суровые съ горъ, долинъ, со всего свѣту сошлись, на веселую степь войной идутъ, крещеный міръ полонить хотятъ?

Дорога съ горки на горку бѣжать пустилась. Ни въ день, ни въ вечеръ — въ волчье утречко загремѣли бубенцы въ Григорьевкѣ: колесному пути гонцовъ конецъ пришелъ.

Не велика, не богата жила Григорьевка — дворовъ изъ десяти была. И строеньемъ неказиста, избы все маленькія да темныя. Одна на отлетѣ стояла, побольше и посытнѣй другихъ выглядѣла; туда во дворъ и тройки свернули. Далеко ль отъ Минусинскаго уѣхали гонцы, а ужъ ровно бы въ другое царство попали: кругомъ горы темныя, тайга и народъ другой, хоть и крещеный, а не свой — инородцы; и ростомъ они приземистѣй и лицомъ — волосами чернявы: что ночь глядятъ безъ привѣту безъ русскаго.

Хозяинъ на бубенцы пріѣзжихъ встрѣтить вышелъ. Ну, куды жъ ему до Михалъ Федорыча! Съ того хоть Авраама патріарха пиши, а съ этого, прости Господи, развѣ лѣшаго! На головѣ кудлы черные, нечесанные, а бороденка такъ только щеки попачкала; брови сраслись, носъ сплющенный, глаза врозь разскочились — ровно бы его кто невзначай по переносицѣ ахнулъ! Ни ступить, ни слова привѣтнаго гостямъ сказать не умѣетъ. И изба не та: почернѣй, ниже, поменѣе. Одначе и щи нашлись и самоварчикъ. Внесли его — отъ водя-

ного изъ болота будто вытащили — весь въ плѣсени; какъ изъ Тулы прiѣхалъ, такъ съ той поры, видать, годовъ двадцать сердечнаго и не чистили!

Отужинали гонцы, взялись чаевничать; пригласили вмѣстѣ чайку попить и хозяина; тотъ присѣлъ, что волкъ у дороги, съ краешку, хлебаетъ, молчитъ, черными глазами въ два разныхъ угла коситъ.

Заговорилъ Веденѣй Саввичъ о коняхъ, чтобы черезъ горы ѣхать; воззрился на него косой однимъ зракомъ, ровно бы о чудѣ какомъ услыхалъ. Другимъ на работника своего глянулъ, а тотъ у печки стоялъ, гостей слушалъ. И работникъ зорко на него посмотрѣлъ, потомъ отворотился.

Не показалось это приказчику.

— Что, иль коней у васъ нѣту? спросилъ.

— Нѣту, однако... отвѣтилъ хозяинъ: — въ деревнѣ поспрошать надо... Погоди, скоро народъ самъ сюда придетъ...

Правду сказалъ. Не успѣли послы чаю отпить, стали мужики въ избу по одному вваливаться: всякому любопытно на прiѣзжихъ поглядѣть, новыхъ рѣчей-вѣстей послушать. Собралась вся деревня; разсѣлись вдоль стѣнъ по лавкамъ, глядятъ на гостей, помалкиваютъ. Все инородцы чернявые да сутулые были; русскихъ только двѣ бороды сидѣло.

Спросилъ Веденѣй Саввичъ мужиковъ про коней — опять переглянулись всѣ.

— Что жъ... можно!... отозвался одинъ изъ бородачей. — А по что тебѣ туды ѣхать?

— По дѣламъ по торговымъ... Къ Вабилину, къ Петру Мосѣичу. Знаете его?

— Знаемъ... отозвались всѣ.

Зачали рядиться. Но какъ ни бился Веденѣй Саввичъ, чтобъ въ наемъ коней взять — не соглашались мужики.

— Нѣтъ, ты коней совсѣмъ откупи! твердили; — мало ли что въ пути можетъ статься; пропадетъ — пущáй твой убытокъ будетъ! назадъ воротишься, мы ихъ у тебя по той же цѣнѣ возьмемъ!

Правы мужики были; согласился, наконецъ, на ихъ слова приказчикъ, и за шесть коней съ вьюками и сѣдлами выложилъ полторы сѣренькихъ. Окромя того двухъ проводниковъ верховыхъ нанялъ: тѣмъ особо, тоже впередъ, уплатилъ по семи

рублей. Прикинулъ въ умѣ — супротивъ Минусинской ряды въ барышахъ остался: къ добру, видать, вышло, что не во время Енисей открылся!

Порѣшили съ зорькою выѣхать: солнышка въ горахъ не ждутъ, поздно оно изъ за хребтовъ выглядываетъ.

Передъ тѣмъ какъ спать лечь, вышелъ Веденѣй Саввичъ изъ избы и только зашелъ за сарай по нужному дѣлу — глядь за нимъ изъ потемокъ человѣкъ вывернулся. Всмотрѣлся — работникъ хозяйскій.

— Слышь ка, купецъ?... шепнулъ Веденѣй Саввичу: — слово имѣю къ тебѣ. Какъ улягутся всѣ, постучу въ окошко, подойди тогда...

Не поспѣлъ рта раскрыть приказчикъ, чтобъ спросить въ чемъ дѣло — нѣтъ никого, исчезъ человѣкъ, какъ не былъ. А кругомъ тишина... что угли тайга и горы, холодкомъ отъ нихъ тянетъ... только самое донышко неба видать — свѣтлѣй оно и звѣздочка на немъ теплится...

Воротился въ избу, тамъ ужъ молодцы спать поклались, хозяева ночевать въ другое мѣсто ушли.

— А пистоли съ ружьями гдѣ наши? спросилъ.

— Здѣсь... на лавкѣ лежатъ... отозвался Нилка.

Попробовалъ приказчикъ дверь запереть — нечѣмъ: ни крючка, ни задвижки. Взялъ онъ пару пистолетовъ и подъ подушку свою сунулъ. Легъ, но не спитъ, слушаетъ. Похрапывать молодцы зачали; сперва Микита уснулъ, за нимъ Григорій, а тамъ и Нилка подсвистывать принялся... стуку все не было.

И вдругъ почудилось приказчику, будто песокъ хруститъ за стѣной, крадется вдоль нея, будто, кто. Всталъ онъ; только что сѣлъ — въ оконце, совсѣмъ чуть слыхать, два раза легонько стукнули.

Приподнялъ раму Веденѣй Саввичъ; снаружи черное пятно — голова — обозначилась.

— Ты это, купецъ?... шепотомъ спросила.

— Я...

— Спятъ, что ль всѣ?

— Спятъ. Что хотѣлъ сказать?

— Добра тебѣ желаю... вертайся назадъ! Не гожее дѣло затѣяли...

Будто талый снѣжокъ проползъ межъ лопатокъ Веденѣй Саввича.

— Ну ка, ты?!... сказалъ; — что ты мнѣ голову морочишь?

— Не морочу, по душѣ упреждаю: уѣзжай въ Минусинское!

— По что?

— А по то, что живъ будешь!

— Иль и впрямь въ Урянхаѣ разбойники живутъ?! чуть не вскрикнулъ Веденѣй Саввичъ. — Такъ что ли?!

— Не знаю, кто тамъ живетъ, только назадъ оттолѣ не вертаются...

— Въ правду ты это?!

— Не сорока я, зря болтать не стану!

По лбу себя ударилъ приказчикъ. — Ахъ ты, грѣхъ какой!!... вымолвилъ. — Неужто Вабилинъ такими дѣлами займается?!

— Не могу этого сказать: не знаю...

— Такъ кто жъ тогда? Крестьяне здѣшніе душегубствуютъ?

— Нѣтъ, они ничего, ихъ не бойся...

— А они то знаютъ, чай, кто? Они жъ туда людей возятъ?

— Какъ имъ не знать! Да не говорятъ и не скажутъ никому!

— Почему?

— Всякому своя шкура дорога! А ты думалъ съ чего тебѣ коней въ наемъ отдавать не хотѣли? Убьютъ тебя, съ кого имъ коней искать?

— О Господи!!... только и обронилъ приказчикъ. — Какъ же быть теперь?

— Назадъ ворочайся... повторила голова: — и я бъ съ тобой уѣхалъ! Опостылѣло мнѣ здѣсь съ этими лѣшаками, глаза бы мои на нихъ не глядѣли!...

— А давно ты?

— Годъ доживаю... Томскій я самъ то... Мотри купецъ, не обмолвись невзначай, что я упредилъ тебя!

— Кому говорить то?

— Ну то то же!...

Исчезло черное пятно.

Опустилъ раму приказчикъ, сѣлъ на лавку, за бороду взялся: не даромъ сказъ повелся отъ отцовъ — бородою, де,

умъ держится. Вспомнились загадки, что въ Минусинскомъ Маркъ Ивановичъ заганывалъ, вспомнились и рѣчи-переглядки пріятелей-торгашей въ Красноярскомъ. Вотъ, стало быть, что на умѣ у нихъ было, вотъ чего они не хотѣли сказывать!! А почему? зачѣмъ имъ разбойниковъ покрывать надобно?!

Жутко ему сдѣлалось. — Какъ же быть? встала задача.

Впередъ поѣдешь — смерть примешь: назадъ ворочаться — доли-фарта лишишься. И не только доли — скажетъ еще Матвѣй Палычъ — бабу, молъ, я послалъ. а не приказчика, слуху-бреху испугался дорожняго; лясы, молъ, точить тебя посылать, а не дѣло дѣлать! Довѣрья своего лишитъ... и будетъ за что!

Какъ подумалъ Веденѣй Саввичъ, что придется оплеванному жизнь доживать, страхъ, что въ душѣ шевелился, какъ огонекъ отъ вѣтра, загасъ. Можно жить больному, можно жить глупому, но оплеваннымъ стать — лучше въ воду броситься. Тряхнулъ онъ головой по старому, какъ тряхивалъ, когда молодъ-кучерявъ былъ; досталъ изъ за пазушки небольшой мѣдянъ складень, поставилъ его на окошечко и молиться зачалъ, удачи себѣ у Заступницы всѣхъ людей просить.

Много передъ тѣмъ складнемъ душъ человѣческихъ маливалось: за-прадѣдовскій еще былъ. А изображены были на немъ въ середкѣ сама Владычица, по правую руку ея, на воротцахъ, Спаситель, а на другой, лѣвой створкѣ, Иванъ Креститель съ крыльями: такъ его до патріарха Никона рисовывали и на складняхъ лили.

Пѣтухъ прокричалъ впервой, когда всталъ съ колѣнъ Веденѣй Саввичъ. Перекрестился въ останный разъ, приложился къ иконѣ и на мѣсто ее спряталъ. И легъ.

Прояснѣла душа отъ молитвы. Волосъ человѣческій съ головы не спадетъ безъ воли Божьей, стало быть и въ Урянхай Его перстъ ихъ ведетъ! Впередъ ли идти, назадъ ли ворочаться — вездѣ твоя судьба съ тобой пойдетъ... чему быть, тому не миновать, сказываютъ люди!

И какъ понялъ, что надо ѣхать дальше, улетѣли мухи-заботы, опустилъ голову на подушку и уснулъ, какъ окаменѣлъ сразу.

ГЛАВА X.

Раннимъ рано взбудили гонцовъ говоръ и гамъ во дворѣ: коней привели мужики.

Выскочили Григорій съ Нилкой безъ кафтановъ поглядѣть на нихъ — сразу заежились: холодно на дворѣ было, роса, что свинцовой листъ, всю траву покрывала, да крупная, какъ слеза оленья.

Вышелъ и Веденѣй Саввичъ. Что въ темную ночку изжилъ-передумалъ, того и примѣты никакой не было: будто даже еще степеннѣй и спокойнѣе сталъ! Оглядѣлъ коней и сѣдла. Худоваты были кони, да къ веснѣ гдѣ же по деревнямъ сытыхъ сыскать? Сѣдла плохи были, самодѣльныя, но въ ѣзду ничего, годились.

Поплескались гонцы на дворѣ у чайника глинянаго — висѣлъ у крылечка на веровочкѣ, позавтракали и на коней сѣли.

Вся деревня пришла проводить ихъ. Вникалъ взглядомъ въ душу каждаго мужика Веденѣй Саввичъ, что бъ разгадать — худое не мыслитъ ли кто; нѣтъ, не видать того было, веселые провожали всѣ, открытые: глазъ никто не отводилъ, не переглядывался. Одинъ работникъ хозяйскій суровъ былъ: встрѣнулся съ Веденѣй Саввичемъ у избы — такъ и спросилъ глазами — ѣдешь ли?

А Веденѣй Саввичъ какъ не узналъ его, и рѣчей, будто, никакихъ съ нимъ никогда не велъ: мимо прошелъ. Онъ и насупился.

Сѣлъ на сѣдло приказчикъ, стремена ему по ногѣ пригнали, оправился и шапку, какъ въ Минусинскомъ, приподнялъ.

— Прощевайте, братцы!

— Съ Богомъ! Счастливо воротиться! въ голосъ отвѣтили мужики.

Первымъ въ ворота выѣхалъ проводникъ Иванъ, за нимъ Веденѣй Саввичъ, а тамъ и остальные всѣ гусемъ; у кажнаго за спиной по ружью висѣло. Позади два коня съ вьюками шло, а хвостъ каравана другой проводникъ замыкалъ — опять же Иванъ. Инородцы — они, почитай всѣ Иваны! Головного дѣло — дороги держаться, задняго за конями глядѣть, чтобъ не отбились, вьюковъ не обронили бы.

Зазвякали на вьючныхъ коняхъ на одномъ колокольчикъ, на другомъ балаболка: хоть и уменъ конь, да не ровенъ случай — шарахнется отъ звѣря въ тайгу, какъ его безъ звонка сыщешь? А идутъ вьючники безъ привязи: нельзя, погубить, либо изувѣчить коня иначе можно!

Только миновали послѣднюю избенку — тайга началась;

саженъ на сто еще кой какая дорога была, а тамъ сѣрымъ ручейкомъ завилась-побѣжала по зеленому моху межъ деревами тропочка. Еще подалѣй и ея не стало, такъ вродѣ какъ бы слѣдъ какой чуть намѣтился: это тропа пошла настоящая. Обступила пословъ тайга вѣковѣчная.

Видалъ ты, ай нѣтъ, тайгу? Коль не видалъ, послушай про нее сказу сибирскаго!

Создалъ Господь рай-садъ огромаднѣющій. По всему раю золоты песчаны дорожки проложены, по тому по песку камни-самоцвѣты разсыпаны; по сторонамъ дерева стоятъ, всѣ въ яблокахъ въ золотыхъ да серебряныхъ, мурава подъ ними зеленая, шелковая, а по ней цвѣты алые, синіе и всякіе; росы на нихъ по утрамъ чистаго земчугу.

Ходитъ Господь по раю, передъ нимъ деревья-травы преклоняются, ангелы и птицы разноперыя хвалу поютъ.

Обзнакомились Адамъ съ Евой съ раемъ и скушно имъ стало: понятное дѣло, хоть и великъ рай, одначе все жъ таки садъ онъ былъ, въ оградѣ они, какъ бы, состояли. Заскучали они, ну, а нечистому это на руку: черезъ скукý онъ человѣка на всякую пакость наводитъ. Согрѣшили они. Разгнѣвался Господь, выгналъ ихъ изъ раю и слѣдъ ихній велѣлъ архангелу Гавріилу огненной метлой замести: значитъ, чтобъ ужъ ходу назадъ сыскать человѣку никакъ нельзя было.

Уходили изъ раю Адамъ съ Евой и горько плакали. А на дорожкѣ Енохъ пророкъ съ матерью Божіей гуляли; увидала ихъ Пречистая, и жалко ей людей стало: кругомъ раю, вѣдь, степь голая разстилалась, а по ней звѣри лютые рыскали — ручные то всѣ въ раю содержались.

Взмолилась Матерь Божья къ Господу, чтобъ простилъ онъ людей, но Господь отказалъ: сердцемъ еще не уходился. — Они, де, мнѣ, Господу, плохо маливались, на цвѣты, камни, на золоты яблоки больше зарились.

Возропталъ Енохъ пророкъ.

— Не человѣка въ томъ вина, а твоя, Господи! Человѣку тебѣ, Господу, въ пресвѣтломъ храмѣ не маливаться; въ пресвѣтломъ храмѣ только себя казать, на людей глядѣть: для моленья надобно мѣсто потаенное!

Задумался Господь. — Правда твоя, молвилъ: — не зря, вижу, я тебя для совѣту живымъ на небо взялъ!

И дунулъ онъ великимъ дыханіемъ. И съ того духу Бо-

жія отъ Камня Уральскаго до окіянъ-моря тайга взошла, на тысячи верстъ разлилась, по степямъ, по горамъ засинѣла-раскинулась. Темная встала, да страшная...

— Вотъ ему за мѣсто раю!... рекъ Господь. — Не искалъ онъ меня во пресвѣтломъ раю, пусть же теперь здѣсь меня ищетъ! А раю больше не быть на землѣ, быть ему за облаками набесными!...

И повелѣлъ архангеламъ-ангеламъ весь обиходъ райскій по землѣ раскидать.

Понесли ангелы златъ-песокъ, каменье самоцвѣтное, травы-цвѣты несказанные.

И разсыпали все по тайгѣ; ино мѣсто на ключи-на рѣки златъ песокъ палъ, на щели-долины пало серебро-каменье самоцвѣтное, на горахъ на высокіихъ райскія свѣчечки-цвѣты затеплились...

Вотъ что сказываютъ стары люди про тайгу про сибирскую!

Оттого какъ вступитъ въ нее человѣкъ, шапка у него сама съ головы долой просится, на умъ молитва идетъ. Оттого въ старину и храмы повелись на святой Руси темные да низенькіе, на столпахъ на тяжелыхъ; — въ нихъ точь въ точь будто въ тайгѣ стоишь: кедры-сосны столпы, суки-вѣтви своды надъ головой сплелись. И тишина въ ней какъ въ храмѣ и сумерки... Оттого и птицъ пѣвчихъ нѣту въ тайгѣ — не мѣсто въ ней веселью да пѣнію!

Осторожно идетъ конь въ тайгѣ: на ровныхъ мѣстахъ корни, что жилы стариковскія переплелись, выставились: ступать между ними надо въ выбоинки въ глубокія; ино мѣсто дерево поперекъ пути лежитъ, бурей сваленное; коль объѣхать нельзя — черезъ него кони лѣзутъ: станетъ на него передними колѣнами, да на животѣ по стволу-богатырю и перепалзываетъ; прыгать съ вьюкомъ куда жъ? — ногу сломать ни по чемъ можно! — А по горамъ и того хуже: кручи, вездѣ вострые камни торчатъ; то, какъ по лѣстницѣ, по уступамъ вверхъ надо взбираться, то по осыпямъ скалы отвѣсныя огибать. Глянешь внизъ — голова закружится: нѣтъ мѣры провалью, а по дну его рѣчка-ключъ по таежному — гремитъ-шумитъ, по камнямъ сигаетъ. Тропка развѣ въ ладонь шириной; ступаетъ по ней конь, а изъ подъ копытъ песокъ и плитнякъ мелкій внизъ дождемъ шуршитъ-сыплется.

Осклизнись нога — закувыркаешься, что турманъ московскій, живой до низу не долетишь!

Ѣхалъ Григорій и все озирался: впервой онъ въ тайгу попалъ въ настоящую.

Было на что глядѣть, на что подивиться!

Чуть тропа на низы къ водѣ сбѣжитъ — и, Боже мой, чего тамъ нѣтъ! И облѣпиха сѣрая и черемуха и смородиные кусты всякіе и хмѣль буйный! Подъ земляничнымъ цвѣтомъ земли не видать — что снѣгомъ она имъ усыпана; малинникъ стѣной стоитъ, коню едва продраться въ немъ. Идетъ конь, а у него изъ малины только уши видать, прядаетъ ими, по сторонамъ поглядываетъ: знаетъ, что самое это мѣсто любимое Михайлы Ивановича!

Встрѣча съ нимъ въ тайгѣ не диковина. Но недаромъ сказъ идетъ — не бойся въ тайгѣ звѣря, бойся человѣка. Не тронь только Махайлу Ивановича — и онъ тебя не зацѣпитъ. Бываетъ, невзначай, плечо о плечо съ нимъ разминешься, и ничего: остановится, морганетъ по свиному глазками, понюхаетъ... и уйдетъ не спѣша, по хозяйскому, а не то чтобъ по заячьи ослѣпя прочь бросился: это съ нимъ только съ перепугу бываетъ.

Въ гору тропа пошла — тутъ всѣ взлобки клубника покрыла; про чернику съ голубикой и сказывать нечего: этого добра и глазомъ не окинуть! На горахъ тайга порѣже: на кручи только богатыри лѣсные — кедры лѣзутъ.

Что ни поворотъ, то ахай, да глаза открывай шире! Былъ въ лѣсу, въ сумеркахъ и вдругъ, передъ тобой просвѣтъ въ рай разверзся: небо видишь голубое да ясное, даль горы заполонили, а на нихъ ровно бы коверъ синяго бархату накинутъ. Ино мѣсто обрывы красные да желтые проглядаютъ, скалы, будто вымершіе города-крѣпости, застыли. А еще ихъ выше небо съ землей, бѣлымъ поясомъ перепоясались — снѣговыя горы встали; и лѣтомъ онѣ льдовъ-снѣговъ не скидываютъ, вѣкъ въ серебряныхъ вѣнцахъ стоятъ. Араданскій хребетъ это видать было: нѣтъ его въ Саянахъ выше и отвѣснѣе!

На темячкахъ горъ и цвѣты иные, чѣмъ по долинамъ, вправду, должно быть, райскіе! то вдругъ померещится, будто поземка-пожаръ рядомъ съ тобой зачался; воззришься, анъ это огневки, что Неопалимая Купина, полымемъ вспыхнули;

то синій-синій глазъ на тебя изъ травы проглянетъ, да такой, что весь свѣтъ изойди, равной красоты-синевы не увидишь. А подснѣжники пушистые, а лиловые, а желто-алые цвѣты? Да развѣ перечтешь ихъ?

Внесетъ тебя конь въ поднебесье, на лобъ иной горы, идетъ, водитъ тяжко боками, копытами по цвѣтамъ, по травѣ хлюпаетъ: мокрая подъ ними земля, вязкая.

Куда ни обернись — ни кустика кругомъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ міръ открытъ. Приволье! выше облака ходячаго ѣдешь! Солнце на полднѣ стоитъ, а свѣжо что на зорькѣ на утренней. Куды до тебя лѣсу стоячему — не дотянуться ему, далеко позади внизу онъ остался! Жаворонки поютъ надъ тобой. Что за чудо? — не жить бы, кажись, жаворонку на такой высотѣ? И вверхъ глянешь и въ бокъ — нѣтъ ихъ! А сотни голосовъ переливаются... и хрусталь позваниваетъ и серебро чистое... Станешь съ такой горы спускаться — поймешь загадку: не жаворонки, ручейки тебѣ въ травѣ пѣли! Гору всю хоть выжми — какъ губка она водой полная. Тысячи ихъ бѣгутъ - пробираются съ нея; что невѣста фатой, вся она ими покрыта; чѣмъ ниже, тѣмъ они все смѣлѣй да говорливѣе дѣлаются; съ полугоры ручейки ужъ въ ключи выросли, шумятъ, водопадами прыгаютъ. А внизу въ грозные потоки оборотились, камни ворочаютъ, пѣну клубятъ, радугой брызги надъ своимъ ложемъ раскидываютъ.

Наверху все чудесъ полно и внизъ спустился — опять же на каждомъ шагу дивись!

Нѣту въ тайгѣ пѣвчихъ птицъ, поетъ-веселится за мѣсто ихъ сердце человѣка, самъ собой на уста стихъ просится. — „Мати прекрасная пустыня“ — это про тебя, тайга, люди складывали, на твоихъ горахъ стихомъ Богу маливались!...

ГЛАВА XI.

Подъ вечеръ, однако, до солнечнаго еще заката, остановился караванъ на ночь. Выбрали проводники мѣстечко у ключа, гдѣ трава для коней получше да гуще была, разсѣдлали ихъ, развьючили, сѣдла съ вьоками подъ кедръ, подъ большой отнесли, кучей сложили, а конямъ ноги чуть спутали и пастись пустили.

Подъ самымъ кедромъ костеръ разложили, принялись воду кипятить, ужинъ готовить. Оглянуться не поспѣли — ночь

пала; засвѣжѣло такъ, что вотъ-вотъ мороза жди. Забрались всѣ, какъ въ шатеръ, подъ кедръ, на моховой коверъ, къ костру ближе; тепло тамъ, уютно, завсегда промышленники ночевать подъ кедры идутъ: никакой дождь подъ нимъ не замочитъ.

Пожалѣлъ Веденѣй Саввичъ, что дохи съ тулупами въ Минусинскомъ оставилъ: охъ, какъ сгодились бы!

Поужинали, подостлали потники, завернулись поплотнѣй въ азямы и спать вкругъ огня полегли: караулить не надо было — на псовъ надѣялись. Съ устатку крѣпко уснули гонцы, да не надолго; одинъ за другимъ стали ворочаться, то грудь, то спину къ огню подставлять: холодъ донималъ крѣпко!

Григорій подъ азямъ съ головой спрятался, въ калачъ свернулся; тепло одному боку, пріятно; другой, за то, что̀ на льду лежитъ. Перевернется — таково хорошо станетъ, а черезъ четверть часа опять вертись-отогрѣвайся.

Не стерпѣлъ, наконецъ, Григорій, сѣлъ и азямъ съ головы скинулъ. Глядитъ — по ту сторону костра Нилка торчитъ заспанный да взъерошенный: и его тоже холодъ поднялъ. А ночь мѣсячная, свѣтлая... не шелохнетъ ничто. И ключъ тише шумитъ, будто съ просонокъ...

Впервые увидалъ Григорій, какъ туманы ростутъ: вдругъ ни съ того ни съ сего, что думка у человѣка, легкое пятнышко на землѣ обозначится — ладонью его прикрыть можно. Безъ дыханья, безъ шероха струйкою вытянется чуть вверхъ, а изъ подъ кустовъ руки прозрачныя, что змѣи, ползутъ.

Больше и больше дымковъ появляется: уже будто молоко налито на землю по колѣно человѣку. А надъ нимъ что души людей безтѣлесныя вздыматься зачинаютъ... другъ къ дружкѣ склоняются, безъ вѣтру колышатся-движутся... Только къ кедрамъ да елямъ не приближаются: изорваться объ иглы можно.

— А ты не таращись зря! Еще примерещится что!... — Нилка сказалъ. — Давай-ка лучше огонь разведемъ пожарче?...

Набросали молодцы сучьевъ въ костеръ и опять на своихъ мѣстахъ умостились, да не на прежнюю стать, а какъ проводники лежали — ногами къ огню — такъ много теплѣй и способнѣе оказалось.

Еще не свѣтало, а ужъ сѣренькая тѣнь мелькнула и сѣла на кедръ надъ спавшими. Не поетъ эта птичка, а все стонетъ

— жалобится: — пи-и-къ... пи-и-къ!... только и слыхать отъ нея. Завсегда она человѣка въ тайгѣ провожаетъ; первой она просыпается, послѣдней глаза заводитъ: ужъ ночь настанетъ, а ея пи-и-къ все слышится. Нѣту имени у чудной пичуги. Сказываютъ люди — душа это некрещеная человѣческая носится, крещенья себѣ проситъ. И ежели окропить ее свяченой водой и сказать: во имя отца и сына и св. духа, нарекаю тебя, душа, коль ты рабъ Божій — ИвАномъ, коль раба Божья — Марьей — пропадетъ птичка, не будетъ больше по тайгѣ за человѣкомъ носиться.

На зовъ ея поднялись проводники, а за ними и остальные. Кто воду для чая принялся грѣть, кто за конями пошелъ: разбрелись, шельмы, съ разныхъ сторонъ балаболки слышались. Пригнали ихъ, а одного — вьючнаго — не досчитались; далече забрался внизъ по ключу, тамъ гдѣ то балаболка чуть позванивала.

Нилка взялъ оброть, пошелъ искать. Не отошелъ и полверсты, почудилось ему будто что сѣрое въ заросли возится. Любопытенъ парень былъ, сунулся ближе, раздвинулъ кусты, да такъ душа въ пятки и ухнула: прямо на медвѣдя на большого напоролся: у ключа тотъ сидѣлъ, пеструшку изъ воды лапами вылавливалъ — на мелкое мѣсто попала. Крѣпко былъ занятъ своимъ дѣломъ Михайло Иванычъ, весь перемокъ, задрызгался, не зачуялъ подхода гостя, услыхалъ только, когда кусты вдругъ шибко затрещали: это Нилка, сломя голову, на утекъ пустился; подралъ не глядя, черезъ что пришлось; не хуже козы черезъ бугры, черезъ камни скакалъ. Поднялся на дыбки лѣсной хозяинъ, повелъ чернымъ носомъ, поглядѣлъ поверхъ кустовъ на Нилкины пятки и опять за свое дѣло взялся.

Нилка вылетѣлъ къ костру, что мѣлъ бѣлый.

— Медвѣдь!...—выговорилъ. И руки растопырилъ будто крылья.

Всѣ къ ружьямъ метнулись: за нимъ, думали, звѣрь гонится.

— Коня задралъ?! спросилъ Веденѣй Саввичъ.

— Нѣту... у ключа онъ... рыбу ловитъ...

Не успѣлъ слова молвить приказчикъ, а ужъ проводники ружья въ руки и въ чащобу бросились.

Веденѣй Саввичъ съ молодцами около привязанныхъ коней на караулѣ стали. Ни выстрѣла, ни крика не раздава-

лось... немного сгодя топъ мѣрный послышался, а тамъ и проводники показались: одинъ верхомъ ѣхалъ, другой рядомъ шагалъ.

— Что жъ не стрѣлили? спросилъ Веденѣй Саввичъ: — иль ушелъ медвѣдь?

— Тамъ все возится... отозвался пѣшій Иванъ: — по что его стрѣлить? Заряды дороги, а шкура, однако, теперь худая на немъ!

Позавтракали всѣ, посмѣялись надъ Нилкой и коней принялись вьючить.

Сѣлъ въ сѣдло Веденѣй Саввичъ и видитъ, что и проводники садятся, а костеръ горитъ, никто о немъ и не думаетъ.

— Что жъ вы, братцы, огонь не зальете? оборотился къ Иванамъ.

— А пущай его... тѣ отвѣтили.

— Да вѣдь, раздуетъ вѣтеръ, пожаръ можетъ отъ него приключиться, тайга выгоритъ?

— Много ея, тайги то; вся не выгоритъ!...

Съ тѣмъ и въ путь тронулись. Такъ ужъ повелось въ тайгѣ: нѣтъ того человѣка, кто-бъ костеръ за собой загасилъ!

А что съ того заведенья бываетъ, гонцы увидали скоро; взобрались они передъ полднемъ на небольшой перевалъ и вдругъ ровно бы въ другой край попали. Разомъ свѣтло стало. Да не по настоящему посвѣтлѣло, а по чудному: и впереди и кругомъ, все, будто, въ сѣрый цвѣтъ окрасилось. Не понять сразу было что случилось — думалось не дымъ ли это, не туманъ ли?

На деревахъ ни на одномъ ни листа, ни зеленаго пятнышка: стоятъ мертвыя, не шелохнутся, сучья голые въ разныя стороны тянутъ. Ни шуму, ни говору промежду нихъ съ вѣтромъ... чуть только посвистываетъ онъ, будто въ трубѣ осенью. Нѣтъ ни травы, ни цвѣтовъ, ни зарослей — одна земля бурая. А по ней, что по полю послѣ страженья, тысячи тѣлъ богатырей лѣсныхъ лежатъ. Тѣ что стоятъ еще — тѣ до первой бури держатся: давно пожаръ прошелъ, успѣлъ ихъ послѣ него всѣхъ червь источить-изъѣсть... вотъ-вотъ рушатся мощи стоячія.

Мертвая тайга!... Что по кладбищу по ней ѣдешь... часъ ѣдешь, а бываетъ, и другой и третій, и конца ей не видишь. Иной разъ верстъ на сорокъ пожарище тянется. Да

еще не во всякую пору въ нее суйся: въ вѣтеръ нѣтъ мѣста ея опаснѣе — того гляди деревомъ пришибетъ!

Трудно пришлось каравану: что ни шагъ, то поперекъ тропы лѣсной мертвецъ аршина полтора-два въ поперечникѣ — лежалъ, объѣзжать ихъ кругомъ приходилось; такъ должно быть верстъ съ пять все время по заячьи петли выписывали; счастье еще, что мѣсто дозволяло, ровное было, а то хлебнули бы горя ковшикомъ!

На гору ѣхать — коню тяжело, внизъ съѣзжать — всаднику. Кручи такія, что то и дѣло на спину коню ложись, ноги къ ушамъ его вытягивай; задняя лука въ крестецъ тебя бьетъ, конь на хвосту сидитъ, внизъ ѣдетъ, того и гляди вмѣстѣ съ нимъ колесомъ покатишься. А упалъ — либо нога, либо рука пополамъ, а то и голову, что горшокъ разобьешь: камни кругомъ ребрами изъ земли выперло.

Ужъ не тропа идетъ, а промоинка водяная; ино мѣсто, что по лѣстницѣ исковерканной цапаешься.

Спустились, наконецъ, въ долину, опять ровное мѣсто пошло.

Задній проводникъ подогналъ коня, съ Григоріемъ поровнялся — тотъ послѣднимъ ѣхалъ.

— Ойскій хребетъ, однако, перевалили!... сказалъ: — Малымъ его кличутъ!...

— А и Большой есть?

— Есть... эва, глядитъ!... Иванъ рукой впередъ указалъ. — На него послѣ обѣда подыматься будемъ. А дальше Марковъ хребетъ пойдетъ, потомъ Араданскій...

— Много ль всего то ихъ?

— Много!... большихъ семь, а тамъ рѣка Усъ будетъ. У, какая рѣка!... бѣда!

— А за ней ужъ и Урянхай?

Проводникъ мотнулъ черными кудлами: нѣтъ, дескать.

— До Урянхаю, куды вамъ надо, отъ нея еще дня на три пути будетъ! Ты, слышь, запомни: съ рѣки Уса все на полдень держись, прямикомъ на мѣсто попадешь!

— А чего мнѣ помнить? не я караванъ веду!

— То то же... отъ Уса, говорю, все на полдень надо...

Впереди въ просвѣтъ рѣка блеснула. Головной проводникъ остановился и сталъ поджидать караванъ — растянулся очень.

Не велика, не широка Ойя, глубиной гдѣ по колѣно, гдѣ по поясъ. А перебродить черезъ нее надо съ оглядкою: больно ужъ шибко струя бьетъ, того и жди опрокинетъ, о камни убьетъ. Камню этого сѣраго — гальки обточенной — видимо-невидимо... и на днѣ она, и берега изъ нея, ровно бы кто потокомъ широкимъ ее съ горъ спустилъ, Ойя по ней, что синяя жилка по виску, пробирается.

— На воду не гляди, купцы, вверхъ смотрите! упредилъ передовой: — голова закружиться можетъ!

И съѣхалъ съ бережка въ воду; за нимъ остальные гуськомъ спустились. Загремѣла галька; забрызгала, зажурчала вода вокругъ ногъ конскихъ. Покосился Григорій внизъ, видитъ стремглавъ несется рѣка, рветъ коня съ ногъ, ужъ подъ животъ тому. И вдругъ ровно бы смыло его съ заднихъ ногъ, осѣлъ конь крупомъ, мотнуло его въ сторону, потащило внизъ.

Духъ занялся у Григорія: озирнулся на рѣку и не узналъ ее — не она, будто, кругомъ, а живое что, необоримое, холодное, страшное...

— Брось повода! Не правь! Пусти слободно коня!... закричали голоса.

Понялъ Григорій, что ему кричатъ, выпустилъ поводья; оправился конь, повернулъ къ струѣ не всѣмъ бокомъ, а наискосокъ взялъ, чтобъ грудью напоръ встрѣчать... пузыри, пѣна побѣжали кругомъ. А тамъ мельче стало; выбрался Григорій на кручу, вода изъ обоихъ сапоговъ какъ изъ кувшиновъ изъ пробитыхъ льетъ — не поднялъ ногъ во время. Взъѣхалъ на берегъ и креститься началъ... сразу выучила Ойя какъ черезъ горные ключи въ бродъ ѣздить!

За Ойей опять живая тайга зазеленѣла — не дали ходу пожару вода и потокъ каменный.

Выдумалъ себѣ человѣкъ въ городахъ разные приборы: даже погоду онъ узнавать по коробкѣ со стекломъ можетъ. Ну, да и врутъ же эти коробки! Не вретъ за то таежный приборъ, Господомъ созданный — желна, птица монашенка да бурундукъ, звѣрекъ пестренькій. Молчитъ въ ясные дни желна, черною тѣнью съ кедра на кедръ носится; бурундука и слыхомъ не слыхать и видомъ не видать нигдѣ. А какъ зацокаетъ, забѣгаетъ онъ по палымъ деревамъ, да почнетъ кричать желна — будь покоенъ, умоешься дождикомъ!

Такъ и съ гонцами приключилось: ясный былъ день, а еще въ горѣлой тайгѣ застенала желна, бурундуковъ высыпало — ровно бы ихъ изъ мѣшка натрясли! Стали поторапливать караванъ проводники — надо было скорѣй до мѣста ночевки добираться. Только перевалили второй Ойскій хребетъ, зачали въ долину спускаться — дождь принялся крапать: ровно бы листъ сухой безъ вѣтру по всей тайгѣ зашелестѣлъ.

Еще засвѣтло сошелъ караванъ подъ Марковъ хребетъ. Не высокъ онъ, да весь кудрявъ, а ужъ долина подъ нимъ — неба не увидишь изъ подъ деревъ; травы-цвѣты коню по грудь.

Только поспѣли огонь развести подъ кедромъ, ноченька пала, да темная — зги не видать. Легъ Веденѣй Саввичъ у костра, а сну не было: въ потемки глядѣлъ, шепотъ тайги слушалъ. Днемъ ѣхалъ и ничего, никакого страху не было; въ ненастье да къ ночи загребтѣло на сердцѣ у него. — Гдѣ разбойниковъ ждать? думалось: — Вабилинъ ли это? Не въ горахъ ли какая шайка, не здѣсь ли они изъ потемокъ на насъ глядятъ, нашего сну дожидаются?

Да вспомнилъ, что велика ль корысть на тропѣ въ глухой тайгѣ сидѣть, по году безпартошныхъ прохожихъ ждать, и опять успокоился: явное дѣло не про горы, а про Вабилина худая слава идетъ! Съ Вабилинымъ столковаться приказчикъ крѣпко разсчитывалъ: старая, дескать, хлѣбъ соль не забывается!

А дождь шелестѣлъ — убаюкивалъ; во тьмѣ рядомъ балаболки позванивали...

Страшна тайга тому, кто не знаетъ ее, а кто позналъ — тому она мать родная!

Нѣтъ той бѣды, нѣтъ думы-заботы, что бъ не избыла, не развѣяла тайга.

Надежнѣй каменныхъ стѣнъ ухоронитъ она человѣка, накормитъ, напоитъ, живой водой душу взбрызнетъ. Въ нее вступишь вахлакомъ, назадъ выйдешь соколомъ: не то что куста — медвѣдя ночью не испугаешься, подъ облака на кручу взберешься не поморщишься!

Уснулъ караванъ. Уснулъ, что дома, и Веденѣй Саввичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С. Р. Минцловъ.

Стихотворенія.

* * *

Огромными недвижными волнами
    Легла моя страна.
Надъ топями болотъ, надъ цѣлинами
Плыветъ туманомъ ласковымъ весна.

И, вотъ, слилася съ горестной и чудной
    Душой моей земли
Въ пустыхъ поляхъ, что рожью изумрудной
И горькою полынью поросли.

Гафизу.

Я не видалъ садовъ Шираза,
Я не слыхалъ твоихъ газеллъ,
И не меня плѣнить хотѣлъ
Суровой важностью разсказа

Чужой и странный твой языкъ.
Но я пришелъ къ тебѣ — случайный
Поэтъ иныхъ временъ — и къ тайной
Оградѣ, трепетный, приникъ.

И пѣснь твоя мнѣ стала внятной
И ясною сквозь шумъ вѣковъ,
Какъ пѣнье птицъ, какъ розы статной
Благоуханный, алый зовъ.

П. Бринской.

О Декабристахъ.

По семейнымъ воспоминаніямъ.

(Продолженіе.)

VII.

Пушкинъ былъ свой человѣкъ въ семьѣ Раевскихъ. Старикъ Николай Николаевичъ приблизилъ его къ себѣ, ввелъ въ домъ, окружилъ его теплотою семейственности въ суровые годы изгнанія, когда поэтъ долженъ былъ скитаніями по Бессарабіи искупать шаловливость юной музы. И Пушкинъ высоко цѣнилъ его: „Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ двѣнадцатаго года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества".

Не однимъ старикомъ былъ очарованъ Пушкинъ. Онъ, можно сказать, былъ влюбленъ во всю семью. Въ его стихахъ разсыпаны свидѣтельства о его привязанности: „Демонъ" посвященъ Александру Раевскому, „Кавказскій плѣнникъ" — Николаю, „Нереида" — старшей изъ сестеръ, Екатеринѣ Николаевнѣ. Но больше всѣхъ прошла черезъ его душу и оставила слѣдъ въ его творчествѣ младшая изъ сестеръ, Марія Николаевна. Существуетъ мнѣніе, высказанное въ нашей критической литературѣ, по которому Марія Николаевна была слишкомъ молода, чтобы могъ въ нее влюбиться нашъ поэтъ. По неопровержимымъ даннымъ нашего архива, она родилась въ 1805 году; ей было, слѣдовательно, шестнадцать лѣтъ, когда Пушкинъ зналъ ее дѣвушкой. Что она сама въ „Запискахъ" говоритъ о себѣ, какъ о дѣвочкѣ, весьма естественно при скромности, съ какою она всегда о себѣ говорила. Но. она могла, конечно, умалять въ памяти своей значеніе произведеннаго на Пушкина впечалѣнія, она не смогла умалить той силы, съ которой запечатлѣвался ея образъ.

Стройная, тонкая, смуглая, съ удивительными, какъ выразился декабристъ баронъ Розенъ, „говорящими" глазами, съ чуднымъ голосомъ, она плѣнила поэта, и онъ, вспоминая эти глаза, въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" писалъ:

...ея очи
Яснѣе дня,
Темнѣе ночи.

Эти строки въ „Запискахъ“ Марія Николаевна признаетъ обращенными къ ней, къ ея глазамъ. Не знаемъ, какія были у нея данныя для такого утвержденія, но опять скажу: скромность ея лучшее ручательство, что это такъ и было и что образъ ея жилъ въ поэтическомъ воображеніи Пушкина.

Прелестныя строки о ножкахъ въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“ вызваны слѣдующимъ случаемъ. Николай Николаевичъ пригласилъ Пушкина сопутствовать имъ въ путешествіи по Крыму и Кавказу. „Не далеко отъ Таганрога, пишетъ Марія Николаевна въ своихъ „Запискахъ“, я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала для забавы бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету“. Но дѣтская шалость, которую она скрыла отъ гувернантки, была выдана поэтомъ:

Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

А въ другомъ мѣстѣ:

Ахъ ножки, ножки, гдѣ вы нынѣ,
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?

Да, гдѣ? Въ Сибири, почти тридцать лѣтъ въ Сибири онѣ мяли вешніе цвѣты...

Ей же, Маріи Николаевнѣ, хотя и негласно, посвящена „Полтава“. Найденъ Пушкинскій черновикъ, въ которомъ вмѣсто „Твоя печальная пустыня“ стоитъ „Твоя сибирская пустыня“:

Тебѣ, — но голосъ музы томной
Коснется-ль слуха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?
Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ,
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя сибирская пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ посвященіе „Полтавы“ сопровождается примѣчаніемъ: „Къ кому относится это посвященіе — неизвѣстно“. Благодаря изслѣдованіямъ П. О. Морозова, отыскавшаго упомянутый варіантъ, нынѣ извѣстно, что оно относится къ княгинѣ Маріи Николаевнѣ Волконской. Надо думать, что она сама объ этомъ не знала, иначе въ своихъ запискахъ она бы объ этомъ упомянула. Не лишено интереса и нѣкоторое внутреннее сходство: героиню „Полтавы“ зовутъ Маріей, она выходитъ за человѣка много старше ея, онъ политическій преступникъ, она жертва, гибнущая изъ за него.

Еще одинъ разъ образъ Маріи Николаевны проходитъ подъ перомъ Пушкина. Есть недоконченное стихотвореніе „Графу О.“. Это былъ нѣкій графъ Олизаръ, полякъ, который былъ влюбленъ въ Марію Николаевну и дѣлалъ ей предложеніе; но, говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи, дышащемъ русско-польской враждой:

Но наша дѣва молодая,
Привлекши сердце...
Отвергла...
Любовь... нашего... врага...

Это было въ 1824 г. Черезъ тридцать три года, когда, послѣ возвращенія изъ Сибири, Марія Николаевна поѣхала заграницу, она встрѣтилась съ Олизаромъ. У насъ осталось два письма, полученныхъ княгинею отъ ея прежняго вздыхателя: обезвреженная старостью, въ нихъ дышетъ искренность восторженнаго преклоненія.

Была въ нашей семьѣ и вещественная память о Пушкинѣ. Однажды у Раевскихъ разыгрывалась лотерея, — Пушкинъ положилъ свое кольцо, моя бабушка его выиграла. Это кольцо я подарилъ „Пушкинскому Дому“ при Академіи Наукъ. Кстати, здѣсь о Пушкинскихъ кольцахъ. Ихъ было три. Одинъ знаменитый „талисманъ“, который, по Тропининскому портрету, онъ носилъ на большомъ пальцѣ. Это кольцо вдова Пушкина у смертнаго одра его надѣла на палецъ Жуковскому, принявшему послѣдній вздохъ поэта. Жуковскій завѣщалъ его Тургеневу. Тургеневъ — Льву Толстому. Но Тургеневъ, какъ извѣстно, умеръ подъ Парижемъ на дачѣ знаменитой пѣвицы г-жи Віардо. Гдѣ оно, неизвѣстно, но только отъ г-жи Віардо до Ясной Поляны кольцо никогда не дошло. Второе кольцо я видѣлъ на рукѣ Великаго Князя Константина Константиновича, поэта К. Р. и президента Академіи Наукъ. Оно ему досталось по завѣщанію отъ одной дамы, но отъ кого, — не помню. Великій Князь завѣщалъ его Академіи Наукъ. Третье кольцо — мое. Осенью 1917 года я читалъ въ газетѣ, что „во время іюльскихъ безпорядковъ въ Петроградѣ разгромленъ музей Академіи Наукъ. Между прочимъ пропало кольцо Пушкина“. Которое изъ двухъ?...

Черезъ Раевскихъ Пушкинъ былъ близокъ къ декабристамъ: мы видѣли, что онъ писалъ „Кавказскаго плѣнника“ въ Каменкѣ; онъ въ Каменкѣ живалъ подолгу. Но близость эта не довела его до вступленія въ ряды Тайнаго Общества.

Здѣсь умѣстно упомянуть подробность, которая, кажется, въ литературу не проникла, но сохранилась въ нашемъ семействѣ, какъ драгоцѣнное преданіе. Дѣду моему Сергѣю Григорьевичу было поручено завербовать Пушкина въ члены Тайнаго Общества; но онъ, угадавъ великій талантъ, предвидя славное его будущее и не желая подвергать его случайностямъ политической кары, воздержался отъ исполненія возложеннаго на него порученія. Между тѣмъ, декабрьская буря прошла близко мимо Пушкина, и даже непонятно, какъ могла она совсѣмъ его не задѣть, когда и за „шалостями“ его такъ зорко слѣдило правительство. Онъ и самъ ощущалъ сообщность съ потерпѣвшими друзьями и, судя по прелестному стихотворенію „Аріонъ“, самъ недоумѣвалъ, какъ это случилось, что онъ спасся:

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно напирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ.
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою;
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ подъ скалою.

Извѣстно, что въ бумагахъ Пушкина найденъ рисунокъ съ пятью висѣлицами пяти декабристовъ и рукою поэта приписано: „И я могъ бы также...“

Среди декабристовъ былъ такой человѣкъ, какъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, лицейскій товарищъ Пушкина. Что можетъ быть трогательнѣе тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, которыя Пушкинъ послалъ ему въ Сибирь:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то-же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Эти строки повезла въ Сибирь Александра Григорьевна Муравьева и передала Пущину въ день его прiѣзда въ Читу сквозь щель острожнаго частокола. Въ прелестныхъ своихъ запискахъ Пущинъ говоритъ объ этомъ съ той удивительной теплотой, которой согрѣто его перо каждый разъ, какъ пишетъ о Пушкинѣ. Иванъ Ивановичъ Пущинъ былъ близкимъ другомъ Волконскихъ и крестнымъ отцомъ моего отца, родившагося въ Сибири.

Свое знаменитое „Посланiе Декабристамъ“ Пушкинъ имѣлъ намѣренiе вручить Марiи Николаевнѣ передъ ея отъѣздомъ для передачи имъ въ Сибири. Но онъ пришелъ днемъ, а княгиня выѣхала въ четыре часа утра. Свое посланiе онъ передалъ той же Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой. Хотя Муравьева выѣхала послѣ Волконской, однако, онѣ съѣхались, такъ какъ Марiя Николаевна задержалась въ Москвѣ и нагнала Александру Григорьевну въ Иркутскѣ; онѣ вмѣстѣ передали посланiе Пушкина. Привожу это хорошо извѣстное стихотворенiе и менѣе извѣстный отвѣтъ декабриста князя Одоевскаго.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье.
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

*

Несчастью вѣрная сестра, —
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора.

*

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

*

Оковы тяжкiе падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Отвѣтъ декабриста князя Одоевскаго:

Струнъ вашихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

*

Но будь спокоенъ, Бардъ, — цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Обѣтъ святой пребудетъ съ нами.

*

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры разгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Въ отношеніяхъ, сближавшихъ Пушкина съ декабристами, есть нѣкоторая недоговоренность, своего рода драматическое молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Пущинъ остановился на краю признанія. Съ другой стороны, Якушкинъ разсказываетъ, какъ однажды въ Каменкѣ, въ присутствіи Пушкина, говорили откровенно, настолько, что сочли нужнымъ тутъ же замазать и превратить въ шутку, а Пушкинъ воскликнулъ: „Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собой, а это была только злая шутка". Слова его остались безъ отклика. Можетъ быть, боялись пылкости, неуравновѣшенности поэта. Драматическое молчаніе этой недоговоренности, длившейся столько лѣтъ, освѣщается горькими словами поэта при прощаніи съ Александрой Григорьевой Муравьевой: „Я очень понимаю, почему они не хотѣли принять меня въ свое общество, я не стоилъ этой чести". Какъ согласовать эту недоговоренность и опасливое отношеніе декабристовъ къ Пушкину съ преданіемъ о возложенномъ на моего дѣда порученіи, не берусь судить, но счелъ долгомъ упомянуть о немъ.

Пушкину суждено было еще разъ увидѣть Марію Николаевну; онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ княгиня была вынуждена остаться нѣсколько долѣе, чѣмъ разсчитывала. Она остановилась у своей невѣстки, жены Никиты Григорьевича, обворожительной Зинаиды Волконской. О ней не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ. Слишкомъ ярокъ ея образъ, слишкомъ видное мѣсто занимаетъ она въ тогдашней жизни, и слишкомъ свѣтелъ теплый лучъ, которымъ она озарила образъ княгини Маріи Николаевны, передъ тѣмъ какъ онъ скрылся въ сибирскую ночь. Красавица, женщина очаровательнаго ума, блестящихъ художественныхъ дарованій, другъ Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Веневитинова, она оставила слѣдъ въ исторіи нашего художественно-литературнаго развитія. О ней много писано и, однако, не довольно. Еще не перешла въ потомство вся прелесть этого характера, столь же живого, разносторонняго, сколько пламеннаго.

Утонченная представительница юнаго романтизма въ его сочетаніи съ пробуждающимся и мало осознаннымъ еще націонализмомъ, она была типичный плодъ западной цивилизаціи, приносящій себя на служеніе родного искусства, родной литературы. Подъ вліяніемъ Карамзинскаго отношенія къ отечественной исторіи, того дидактизма, которымъ проникнуто его изложеніе; подъ вліяніемъ „Венеціановскаго" пониманія русскаго народа, во слѣдъ романтическому увлеченію рыцарствомъ, которое позднѣе нашло себѣ выраженіе въ Никола-

евской готикѣ, — пошла въ культурныхъ кругахъ нашихъ полоса какого-то страннаго славяно-готическаго патріотизма. Люди, очень мало имѣвшіе корней въ своей странѣ, получившіе умственное пробужденіе съ запада, душою все же тяготѣли къ родинѣ и желали видѣть ее культурно равною другимъ странамъ. Этимъ желаніемъ, гораздо болѣе, нежели побужденіями внутренняго свойства, объясняются тѣ сюжеты изъ древне-славянской исторіи, въ которыхъ вращалось тогдашнее творчество патріотическихъ празднествъ, игръ, кантатъ, тріумфовъ и живыхъ картинъ. Княгиня Зинаида заплатила дань этому влеченію въ своихъ писаніяхъ и своихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Въ ней все это было согрѣто пламенемъ искренней любви къ искусству, къ родинѣ и, что цѣннѣе всего, — къ людямъ. Она умѣла принять, обласкать человѣка, поставить его въ обстановку нравственную, физическую и общественную, нужную для его работы, для его вдохновенія. Такъ, она приняла и обласкала поэта Веневитинова, такъ она согрѣла тяжелые дни Гоголя въ Римѣ, такъ она спасла отъ болѣзни, привезя съ собою въ Римъ, Шевырева.

Княгиня Зинаида Александровна играла видную роль въ свѣтѣ. Ея гостиная въ Москвѣ (она жила въ домѣ отца своего, князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, на Тверской, гдѣ впослѣдствіи былъ магазинъ Елисѣева) была мѣстомъ встрѣчи всего, что было выдающагося въ области литературы и науки. Ей, между прочимъ, принадлежитъ мысль созданія въ Москвѣ музея европейской скульптуры, — мысль, осуществленная только въ 1912 г. основаніемъ Музея Императора Александра III; но потомство не забыло ея, и въ брошюрѣ профессора И. В. Цвѣтаева объ исторіи музея имя княгини Зинаиды Волконской поставлено, можно сказать, во главу угла новаго зданія.

Значительную часть своей жизни Зинаида Александровна провела въ Римѣ, гдѣ пріобрѣла свою извѣстную впослѣдствіи „Виллу Волконскую,“ расположенную на землѣ, по преданію принадлежавшей Императрицѣ Еленѣ, матери Равноапостольнаго Константина. Мѣсто, ею пріобрѣтенное, въ то время находилось на самомъ краю Вѣчнаго Города, и только великолѣпный фасадъ базилики св. Іоанна Латеранскаго осѣнялъ виллу съ этой стороны, въ то время какъ по далеко разстилавшейся Кампаніи изъ голубого лона Албанскихъ и Сабинскихъ горъ тянулись къ ней и входили въ самый садъ старые своды римскихъ акведуковъ... „Вилла Волконская“ долго была мѣстомъ встрѣчи стекавшихся въ Римъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и литераторовъ.

Послѣдніе годы жизни Зинаиды Александровны были отданы вопросамъ религіознымъ и дѣламъ благотворительности. Она приняла католичество много лѣтъ передъ тѣмъ.

Римская бѣднота ее боготворила, католической церковью она причислена къ лику „блаженныхъ.“

Современники высоко чтили ее. Пушкинъ, посылая ей „Цыганъ,“ писалъ:

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы,
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновенiй,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ генiй.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани;
Внемли съ улыбкой голосъ мой.
Такъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

Въ нашей семьѣ сохранялся портретъ Зинаиды Александровны работы Бруни въ костюмѣ рыцаря Танкреда, роль котораго она пѣла въ одноименной оперѣ Россини на торжествахъ Веронскаго Конгресса.

У нея остановилась Марiя Николаевна, чтобы въ послѣднiй разъ отдохнуть передъ отъѣздомъ въ Сибирь. Зинаида устроила для нея званый вечеръ, на которомъ собрались лучшiе, въ то время бывшiе въ Москвѣ, пѣвцы. На этомъ вечерѣ былъ и Пушкинъ. Въ бумагахъ поэта Веневитинова нашли на мелкiе клочки разорванную рукопись; когда ее сложили, то оказалось, что это было описанiе музыкальнаго вечера у Зинаиды Волконской. Трогателенъ образъ Марiи Николаевны, сидящей въ дверяхъ сосѣдней комнаты изъ боязни выдать людямъ глубину своего волненiя; но трогательно и отношенiе автора къ ней, бережное, какъ къ чему-то драгоцѣнному и хрупкому.

Этотъ вечеръ былъ послѣднимъ видѣнiемъ счастливаго, свѣтлаго прошлаго; послѣ него начиналось длинное, мрачное завтра. Она слушала музыку и все говорила: „Еще, еще! Подумайте, я никогда больше ничего не услышу“.

Въ печатномъ томѣ французскихъ сочиненiй княгини Зинаиды Волконской, изданномъ въ Парижѣ въ 1865 г., есть слѣдующiй отрывокъ:

„Княгинѣ Марiи Волконской, рожденной Раевской.

О ты, вошедшая отдохнуть въ моемъ дому! Ты, которую я знала всего три дня и которую назвала моимъ другомъ. Отраженiе твоего образа осталось въ моей душѣ. Мой взоръ еще видитъ тебя: твой высокiй станъ встаетъ предо мной,

какъ высокая мысль, и твои красивыя движенія какъ будто сливаются въ ту мелодію, которую древніе приписывали звѣздамъ небеснымъ. У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица, какъ у дѣвы Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою. Ты молода... а между тѣмъ въ твоей жизни прошлое уже оторвалось отъ настоящаго; твой ясный день прошелъ, и не принесъ тебѣ тихій вечеръ темной ночи. Она пришла, какъ зима нашего сѣвера, и земля, еще горячая, покрылась снѣгомъ... „Прежде, говорила ты мнѣ, мой голосъ былъ звученъ, но пропалъ отъ страданій...“ А между тѣмъ я слышала твое пѣніе, и оно еще звучитъ, оно никогда не смолкнетъ; вѣдь твои рѣчи, твоя молодость, твой взоръ, все это звучитъ звуками, звучащими въ будущемъ. О, какъ ты насъ слушала, когда мы, сливаясь въ хоры, пѣли вокругъ тебя... „Еще, еще, все повторяла ты, — еще... вѣдь я никогда не услышу болѣе музыки...“ Но теперь ты просишь, чтобы я отдала тебѣ твою лиру: прижми же ее къ твоему разбитому сердцу, ударь по ея струнамъ, и да будетъ для тебя каждый звукъ, каждый аккордъ ея такъ же дорогъ, какъ голосъ друга. Окружи себя гармоніей, дыши ею, пой, пой всегда. Развѣ жизнь твоя не гимнъ?...“

Такъ говорила одна о другой. Для того, кто умѣетъ читать, этотъ отрывокъ полонъ прелести помимо своего содержанія, помимо двухъ прелестныхъ женскихъ образовъ — той, о комъ пишутъ, и той, кто пишетъ. Отрывокъ этотъ есть въ маломъ видѣ вся тогдашняя культура, корнями сидящая въ классицизмѣ и цвѣтущая цвѣтами романтизма. Развѣ не классицизмъ первыя строки этого обращенія: „О ты, вошедшая отдохнуть въ моемъ дому.“ Развѣ это не Гомеръ, не дышитъ Навзикаей? А конецъ — развѣ не до послѣдней степени напряженная струна романтическаго лиризма? Какой длинный путь человѣчества въ этихъ немногихъ строкахъ...

Въ самые праздники уѣхала Марья Николаевна, держа путь на Нерчинскъ. Передъ отъѣздомъ еще записочка отъ отца, изъ деревни: „Снѣгъ идетъ, путь тебѣ добрый, благополучный, — молю Бога за тебя, жертву невинную, да утѣшитъ твою душу, да укрѣпитъ твое сердце...“ Она проѣзжала Казань подъ самый Новый годъ; мимо ярко освѣщенныхъ оконъ Дворянскаго Собранія, куда входили ряженые въ маскахъ, проѣзжала она въ то время, когда сестра Екатерина Николаевна писала ей и помѣчала письмо, первое адресованное въ Иркутскъ“: „31-го декабря печальнаго 1826 года“.

Кибитка уносила княгиню Марію Николаевну въ неразгаданную тьму. Чуя приближеніе полночи, она заставила свои карманные часы прозвонить въ темнотѣ и послѣ двѣнадцатаго удара поздравила ямщика съ Новымъ годомъ...

VIII.

Мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, что была Сибирь того времени. Не только Сибирь недавняго прошлаго, съ желѣзной дорогой, съ флотомъ на дальневосточныхъ водахъ, съ университетомъ и т. д., но даже Сибирь пятидесятыхъ годовъ, Сибирь Муравьева Амурскаго, — съ присоединеннымъ Амуромъ и съ выходомъ на Тихій океанъ, — представляется какимъ-то инымъ міромъ по сравненію съ Сибирью двадцатыхъ годовъ. Какъ выразился впослѣдствіи канцлеръ графъ Нессельроде — „дно мѣшка"; это былъ конецъ свѣта; выходъ оттуда былъ одинъ, — по той же дорогѣ назадъ.

Куда, собственно, ѣхала княгиня, на что себя обрекала, этого не зналъ никто, меньше всѣхъ она сама. И тѣмъ не менѣе она ѣхала съ какимъ-то восторгомъ. Алина Волконская писала матери изъ Москвы: „Я видѣла Каташу (это княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, жена декабриста), — она уѣзжала, какъ на праздникъ. И это было дѣйствительное настроеніе ихъ. Окружающіе мало понимали это настроеніе; для нихъ ссыльные были отрѣзаннымъ ломтемъ, а жизнь была тутъ, въ Петербургѣ и Москвѣ; для этихъ женщинъ — наоборотъ, они были отрѣзаннымъ ломтемъ, а жизнь была тамъ, въ Сибири. И они ѣхали, какъ на праздникъ. „Волконскія бабы" создавали подобное настроеніе; оно исходило не изнаружи, а изнутри. Да, только потому было оно такъ сильно, только потому могло оно восторжествовать надъ всѣми препятствіями, и надъ противодѣйствіемъ семьи, и надъ затрудненіями со стороны властей и, наконецъ, надъ страшными условіями жизни.

Чтобы дать понятіе объ этихъ условіяхъ, вотъ нѣсколько подробностей экономическаго характера. Не было въ той мѣстности, гдѣ жила Марія Николаевна, нитокъ; шить приходилось рыбьими кишками или китайскимъ шёлкомъ, когда онъ попадался. Не было нигдѣ, даже въ Иркутскѣ, часовщика; выписанные изъ Петербурга часы пришли разбитые вдребезги. Не было зубного врача, Марія Николаевна была вынуждена сама прижечь себѣ зубъ раскаленнымъ гвоздемъ. Аптекъ не было; піявки выписывались изъ Красноярска за 2000 верстъ; медикаменты изъ Петербурга или выписывались въ предвидѣніи будущаго, или приходили по минованіи надобности. Всего этого Марія Николаевна еще не знала, да и не думала объ этомъ, занятая мыслью о нравственной помощи, которую она несетъ съ собой. Нѣтъ, не думала и не знала, куда она ѣдетъ. Это она узнала только, когда пріѣхала. Когда, послѣ восьминедѣльнаго путешествія, по пріѣздѣ въ деревушку, расположенную вокругъ Благодатскаго рудника, она вышла изъ кибитки, когда, съ неумолкнувшимъ еще въ ушахъ шумомъ полозьевъ, она вошла въ избу и огля-

дѣлась въ нанятой ею коморкѣ, такой маленькой, что могла головой упереться въ одну стѣну, а ногами въ другую, тогда, за восемь тысячъ верстъ отъ родного дома, она увидала, куда она пріѣхала и на что себя обрекала. И окружавшая пустыня понемногу овладѣвала ея душой. Для мужа она пріѣхала, но что могла она для него?... Отъ нея была отобрана подписка, что она будетъ съ нимъ видаться два раза въ недѣлю, въ острогѣ, въ присутствіи офицера, не говорить съ нимъ на иномъ языкѣ, кромѣ русскаго „паче же не говорить ничего не принадлежащаго". А въ теченіе прочаго времени, что она могла? Она могла въ пять часовъ утра по звону кандаловъ знать, что они идутъ на работу, въ одиннадцать утра знать, что они возвращаются и, гуляя по обезлѣсеннымъ холмамъ, могла думать, что мужъ изъ острога, можетъ быть, ее видитъ, знаетъ, что она здорова. Вотъ все, къ чему привела ее принесенная жертва.

Изъ Нерчинска, въ послѣднемъ письмѣ къ мужу, передъ свиданіемъ она писала: „Наконецъ въ обѣтованной землѣ." Передъ въѣздомъ въ эту обѣтованную землю жены декабристовъ натыкались на казенный шлагбаумъ; и шлагбаумъ неохотно поднимался, онъ поднимался, наконецъ, только передъ непреклонностью ихъ героической воли... Николай I, въ Петербугѣ разрѣшившій ихъ отъѣздъ, въ Иркутскѣ, предписаніями губернатору, ставилъ препятствія ихъ въѣзду. Ему не нравился этотъ восторженный порывъ; онъ предвидѣлъ, что присутствіе женъ облегчитъ участь государственныхъ преступниковъ; онъ предвидѣлъ и то, что жены будутъ поддерживать сношенія со своими родственниками въ Россіи, что такимъ образомъ о декабристахъ будутъ знать и помнить. а онъ хотѣлъ, чтобы о нихъ забыли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ запретить женамъ ѣхать къ мужьямъ онъ не рѣшался. Это противорѣчило бы тому, что почитатели Николая I (а у него было много искреннихъ почитателей) называли рыцарствомъ его. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело бы въ Европѣ, что Николай I воспротивился романтическому порыву этихъ молодыхъ женщинъ. И вотъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшалъ выѣздъ, но обставлялъ въѣздъ такими условіями, которыя были расчитаны на то, что онѣ откажутся отъ дальнѣйшаго слѣдованія. Въ своемъ письмѣ къ Маріи Николаевнѣ Государь приглашалъ ее подумать о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя ее ожидаютъ за Иркутскомъ. Эти ограниченія можно свести къ двумъ словамъ: отказъ отъ всякаго покровительства закона и властей. И этотъ отказъ подписали всѣ наши добровольныя изгнанницы, — всѣ восемь.

Если, говоря о выѣздѣ княгини Волконской, нельзя не вспомнить Пушкина, то, говоря объ ея пріѣздѣ въ мѣста ссылки, нельзя не помянуть Некрасова. Слишкомъ хорошо

извѣстна его поэма „Русскія женщины“, но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстна исторія ея возникновенія. Выписываю ее изъ предисловія моего отца къ „Запискамъ“ его матери.

„Съ Некрасовымъ я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, однако-же, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобы они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму „Княгиня Е. И. Трубецкая“, и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ, и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору со своими замѣтками, касавшимися преимущественно характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, — на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому она въ дѣйствительности стремилась душой изъ далекой ссылки до конца своихъ дней...

„Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери и просилъ меня дать ему ея „Записки“, о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ „Записокъ“ никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. „Ну такъ прочтите мнѣ ихъ“, сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ прочелъ записки моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайнѣ непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго харак-

тера, основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

„Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашемъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ со словами: „Довольно, не могу“, бѣжалъ къ камину, садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ.

„Когда поэма была кончена, онъ принялъ мои замѣчанія и просилъ лишь ему оставить сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ „Запискахъ“, а въ шахтѣ. „Не все ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли, или съ дядей Давыдовымъ, они оба работали подъ землей, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ“. Я уступилъ, но, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ для просмотра еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму, уже выпущенную („Отечественныя записки“ генварь 1873 г.). Этимъ объясняется, что въ поэму проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины“.

Такова исторія возникновенія одного изъ популярнѣйшихъ произведеній нашей литературы. Долженъ сказать, что, при всѣхъ достоинствахъ, поэма Некрасова представляется мнѣ, послѣ того какъ я познакомился съ собственноручными письмами княгини Маріи Николаевны, очень грубой; въ ней есть что-то кустарное. Скажемъ прямо — въ ней сквозитъ самъ Некрасовъ, въ ней больше Некрасова, нежели той, кого онъ воспѣваетъ. Всякій авторъ проявляетъ себя, не можетъ не проявить; о чемъ бы онъ ни писалъ, въ томъ, какъ онъ пишетъ, подъ какимъ угломъ видитъ, какую оцѣнку даетъ, наконецъ, — и, можетъ быть, это самое главное, — какія рѣчи вкладываетъ въ уста другого, во всемъ этомъ всегда сквозитъ авторъ. И здѣсь неизбѣжно дѣйствуетъ сліяніе двухъ, иногда далеко неравноцѣнныхъ, величинъ: описываемаго героя и описывающаго автора. Не всякій выдерживаетъ сопоставленія. И въ то время, какъ, можетъ быть, самое дорогое для насъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ есть непрестанно ощутимое присутствіе Пушкина, — въ „Русскихъ Женщинахъ“ насъ разстраиваетъ соприкосновеніе съ Некрасовымъ. Это, конечно, не потому, что Пушкинъ писалъ объ обыденныхъ людяхъ, а Некрасовъ пишетъ объ исключительной женщинѣ въ исключительныхъ обстоятельствахъ: о комъ бы Пушкинъ ни писалъ, онъ всегда будетъ выше своего предмета.

Не о всякомъ поэтѣ это можно сказать.

Нельзя, однако, не признать за произведеніемъ Некрасова, кромѣ литературныхъ его достоинствъ, еще и культурно-воспитательное значеніе. То, что было достояніемъ узкаго кружка двухъ поколѣній, потомковъ декабристовъ, что послѣ изданія „Записокъ“ княгини Волконской стало бы достояніемъ небольшого круга любителей исторической литературы, то, благодаря Некрасову, стало достояніемъ всякаго читающаго.

Постараемся же теперь, — не по Некрасову, а изъ собственныхъ ея писемъ, увы, на память, возстановить ея духовный образъ.

IX.

Въ этой унылой обстановкѣ, которую мы мелькомъ очертили, только почта могла бы доставить минуты просвѣтленія. Но какъ мало она приносила и какъ рѣдко... Только въ пятидесятыхъ годахъ при Муравьевѣ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ непрерывной нитью отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, а въ тѣ времена... Почта изъ Петербурга уходила разъ въ недѣлю, а изъ Иркутска въ Забайкалье иногда только разъ въ мѣсяцъ. И какимъ только случайностямъ не подвергалась она. Разливы рѣкъ, метели, неточности адресовъ, путаницы въ раздачѣ... Письма изъ Кіевской губерніи шли почти три мѣсяца; по полгода нужно было ждать отвѣта на свое письмо. Какая могла быть при этомъ поддержка отношеній, какая была возможна дѣловая переписка?.. Марія Николаевна была обречена на постоянную жизнь въ прошломъ. Девять писемъ писано къ уже умершей свекрови; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ получаетъ княгиня отъ сестеръ поцѣлуи уже умершему своему ребенку, родившемуся въ Читѣ младенцу Софьѣ... Докторъ прописалъ Сергѣю Григорьевичу, сильно ослабѣвшему въ каторжныхъ работахъ вина, по рюмкѣ въ день. Начальство разрѣшило. Марія Николаевна пишетъ свекрови, старуха высылаетъ, — бутылки приходятъ разбитыя. Цѣлый годъ проходитъ въ ожиданіи второй высылки. Въ январѣ 1831 г. она проситъ свекровь выслать судковъ для пересылки пищи мужу, а то по пути изъ ея жилища въ острогъ пища стынетъ, а разогрѣвать въ острогѣ, — посуда лопается. Не знаю, когда прибыли судки, но въ январѣ 1832 года княгиня ихъ еще не получила.

Вся переписка проходила въ Петербургѣ цензуру III Отдѣленія, въ Сибири — цензуру губернатора, затѣмъ коменданта; въ канцеляріяхъ письма пропадали, — это легко прослѣдить при тогдашней привычкѣ нумеровать письма; посылки развязывались, содержаніе вываливалось, попадало подъ другой аресъ или совсѣмъ въ другое мѣсто назначенія.

Отвѣтная корреспонденція изъ Сибири подвергалась тѣмъ же случайностямъ и еще большимъ стѣсненіямъ. Самое стѣс-

нительное было требованіе, въ силу котораго отвѣтныя письма должны были представляться въ канцелярію коменданта вечеромъ того же дня, когда почта была получена. Стѣснительность этого требованія станетъ понятна, когда вспомнимъ, что самимъ государственнымъ преступникамъ было запрещено писать, и потому Маріи Николаевнѣ приходилось писать и за себя, и за мужа, и за другихъ. Декабристъ Баронъ Розенъ въ своихъ — „Запискахъ“ говоритъ, что княгини Трубецкая и Волконская иногда писали по двадцати писемъ въ одинъ почтовый день. Прибавить къ этому, что въ нашемъ архивѣ сохранились альбомы исходящихъ писемъ, въ которыхъ рукою Маріи Николаевны изложено содержаніе каждаго написаннаго ею письма, — и понятнымъ станетъ, что почтовые дни были для нея мученіемъ; зато декабристы звали ее „Наше окно въ свѣтъ.“

Великъ былъ трудъ ея, но мало вознаграждался. Изъ семьи мужа почти никто не писалъ. Только старуха Александра Николаевна каждую пятницу писала свои мало содержательныя, но съ точностью часового механизма отсылаемыя письма. Переписка съ свекровью становится русломъ, по которому мы можемъ прослѣдить теченіе матеріальной, практической жизни. Всѣ заботы о мужѣ, о его здоровьи восходятъ къ Александрѣ Николаевнѣ, и удивляться приходится готовности и заботливости, съ какою старуха исполняетъ всѣ порученія; сама ѣздитъ, сама выбираетъ, сама укладываетъ. Много лѣтъ позднѣе, въ одномъ письмѣ къ сестрѣ Софьѣ, Марія Николаевна вспоминаетъ ея всегдашнюю отзывчивость и готовность помочь. Съ такою же аккуратностью писала и Жозефина. Но за исключеніемъ этого, извѣстій со стороны Волконскихъ почти не было. Въ особенности огорчало Сергѣя Григорьевича молчаніе сестры. Послѣ его ухода въ ссылку, она совсѣмъ исчезла съ его горизонта, чтобы снова всплыть уже въ 1854 году, когда она навѣстила брата въ Иркутскѣ и цѣлый годъ прогостила у него. Объ этомъ — въ своемъ мѣстѣ. Среди рѣдкихъ писемъ другихъ членовъ семьи Волконскихъ горѣли лаской и привѣтомъ письма очаровательной Зинаиды. Никогда она не забывала той, которая пришла отдохнуть въ ея дому и, хорошо зная, кого она любитъ, что она любитъ и что ей нужно, присылаетъ ей то непромокаемые чулки для Сергѣя, то ноты итальянской музыки, то огородныхъ семянъ.

Переписка съ семьею Раевскихъ была оживленнѣе, но мало содержательна, а главное мало утѣшительна; мало было въ ней ласки, очень мало пониманія. Какова была мать Маріи Николаевны, мы видѣли, и что могли быть ея письма при такомъ характерѣ, мы можемъ себѣ представить. Два эпизода запомнилось мнѣ. Марія Николаевна, узнавъ, что ея племянница Рѣпнина выходитъ замужъ за графа Кушелева-Безбо-

родко, проситъ мать подарить ей оставленный ею дома браслетъ. Мать отвѣчаетъ, что желаніе ея будетъ исполнено, тѣмъ болѣе, что изъ своей семьи никто, конечно, не захочетъ носить вещь, подаренную ея мужемъ. Послѣ смерти своего первенца Николиньки Марія Николаевна въ одномъ письмѣ къ сестрамъ сѣтовала на то, что ея мать, какъ будто, мало раздѣляетъ ея горе. Софья Алексѣевна ей пишетъ. „А развѣ вы не замѣтили, что я никогда не говорю вамъ о дѣтяхъ вашей сестры, — это для того, чтобы васъ не огорчать.“ Мы говорили уже о сестрѣ Софьѣ Николаевнѣ, о ея постоянномъ дидактизмѣ. Съ годами онъ возросталъ. Она писала сестрѣ фразы вродѣ слѣдующихъ: „я рада видѣть, что здоровье ваше поправляется настолько, что вы свободно переносите суровость сибирской зимы.“ Марія Николаевна проситъ подробностей о житьѣ бытьѣ, что дѣлаютъ, кого видаютъ и. т. д.; — Софья Николаевна не остается въ долгу и посылаетъ ей расписаніе дня по часамъ. И здѣсь сколько забывчивости, нерадѣнія. Три года она проситъ прислать ей ея любимую тетрадку нотъ сочиненія Мейера... Я забылъ сказать, что у Маріи Николаевны было фортепіано. Когда она пріѣхала въ Иркутскъ, она къ изумленію своему увидѣла, что сзади кибитки подвязано фортепіано, — это былъ подарокъ Зинаиды. Конечно, то были маленькіе клавикорды на четырехъ ножкахъ, на которыхъ можно было скорѣе тренькать, нежели игратъ, но какая радость, сколько горькой услады принесло оно ей въ одинокіе часы сибирскихъ сумерекъ...

Совсѣмъ отдѣльно отъ всего стоятъ письма отца, старика Николая Николаевича Раевскаго. Онъ писалъ мало. Княгиня пріѣхала въ Благодатскій рудникъ въ началѣ марта, и первое письмо отъ отца получила въ половинѣ іюня. Онъ писалъ мало, но его письма, столь удивительныя по почерку и по складу рѣчи, — какъ литыя бронзовыя доски. И какъ она ихъ ждала! Что былъ отецъ для нея, видно изъ такихъ подробностей: она проситъ сестеръ, чтобы на ихъ письмахъ хотя адресъ былъ бы написанъ рукою отца; она проситъ прислать ей для Сергѣя табаку, того, что куритъ отецъ, и проситъ съ этимъ вмѣстѣ мундштукъ, такой, какой она видала во рту отца... Да, онъ мало писалъ, но видно, что всегда передъ нимъ носился образъ той, которая, какъ тучка, ночевала на груди утеса великана, умчалась рано, и остался влажный слѣдъ.

И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

На смертномъ одрѣ онъ указалъ на ея портретъ и сказалъ „Вотъ самая замѣчательная женщина, которую я зналъ.“ Со взоромъ, устремленнымъ на Сибирь, угасалъ суровый воинъ. На его могилѣ, въ деревнѣ Болтышка, Кіевской губерніи, вырѣзанъ стихъ Жуковскаго:

Онъ былъ въ Смоленскѣ щитъ, въ Парижѣ мечъ Россіи.

Надъ могилой виситъ изображенiе Сикстинской Мадонны Рафаэля, которое княгиня Марiя Николаевна вышивала бисеромъ въ Читѣ.

Таковы были письма, которыя княгиня получала изъ Россiи. И вотъ, когда сопоставить все это, скупость того, что она получала, скудость того, что ее окружало, изумляться приходится богатству внутренняго содержанiя, на которомъ она строила свою скромную, убогую жизнь; преклоняться приходится передъ той стойкостью, тѣмъ мужествомъ и постоянствомъ, съ какими она противупоставляла свою личность окружающимъ условiямъ жизни. Въ этой странѣ, гдѣ по нѣскольку мѣсяцевъ подрядъ морозы въ 40°, она занимается садоводствомъ; въ этой обстановкѣ, гдѣ, казалось бы, всякiе духовные интересы должны отступить передъ непрестанной борьбой за матерiальное существованiе, она занимается музыкой, и ноты, которыя ей присылаетъ Зинаида изъ Италiи, она переписываетъ и пересылаетъ своей сестрѣ Софьѣ въ Малороссiю. Она собираетъ гербарiй сибирской флоры для какого-то доктора Даулера въ Петербургѣ, составляетъ минералогическiй кабинетъ для Николеньки, когда онъ выростетъ. Въ этой обстановкѣ, гдѣ, казалось бы, всякое сознанiе своей личности должно поникнуть передъ постояннымъ гнетомъ безправiя, она всегда выше обстоятельствъ, всегда прiодѣта, аккуратна, всегда въ перчаткахъ и вуалеткѣ. Тамъ, въ этой нескончаемо одинаковой, длительно безнадежной смѣнѣ дней, она съ какимъ-то религiознымъ этикетомъ соблюдаетъ семейныя годовщины рожденiй, именинъ. Она вспоминаетъ въ iюлѣ 1827 г., что въ первый разъ послѣ замужества она проводитъ 5-е число, день именинъ Сергѣя, въ его обществѣ: въ 1825 году онъ былъ въ отъѣздѣ по службѣ, въ 1826 году онъ сидѣлъ въ крѣпости, а въ этотъ годъ 5-е число какъ разъ случилось въ день свиданiя съ заключенными. И какъ трогательно, напримѣръ, читать ея благодарность мужу по поводу того, что онъ просилъ ее въ день его именинъ не снимать траура по ея отцу. Это можетъ показаться мелочами въ наши дни; я же думаю, что великая сила воспитанiя и великая сила воли сказывается въ этихъ подробностяхъ жизни. Это больше, нежели приспособляемость къ обстоятельствамъ — это нежеланiе подчиниться имъ; это есть отказъ въ капитуляцiи, это свѣтъ, котораго тьма не можетъ объять. Эту сторону ея характера, эти условiя ея положенiя домашнiе ея не понимали; они не понимали, сколько величiя въ этихъ мелочахъ, сколько потрясенiй за этой стойкостью. Они не сознавали и того, какое значенiе для нея могли имѣть мелочи ихъ домашняго деревенскаго бытья. Какъ она, за восемь тысячъ верстъ, мучительно переживала жизнь далекаго дома, видно изъ того, что однажды княгиня Трубецкая нашла нужнымъ написать сестрамъ Марiи Николаевны, чтобы онѣ ей писали о болѣз-

няхъ ея домашнихъ уже по выздоровленіи ихъ, — до такой степени извѣстія вліяютъ на ея здоровье. Изумляться приходится какъ при скудости своей жизни, она находила, чѣмъ наполнять шесть, восемь страницъ большой почтовой бумаги. „Если я могу писать, неужели вамъ нечего разсказать,“ писала она сестрамъ. Она даже находила возможнымъ шутить; хотя за этимъ смѣхомъ всегда блестятъ слезы, все равно, какъ когда она садилась пѣть за клавикорды, слезы пресѣкали ея голосъ. А изъ дому она получала жалобы. „Но если вы несчастны, отвѣчаетъ она матери, то что же я?..“ Рѣдко попадаются такія слова подъ ея перомъ. Опять изумляться приходится крѣпости, съ какой она не позволяетъ себѣ отвѣчать на незаслуженныя нападки матери: она знаетъ, мать сама ей пишетъ, что таковъ уже ея характеръ — горе у нее всегда переходитъ въ гнѣвъ, но при всемъ томъ высока духовная выдержка, которая на это отвѣчаетъ просьбою благословить и ее, и Сергѣя.

Образъ княгини Маріи Николаевны еще выростаетъ, когда разсматриваешь ея отношеніе къ другимъ. Ея потребность помогать не знала предѣловъ, а готовность помочь поражаетъ, когда знаешь скудость средствъ, которыми она жила. Въ книгѣ Дмитріева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири“ только три раза упоминается имя княгини Маріи Николаевны, но каждый разъ въ связи съ денежной помощью, которую ктонибудь изъ сосланныхъ получалъ отъ нея изъ Восточной Сибири. Но не только матеріальная помощь; трогательны примѣры ея проникновенія въ чужую духовную жизнь. Для какого-то каторжнаго татарина, невинно осужденнаго за убійство, она выписываетъ коранъ по татарски, для каторжнаго еврея изъ Бѣлой Церкви выписываетъ еврейскую библію. А какъ трогательно, напримѣръ, отношеніе ея къ любимой ея дѣвушкѣ Машѣ, пріѣхавшей изъ деревни Болтышки раздѣлить съ ней тяготы изгнанія. Эта Маша безутѣшно тосковала, не получая писемъ изъ дому отъ своего брата Василія. Сколько Марія Николаевна ни писала сестрамъ, — Василій не откликался. Что же придумываетъ княгиня? Она сама пишетъ письма, будто отъ Василія, и въ почтовые дни читаетъ ихъ Машѣ, будто бы сейчасъ полученныя.

Дополнимъ образъ Маріи Николаевны тѣмъ еще, какъ другіе къ ней относились. Когда декабристъ Кюхельбекеръ, по отбытіи срока наказанія, уѣзжалъ изъ Красноярска, онъ написалъ Маріи Николаевнѣ свое прощальное письмо, прося передать иркутскимъ своимъ товарищамъ привѣтъ и извиненіе, что не можетъ писать каждому въ отдѣльности. Онъ говоритъ, между прочимъ, что со дня знакомства съ ней для его жены началась новая жизнь. Далѣе онъ выражаетъ увѣренность, что никто изъ товарищей по ссылкѣ не посѣтуетъ за то, что онъ ее выбираетъ выразительницею своихъ чувствъ,

ибо, прибавляетъ онъ, „все, что есть достойнаго уваженія и прекраснаго въ характерѣ каждаго изъ нихъ, все это въ наибольшей и чистѣйшей степени, представлено Вами, ихъ ангеломъ хранителемъ и утѣшителемъ“. Эти немногіе слова вмѣщаютъ въ себѣ все, что разсыпано по многочисленнымъ „Запискамъ“, „Воспоминаніямъ“ того времени и тѣхъ людей. Что такъ мыслили и чувствовали люди ея круга, это не удивительно; но чрезвычайно знаменательно отношеніе къ ней и къ другимъ женамъ декабристовъ мѣстнаго населенія, крестьянъ и уголовныхъ каторжанъ. Никогда эти дамы не встрѣтили ничего, кромѣ вниманія и уваженія. О томъ, какую память онѣ оставили, я имѣлъ трогательное свидѣтельство въ письмахъ старожиловъ, о которыхъ упоминалъ. Знаменательно и то, что населеніе называло декабристовъ общимъ именемъ „наши князья“; правда, что среди нихъ были такія имена, какъ Трубецкіе, Волконскіе, Одоевскіе, Барятинскіе, Оболенскіе, Шаховскіе... Опять скажу, что не удивительно уважительное отношеніе со стороны людей, испытавшихъ вліяніе ихъ добраго отношенія къ себѣ, культурнаго воздѣйствія на ихъ дѣтей; но вотъ примѣръ того, какъ къ этимъ — съ позволенія сказать — „буржуйкамъ“ относились каторжане.

Въ отобранной отъ княгини Волконской въ Иркутскѣ подпискѣ значилось, между прочимъ, что мѣстныя власти отказываются оказывать женамъ государственныхъ преступниковъ какую-либо защиту „отъ ежечасныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену государственнаго преступника, несущую равную съ нимъ участь, себѣ подобною; оскорбленія сіи могутъ быть даже насильственныя“. Въ такую-то среду пріѣхала княгиня Волконская, среди нихъ жила. И что же нашла? Заимствую изъ „Записокъ“ слѣдующій разсказъ.

„Кромѣ нашей тюрьмы была еще другая, въ которой содержались бѣгавшіе нѣсколько разъ и совершившіе грабежи. Ихъ кандалы были гораздо тяжелѣе и работы труднѣе. Между ними находился извѣстный разбойникъ Орловъ, своего рода герой. Онъ никогда не нападалъ на людей бѣдныхъ, а только на купцовъ и, въ особенности, на чиновниковъ; онъ даже доставилъ себѣ удовольствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣчь. У этого Орлова былъ чудный голосъ, онъ составилъ хоръ изъ своихъ товарищей по тюрьмѣ и, при заходѣ солнца, я слушала, какъ они пѣли съ удивительной стройностью и выраженіемъ; одну пѣснь, полную глубокой грусти, они особенно часто повторяли: „Воля, воля дорогая“. Пѣніе было ихъ единственнымъ развлеченіемъ; скученные въ тѣсной темной тюрьмѣ, они выходили изъ нея только на работы. Я имъ помогала, насколько позволяли мои средства, и поощряла ихъ пѣніе, садясь у ихъ грустнаго жилища. Однажды я вдругъ

узнаю, что Орловъ бѣжалъ. Всѣ поиски за нимъ остались тщетны. Гуляя какъ-то въ направленіи нашей тюрьмы, я увидѣла слѣдовавшаго за мной каторжника; это былъ когда-то бравый гусаръ, онъ мнѣ сказалъ вполголоса: „Княгиня, Орловъ меня посылаетъ къ вамъ, онъ скрывается на этихъ горахъ, на скалахъ надъ вашимъ домомъ, онъ уже давно тамъ и проситъ васъ прислать ему денегъ на шубу, ночи стали уже холодныя.“ Я очень испугалась этого сообщенія, а между тѣмъ, какъ оставить несчастнаго безъ помощи? Я вернулась домой и взяла 10 рублей; я заранѣе сказала бывшему гусару, чтобы онъ за мной не слѣдовалъ, но замѣтилъ бы то мѣсто, гдѣ я во время прогулки нагнусь, чтобы положить деньги подъ камень. Онъ все исполнилъ, какъ я ему сказала, и тотчасъ же нашелъ ихъ. Прошло еще двѣ недѣли, я была одна въ своей комнатѣ. Каташа еще не возвращалась со свиданія съ мужемъ, я пѣла за фортепіано, было довольно темно; вдругъ кто-то вошелъ, очень высокаго роста и сталъ на колѣни у порога. Я подошла — это былъ Орловъ, „въ шубѣ“, съ двумя ножами за поясомъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Я опять къ вамъ, дайте мнѣ что-нибудь, мнѣ нечѣмъ больше жить, Богъ вернетъ вамъ, ваше сіятельство.“ Я дала ему пять рублей, прося его скорѣе уйти. Каташа по возвращеніи изъ тюрьмы очень встревожилась отъ этого появленія, да и было отъ чего, какъ вы увидите. Я легла поздно, все думая объ этомъ разбойникѣ, котораго могли схватить, и тогда Бурнашевъ не преминулъ бы повторить свои обычныя слова — „вы хотите поднять каторжниковъ“. Среди ночи я услыхала выстрѣлы. Бужу Каташу, и мы посылаемъ въ тюрьму за извѣстіями. Тамъ все спокойно, но вся деревня поднялась на ноги, и мнѣ говорятъ, что бѣглыхъ схватили на горѣ и всѣхъ арестовали, кромѣ Орлова, который бѣжалъ, вылѣзши сквозь трубу, или вѣрнѣе, сквозь дымовое отверстіе. Несчастный, вмѣсто того, чтобы купить себѣ хлѣба, устроилъ попойку съ товарищами, празднуя ихъ побѣгъ. На другой день — наказаніе плетьми съ цѣлью узнать, отъ кого получены деньги на покупку водки; никто меня не назвалъ. Гусаръ предпочелъ обвинить себя въ кражѣ, чѣмъ выдать меня, какъ онъ мнѣ сказалъ впослѣдствіи“.

Таковъ внутренній образъ княгини Маріи Николаевны, какъ онъ вырисовывается изъ ея писемъ и частью изъ отзывовъ другихъ. Мы прослѣдили ее по письмамъ первыхъ одиннадцати лѣтъ пребыванія въ Сибири. Въ это время ссыльнымъ не позволялось писать, и вся скорбная лѣтопись этихъ одиннадцати лѣтъ начертана тонкимъ, изящнымъ почеркомъ княгини. Эти одиннадцать лѣтъ начались въ Благодатскомъ рудникѣ, гдѣ она нанимала въ крестьянской избѣ каморку за десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (три съ полтиной) съ дровами и водой; комнату эту она дѣлила съ княгиней Трубецкой. Продолжались эти одиннадцать лѣтъ въ Читѣ.

Здѣсъ она жила въ домѣ діакона, въ верхнемъ этажѣ; къ нимъ присоединилась ихъ подруга, жена декабриста Ентальцева; комната просторная; домъ стоялъ высоко надъ рѣкой, изъ окна видъ на Алтайскія горы, внизу ловили рыбу. Здѣсь, въ Читѣ, родился у Маріи Николаевны и умеръ въ тотъ же день младенецъ Софья. Изъ Читы черезъ два года ссыльные переведены въ Петровскій заводъ. Тамъ княгиня сперва раздѣляла съ мужемъ его камеру въ казематѣ, а потомъ поселилась въ собственномъ домикѣ. О матеріальномъ бытѣ нашихъ изгнанниковъ за это время поговоримъ ниже; имъ было нелегко, и на перепискѣ всего этого періода лежитъ печать нужды, борьбы и терпѣнія.

У меня было нѣсколько портретовъ Маріи Николаевны въ ту эпоху, — преимущественно акварели работы декабриста Николая Бестужева. Въ особенности одинъ поражаетъ своей мечтательной прелестью. Облокотившись на столъ съ красной скатертью, сидитъ она у раскрытаго окна, въ черномъ платьѣ, подперевъ щеку рукой; широкіе у плечъ рукава, большой на плечахъ бѣлый батистовый съ прошивками воротникъ, волосы, какъ во времена Евгенія Онѣгина, — собраны на маковкѣ, а надъ ушами спадаютъ локонами. Въ окно виденъ высокій мачтовый тынъ, около тына полосатая будка, и рядомъ съ ней — съ ружьемъ, въ киверѣ часовой; за тыномъ крыша острога, Читинскаго острога. За спиной княгини, на стѣнѣ виситъ портретъ отца ея въ генеральскомъ сюртукѣ, — тоже работы Бестужева, копія съ Соколова; и этотъ портретъ отца ея тоже былъ у меня... Я не могу передать впечатлѣнія великой печали, которая дышитъ въ этой маленькой картинкѣ. Но всякій разъ, какъ я смотрѣлъ на нее, мнѣ слышались слова одного ея письма изъ Читы: „Во всей окружающей природѣ одно только мнѣ родное, — трава на могилѣ моего ребенка“.

X.

Матеріальное положеніе нашихъ изгнанниковъ было не легко. Передъ своей гражданской смертью, въ Петропавловской крѣпости Сергѣй Григорьевичъ написалъ свое завѣщаніе, которымъ отказывалъ свое состояніе сыну своему Николаю. Между прочимъ, это послѣдняя его полная подпись: „генералъ-майоръ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій“. Княгиня, какъ вдова, сохраняла право на свое приданое и на седьмую часть съ имѣнія мужа. Изъ своего достоянія ей разрѣшалось въ ссылкѣ пользоваться десятью тысячами въ годъ; тогда считали ассигнаціями, это составляло немного больше трехъ тысячъ. Этой суммы въ тогдашней Сибири, пожалуй, и было бы достаточно; но вдругъ по приказанію свыше она была сведена къ двумъ тысячамъ ассигнаціями. Между тѣмъ у Волконскихъ родилось двое дѣтей, расходы возрастали. Марія Николаевна

въ 1838 году обратилась съ просьбой въ III Отдѣленіе о томъ, чтобы ей было разрѣшено получать изъ собственныхъ же денегъ нѣсколько большую сумму ввиду расходовъ по воспитанію дѣтей. Ей было отвѣчено, что по докладѣ ея прошенія Государю Императору, „Его Величеству благоугодно было отозваться, что въ Сибири учителей нѣтъ, а потому воспитаніе дѣтей требуетъ не расходовъ, а лишь одного попеченія родителей“. Черезъ годъ просьба была повторена и вторично отклонена. При такихъ обстоятельствахъ особенную цѣнность пріобрѣтаетъ та репутація благотворительности и отзывчивости, которую стяжала княгиня Марія Николаевна въ обѣихъ Сибиряхъ — Восточной и Западной.

Повторяю, матеріальное положеніе было тяжкое. Изъ собственныхъ писемъ, но еще больше изъ воспоминаній другихъ декабристовъ, мы видимъ, какъ имъ приходилось трудно. Баронъ Розенъ говоритъ о княгиняхъ Волконской и Трубецкой: „Страннымъ показалось бы, если бы я вздумалъ подробно описать, какъ онѣ сами стирали бѣлье, мыли полы, питались хлѣбомъ и квасомъ, когда страданія ихъ были гораздо важнѣе и другого рода, когда онѣ видѣли мужей своихъ за работою въ подземельи подъ властью грубаго и дерзкаго начальства“.

Трудность положенія увеличивалась еще и тѣмъ, что небольшія средства, которыми располагала княгиня Марія Николаевна поступали чрезвычайно неаккуратно, задержки происходили и въ Петербургѣ при высылкѣ, и на мѣстѣ, въ канцеляріяхъ губернатора и коменданта. На руки отпускалось очень мало; къ сожалѣнію, не могу наизусть сказать, во сколько опредѣлялась сумма тою расчетной книгой, которая была выдана княгинѣ съ предписаніемъ „предъявлять оную по первому требованію“.

Существенную перемѣну въ матеріальномъ бытѣ Маріи Николаевны внесло поселеніе ея въ острогѣ. Уже давно страдала она отъ мысли, что не раздѣляетъ съ мужемъ тяготы заключенія.

Если она воздерживалась отъ шаговъ въ этомъ направленіи, то потому, что опасалась послѣ острога уже утратить возможность вернуться въ Россію и, такимъ образомъ, потерять надежду на свиданіе съ сыномъ. Но со смертью Николеньки это соображеніе отпадало. Отпадалъ и послѣдній аргументъ въ рукахъ ея семьи: родители и сестры теперь знали, что она уже не вернется. Всѣ помыслы ея теперь сосредоточивались на томъ, чтобы получить разрѣшеніе поселиться съ мужемъ. Она обратилась за помощью къ отцу. Есть отвѣтное письмо, изъ котораго видно, что онъ хлопочетъ, но столь же ясно сквозитъ и то, что ему вовсе не такъ хочется, чтобы просьба дочери была уважена. Но Марія Николаевна работала и съ другого конца, — она просила свекровь поддержать ея просьбу. Долго пришлось ей ждать. Тѣмъ временемъ въ 1828 году

сняли съ государственныхъ преступниковъ кандалы... Но вотъ, наконецъ, письмо отъ старой княгини изъ Царскаго Села: она читала ея письмо Государю, и Государь отвѣтилъ, что просьба ея будетъ исполнена, какъ только камера Сергѣя это дозволитъ. Кто знаетъ придворную жизнь, тотъ знаетъ, какъ подобные шаги трудны, какъ они были въ особенности трудны въ тѣ времена. Кто знаетъ отношеніе Николая I къ декабристамъ, тотъ знаетъ, какъ должно было быть страшно подойти къ нему съ заступничествомъ за тѣхъ, кого онъ хотѣлъ забыть и о комъ помнилъ до послѣдняго дня своего. Дѣло казалось безнадежнымъ. Царствующія особы очень любятъ оказывать милость на свѣтломъ безоблачномъ пути своего шествія по красному сукну предначертанныхъ событій, но онѣ очень не любятъ, когда на этомъ пути встаетъ и останавливаетъ ихъ вниманіе и нарушаетъ установленность настроеній и отношеній что-нибудь такое, что онѣ желали предать забвенію и что заявляетъ о своемъ существованіи наперекоръ ихъ желаніямъ. И, однако, княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ удалось исхлопотать то, о чемъ такъ слезно молила Марія Николаевна. Осенью 1830 г. ссыльные были переведены въ Петровскій заводъ, въ выстроенный для нихъ огромный казематъ. Сюда въѣхала и княгиня Марія Николаевна, чтобы раздѣлить съ мужемъ камеру № 54.

У меня была маленькая акварель, изображавшая эту камеру. Бревенчатыя перегородки въ одномъ углу обиты темносиней матеріей, занавѣской, привезенной изъ Петербурга; у одной стѣны диванъ, передъ нимъ круглый столъ; у другой стѣны клавикорды, конечно, тѣ самые, которые Зинаида приказала подвязать къ кибиткѣ; за клавикордами княгиня Марія Николаевна съ той же типичной прической; около клавикордовъ, прислонясь къ стѣнѣ, Сергѣй Григорьевичъ въ арестантскомъ халатѣ. Надъ диваномъ портретъ Николая Николаевича Раевскаго, надъ клавикордами на стѣнѣ маленькіе портреты, медальоны, миніатюры; многіе изъ этихъ портретовъ, несмотря на мелкій размѣръ, легко можно узнать; они впослѣдствіи вернулись изъ Сибири и висѣли у меня въ „Музеѣ декабристовъ" и въ моей комнатѣ, когда у меня былъ „музей", когда у меня была комната... Это изображеніе камеры № 54 интересно тѣмъ, что сдѣлано до пробитія окна, что послѣдовало лишь черезъ годъ послѣ вселенія заключенныхъ по совмѣстному прошенію женъ начальнику III Отдѣленія графу Бенкендорфу. Я долго не зналъ, чьей работы эта акварель. Но въ февралѣ 1917 года, будучи въ Крыму, я посѣтилъ въ Симферополѣ дочь декабриста Юшневскаго. Я предупредилъ о своемъ приходѣ; она ждала меня, окруженная портретами, альбомами, вещицами и портфелями со множествомъ рисунковъ ея отца. Я сейчасъ же узналъ, кто авторъ рисунка, изображающаго камеру № 54. Незабвенный вечеръ! Изъ этой ветоши — сколько живого

благоуханія. И гдѣ теперь вся эта цѣнность, что ей принадлежала? И гдѣ она сама? Тамъ же, въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя, засталъ я доживающую въ своемъ Потемкинскомъ имѣніи Елизавету Сергѣевну Давыдову, дочь декабриста Трубецкого, вышедшую за сына декабриста Давыдова. Она была очень стара, съ совершенно ослабѣвшей памятью, но тоже окружена портретами, рисунками. Навстрѣчу этимъ изображеніямъ поднимались изъ ея меркнувшаго сознанія имена людей, мѣстностей... Такъ, наканунѣ Мартовской революціи, среди пробуждающейся картины Крымской весны, передъ картинами сибирской ночи догорали послѣдніе проблески далекаго прошлаго...

Изъ эпохи Петровскаго завода у меня было очень много рисунковъ и акварелей. Были виды каземата, внутреннихъ его дворовъ, сцены изъ жизни государственныхъ преступниковъ, ихъ работы, ихъ отдыхъ, внутренніе виды камеръ. Все это нарисовано чисто, аккуратно; николаевскіе солдатики изображены съ иголочки, бѣлыя лосины, ремешки, ружья, кивера, лядунки, все это написано въ совершенствѣ. Повидимому, рисунки принадлежатъ кисти декабриста Рѣпина, — того, который такъ ужасно погибъ при пожарѣ своего дома вмѣстѣ съ Андреевымъ, заѣхавшимъ къ нему переночевать. Видъ каземата съ птичьяго полета, помѣщенный въ запискахъ „княгини Маріи Николаевны Волконской" подписанъ „писарь Керенскій".

Когда заключеннымъ стали разрѣшать отлучаться изъ тюрьмы, княгиня Волконская обзавелась собственнымъ домикомъ. Обзавелись домами и другія жены. Эти дома всѣ стояли врядъ по одной улицѣ. Улица называлась, у нихъ „La rue des Dames" (Дамская улица). По лѣвой сторонѣ, если итти къ церкви, предпослѣдній домъ — Волконскихъ. Здѣсь родились у княгини Маріи Николаевны — сынъ Михаилъ въ 1832 году и въ 1834 г. дочь Елена.

О тогдашнемъ начальствѣ въ письмахъ, конечно, нѣтъ упоминаній. Но изъ „записокъ" и воспоминаній обрисовывается мрачная галлерея портретовъ; среди нихъ самые мрачные — смотритель Нерчинскихъ заводовъ Бурнашевъ, человѣкъ грубый, говорившій съ заключенными на „ты," и генералъ-губернаторъ Рупертъ. Имя послѣдняго связано со скорбнымъ событіемъ въ жизни декабристовъ. Въ 1841 году правительство пожелало по случаю бракосочетанія Наслѣдника, будущаго Александра II, оказать какую-нибудь милость сосланнымъ. Было рѣшено принять дѣтей декабристовъ на казенный счетъ, сыновей въ корпуса, дочерей въ институты, но при этомъ было поставлено условіемъ — дѣти должны лишиться фамилій своихъ отцовъ и именоваться по отчеству, Сергѣевыми, Васильевыми и т. д. Сосланнымъ было дано сорокъ восемь часовъ на размышленіе. Они отказались отъ царской милости, указавъ на то, что подобное отреченіе отъ имени отцовъ,

разрывая послѣднюю связь съ прошлымъ, кромѣ того, поставило бы ихъ дѣтей въ положеніе незаконнорожденныхъ и наложило бы пятно на чело ихъ матерей. Генералъ Рупертъ, препровождая письменные отвѣты декабристовъ, снабдилъ ихъ отзывомъ, въ которомъ высказывался, что по его мнѣнію упорствомъ своимъ ссыльные лишили себя, „всякаго права на какое бы то ни было снисхожденіе Правительства."

Въ длинной вереницѣ мрачныхъ именъ сіяетъ незакатнымъ блескомъ благодарности имя коменданта Лепарскаго. Нѣтъ среди многочисленныхъ книгъ, оставленныхъ намъ декабристами, ни одной, въ которой бы не было посвящено нѣсколько самыхъ теплыхъ, прочувствованныхъ страницъ этому человѣку. Изъ нашего архива припоминаю два эпизода. Когда Марія Николаевна ждала своего второго ребенка, генералъ Лепарскій прислалъ ей акушерку двумя недѣлями раньше того срока, который назначила она сама. Послѣ родовъ онъ пишетъ Сергѣю Григорьевичу, чтобы онъ не позволялъ своей женѣ самой писать, а предлагалъ свои услуги, чтобы извѣстить генерала Раевского. „Княгинѣ же Александрѣ Николаевнѣ можетъ написать княгиня Трубецкая."

Прелестный рядъ женскихъ портретовъ встаетъ со страницъ сибирскихъ писемъ. Ближайшія подруги Маріи Николаевны были: княгиня Трубецкая, жена Фонъ-Визина и Ентальцева. Но самая любимая была Александра Григорьевна Муравьева. Очаровательный ея внѣшній образъ начертанъ въ „запискахъ" барона Розена. На страницахъ писемъ Маріи Николаевны проходитъ скорбная повѣсть ея угасанія. Она скончалась въ Петровскомъ заводѣ отъ чахотки; она умирала ночью и, не желая будить свою маленькую дочь, просила принести ей ея куклу и простилась съ куклой. Она похоронена въ церковной оградѣ при церкви Петровскаго завода. Надъ ея могилой часовня, хорошо видная на всѣхъ картинахъ и снимкахъ, изображающихъ эту церковь.

Нонушка, любимица декабристовъ, осталась на попеченіи отца, Никиты Михайловича Муравьева. Когда въ 1843 году онъ умеръ, его мать, старуха Екатерина Федоровна Муравьева, испросила разрѣшеніе привезти ее въ Москву съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ институтъ. Разрѣшеніе было дано; была послана за ней классная дама, не помню имени, нѣмецкая фамилія. Дѣвочкѣ очень не хотѣлось уѣзжать; когда ее усаживали въ карету, она плакала и металась, рвалась вонъ изъ кареты. Марія Никоваевна долго не могла забыть эту отъѣзжающую карету... Нонушку помѣстили въ институтъ подъ фамиліей Никитина. Она на это имя не откликалась, несмотря на всѣ наказанія. Наконецъ, ее стали звать просто по имени. Она была ребенокъ съ сильной волей, своенравный. Когда Императрица Александра Федоровна, посѣщая институтъ, сказала ей однажды: „Почему, Нонушка, ты мнѣ говоришь

„Madame,“ а не называешь „Maman,“ какъ всѣ другія дѣвочки?“ Нонушка отвѣтила: „У меня одна только мать, и та похоронена въ Сибири.“ У меня былъ дѣтскій рисунокъ, — какія-то дамы разговариваютъ съ какими-то кавалерами; подписано дѣтскимъ почеркомъ: „Нонушка Катѣ.“ Кто была Катя, не извѣстно, и гдѣ теперь рисунокъ, тоже неизвѣстно.

Удивительная дружба царила между нашими дамами. Одинаковость интересовъ, судьба мужей, рожденія, болѣзни дѣтей, — спаяли ихъ въ тѣсную семью. Ни разу во всей тогдашней перепискѣ не проскальзываетъ даже намека на какую-нибудь ссору, малѣйшее недоразумѣніе. И при скученности, въ какой онѣ жили, это являлось свидѣтельствомъ высокой ихъ воспитанности; рѣдко когда съ большей наглядностью выступала благотворная сила житейскихъ формъ, и надо сказать, что, несмотря на всѣ единичные случаи тяжелыхъ испытаній, общій тонъ жизни былъ бодрый; онѣ не позволяли себѣ распускаться, поддерживали и подбадривали другъ друга: пусть, молъ, недоумѣваетъ угрюмое начальство. Скоро дѣти стали главнымъ центромъ жизни: все вращалось вокругъ нихъ; праздники, имянины, рожденія подавали поводъ матерямъ изощряться въ пріисканіи развлеченій; посылки изъ Россіи вызывали радостный визгъ, становились предлогомъ дружескаго обмѣна. Новая, нѣжная струя вливается въ суровую жизнь. Это была улыбка каторги...

Легко понять, что внесли жены въ жизнь изгнанниковъ и какъ бѣдные узники ихъ цѣнили. Вотъ стихотвореніе декабриста князя Одоевскаго, въ которомъ чувства ихъ нашли рѣдкой прелести выраженіе. Чтобы его понять, надо помнить, что узники жили въ тюрьмѣ, окруженной высокимъ мачтовымъ тыномъ; къ этому тыну, въ часы прогулки заключенныхъ по двору, подходили наши дамы и сквозь щели ограды разговаривали, разсказывали новости, передавали письма. Сперва часовые противились, одинъ даже ударилъ княгиню Трубецкую прикладомъ, но потомъ начальство приказало не противиться; ходить „къ оградѣ“ вошло въ обычай; это стало гостиной, клубомъ; княгиня Трубецкая, которая при полнотѣ своей легко уставала, приносила даже съ собой складной табуретъ. Вотъ какъ прелестно запечатлѣлъ эту картину Одоевскій:

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей.

*

Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

*

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Вь прозрачныя земныя пелены,

*

И, вѣстники благіе Провидѣнья,
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

*

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта.

*

Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного, —
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не бросили покрова своего.

Мы прослѣдили внѣшнія условія жизни. Они были тяжелы. Однако великая цѣлительница, привычка, оказывала и здѣсь долгое, но вѣрное свое дѣйствіе. Первые пять лѣтъ надѣялись, вторые пять лѣтъ надѣялись меньше, а потомъ и ждать перестали. Когда заходила рѣчь о родинѣ, княгиня Марія Николаевна съ покорностью и разумной ясностью говорила: „Моя родина тамъ, гдѣ мои дѣти“.

Мы подходимъ къ тому періоду нашего разсказа, про который могли бы намъ разсказать люди предшествующаго поколѣнія. И вотъ, память моя летитъ къ тѣмъ бумагамъ, которыя были у меня отобраны. Въ ихъ числѣ были замѣчанія моей родной тетки Елены Сергѣевны Рахмановой на „записки“ Н. А. Бѣлоголоваго. Бѣлоголовый, извѣстный докторъ, родомъ сибирякъ, воспитывался въ домѣ декабриста Поджіо, когда они жили на поселеніи. Его книга, очень интересная, заключала въ себѣ кое-какія неточности; моя тетка написала къ нимъ „поправки“, кое-что расширила собственными воспоминаніями. Эту тетрадку она мнѣ подарила; сколько „благоуханнаго“ пролилось бы здѣсь на мой разсказъ, если бы она была у меня подъ рукой... Чѣмъ дальше подвигаюсь въ моемъ повѣствованіи, тѣмъ больше мнѣ приходится черпать въ памяти, тѣмъ меньше въ письменномъ документѣ. Но вѣдь не можетъ человѣкъ въ памяти все сохранить; кромѣ того, готовя свои бумаги къ изданію, я естественно удѣлялъ больше вниманія тѣмъ изъ нихъ, которыя должны были составить первые томы; эти я перечиталъ по три, по четыре раза, а дальнѣйшее по разу и то многія письма только, что называется, пробѣжалъ, тогда не было причины торопиться. И вотъ, переступая порогъ новой главы нашего разсказа, вспоминаю замѣтки моей тетки. Портреты всѣхъ тѣхъ лицъ, о которыхъ здѣсь упоминалось, про-

ходятъ подъ ея перомъ, но уже не въ молодости, а въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости. Очаровательное описаніе княгини Трубецкой: шаль и чепецъ, привѣтливое общительное лицо, ласковыя пухлыя руки, тонкій умъ, блестящій разговоръ... Она умерла въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отъ рака, въ страшныхъ мученіяхъ, и похоронена въ оградѣ Иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря. У меня было прелестное письмо отъ дочери ея, Зинаиды Сергѣевны Свербѣевой, съ описаніемъ ихъ жизни въ Сибири и выѣзда въ Россію. И это письмо пропало... Помню лишь, что старику Трубецкому не хотѣлось уѣзжать изъ Иркутска и дѣтямъ стоило большихъ трудовъ оторвать его отъ могилы жены; только ради воспитанія своего сына Ивана онъ сдался на увѣщанія. Князя Ивана Сергѣевича Трубецкого я помню въ дѣтствѣ; онъ умеръ отъ разрыва сердца, выѣзжая изъ дома Кочубеевъ у Краснаго Моста на Мойкѣ, того дома, гдѣ впослѣдствіи жилъ Куропаткинъ. Зинаида Сергѣевна Свербѣева жива и посейчасъ, ей за 80 лѣтъ; выселенная изъ своего имѣнія, она живетъ въ Орлѣ. Ея сынъ Сергѣй Николаевичъ былъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ во время объявленія войны...*) Возвращаемся къ „замѣткамъ“ Елены Сергѣевны.

Скорбный портретъ Іосифа Поджіо, этого страдальца, проведшаго восемь лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, въ то время какъ несчастной матери и сестрѣ на всѣ вопросы о мѣстѣ нахожденія его отвѣчали неизмѣннымъ „мѣсто ссылки неизвѣстно“. Онъ пріѣхалъ наконецъ въ Усть-Куду, мѣсто своего поселенія, когда наши переѣзжали въ Урикъ, за мѣсяцъ до рожденія Елены Сергѣевны. Къ тому времени мать его умерла, жена, урожденная Бороздина, вышла замужъ за князя Гагарина. Чѣмъ-то разбитымъ, какимъ-то осеннимъ сумракомъ вѣетъ отъ строкъ Елены Сергѣевны, когда она описываетъ клочки этой страдальческой жизни. Тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ она провожала его гробъ, — это была первая смерть, которую она видѣла въ лицо... И все это возникаетъ подъ перомъ Елены Сергѣевны изъ случайной прогулки на кладбище въ Крыму; солнце, море, глициніи, кресты и на одной мраморной плитѣ: „Княгиня Гагарина, рожденная Бороздина“. Вспоминаетъ она какихъ-то черкесовъ, которые убили ея второго мужа, вспоминается сынъ Александръ, который оставался въ Россіи, о которомъ отецъ неутѣшно тосковалъ... Не могу, при всемъ желаніи, передать прелести этихъ замѣтокъ Елены Сергѣевны. Я берегъ эту тетрадку, какъ цѣннѣйшій матеріалъ, которымъ думалъ воспользоваться для предисловія къ третьей части предполагавшагося изданія, для той части, которая должна была быть озаглавлена — „поселеніе“. Да, безконечно жаль этихъ прелестныхъ записокъ. Еще разъ повторяю, чѣмъ

*) Недавно скончался. **Ред.**

дальше подвигаюсь въ моемъ разсказѣ, тѣмъ труднѣе мнѣ: долженъ припоминать по такимъ даннымъ, которыя одинъ только разъ перелисталъ. Читатель долженъ вѣрить правдивости и искренности разсказчика, а справиться уже не по чему, спросить не у кого:

Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ.
Другія имъ во слѣдъ идутъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Князь Сергѣй Волконскій.

* * *

Завидуй пастырямъ: тонзурой
Отмѣтилъ избранныхъ Господь,
И ветхій Римъ милотью бурой
Смирилъ бунтующую плоть.
Завидуй воинамъ: мечами
Ихъ пояса отягчены,
И дѣвы жадными очами
Глядятъ на вѣстниковъ войны.
Завидуй клеркамъ: ихъ святыни
Не поругать и не отнять —
Они мудры, и по латыни
Стихи умѣютъ сочинять.
Завидуй нищимъ: имъ дается
Вершить великія дѣла —
Кирпичъ отвергнутый кладется
Владыкой во главѣ угла.
Но въ жизни сей, чья прелесть тлѣнна,
Всего завиднѣй, милый другъ,
Уединеннаго шатлэна
Невозмущаемый досугъ:
Вдали трудовъ и безпокойства,
Питомецъ сладостной звѣзды,
Благополучнаго устройства
Вкушаетъ мирные плоды.
Его довольство не скудѣетъ,
И небогатый блещетъ домъ:
Ему завидуй: онъ владѣетъ
Женою, сыномъ и конемъ.

Генуя 1921. **А. Соколовскій.**

Муса.

I.

Муса стараго княжескаго рода, но этого никто бы не сказалъ, глядя на его полуистлѣвшій кульмякъ и выцвѣтшій рваный азямъ, такой выцвѣтшій и рваный, какъ будто онъ весь сшитъ изъ опавшихъ осеннихъ листьевъ, а не изъ сукна. Чалма у Мусы тоже неизвѣстно изъ какой матеріи, а между тѣмъ онъ могъ бы носить зеленую чалму, такъ какъ побывалъ два раза въ Меккѣ: одинъ разъ съ муллой, который взялъ его съ собой какъ слугу, другой разъ за одного богатаго башкира, который самъ не могъ поѣхать въ такой далекій путь и отправилъ за себя Мусу въ надеждѣ, что Аллахъ приметъ этого замѣстителя, какъ самого богача, который старъ и боленъ.

Родъ Мусы былъ богатъ и знатенъ, но обѣднѣлъ. У Мусы, правда, какъ у всѣхъ башкиръ, было пятнадцать десятинъ на душу, но такъ какъ скотины у Мусы не было никакой, онъ не пользовался этой землей; частью изъ лѣни, частью потому, что считалъ грѣхомъ пахать землю.

— Нельзя земля рѣзать — съ убѣжденіемъ заявлялъ Муса. — Божья тѣло земля. Бульно и грѣхъ земля рѣзать.

Да и нужды у Мусы пахать землю не было. Одинокъ Муса. Ему немного надо. Служитъ онъ при мечети мухариномъ и сторожемъ, помогаетъ по хозяйству муллѣ, а питается тѣмъ, что мулла и добрые люди дадутъ за службу. Не больше, чѣмъ птицѣ или овцѣ, надо Мусѣ. Башкиры, что побогаче да посолиднѣй, считаютъ Мусу чуть ли не дурачкомъ, а бѣдняки — чѣмъ то вродѣ блаженнаго, но обижать его никто, даже злые люди, не обижаютъ. Грѣхъ обидѣть Мусу, да и самъ онъ никого не обидитъ. Даже если собака заберется на ступеньки мечети, Муса не ударитъ ее палкой, не броситъ въ нее камнемъ, а только замахаетъ руками, напугаетъ ее громкимъ крикомъ.

Первый, кого я встрѣтилъ въ Курманкаѣ, былъ Муса. Вѣрнѣе, онъ меня встрѣтилъ. Мулла, у котораго я снялъ на лѣто комнату, выслалъ ко мнѣ на станцію Мусу съ бричкой на высо-

кихъ колесахъ. И хорошо, что у брички были высокія колеса, а то пришлось бы мнѣ поплавать раньше, чѣмъ я добрался до деревни. Дема и озера въ эту весну разлились широко по степи. Лошадь временами шла чуть не по поясъ въ водѣ и съ трудомъ тащила бричку и насъ двоихъ въ ней. Но Муса ни разу не ударилъ лошадь. Куда тутъ! Онъ такъ жалѣлъ ее, что, кажется, самъ бы впрягся, чтобы помочь бѣдной скотинѣ.

Когда я выражалъ опасаніе, какъ бы бричка не перевернулась, или поднималъ насколько возможно ноги, чтобы не вымокнуть въ ледяной водѣ, Муса наклонялся ко мнѣ всей своей нескладной фигурой; его изрытое оспой худое и скуластое лицо съ загрубѣлой и старчески сморщенной кожей, хотя Муса былъ не такъ старъ, ласково и виновато улыбалось, и онъ торопливо и какъ-то таинственно бормоталъ.

— Нисява, нисява. Не бойсь, хагретъ. Нисява. Будь хоросъ. Самъ онъ успѣлъ весь вымокнуть съ головы до ногъ, но не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Нисява, нисява. Солнса добрый. — Алла добрый. — Все добрый. — Все хоросъ. —

Губы его непрестанно шевелились; не то молитву Аллаху шепталъ беззвучно Муса, не то такая у него была привычка — шевелить губами. При этомъ его рѣдкіе сѣдѣющіе усы и тоже рѣдкая маленькая бородка шевелились, точно считали, сколько разъ Муса произнесетъ имя Аллаха.

Добродушное настроеніе Мусы сообщилось и мнѣ. Разговориться намъ было трудно, особенно на первыхъ порахъ. Я не говорю по башкирски, а Муса коверкалъ всего нѣсколько словъ по русски. Но майское утро было такъ свѣтло и такъ благословенно прекрасно было вокругъ, что я забылъ объ опасномъ путешествіи и даже о томъ, что ноги мои успѣли таки промокнуть; бричка черпнула таки воды.

— Да, да, солнце доброе и Аллахъ добрый и все хорошо — повторилъ я слова Мусы, улыбаясь и ему и всей красотѣ земной: мутной новой водѣ, блестѣвшей подъ солнцемъ, какъ разлитая улыбка счастія, холмамъ и островамъ, которые выступали изъ воды, какъ живые, зеленые и цвѣтущіе, дальней деревнѣ, отражавшейся въ водѣ, какъ миражъ, — каждому деревцу, каждому кустику съ еще клейкими янтарными листиками, каждой былинкѣ, выступавшей изъ воды и точно молящейся яркому солнцу и синему небу съ палевыми пушистыми облаками.

А сколько жизни было въ этомъ степномъ разливѣ, сколько птицъ, которыя выражали свою радость всевозможными звуками. Тутъ были и утки, и чибисы, и кулики разныхъ породъ, а тамъ, гдѣ за густой травой скрывались озера, слышался крикъ дикихъ гусей.

Вотъ и сами гуси, встревоженные нашимъ приближеніемъ, поднялись съ озера, бѣлые и величавые, и, сначала тяжело махая крыльями, а потомъ все легче и красивѣй, полетѣли вдаль, туда, гдѣ за открывшейся на большое пространство землей, опять блестѣла подъ солнцемъ вода, доходившая до невысокихъ горъ, плавно протянувшихся надъ извилистой Демой и кое-гдѣ покрытыхъ кустарникомъ и даже лѣскомъ. Отраженія гусей серебрились въ водѣ наравнѣ съ облаками и, восторженно улыбаясь имъ и мнѣ, Муса закивалъ гусямъ вслѣдъ: — Божій — Божій. Барансюкъ Божій. — Усѣ барансюкъ. — Мой барансюкъ. — Твой барансюкъ. — Усѣ барансюкъ. — Одна маленькій, другой больса — усѣ барансюкъ. И конь — барансюкъ. Прибавилъ онъ уже почти строго, чтобы у меня не оставалось сомнѣнія, что вся живая тварь вокругъ, какъ и мы сами, — всѣ — барансюкъ божій, дѣти божіи, и надо радоваться тому, что у всѣхъ одна душа, способная благословить Аллаха за всѣ его заботы, за это солнце, за эту нѣжную весну, за эти новыя воды, оплодотворяющія степь, которая, послѣ ихъ спада, зацвѣтетъ и засіяетъ великолѣпными цвѣтами и травами и серебристымъ ковылемъ и хлѣбомъ. Всѣмъ хорошо: и скотинѣ, и птицѣ, и человѣку, и каждому муравью, и каждой былинкѣ.

Самъ Муса всю зиму голодалъ и добывалъ себѣ пропитаніе на подобіе тѣхъ невзыскательныхъ башкирскихъ лошадокъ, о которыхъ не порадѣлъ хозяинъ; кружась на тибиневкѣ въ степи, онѣ должны нерѣдко зимой изъ-подъ снѣга сами добывать свой жалкій кормъ. Но и зимой не роопталъ Муса на Аллаха-Кисметъ.

II.

Хорошо лѣтомъ въ Курманкаѣ. Всего вдоволь — и хлѣба, и кумыса, и яицъ, и всякой зелени. За мѣсяцъ — за два я подучился по башкирски. Въ полудикой отдаленной отъ города башкирской деревушкѣ рѣдко кто можетъ объясниться по русски, волей-неволей научишься по ихнему.

Теперь уже мы съ Мусой больше понимали другъ друга, и онъ отъ меня тоже научился немного по русски.

— Я маленьки барансюкъ былъ, не хотѣлъ барашкамъ ашать. — Барашкамъ живой бѣгай. — Муса живой бѣгай. Волкъ барашкамъ ашайтъ, медвѣдь барашкамъ ашайтъ. Муса нѣтъ барашкамъ ашайтъ. Муса месеть ходилъ, Аллахъ слушалъ, Коранъ слушалъ, Магометъ слушалъ. Волкъ месеть нѣтъ, медвѣдь Магометъ нѣтъ. — Волкъ, медвѣдь нѣтъ кого слушать. — Муса Мекка гулялъ. — Кабръ Магометъ салямъ дѣлалъ. Муса грѣхъ барашкамъ ашать, — объяснялъ онъ мнѣ, однако не упрекая и не осуждая за этотъ грѣхъ ни меня, ни другихъ.

Съ большимъ вниманіемъ слушалъ Муса мои разсказы о томъ, что знаютъ, чему учатся люди и какія диковины открываетъ сильный человѣческій разумъ. — Разсказывалъ я о городахъ, которые видѣлъ, но Муса повидалъ больше меня, путешествуя въ Мекку. Онъ, конечно, многаго не понималъ изъ того, что я старался объяснить ему, но многое и угадывалъ чутьемъ и всему радовался и дивился, какъ ребенокъ, тому, что творится подъ солнцемъ.

— Солнса добрый. — Алла добрый. — Все хоросъ.

И прибавлялъ къ этимъ первымъ услышаннымъ мною отъ него словамъ:

— Аллахъ селовѣкъ глаза далъ, голову далъ, дуса далъ. Глаза далъ — видѣть Аллахъ, голова далъ — знать Аллахъ, дуса далъ — любить Аллахъ. Усе Аллахъ селовѣкъ далъ, чтобы селовѣкъ кланялся Аллахъ — хосетъ селовѣкъ рыбой плавать, — рыбой плаваетъ, хосетъ птицей летай — птицей летай. Усе селовѣкъ Аллахъ далъ, Магометъ, велій пигамбяръ далъ. Иса Христосъ велій пигамбяръ далъ. Коранъ знай Иса Христосъ, велій пигамбяръ. Я гуляй кабръ Магомета Мекка, ты гуляй кабръ Иса Христосъ — Ерузалемъ. Муса много видалъ урусъ-паломникъ. Хоросъ людя. Кто Аллахъ любитъ, его пигамбяръ любитъ — хоросъ людя. Всѣ хоросъ людя.

И Муса разсказывалъ мнѣ восторженно о своихъ далекихъ путешествіяхъ въ Мекку, о городахъ, которые онъ видѣлъ, о безконечныхъ моряхъ, о черныхъ людяхъ.

— Станболъ видалъ? Нѣтъ видалъ. Ай-ай, больса городъ. Уфа бери, Казань бери, сто Казань-Уфа бери — Станболъ больше. Всякій людя Станболъ, столько людя — ай-ай... — Закрывая глаза изумлялся Муса при воспоминаніи о Стамбулѣ. — Звѣзды видяй въ небѣ — столько людя Станболъ. — Но больше всего поразили Мусу, конечно, Мекка и Медина. Онъ разсказывалъ о Меккѣ такія чудеса, которыя, несомнѣнно, были снами дѣтской фантазіи

Мусы, снами, видѣнными въ религіозномъ экстазѣ. Не чудо было, что выздоравливали больные, касаясь священнаго камня Каабы въ Railway Рuleаnдинѣ, гдѣ въ мѣсяцъ Моратремъ схороненъ былъ Магометъ, не чудо, какъ Аллахъ на пути къ мусульманской святынѣ спасалъ паломниковъ въ пустынѣ песчаной и мертвой отъ голода, жажды и дикихъ звѣрей и разбойниковъ бедуиновъ. Но то́, какъ одинъ старый правовѣрный рабъ Аллаха самъ принесъ домой свою голову, отрубленную разбойникомъ арабомъ, это ужъ, конечно, было чудо изъ чудесъ, а между тѣмъ Муса разсказывалъ, что самъ видѣлъ этого добраго стараго мусульманина, какъ онъ шелъ домой по пустынѣ въ звѣздную ночь, держа голову въ рукахъ, шелъ въ томъ самомъ бѣломъ хирамѣ, въ который переодѣлся, когда сходилъ съ корабля въ Амедду, чтобы отправиться въ послѣдній путь.

III.

Уже вступили въ берега озера, и Дема, точно буйная страсть природы, угомонилась и вошла въ русло спокойной и тихой жизни. Запетлила всю степь Дема, точно по громадной узорной ткани священнаго ковра, расцвѣченной всѣми цвѣтами небесной радуги, серебромъ начертаны были божественныя изреченія Корана затѣйливыми арабскими буквами. Стали неподвижно озера въ зеленыхъ берегахъ, гдѣ весною гремѣли по горамъ соловьи; притаились воды, полныя рыбы и дичи, которую рѣдко пугала человѣческая жестокость.

Послѣ Петровокъ охота разрѣшается. — Искушеніе было слишкомъ велико, да и надоѣло все одно и то же: кумысъ, баранина да яйца. Дичь подъ бокомъ, а тутъ пріѣхалъ изъ Уфы пріятель охотникъ, секретарь Земской Управы, Костевичъ.

— Какъ, ружье есть и ты не охотишся! — завопилъ онъ, тараща глаза въ такомъ изумленіи, точно негодовалъ на меня за то, что у меня руки и я не работаю, ноги и я не хожу. Я хотѣлъ ему признаться, что не охочусь, потому что мнѣ неловко передъ Мусой послѣ всѣхъ нашихъ трогательныхъ бесѣдъ съ нимъ. Не то, чтобы Муса имѣлъ на меня такое неотразимое вліяніе, что я покаялся и отрекся отъ своихъ хищныхъ склонностей или боялся прослыть передъ нимъ лицемѣромъ и обманщикомъ. Я никогда не скрывалъ своихъ недостатковъ, а страсть къ охотѣ не считалъ даже большимъ грѣхомъ, но у меня настоящей охотничьей страсти и не было. Я любилъ не столько самую охоту, сколько

это славное шатанье съ ружьемъ по озерамъ, полямъ, лѣсамъ, бекасинымъ мочежинамъ-кочкарникамъ и болотамъ. Обычное гулянье это не то, что съ ружьемъ. — Гуляешь всегда нѣсколько разсѣянно, да и скучно гулять безъ дѣла. Ну, побродишь часъ, много два, глаза какъ будто насыщаются природой, а душа глохнетъ къ трепетамъ и зовамъ, какъ глохнетъ и притупляется слухъ къ ея голосамъ и звукамъ.

Во время охоты глазъ особенно зорокъ и обостренъ, слухъ и нервы неустанно приподняты. Все ищешь, все ждешь. Взволнованная и настороженная душа жадно ловитъ каждый шорохъ, каждое обѣщающее движеніе и звукъ. Слѣдишь за каждой мелочью, замѣчаешь малѣйшіе намеки на дичь. Во время охоты я убѣдился въ этомъ: какъ то по звѣриному обостряется инстинктъ и лучше видишь и глубже слышишь и острѣй воспринимаешь всѣ запахи, а главное — больше угадываешь, чѣмъ всегда, точно таинственно появляется, вызванное древней страстью, чутье, родственное чутью охотничьей собаки.

У моего пріятеля былъ сетеръ гордонъ, благородный и красивый песъ, охотиться съ которымъ настоящему охотнику, должно быть, истинное наслажденіе. Но, признаюсь, чѣмъ лучше собака, тѣмъ у меня меньше желанія охотиться съ ней. Я плохой стрѣлокъ, и мнѣ непріятно чувствовать свое униженіе передъ собакой.

Оттого я больше всего люблю вальдшнепную тягу. На вечерней зарѣ стоишь, какъ на молитвѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсной балкѣ у перелѣска. Предвечерняя тишина небеснымъ благословеніемъ нисходитъ на землю, и душа пріобщается великой тайны земного безмолвія. Кажется, видишь, какъ опускаются почти незримыя рѣсницы дня, какъ вспыхиваетъ пламенемъ зари, точно заплутавшееся дитя, одинокое облачко, и въ то время, какъ земля начинаетъ тускнѣть, точно задремывать, легендарные маки ложатся на нее въ видѣ прозрачныхъ сумерекъ, небо оживаетъ для воздушнаго торжества вмѣстѣ съ первой лучистой звѣздочкой.

Тогда, въ этой тишинѣ, вальдшнепный хрипъ и быстрый, тонкій, какъ силуэтъ, очеркъ вальдшнепа, дѣлающаго перелетъ, кажется чѣмъ-то сказочнымъ, и хочется поймать, остановить эту сказку, хотя бы выстрѣломъ. И самый ударъ выстрѣла въ этой тишинѣ звучитъ какъ то торжественно и важно, и дымокъ, синимъ облачкомъ растекающійся надъ росистой травой, примѣшиваясь къ запахамъ влажной земли, не оскорбляетъ, а дополняетъ ихъ, какъ запахъ ладана въ церкви дополняетъ ароматъ свѣжихъ

и увядающихъ цвѣтовъ, украшающихъ въ страстной четвергъ плащаницу.

Все это своей дѣтской открытой душой такъ же хорошо чувствовалъ Муса, какъ я, искушенный тонкостью культурныхъ переживаній.

Да нѣтъ, гдѣ мнѣ! Для него природа была весь смыслъ, все очарованіе жизни. Всходя на минаретъ, чтобы благовѣстнымъ Аллахъ акбатъ — призвать правовѣрныхъ къ молитвѣ, Муса повиновался не только требованіямъ обряда, но и природѣ, какъ повинуется природѣ пѣтухъ, который въ извѣстные часы долженъ прокричать то, что ему полагается.

Мнѣ не хотѣлось, чтобы Муса видѣлъ мою охоту. Мнѣ непріятно было огорчить его. Но говорить объ этомъ своему пріятелю не хотѣлъ. Такое объясненіе не вызвало бы у него ничего, кромѣ громкаго смѣха и обычныхъ въ такихъ случаяхъ возраженій.

Я рѣшилъ уговорить Костевича отправиться съ утренней зарей на дальнее озеро Исыкъ-Куль, и не бродить съ ружьемъ и собакой, а охотиться въ лодкѣ на дикихъ утокъ, причемъ собака будетъ лишь приносить намъ убитую дичь.

Такъ можно было разсчитывать не встрѣтиться съ Мусой, который проводитъ цѣлые дни и ночи въ одиночествѣ, среди родной ему степи и живыхъ существъ.

IV.

Хорошо было проснуться на зарѣ и ступить послѣ пыльной дороги на росистую траву, гдѣ каждый шагъ нашъ отпечатлѣвался матовымъ слѣдкомъ, а на влажной кожѣ сапогъ оставались какія-то золотистыя пылинки и усики травокъ.

Еще рано. Еще скотъ не выгнали изъ дворовъ и на небѣ кое-гдѣ остались звѣзды, какъ въ церкви, послѣ того, какъ отойдетъ служба, оставляютъ непотушенными нѣкоторыя свѣчечки передъ особенно чтимыми образами, даже тогда, когда церковь опустѣетъ совсѣмъ и ее запираютъ наглухо до новаго богослуженія.

Изъ ночныхъ голосовъ слышался только скрипъ коростеля, какъ будто продолжало раскачиваться звенящее кадило въ рукахъ священника, да перепелъ точно и отчетливо бросалъ свои короткіе призывы, какъ всплески звонкаго колокольчика церковнаго сборщика.

— А-аллахъ-акбатъ... донесся съ минарета дрожащій и печальный призывъ Мусы. Онъ, вѣрно, видѣлъ насъ съ высоты мечети, и мнѣ стало такъ не по себѣ, что хоть въ пору вернуться домой.

Но пріятель мой, одѣтый въ охотничій нарядъ, хоть фотографію снимай съ него, — громко выражалъ восторги своихъ ожиданій, свистѣлъ собакѣ, разговаривалъ съ ней, обѣщая богатое поле, и даже самъ съ собой разговаривалъ, когда замѣтилъ, что я не особенно охотно ему отвѣчаю, и торопилъ меня, не давая опомниться.

Мнѣ хотѣлось взглянуть на минаретъ, Муса обыкновенно, закрывалъ глаза, когда пѣлъ съ минарета, поднявъ голову и подперевъ щеку худой рукой съ длинными грязными, но красивыми пальцами, которые, казалось, созданы были, чтобы держать или смычекъ или дирижерскую палочку.

Но я не рѣшился оглянуться, точно томимый предчувствіемъ, что нынѣшній день положитъ конецъ нашей дружбѣ, что случится что-то, что оттолкнётъ отъ меня Мусу, даже оскорбитъ его.

— Магометъ рассуль Алла, — кроткимъ укоромъ летѣлъ за мной голосъ Мусы, пріятный и трогательный, какъ пѣсня курая.

Когда то у Мусы, говорилъ мнѣ мулла, былъ голосъ необыкновенной красоты, и уфимскій муфтій, случайно услышавъ его проѣздомъ черезъ Курманкай, звалъ Мусу съ собой въ Уфу, но Муса, не смѣя ослушаться муфтія, такъ поблѣднѣлъ при мысли, что ему придется разстаться навсегда съ родной, хотя и бѣдной деревней, что муфтій, видя его печаль и испугъ, не сталъ его приневоливать.

Теперь голосъ Мусы отъ постоянныхъ голодовокъ, съ которыми легче было справиться въ молодости, а главное — отъ болѣзней, ослабѣлъ и надорвался, но, потерявъ въ красотѣ и силѣ, онъ еще сильнѣй хваталъ за сердце, чѣмъ раньше.

Голосъ пропѣлъ, что полагалось и оборвался, — переставъ тревожить меня. — А вмѣстѣ съ этимъ уступало знакомому волненію и ожиданію и еле-ощутимо уколовшее меня предчувствіе.

Скоро предчувствіе и совсѣмъ погасло, какъ погасали и послѣднія звѣзды на небѣ и, освѣженный заревой свѣжестью, затянувшись вкуснымъ дымомъ первой утренней папиросы, я даже забылъ о Мусѣ, любуясь красотой степи и собакой, которая съ радостнымъ возбужденіемъ нюхала воздухъ и то отбѣгала отъ насъ, теряясь въ травѣ, то возвращалась съ влажной шерстью,

осыпанной золотистой пылью медуницы съ серебристыми пушинками ковыля, приставшими къ черной съ рыжими подпалинами шерсти.

V.

На озерѣ была зеркальная тишина; тростники и даже травки, выступавшія изъ воды у берега и на мелкихъ мѣстахъ, не шевелились.

Съ береговъ озеро было все окружено лознякомъ и притаилось. Оно точно хотѣло спрятаться отъ рѣки, которая бѣжала по степи, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону. Въ одномъ мѣстѣ рѣка подходила къ озеру совсѣмъ близко, но, не угадавъ этой близости, дѣлала отъ него крутой поворотъ и уже дальше бѣжала, отчаявшись, къ другому, но и того не могла поймать, и отъ него уходила совсѣмъ уже, теряясь въ степи, къ третьему, которое также не хотѣло ее знать до новой весны, и скрывалось за небольшими холмиками.

Свистъ куликовъ и кряканье утокъ на водѣ были еще сдержанны. — Еще матова сѣра была поверхность озера, и въ тростникахъ и уремѣ прятались туманы, которые, подобно блѣднымъ тѣнямъ, качались, поднимались и падали на водѣ.

Но по мѣрѣ того, какъ заря все живѣе дышала на востокѣ, и все выше подымались розовые вздохи ея, оживало озеро, свѣтлѣла гладь его и начинала рябиться струйками и кружочками, на изломахъ которыхъ заблистали заревые отсвѣты.

Туманы совсѣмъ спрятались въ кустахъ, или, припавъ къ водѣ, соединились съ нею, ушли въ ея глубину, какъ призраки, вызванные ночью со дна и опять возвращающіеся въ свою прозрачную могилу при наступленіи дня.

Съ дальняго озера протянули утки, перекликаясь съ тѣми, которыя, очевидно, ждали ихъ тутъ. Теперь уже ихъ кряканье было дѣловито серьезно и даже строго. Онѣ окликали своихъ друзей, спрашивали все ли благополучно и имъ отвѣчали также дѣловито изъ камышей.

Сердце начинало сладостно замирать отъ ожиданія счастливой охоты. Взглядъ сталъ зорокъ, движенія сдержанны. Собака, зная куда мы идемъ и что намъ нужно, вытянувъ красивую морду, бѣжала легко — и тоже осторожно.

Я подошелъ къ знакомому потаенному мѣстечку, гдѣ былъ привязанъ мой челнокъ. Онъ, какъ влитый, стоялъ на мѣстѣ. Я взялъ также припрятанную лопатку-весло и сѣлъ на корму.

Костевичъ позвалъ собаку тихимъ свистомъ. Какъ только мы подошли къ озеру и вступили, такимъ образомъ, въ волшебный кругъ охоты, онъ сразу точно переродился. Громкій голосъ его осѣлъ, шутки и круглыя словца исчезли.

Собака была нѣсколько разочарована его зовомъ: въ лодку, — значитъ, стѣсненіе свободы, значитъ, мало интересная для нея охота.

Она покосилась недружелюбно на меня, видя во мнѣ, очевидно, главнаго виновника этого грустнаго для нея разочарованія. Но ослушаться не смѣла, а лишь нѣсколько мгновеній умоляюще глядѣла на хозяина большими неподвижными глазами.

Костевичъ такъ строго указалъ ей мѣсто въ лодкѣ, что она покорно прыгнула ко мнѣ, а за ней, слегка оттолкнувъ челнокъ, навалившись сначала на носъ лодки всѣмъ своимъ полнымъ, но легкимъ тѣломъ, а затѣмъ, усѣвшись на скамеечкѣ, устроился и хозяинъ.

Закачался челнокъ, заколыхалась вода, ласково поплескивая въ кустахъ, заколебались тростники и лозы, совсѣмъ разбуженные нашимъ вступленіемъ, и вода на озерѣ стала уже розовой и живой и расколдованной отъ ночныхъ чаръ.

Медленно пошевеливая весломъ, не вынимая его изъ воды, я заставилъ лодку безшумно обогнуть зеленый, покрытый пушистой, какъ дѣтскіе волосы, травой, островокъ, изъ-за котораго съ шумомъ вылетѣло двѣ пары кряковыхъ. Но онѣ полетѣли низко надъ талами въ уровень съ моей головой. Костевичу нельзя было стрѣлять, хотя онъ и вскинулъ ружье. Когда же утки поднялись, онѣ были уже далеко и не стоило рисковать выстрѣломъ, который могъ лишь напрасно вспугнуть дичь. А я проворонилъ утокъ.

Однако, охоту надо было начать до восхода солнца, и лодка быстрѣе пошла впередъ, туда, откуда доносилось кряканье утокъ.

Большое, запестренное топкими островками, мысками и выступавшими на обмелѣвшихъ мѣстахъ кустами, озеро каждую минуту могло открыть намъ добычу, и потому я, дѣйствуя весломъ, не спускалъ глазъ съ ружья, чтобы на этотъ разъ не оплошать.

Вдругъ съ того мѣста, куда шла лодка, поднялась внѣ выстрѣла стая утокъ, метнулась было издали къ намъ, но передовая утка насъ замѣтила и быстро повернула прочь, а съ ней и вся стая.

— Ахъ, чертъ! — выругался Костевичъ. — Чего это онѣ!

Другая стая поднялась въ ту же минуту съ другой стороны.

— Что за дьяволы! Чего это онѣ всполошились такъ внезапно? Вѣтерокъ противъ насъ. Неужели учуяли?

Отчетливый всплескъ воды за талами, довольно далеко отъ насъ, нарушилъ заревую тишину. Мнѣ показалось, что это упалъ камень, но когда пріятель мой выразилъ такое же предположеніе, я поспѣшилъ разувѣрить его.

— Нѣтъ, это вѣрно щука метнулась за рыбкой. Здѣсь въ озерахъ такія огромныя щуки водятся, что рыболовы бьютъ ихъ ночью острогами. Вообще, тутъ рыбы масса, — прибавилъ я, хотя это и безъ того было видно по вспыхивавшимъ на водѣ кружкамъ и всплескамъ и по тому, что запахъ рыбы чувствовался даже въ воздухѣ, полномъ сочныхъ и нѣжныхъ ароматовъ степи и воды.

Но уже у меня у самаго явилось, правда, еще слабое подозрѣніе, что этотъ всплескъ не похожъ былъ на всплескъ рыбы: вода какъ-то чмокнула, какъ будто проглотила что-то упавшее извнѣ.

Это подозрѣніе еще болѣе обозначилось, когда послышался въ отдаленіи новый всплескъ и снова всполошилась дичь.

— Неужели Муса? — шевельнулась у меня тревожная мысль

Я старался держаться близъ кустовъ, которые иногда задѣвали насъ, обрызгивая росой, не успѣвшей высохнуть на листьяхъ. Иногда весло задѣвало за травы, поднимавшіяся со дна, такія мягкія и нѣжныя, что, казалось, онѣ могли растаять на поверхности, иногда оно задѣвало и путалось въ крѣпкихъ длинныхъ стебляхъ кувшинокъ, которыя бѣлѣли на водѣ среди круглыхъ листьевъ своихъ, какъ серебряныя чаши съ каплей золота посрединѣ.

Всполохи утокъ и кряканье ихъ становилось настолько тревожнымъ, что уже теперь не было никакого сомнѣнія, что кто-то пугаетъ ихъ, то перебѣгая съ мѣста на мѣсто, то бросая камни.

Собака также чуяла, что дичиная тревога не спроста. Она недовольно и хмуро поводила носомъ, вотъ-вотъ готовая залаять, но не смѣла сдѣлать этого, а только выражала своими умными глазами:

— Я же была права, что не стоило пускаться въ такое недостойное предпріятіе. Вотъ вы и будете наказаны, что не послушались меня, хотя я вамъ ясно давала это понять.

— Несомнѣнно, это какой-то мерзавецъ озорничаетъ, — шипѣлъ злобно Костевичъ. — Только бы мнѣ запримѣтить этого каналью, я бы угостилъ его зарядную часть такъ, что онъ на цѣлый мѣсяцъ забылъ бы, какъ сидятъ.

По его шипящей ярости ясно было, что онъ дѣйствительно на это способенъ. — Я нѣсколько обезпокоился за Мусу, кото-

рый одинъ могъ рѣшиться на такое опасное дѣло, и, чтобы предупредить возможное несчастье, сталъ успокаивать его.

— Полно. Что за угрозы! Во-первыхъ, кому нужно портить намъ охоту, а во-вторыхъ, стоитъ ли изъ-за утокъ стрѣлять въ человѣка.

— Какой же онъ человѣкъ, если гадости такія ближнему дѣлаетъ!

— Ну, это не такія ужъ великія гадости, чтобы за нихъ такъ наказывать человѣка...

— Какъ не великія! — взъѣлся на меня Костевичъ. — Какой же ты охотникъ послѣ этого, если для тебя это не великія гадости! Что же можетъ быть подлѣе этого мерзоозорничества!

— Пусть твое предположеніе основательно, а если онъ дѣлаетъ это вовсе не изъ за мерзоозорничества, а изъ любви къ живымъ существамъ?

Костевичъ готовъ былъ расхохотаться во все горло по своему обыкновенію, но вспомнилъ, что онъ на охотѣ, и опять зашипѣлъ.

— Желалъ бы я видѣть такого осла, который такъ думаетъ...

— Но однако такъ думали многіе, которые далеко не считались ослами.

Костевичъ скруглилъ на меня глаза отъ раздраженія, которому нельзя было къ тому же излиться, какъ надо.

— Да ты что, іогомъ что ли сталъ? На какой же ты чертъ за ружье берешься? А еще...

Не успѣлъ онъ докончить этой рѣчи, какъ снова поднявшіяся утки закрякали, захлопавъ крыльями, на этотъ разъ совсѣмъ недалеко отъ насъ. Забилось сердце. Захватило дыханіе. Я видѣлъ, какъ Костевичъ съ сразу измѣнившимся лицомъ вскинулъ ружье. Моя двухстволка также очутилась въ моихъ рукахъ.

Утки летѣли прямо на насъ цѣлой стаей, шумя крыльями, вытянувъ длинныя шеи.

Костевичъ выстрѣлилъ первый. Но я не слѣдилъ за его выстрѣломъ и выстрѣлилъ также — изъ одного, изъ другого ствола.

— Бацъ-бацъ. — Оба выстрѣла удачные.

Онъ также пустилъ запоздалый выстрѣлъ въ догонку улетающимъ и однимъ ударомъ срѣзалъ сразу пару утокъ, шлепнувшихся на водѣ вдали.

Ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ. Мы сразу взяли пять штукъ. Но изъ послѣдней пары одна утка была лишь подстрѣлена Ко-

стевичемъ и съ перебитымъ крыломъ, хлопая другимъ крыломъ по водѣ, стала уплывать.

— Пиль, Каро.

Но Каро и безъ того уже дрожалъ, стоя въ лодкѣ. Однимъ прыжкомъ онъ очутился за бортомъ и поплылъ, водя изъ стороны въ сторону красивой головой, встряхивая иногда длинными ушами, въ которыя во время прыжка, очевидно, попала вода.

Я тоже схватился за весло, чтобы помочь собакѣ подобрать дичь, въ то время, какъ Костевичъ, забывъ о своей злобѣ противъ меня, вкладывалъ въ мою двухстволку патроны, продѣлавъ то же самое съ своей.

Собака прежде всего погналась за подстрѣленной уткой, справедливо разсудивъ, что убитыя отъ нея не уйдутъ, да и мы можемъ подобрать ихъ сами. Но въ ту самую минуту, какъ она уже приближалась къ раненой птицѣ, спѣшившей укрыться въ тростникахъ, что-то тяжело шлепнулось въ воду, а вслѣдъ затѣмъ я увидалъ надъ водой голову Мусы въ его нищенской чалмѣ.

Костевичъ такъ и налился яростью при видѣ него.

— Ага! Такъ вотъ онъ, этотъ мерзо-іогъ! Ну, стой же, я тебя, сукина сына угощу бекасинникомъ!

И онъ быстрымъ движеніемъ выронилъ патронъ съ утиной дробью, чтобы вставить бекасинникъ.

— Брось! — крикнулъ я ему. — Ты съ ума сошелъ.

И, бросивъ весло, я выхватилъ у него винтовку. Собака уже совсѣмъ была возлѣ утки, но Муса также протягивалъ къ ней руки, поднимая цѣлую бучу на водѣ, чтобы поспѣть ухватить раненую утку, прежде, чѣмъ ее схватитъ собака. Уже вода была ему по грудь, онъ былъ одѣтъ и къ тому же не умѣлъ плавать, а отошелъ довольно далеко отъ берега. Видно было, какъ собака яростно скалила на него зубы, готовая хотя до смерти драться за добычу.

Муса отчаянно замахалъ на нее руками и закричалъ что-то по башкирски.

Каро, на мгновеніе ошеломленный, остановился, но исполненіе долга было для него выше всего. Онъ рванулся въ сторону птицы, но та съ испуга, или почуявъ, гдѣ ея спасеніе, метнулась въ сторону Мусы.

Муса также двинулся къ ней, но въ ту минуту, когда онъ схватилъ птицу, собака бросилась на него и вцѣпилась ему въ лохмотья рукава.

— Такъ его, распроканалью, возьми его, — яростно завопилъ Костевичъ — кусай его! За носъ его! За носъ его, черто-іога.

Держа надъ водой одной рукой птицу, Муса другой рукой. которую схватила собака, старался отбиться отъ нее.

— Мою собаку бить! — окончательно взбѣсившись, заоралъ Костевичъ. — Вотъ я тебѣ покажу сейчасъ, какъ мою собаку бить!

— Отдай ружье! — Набросился онъ уже на меня. — Ты не смѣешь мое ружье брать... Отдай, говорятъ тебѣ.

Онъ началъ вырывать у меня ружье, не смотря на всѣ мои уговоры. — Наконецъ, хотѣлъ схватить мое, но я не давалъ и этого. Весло, оброненное мною въ воду отъ безпрерывнаго качанья челнока, отошло въ сторону, такъ что и его нельзя было достать, чтобы хоть въ челнокѣ приблизиться на помощь собакѣ и наказать достойнымъ образомъ башкира.

Теперь и собака и башкиръ уже дрались настоящимъ образомъ и, кажется, человѣкъ побѣждалъ, и собака уже не разъ оглядывалась на хозяина, призывая на выручку. Безсиліе приводило того въ полное неистовство: онъ то едва сдерживался, чтобы не броситься на Мусу, то грозилъ башкиру кулаками, кричалъ, что убьетъ его, какъ собаку, застрѣлитъ, какъ разбойника, то опять пытался отнять у меня ружье.

— Отдай, иначе я знать тебя не хочу.

Во время борьбы моей съ нимъ, челнокъ нашъ крутился, качался. Утки, встревоженныя неслыханнымъ событіемъ, летали растерянно прямо надъ головами, точно издѣваясь надъ нами.

— Нѣтъ, ты отдашь! — Весь въ поту отъ борьбы уже хрипѣлъ Костевичъ и, дѣйствительно, вырвалъ у меня ружье изъ рукъ, но въ эту минуту челнокъ нашъ перевернулся, и оба мы бухнулись въ воду, въ полномъ охотничьемъ вооруженіи, не выпуская изъ рукъ винтовокъ.

VI.

По счастью, мѣсто было не глубокое, но все же мы очутились по плечи въ водѣ и, отфыркиваясь, такъ какъ вода во время этого переворота попала и въ ротъ и въ носъ, взглянули другъ на друга. Видъ у обоихъ былъ такой плачевный, что ссора сразу была забыта, и мы разразились неудержимымъ смѣхомъ.

У Костевича исчезла даже тѣнь злобы на Мусу. Онъ взглянулъ туда, гдѣ за минуту передъ тѣмъ дрались человѣкъ съ со-

бакой, но и тѣ, очевидно, покончили дѣло миромъ. Собака уступила и человѣкъ, держа раненую птицу въ рукахъ, вышелъ на берегъ.

Каро, взволнованный катастрофой съ нами, не хотѣлъ, однако, возвращаться ни съ чѣмъ и держалъ въ зубахъ, вмѣсто подстрѣленной, одну изъ убитыхъ утокъ.

Подплывъ прямо къ своему хозяину, онъ положилъ передъ нимъ на воду красивую, еще теплую птицу и готовъ былъ отправиться за остальными. Но Костевичъ не могъ ничего сказать собакѣ.

Продолжая хохотать во все горло, онъ поймалъ слетѣвшую съ него во время паденія шляпу и надѣлъ ее на голову комическимъ жестомъ.

Вода ручьями потекла по его добродушному широкому лицу. Вода была теплая, лѣтняя. Къ тому же всходило солнце и, скользнувъ между мокрыми лозами, лучи его также ярко засмѣялись надъ нашей бѣдой, скользнувъ съ этимъ веселымъ смѣхомъ по зеркальной водѣ, по серебрянымъ чашамъ бѣлыхъ водяныхъ лилій, по деревьямъ и травамъ. И все — и вода, и цвѣты, и травы, и стрекозы отвѣтили солнцу веселымъ утреннимъ смѣхомъ.

А. Ѳедоровъ.

* * *

Хотя прекрасны дни былые,
А нынѣ чуждъ родимый край,
Но ты молчи, моя Россія,
И голосовъ не подавай!

Придутъ года, ты скажешь слово,
Тобой зажженное въ ночи...
Но на закатѣ дня людского,
Ты, униженная, молчи.

Молчи и вѣрь словамъ поэта: —
„Быстроизмѣнчивы года“.
Бываютъ ночи безъ просвѣта,
Но безъ надежды — никогда!

Кн. Д. А. Шаховской.

Церковь и большевизмъ.*)

Несмотря на то, что положенiе Россiи сейчасъ настолько тяжело, что порой кажется, что раны ея смертельны, всеже и теперь въ ея жизни наблюдается кое что отрадное, заставляющее думать, что если она, дастъ Богъ, скоро избавится отъ ига большевиковъ, многое въ ней, послѣ тяжелаго урока, будетъ даже здоровѣе и крѣпче, чѣмъ прежде.

Такiя надежды подаетъ прежде всего православная церковь. Какъ ни бѣдствуетъ она матерiально, теперь, болѣе чѣмъ когда либо, даже и невѣрующимъ стало ясно, что „врата адовы не одолѣютъ ю", а если будетъ жива Церковь, то спасется и народъ.

При отсутствiи какихъ бы то ни было органовъ печати, кромѣ враждебныхъ церкви клеветническихъ офицiозовъ, составить вѣрное и полное понятiе о церковной жизни въ Россiи, конечно, невозможно, но личныя наблюденiя и живые разсказы другихъ лицъ даютъ всетаки извѣстный матерiалъ, на основанiи котораго начертать общую картину церковной жизни становится возможнымъ.

Попыткой такого рода и является предлагаемая статья.

Думается, что, какъ бы эта попытка ни была несовершенна, все же она не будетъ лишней. Свѣдѣнiй о Россiи, въ частности о русской церкви, такъ мало, что наше изложенiе, въ которомъ мы старались свести воедино различныя данныя и впечатлѣнiя, не можетъ не имѣть извѣстной цѣнности.

Съ самаго момента захвата политической власти, большевизмъ занялъ враждебную позицiю по отношенiю къ церкви, причемъ сразу же выяснилось, какiя послѣдствiя можетъ имѣть эта вражда. Послѣдствiя эти вызывались двумя факторами. Первымъ факторомъ были фанатическiя предвзятыя убѣжденiя большевистскихъ вождей, основывавшихъ свое ученiе на узкомъ старомодномъ матерiализмѣ и видѣвшихъ въ церкви не только идейнаго врага, но и политическаго врага; вторымъ — разбушевавшiяся страсти общественныхъ подонковъ, желавшихъ, гдѣ только можно, проявить свою, такъ называемую революцiонную, а вѣрнѣе, просто разбойную удаль. Этотъ второй факторъ вызвалъ не мало рѣзкихъ эксцессовъ: поруганiя святынь и убiйства священнослужителей. Эксцессы эти, однако,

---

*) Статья, написанная на основанiи непосредственныхъ впечатлѣнiй и наблюденiй. **Ред.**

продолжались не долго: въ самомъ народѣ не было никакой серьезной вражды не только къ религіи, но и къ духовенству, быть можетъ, потому, что послѣднее всегда было сословіемъ отнюдь не привилегированнымъ.

Первый же факторъ, фанатическій атеизмъ и матеріализмъ большевистскихъ заправилъ, оказался, конечно, болѣе живучимъ и опаснымъ, и силу свою онъ потеряетъ окончательно только съ паденіемъ большевистской власти.

Борьбу свою съ церковью большевики повели, не брезгуя средствами, стараясь уязвить ее, чѣмъ только можно. Борьба эта выразилась въ террорѣ по отношенію къ духовенству, въ политикѣ экономическаго подрыва церкви и административныхъ стѣсненій ея жизни, а, наконецъ, и въ антирелигіозной пропагандѣ, не останавливающейся передъ кощунствомъ.

Терроръ проявлялся въ постоянныхъ и массовыхъ арестахъ, производившихся безъ всякихъ поводовъ, въ лучшемъ случаѣ по клеветническимъ навѣтамъ, въ разстрѣлѣ священниковъ, взятыхъ въ качествѣ заложниковъ, и въ цѣлой системѣ другихъ административныхъ мѣръ, ставившихъ лицъ духовнаго званія въ смѣшное и приниженное положеніе.

Можно утверждать, не рискуя впасть въ ошибку, что въ Петроградѣ, хотя бы на короткое время, побывалъ подъ арестомъ почти весь составъ служителей алтаря, а не мало было и казнено.

Какъ на примѣръ такого убійства нельзя не указать на памятную многимъ мученическую смерть настоятеля Казанскаго Собора, протоіерея Орнатскаго, разстрѣляннаго въ Кронштадтѣ, послѣ убійства Урицкаго, вмѣстѣ со своими сыновьями-офицерами, въ общемъ числѣ болѣе 500 человѣкъ невинныхъ заложниковъ.

Другой формой террора, какъ сказано выше, были нѣкоторыя административныя мѣры — какъ-то взятіе духовенства на принудительныя работы, а затѣмъ и привлеченіе его къ воинской повинности.

Въ первые же дни своего властвованія большевики раздѣлили всѣхъ гражданъ на категоріи трудящихся и людей, живущихъ нетрудовыми доходами; первая категорія пользовалась, или вѣрнѣе, должна была пользоваться кое-какими привилегіями, въ частности она получала больше продуктовъ по карточкамъ и освобождалась отъ трудовой физической повинности, вторая же имѣла право только на восьмушку хлѣба въ день и постоянно гонялась на тяжелыя, совершенно для нея непривычныя и большей частью безсмысленныя работы.

Къ этой-то второй категоріи и было причислено священство. Хорошо еще, если принудительныя работы занимали нѣсколько часовъ въ день, но нерѣдко онѣ принимали характеръ длительныхъ командировокъ, отрывавшихъ духовенство отъ службы церкви.

Привлеченіе духовенства къ воинской повинности произошло позже, и хотя въ войскахъ лица духовнаго сана и освобождаются отъ строевой службы, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что положеніе мобилизованныхъ очень тяжелое, потому что въ большинствѣ случаевъ они уже совершенно оторваны отъ церкви и отъ своего основного призванія. И поистинѣ для вѣрующаго грустно видѣть, напримѣръ, дьякона въ качествѣ военнаго писаря и священника въ роли ямщика военной почты, а такія картины приходилось наблюдать не разъ.

Переходя къ политикѣ большевиковъ въ отношеніи церковнаго имущества и матеріальнаго положенія духовенства, надо сказать, что тутъ надлежитъ различать двѣ категоріи мѣръ. Съ одной стороны — это общегосударственныя мѣропріятія, съ другой распоряженія, касающіяся спеціально церкви. Первыя, какъ-то: уничтоженіе права собственности на недвижимыя (напр. дома) и движимыя имущества (всѣ виды денежныхъ вкладовъ) общеизвѣстны, и поэтому о нихъ достаточно только напомнить. Вторыя-же носятъ болѣе разнообразный характеръ и требуютъ кое-какихъ поясненій. Къ нимъ относятся, во-первыхъ, лишеніе духовенства всякаго содержанія (въ силу декрета объ отдѣленіи церкви отъ государства); во-вторыхъ, конфискація церковныхъ и монастырскихъ земель, въ-третьихъ, осуществленныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ попытки реквизиціи самыхъ церковныхъ зданій и утвари, и, наконецъ, въ-четвертыхъ — постоянныя стѣсненія сельскаго духовенства въ его хозяйственныхъ правахъ. Относительно конфискаціи монастырскихъ земель надо сказать, что извѣстная доля послѣднихъ оставлялась все же за монастырями въ случаѣ, если монахи, въ качествѣ трудовой сельской коммуны, брались обрабатывать ее, не прибѣгая къ наемному труду. Относительно покушенія на церковныя зданія и утварь слѣдуетъ замѣтить, что такія покушенія, въ большинствѣ случаевъ, не удавались, благодаря тому, что они были основаны на предпосылкахъ, обнаружившихъ полное невѣжество зачинщиковъ въ вопросахъ церковной жизни; такъ, осенью 1919 года было издано распоряженіе, согласно коему духовенству предписывалось сдать всѣ церковныя зданія и утварь коммунамъ вѣрующихъ, если таковыя могутъ образоваться, въ противномъ же случаѣ (т. е. если коммуны не составятся) то казнѣ, или иначе совѣтамъ.*)

Декретъ этотъ, за немногими исключеніями, никакихъ послѣдствій не могъ имѣть, такъ какъ представителямъ власти, къ ихъ великому изумленію и конфузу, пришлось узнать, что церковныя зданія и утварь, уже издревле принадлежатъ не духовенству, а именно коммунамъ гражданъ, именуемымъ... приходами.

---

*) Написано до конфискаціи утвари и другихъ цѣнныхъ церковныхъ предметовъ. **Ред.**

Все же на основанiи этой мѣры могли пострадать, да навѣрное и пострадали нѣкоторыя домашнiя церкви, но число ихъ не могло быть значительнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, вокругъ многихъ домашнихъ храмовъ образовались новые приходы, а, съ другой, — не малое число ихъ было уничтожено уже раньше въ административномъ порядкѣ.

Такая именно участь постигла большинство храмовъ разныхъ вѣдомствъ, а преимущественно учебныхъ заведенiй, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были использованы, демонстративно-кощунственнымъ образомъ, въ качествѣ театральныхъ и танцовальныхъ помѣщенiй. Стѣсненiя сельскаго духовенства въ хозяйственномъ быту выразились, кромѣ лишенiя права нанимать рабочихъ, въ постоянныхъ, значительно болѣе частыхъ, чѣмъ у другихъ лицъ, реквизицiяхъ, а иногда и въ отобранiи самихъ земельныхъ надѣловъ.

Къ категорiи мѣръ, подрывающихъ матерiальное благополучiе духовенства, можно отнести и ограниченiе его права по службѣ въ гражданскихъ учрежденiяхъ. Лицамъ духовнаго званiя въ началѣ 1921 г. запрещено занимать отвѣтственныя должности вообще (начиная съ начальниковъ отдѣленiй) и, кромѣ того, служить во многихъ вѣдомствахъ (народнаго просвѣщенiя, рабоче-крестьянской инспекцiи, многихъ учрежденiяхъ комисарiата земледѣлiя и т. п.). Такое ограниченiе, какъ это ни кажется парадоксальнымъ, безусловно сильно задѣло духовенство, ибо многiе изъ его среды, чтобы не умереть съ голоду, особенно въ провинцiальныхъ городахъ, поступили на совѣтскую службу, гдѣ иногда занимали сравнительно отвѣтственные посты. Само собой разумѣется, что службу свою духовенство избирало, такъ сказать, въ болѣе или менѣе аполитичныхъ вѣдомствахъ, главнымъ образомъ, въ статистическихъ учрежденiяхъ комиссарiата земледѣлiя.

Къ административнымъ мѣрамъ, стѣсняющимъ церковную жизнь, относятся: во-первыхъ, запрещенiе преподавать въ школахъ законъ Божiй; во-вторыхъ, закрытiе всѣхъ учебныхъ заведенiй, начиная отъ низшихъ епархiальныхъ училищъ и кончая Духовной Академiей; въ третьихъ, запрещенiе безъ особаго на каждый случай разрѣшенiя совершать крестные ходы; въ четвертыхъ, тайное наблюденiе за церковными проповѣдями; въ пятыхъ, закрытiе консисторiй и, въ шестыхъ, лишенiе церкви органовъ печати, типографiй и многихъ книжныхъ магазиновъ.

Общимъ слѣдствiемъ такихъ стѣсненiй является невозможность организовать на правильныхъ началахъ церковное управленiе. Къ числу такихъ затрудненiй относятся и такiя общiя явленiя совѣтской жизни, какъ желѣзнодорожная разруха, запрещенiе въѣзда и выѣзда, разстройство почты и система перлюстрацiи корреспонденцiи, отсутствiе свободнаго времени, невозможность содержать достаточный штатъ канцелярскихъ служащихъ и прочее.

Если говорить о томъ, въ какой области большевики проявляютъ наибольшую энергію въ борьбѣ съ церковью, то область эта — сама религія. Здѣсь борьба принимаетъ, характеръ, какъ сказано выше, агитаціи и пропаганды. Эти названія имѣютъ здѣсь условное примѣненіе — изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ видно, что въ понятіе пропаганды входятъ и такія дѣйствія, которыя нельзя охарактеризировать иначе какъ самое кощунственное озорство.

Полемъ агитаціи служитъ большевикамъ прежде всего монополизированная ими пресса. Газетныя статьи и замѣтки противъ религіи носятъ всегда трафаретный характеръ и ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи:

1) статьи антирелигіознаго содержанія вообще, доказывающія, что религія — выдумка господствующихъ классовъ, а христіанство — только извращенная исторіей ранняя попытка коммунизма;

2) клеветническія статьи и замѣтки, рисующія духовенство, какъ корыстнаго дѣятеля реакціи, а храмы, какъ тайные склады частныхъ сокровищъ, оружія и пр.

На болѣе серьезный характеръ оппонента защитникамъ религіи претендуетъ издающійся въ Москвѣ журналъ „Церковь и Революція". Тамъ преподносятся статьи на тѣ же темы, съ попытками философскаго и научнаго обоснованій, причемъ временами допускается и снисходительный тонъ въ отношеніи врага. Журналъ этотъ широкаго распространенія не имѣетъ и кромѣ коммунистическихъ клубовъ, агитаціонныхъ пунктовъ, (напр. на станціяхъ жел. дор.) и „политотдѣловъ" (отдѣловъ пропаганды при военныхъ учрежденіяхъ), его можно встрѣтить только у духовенства, старающагося (по крайней мѣрѣ въ столицахъ) быть въ курсѣ антирелигіозной литературы.

Считая все же и такіе методы борьбы недостаточными, такъ какъ отсутствіе средствъ печатанія бьетъ, конечно, и по большевикамъ, послѣдніе, помимо печатнаго слова, прибѣгаютъ и къ устной рѣчи, и къ распространенію каррикатуръ и лубковъ противъ церкви и духовенства. Каррикатуры-лубки, съ бойкимъ стихотворнымъ текстомъ, расклеиваются какъ на перекресткахъ улицъ, такъ и на стѣнахъ внутри совѣтскихъ учрежденій. На нихъ изображаются или бытовыя сценки, рисующія корысть духовенства, или аллегорическія шествія реакціонныхъ силъ, гдѣ священникъ фигурируетъ обязательно рядомъ съ купцами, банкирами и фантастически разряженными генералами звѣрскаго вида. Однажды довелось видѣть каррикатуру, на которой въ шествіи „темныхъ силъ" участвовали представители и другихъ, кромѣ православной, религій, въ томъ числѣ и раввинъ, изображенный въ такомъ крохотномъ размѣрѣ, что только старательный глазъ могъ обнаружить его.

Устная антирелигіозная агитація выражается въ устройствѣ антирелигіозныхъ лекцій и диспутовъ, на которыхъ вы-

ступаютъ обыкновенно 3 главныхъ специалиста по матеріализму: „самъ“ Луначарскій, Шпицбергъ и Поссе. Диспуты эти происходятъ, главнымъ образомъ, въ столицахъ.

Къ устной антирелигіозной агитаціи, въ широкомъ смыслѣ слова, надо отнести и преподаваніе въ Университетѣ. Вмѣсто прежде обязательнаго богословія тамъ читается (едва ли не на всѣхъ факультетахъ) „историческій матеріализмъ,“ излагаемый въ догматической формѣ. Программу же бывшаго „историко“-филологическаго факультета нынѣ и узнать нельзя. Она вся переполнена новыми предметами, какъ то: исторія матеріализма, историческій матеріализмъ, исторія соціализма, психологія пролетаріата и т. п. — особенно курьезнымъ представляется „исторія пролетарскаго искусства.“ На эту послѣднюю кафедру лектора (по крайней мѣрѣ, въ теченіе перваго семестра 1921-22 г.) не нашлось.

Наконецъ, въ области устной агитаціи можно отмѣтить дозволеніе выводить на театральной сценѣ лицъ духовнаго сана. Впрочемъ, кромѣ одной, идущей на сценѣ „Народнаго Дома“ пьесы, гдѣ священникъ снимаетъ рясу, желая вступить во второй бракъ, представленій этого рода не было.

Къ наиболѣе грубымъ методамъ антирелигіозной агитаціи принадлежитъ отмѣченное выше превращеніе церквей въ увеселительныя заведенія или тюремныя помѣщенія (въ Смоленскѣ въ Авраамiевскомъ монастырѣ устроенъ концентраціонный лагерь) и кощунственное вскрытіе мощей.

Такое кощунство произведено надъ мощами Св. Сергія Радонежскаго, св. Митрофанія Воронежскаго, многихъ святыхъ, почивающихъ въ Новгородѣ и Псковѣ, и можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Этого рода дѣянія производились всегда послѣ широкаго оповѣщенія, въ присутствіи народа, доктора, археолога и духовенства. Подробные протоколы вскрытія, съ фотографическими снимками, печатались впослѣдствіи въ газетахъ.

Въ качествѣ послѣдняго средства давленія на религіозныя убѣжденія надлежитъ отмѣтить еще запрещеніе исповѣдывать какую бы то ни было религію членамъ коммунистической партіи. Въ видѣ исключенія имъ разрѣшается иногда вступать въ церковные браки въ тѣхъ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ говорится въ декретѣ, „слишкомъ живы религіозные предразсудки“; этимъ послабленіемъ, по словамъ того же декрета, имѣется въ виду, не отвращать симпатій „темныхъ массъ“ отъ партіи.

Всѣ мѣры, направленныя противъ религіи и церкви, не остались безъ отвѣта. Вѣрующіе отвѣтили на нихъ борьбой, но борьбой особаго характера. Такая разница въ характерѣ и способахъ борьбы объясняется тѣмъ, что вѣрующіе, съ одной стороны, были безсильны предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія, и, съ другой, и не желали итти на нихъ, такъ

какъ христіанская мораль не позволяетъ прибѣгать въ защитѣ церкви къ такимъ дѣйствіямъ, которыя противорѣчатъ завѣтамъ Христовымъ.

И всетаки, хотя церковь только оборонялась или даже только терпѣла, она побѣждала, а во многихъ случаяхъ уже побѣдила, несмотря на многія обнаружившіяся внутри ея болѣзни и неудачи.

Террору было противопоставлено только одно средство — терпѣніе и вѣрность религіи, хотя не всѣ члены церкви оказались стойкими. Правда заставляетъ сказать, — и этого никто изъ православныхъ въ Совдепіи не замалчиваетъ, — въ первый годъ злосчастнаго владычества коммунистовъ сняло съ себя духовный санъ не малое количество духовныхъ лицъ (больше изъ сельскаго духовенства). Но причинило ли это вредъ церкви? Конечно, нѣтъ. Совершенно очевидно, что отпавшіе нужныхъ для пастырей церкви качествъ не имѣли и не представляли для нея какой либо цѣнности, что съ уходомъ ихъ церковь только очистилась и внутренне окрѣпла. Случаи такого отпаденія объясняются какъ общественными, такъ и личными причинами. Большинство людей, чье мнѣніе мнѣ довелось слышать, сводитъ это явленіе къ сословно-наслѣдственной организаціи духовенства, благодаря которой очень многія лица духовнаго происхожденія шли въ священство только по семейнымъ традиціямъ, безъ всякаго внутренняго влеченія.

Былая замкнутость духовенства несомнѣнно только угашала его духъ и мѣшала доступу въ него свѣжихъ силъ извнѣ. Если благодаря своей замкнутости духовенство и сохранило много положительныхъ бытовыхъ чертъ и традицій, которыхъ такъ не достаетъ другимъ классамъ русскаго общества, то, думается, эта бытовая консервативность, цѣнная во многихъ случаяхъ, именно въ духовенствѣ меньше всего необходима, такъ какъ у служителей Христа скромность образа жизни, стойкость морали должны создаваться личнымъ живымъ религіознымъ дѣланіемъ, подъ руководствомъ священнаго писанія, твореній святыхъ отцовъ и священныхъ преданій, которыя „не прейдутъ во вѣкъ.“

Возвращаясь къ борьбѣ народа за церковь, нельзя не замѣтить, что въ Петроградѣ арестованные священники, во время своего сидѣнія въ тюрьмахъ, всегда поддерживались прихожанами, какъ морально, такъ и матеріально.

Такъ, напр., они обычно получали отъ прихожанъ столько пищи, что свободно могли дѣлиться ею со своими товарищами по заключенію.

Моральная поддержка выражалась, между прочимъ, въ горячемъ участіи прихожанъ въ хлопотахъ по освобожденію арестованныхъ. Такъ, въ Смоленскѣ, арестованный молодой чрезвычайно популярный епископъ Филиппъ былъ освобож-

денъ по требованію не только прихожанъ, но и многихъ профессіональныхъ союзовъ.

Епископъ, какъ передаютъ, былъ арестованъ вмѣстѣ съ представителями другихъ христіанскихъ культовъ просто какъ бы за компанію, одновременно съ раввиномъ, не желавшимъ отдать синагогу для устройства въ ней оперныхъ спектаклей.

Справедливость требуетъ сказать, что большевики постоянно заявляютъ о своей борьбѣ противъ религіи вообще, а не только противъ христіанства или одного изъ его вѣроисповѣданій. Однако, несомнѣнно и то, что страдаютъ отъ этой борьбы главнымъ образомъ христіане и не только православные. Не мало потерпѣло духовенство римской церкви вовремя войны съ поляками. При наличіи большей дисциплины, католики отстаивали свои права болѣе рѣшительно, чѣмъ православные. Эта солидарность католиковъ, напримѣръ, выразилась въ томъ, что, во время ареста ихъ епископа въ Минскѣ лѣтомъ 1920 г., подъ ходатайствомъ объ его освобожденіи подписалось почти все католическое населеніе города.

Не мало терпятъ и нѣкоторые сектанты, въ особенности, толстовцы, за отказы отъ воинской повинности, хотя и существуетъ законъ, освобождающій отъ строевой службы лицъ, не принимающихъ войны по религіознымъ убѣжденіямъ. Между прочимъ толстовцы, руководимые Чертковымъ, издаютъ въ Москвѣ свои журналы, въ которыхъ, высказывая не мало сочувствія нѣкоторымъ коммунистическимъ принципамъ, все же очень рѣзко осуждаютъ большевизмъ, въ особенности за насилія. Въ послѣднее время большевики стали менѣе снисходительны къ толстовцамъ, такъ какъ ихъ дѣятельность стала сильно оппозиціонной.

Наконецъ, въ желаніи помочь арестованнымъ и поддержать морально ихъ близкихъ, сама церковь постоянно возноситъ молитвы о нихъ. Слезы навертываются, когда во время обѣдни или постоянныхъ молебствій, напримѣръ, въ часовнѣ Спасителя, или передъ иконой Казанской Божьей Матери, іерей или дьяконъ возглашаетъ длинный перечень „въ узахъ сущихъ“. Въ этомъ перечнѣ всегда упоминается не менѣе 2-3 епископовъ и 10-15 іереевъ.

Еще тяжелѣе слышать во время панихидъ перечень — „новопреставленныхъ убіенныхъ рабовъ Божіихъ“...

Не менѣе трудно бороться церкви и вѣрующимъ съ экономическимъ обездоленіемъ какъ самой церкви, такъ и духовенства. Тутъ имѣется единственное средство, это добрая воля жертвователей, также нуждающихся и обездоленныхъ. Несмотря на нужду, желаніе поддержать церковь и духовенство настолько ярко обнаруживается, что въ столицахъ духовенство послѣднее время въ большинствѣ случаевъ почти вполнѣ обезпечивается добровольными пожертвованіями, поступающими въ качествѣ членскихъ взносовъ прихожанъ,

кружечнаго сбора и платы за требы. Распредѣляются же эти поступленія согласно выработаннымъ прихожанами окладамъ жалованія для духовенства. Эти оклады въ 1919 и 1920 гг. опредѣлялись примѣнительно къ ставкамъ совѣтскихъ учрежденій, причемъ священники и дьякона получали одинаковую сумму, церковнослужителямъ же былъ положенъ нѣсколько меньшій окладъ.

Въ провинціи положеніе духовенства тяжелѣе. Правильныхъ окладовъ изъ поступающихъ пожертвованій невозможно было установить, почему, какъ сказано выше, священники принуждены искать добавочнаго заработка на службѣ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ.

Тяжелѣе всего оказалось, или, вѣрнѣе сказать, осталось положеніе сельскаго духовенства. Его хозяйственная дѣятельность сильно затруднялась, а пожертвованія за полнымъ почти отсутствіемъ интеллигенціи въ сельскихъ мѣстностяхъ могли поступать только отъ крестьянъ. Послѣдніе же въ большинствѣ случаевъ, даже и религіозные, часто весьма скупы.

Что касается монастырей, то уцѣлѣвшіе живутъ, главнымъ образомъ только своимъ черным трудомъ.

Уцѣлѣли же далеко не всѣ монастыри. Многіе заняты, особенно въ городахъ, подъ разныя учрежденія, а монахи переведены въ какой либо изъ оставшихся. Да и тамъ имъ часто приходится сильно тѣсниться, такъ какъ зачастую лучшія зданія реквизированы и у нихъ.

Такія насилія не всюду однако удаются, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ насильникамъ приходилось встрѣчаться съ сопротивленіемъ толпы. Такъ, попытки вторженія въ Александро-Невскую Лавру въ Петроградѣ были остановлены такой внушительной толпой, что болѣе не повторялись. Вообще надо сказать, что большевики хорошо понимаютъ, что слишкомъ шутить съ религіей нельзя и чѣмъ дальше, тѣмъ больше измѣняется ихъ тактика борьбы съ церковью. Въ своихъ статьяхъ они все чаще признаются, что „религіозные предразсудки" настолько сильны, что съ ними можно бороться только очень медленно и осторожно. Также, все чаще появляются инструкціи, гдѣ, напримѣръ, рекомендуется особая осторожность при обыскахъ въ церквахъ; обыски эти надлежитъ производить руками священнослужителей, только въ присутствіи властей; рекомендуется избѣгать кощунства въ религіозныхъ спорахъ.

Въ виду того, что этого рода предписанія появились не сразу, можно съ удвоенной увѣренностью сказать, что они являются слѣдствіемъ отпора, который далъ народъ своимъ не останавливающимся ни передъ чѣмъ властителямъ.

Переходя къ вопросу, какъ отразились на церкви тѣ пріемы борьбы съ ней большевиковъ, которые выше охарактеризованы, какъ административныя мѣры, стѣсняющія церковную жизнь, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ вопросъ удобнѣе раз-

смотрѣть въ связи съ борьбою церкви противъ антирелигіозной пропаганды, коснувшись предварительно только измѣненій, происшедшихъ въ области церковнаго управленія.

Измѣненія эти, кромѣ закрытія большевиками консисторій, замѣненныхъ полу-частнымъ совѣщаніемъ при епископахъ, и снятія съ церкви обязанностей по веденію метрическихъ актовъ, произошли преимущественно по доброй волѣ самой церкви и въ конечномъ выводѣ должны быть признаны для церковныхъ учрежденій полезными.

Церковное управленіе значительно упростилось, въ немъ не осталось никакой канцелярской волокиты, и даже такія сложныя дѣла, какъ расторженіе браковъ, происходятъ быстро. Для развода требуется (помимо каноническихъ условій) только мотивированный отзывъ духовника и согласіе мѣстнаго епископа. Упрощены и отношенія высшей церковной іерархіи къ низшему духовенству и паствѣ.

Въ предѣлахъ своихъ епархій епископы стали гораздо болѣе подвижными. Они постоянно обходятъ и объѣзжаютъ подчиненные имъ приходы, и архіерейское служеніе стало нерѣдкостью въ самыхъ скромныхъ храмахъ.

Конечно, есть печальныя стороны и тутъ. Къ нимъ, какъ сказано выше, относятся главнымъ образомъ, трудность поддерживать связь между центрами и удаленными отъ нихъ мѣстами, такъ же какъ трудность имѣть болѣе крѣпкую связь съ Москвою — съ Патріархомъ.

Поэтому посланія и распоряженія Патріарха чрезвычайно запаздываютъ на мѣстахъ, и въ большинствѣ случаевъ замѣчается сильная децентрализація въ церковномъ управленіи, какъ бы автономность мѣстныхъ епархій.

Конечно, прежняя централизація, когда церковью управляли въ значительной мѣрѣ гражданскіе чиновники, нежелательна, но не хороша и нынѣшняя отчужденность отъ церковнаго центра, каковымъ является вполнѣ независимый Патріархъ.

Это слово „независимый“, требуетъ оговорокъ.

Нынѣшняя церковная власть независима только въ томъ смыслѣ, что свѣтская власть не вліяетъ на внутреннюю политику церкви, внѣшне же церковь и ея власть далеко не свободны, что видно какъ изъ всего изложеннаго, такъ и изъ того факта, что самъ Владыка-Патріархъ чаще пребываетъ подъ домашнимъ арестомъ, чѣмъ на полной свободѣ. Достовѣрно извѣстно, что въ 1919 г. было произведено и покушеніе на жизнь Патріарха, къ которому онъ отнесся со свойственнымъ ему благодушнымъ юморомъ.

На всю антирелигіозную пропаганду и сопутствующія ей разнаго рода стѣснительныя мѣры, церковь могла отвѣтить, главнымъ образомъ, устнымъ словомъ и преимущественно съ церковной каѳедры. Помимо же церковной каѳедры голосъ представителей церкви раздавался только на такъ называ-

емыхъ церковныхъ диспутахъ и на урокахъ и лекціяхъ по религіознымъ предметамъ.

На диспутахъ въ большинствѣ случаевъ удачно оппонировали коммунистамъ какъ священники, такъ и нѣкоторые міряне. Очень распространенъ разсказъ, какъ на одномъ изъ послѣднихъ диспутовъ въ 1921 г. въ Москвѣ, на которомъ предсѣдатель собранія явно покровительствовалъ коммунистамъ, одинъ священникъ попросилъ слова, обѣщавъ быть краткимъ, и затѣмъ, взойдя на каѳедру, произнесъ: „Христосъ Воскресе", на что со стороны собравшихся послѣдовало громкое: „Воистину Воскресе". Предсѣдатель послѣ этого счелъ безполезнымъ продолжать собраніе и закрылъ его.

Говорятъ, что послѣ этого урока было рѣшено вовсе не устраивать подобныхъ собраній. Такъ-ли это — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ о диспутахъ въ послѣднее время мало было слышно.

За то не прекращаются иного рода диспуты о религіи — въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ. Если срокъ ѣзды болѣе сутокъ, разговоры о бытіи Бога среди простолюдиновъ возникаютъ почти неизмѣнно. Зачинщикомъ спора обычно бываетъ кто либо изъ коммунистовъ, желающихъ поддѣть подозрительнаго человѣка. Коммунистъ, понявъ, что сочувствующихъ ему мало, быстро ретируется, принявъ гордый и угрюмый видъ, и разговоръ продолжается между остальными. Аргументація обыкновенно съ обѣихъ сторонъ очень наивная и сводится къ обсужденію вопроса о чудѣ или къ противопоставленію понятій Провидѣнія и Судьбы. Спорятъ больше люди пожилые и женщины.

Что касается преподаванія Закона Божія, то оно теперь происходитъ или на дому у священниковъ, или въ самихъ приходскихъ храмахъ. Въ Петроградѣ обучающихся много, но больше дѣтей младшаго возраста; въ провинціальныхъ же городахъ обучающихся немного, и далеко не всѣ священники имѣютъ учениковъ. Въ Смоленскѣ, напр., преподаваніе ведетъ только самъ епископъ. Объясняется это малое количество учениковъ не столько индифферентизмомъ къ религіи, сколько техническими трудностями, отсутствіемъ свободнаго времени у священниковъ и у дѣтей (вѣдь дѣти часто служатъ или заняты домашней работой). Точно такъ же, многіе родители стѣсняются обучать дѣтей даромъ, а платить за уроки не могутъ. Конечно доля вины остается и на родителяхъ, и на священствѣ, которое въ столицахъ проявляетъ въ этомъ вопросѣ куда больше инициативы, чѣмъ въ провинціи.

Еще плачевнѣе, какъ слышно, дѣло обстоитъ въ деревняхъ.

Относительно закрытія духовныхъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ сказать, что ожила нынѣ только высшая школа, такъ какъ вмѣсто закрытой Духовной Академіи въ Петроградѣ сперва возникли богословскіе частные курсы, а теперь от-

крылся (съ разрѣшенія властей) и Богословскій Институтъ, богатый научными силами какъ духовными, такъ и свѣтскими. Слушателей въ немъ много, причемъ половина изъ среды недуховной.

Возвращаясь къ голосу церкви съ церковной каѳедры, надо констатировать, что этотъ голосъ звучитъ наиболѣе мощно.

Охарактеризовать достаточно полно все то новое, что произносится оттуда, конечно очень трудно, но нѣкоторыя общія черты можно легко отмѣтить. Прежде всего — это усиленный призывъ къ покаянію, терпѣнію и надеждѣ; потомъ — предостереженіе отъ увлеченія духомъ времени, враждебнымъ церкви, обличеніе этого духа, наконецъ, постоянное ободреніе и указаніе на то, что вѣрность Христу неминуемо, черезъ личныя скорби, приведетъ къ спасенію родины и спокойствію частной жизни. Само собою разумѣется, что проповѣдники, затрагивая общественныя темы, чтобы не навлечь бѣды на церковь, выражаются осторожно, но напряженное и единодушное состояніе молящихся настолько воспріимчиво, что всѣ отлично понимаютъ, кто, напримѣръ, подразумѣвается подъ „врагами церкви" и т. п. Такая недоговоренность дѣйствуетъ еще сильнѣе, такъ какъ въ ней лишній разъ чувствуется, что врагъ это не отвлеченное понятіе, а нѣкто, можетъ быть, тутъ невидимо присутствующій, каждую минуту готовый обрушиться на того, кто говоритъ проповѣдь.

Не менѣе, чѣмъ проповѣдь, дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ и многія, казалось бы, простыя слова богослуженія и нѣкоторые пропуски въ знакомыхъ мѣстахъ. Такъ народъ всегда весьма усердно крестится при словахъ ектеніи: „о Державѣ Россійской и спасеніи ея" и проникается грустнымъ чувствомъ, когда не слышитъ привычнаго призыва помолиться „о христолюбивомъ воинствѣ".

Какъ могутъ дѣйствовать призывы молиться о „во узахъ сущихъ" или объ „убіенныхъ", — упомянуто выше.

Конечно, священникамъ приходится касаться въ своихъ рѣчахъ и темы о мощахъ. Тутъ приходится слышать, что нетлѣнность не есть главный признакъ святости и главное основаніе почитанія останковъ святыхъ, что къ почитанію побуждаетъ чудотворная сила послѣднихъ и память о самомъ святомъ. Указываетъ духовенство и на то, что, какъ это уже давно было извѣстно, фактъ нетлѣнности далеко не былъ частымъ явленіемъ, что не сохранилось останковъ даже самыхъ великихъ и наиболѣе почитаемыхъ святыхъ. Можно констатировать, что испытаніе вѣры, которое вызываетъ постановка этого вопроса большевиками, далеко не такъ опасно, какъ думаютъ сами большевики. У многихъ вѣра, которая „есть вещей обличеніе невидимыхъ" только окрѣпла послѣ этого, и есть всѣ данныя сомнѣваться, могли ли быть дѣй-

ствительные случаи отпаденія отъ вѣры на основаніи произведенныхъ большевиками „экспертизъ“. За то самый фактъ кощунственнаго прикосновенія къ мощамъ будитъ, конечно, у большинства чувство негодованія къ тѣмъ, кто на это рѣшился, независимо отъ вопроса о нетлѣнности, ибо русскій народъ всегда относился съ уваженіемъ не только къ особо почитаемымъ останкамъ, но къ останкамъ усопшихъ вообще.

Возвращаясь опять къ проповѣдямъ, нельзя не подчеркнуть что проповѣдь звучитъ гораздо ярче и смѣлѣе въ столицахъ, чѣмъ въ провинціи, гдѣ духовенство менѣе образовано и краснорѣчиво. Въ Петроградѣ же нѣкоторые проповѣдники пользуются совершенно исключительной популярностью, небывалой въ прежнія времена (за исключеніемъ, можетъ быть, такого примѣра, какъ популярность Отца Іонна Сергіева-Кронштадскаго). Нѣкоторые изъ этихъ популярныхъ священниковъ проявляютъ дѣйствительно рѣдкій талантъ, энергію, организаторскія способности и смѣлость, за которую платятся постояннымъ періодическимъ отсиживаніемъ на Гороховой и Шпалерной.

И сила ихъ вліянія на массы вѣроятно удерживаетъ отъ убійства и большевиковъ, которые стали теперь, напротивъ, стараться при арестѣ подобныхъ популярныхъ лицъ быть съ ними особо обходительными. Были даже, говорятъ, попытки со стороны власти, въ частности Ч. К, склонить такихъ лицъ на тайную службу въ пользу большевизма.

Наибольшимъ внѣшнимъ тріумфомъ Петроградской Церкви былъ общегородской крестный ходъ въ воскресеніе Ѳоминой недѣли 1921 г.

О предстоящемъ торжествѣ было объявлено съ церковныхъ каѳедръ и амвоновъ и въ краткихъ рукописныхъ запискахъ, прибитыхъ къ дверямъ церквей. Народу собралось такъ много, что врядъ ли и патріотическія манифестаціи 1914 г., когда въ Петроградѣ было гораздо болѣе 700.000 жителей (число жителей весною 1921 г.), собирали такую толпу. Когда крестные ходы отдѣльныхъ частей города слились въ одну общую процессію, то Невскій просп. отъ Казанскаго Собора до Лавры представлялъ собою сплошное море головъ. Шествіе было самымъ мирнымъ и чиннымъ. Только не снимавшимъ шапки предлагали ихъ снять, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сбивали ихъ съ головъ, но съ тѣхъ субъектовъ, которые демонстративно внѣдрялись въ процессію съ покрытой головой, а порой и съ папиросой въ зубахъ. Въ общемъ, такихъ случаевъ было мало, и даже встрѣчавшіеся въ автомобиляхъ коммисары снимали фуражки или отдавали честь.

Нечего говорить, какой гвалтъ подняли красныя „газеты“ — единственныя существующія — на слѣдующій день послѣ небывалой процессіи. Здѣсь снова спали надѣтыя было маски корректности, и большевики не удержались отъ явной пло-

щадной брани. Въ пылу азарта „Красная Газета“ утверждала: „наглость дошла до того, что на улицахъ Красной Столицы пѣли даже такую контръ-революціонную молитву какъ „Спаси Господи за царя“.

Конечно, для православныхъ читателей было ясно, что приведеннаго „газетою“ текста молитвы никогда не существовало и что рѣчь могла быть только о молитвѣ „Спаси Господи люди Твоя“. Что касается упоминанія о царѣ, то такого упоминанія не было и быть не могло, просто потому, что Императоръ Николай II звѣрски убитъ, а другого царя въ Россіи нѣтъ.

Особенно обиднымъ показалось большевикамъ массовое и организованное шествіе дѣтей и безнадежный провалъ ихъ собственнаго большевистскаго праздника и демонстрацій 1-го Мая, совпавшихъ съ Праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Послѣ описаннаго знаменательнаго для церкви дня, никакіе крестные ходы больше не разрѣшались, ни православные, ни римско-католическіе.

* * *

Теперь, когда охарактеризованы главныя, конкретныя формы борьбы большевиковъ съ церковью и отношеніе церкви и народа къ нимъ, остается использовать еще кое какой, не вмѣстившійся въ рамки предшествующаго изложенія, матеріалъ, и на основаніи его и всего вышеизложеннаго перейти къ общимъ выводамъ.

Прежде всего надлежитъ сдѣлать попытку обрисовать религіозную жизнь сельскихъ народныхъ массъ.

Къ сожалѣнію, матеріала для выводовъ въ этомъ вопросѣ не слишкомъ много, такъ какъ источниками нашихъ свѣдѣній являются разсказы духовенства западныхъ губерній (Смоленской, Минской), сообщенія немногихъ лицъ, побывавшихъ въ Центральной Россіи и, наконецъ, наблюденія надъ представителями сельскаго населенія въ городахъ, въ частности надъ красноармейцами.

Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этихъ источниковъ, обязываютъ сказать, что усиленіе религіознаго чувства въ народѣ, сознаніе, что Богъ караетъ Россію, — имѣется главнымъ образомъ у лицъ болѣе стараго возраста, деревенская же молодежь въ значительной мѣрѣ деморализована, и, хотя далеко не склоняется къ коммунизму, все же стала безразлична и небрежна въ вопросахъ вѣры и личной нравственности. Она въ общемъ и „аполитична“, а если и увлекается чѣмъ либо новымъ, связаннымъ съ революціей, то это теперь шире проникшими въ деревню плодами внѣшней цивилизаціи: спектаклями, танцульками, пародіями на европейскія моды.

Среди молодежи религіозныя традиціи хранятъ главнымъ образомъ женщины; онѣ усердно посѣщаютъ Божьи храмы и исполняютъ обряды. Особенно ярко вліяніе женщины сказывается въ томъ, что онѣ упорныя противницы гражданскаго брака, вслѣдствіе чего и коммунисты, которымъ церковный бракъ, кромѣ вышеуказанныхъ исключеній запрещенъ, все же, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, вступаютъ тайно отъ партіи въ церковные браки.

Относительно деревни можно сказать еще, что хотя она матеріально во многихъ мѣстахъ, въ сравненіи съ городомъ, благоденствуетъ и несмотря на то, что она активнѣе города въ борьбѣ съ властью, все же она во многихъ отношеніяхъ оказывается болѣе забитой и безпомощной, напр. въ случаѣ ареста священника.

Этимъ объясняется и меньшая активность сельскаго духовенства, какъ бы брошеннаго на произволъ судьбы въ народной стихіи. Впрочемъ, недостаточной его авторитетности способствуетъ и его меньшая, чѣмъ въ городахъ, интеллигентность.

Всѣ наши данныя и свѣдѣнія побуждаютъ думать, что вліяніе церкви въ деревнѣ не можетъ сыграть рѣшающей роли въ борьбѣ съ большевиками. И даже больше того: сейчасъ нельзя еще и говорить о наличіи религіознаго возрожденія широкихъ народныхъ массъ.

Пока что, результатъ вліянія церкви на нихъ можно опредѣлить какъ спасеніе отъ дальнѣйшаго разложенія, сбереженіе лучшихъ нравственныхъ и бытовыхъ традицій и сохраненіе зачатковъ національнаго сознанія, такъ какъ для человѣка изъ „народа" выраженіе „по-русски" и „по-православному" — синонимы.

Религіозное же возрожденіе опредѣленно замѣчается въ городахъ и идетъ сверху внизъ, отъ интеллигенціи къ народу.

По интенсивности этого процесса, уже сейчасъ ярко обнаружившагося, можно сказать, что онъ захватитъ и народъ, въ которомъ почва для этого всегда есть, но этотъ процессъ все же не слишкомъ быстрый, и результаты его скажутся можетъ быть, только въ новой, послѣ-большевистской Россіи.

Все сказанное о народѣ отнюдь не должно внушить мысли, что онъ поддерживаетъ большевиковъ и доволенъ ими. Недовольство безусловно повсемѣстное и небывалое. Коммунистовъ незначительное меньшинство (по оффиціальнымъ подсчетамъ начала 1921 г. — около 500.000 на 130 милліоновъ населенія, а теперь, послѣ чистки партіи и массового ухода, начиная съ февраля, вѣроятно, не болѣе 300.000 человѣкъ), и почти каждый хотѣлъ бы отъ нихъ избавиться, и крестьянинъ не меньше, чѣмъ интеллигентъ, но къ пріобрѣтенію болѣе твердаго и яснаго національнаго и государ-

ственнаго сознанія аполитичный и анархичный по природѣ крестьянинъ идетъ болѣе сложнымъ путемъ, въ которомъ церковь играетъ меньшую роль, чѣмъ, какъ это ни парадоксально, въ средѣ интеллигентовъ.

Настроенію народа въ значительной степени соотвѣтствуетъ и настроеніе красной арміи. Красноармеецъ отличается отъ прежняго солдата только тѣмъ, что онъ недисциплинированъ, плохо обученъ, хотя въ значительной степени больше забитъ и потому постоянно недоволенъ. Впрочемъ, причиной его недовольства является и то обстоятельство, что онъ всегда голоденъ и полуодѣтъ. Отсюда ясно, что онъ въ большинствѣ случаевъ не только равнодушно, но и враждебно относится къ внѣдряемымъ въ его голову коммунистическимъ идеямъ, въ частности, и къ антирелигіознымъ.

Коммунистическая пропаганда для него только *ненавистная казенщина*. Конечно, есть въ красной арміи и коммунисты (по оффиціальнымъ даннымъ 6%), но это или командный составъ или немногіе прыткіе карьеристы.

Революціонный фанатизмъ, могущій итти въ сравненіе съ религіознымъ воодушевленіемъ, рѣдкое исключеніе, и мужество, проявляемое нѣкоторыми курсантскими частями, объясняется не имъ.

Курсантамъ просто лестно играть роль до нѣкоторой степени привилегированной гвардіи и будущаго краснаго офицерства, и они сражаются за тѣхъ, кто вывелъ ихъ какъ бы въ люди. Революціонныя же идеи только придатокъ, или наряду съ приличной формой одежды — лишній поводъ блеснуть.

Такого рода коммунизмъ заразителенъ для молодежи, главнымъ образомъ, въ возрастѣ 15—18 лѣтъ, въ годы полового созрѣванія. Потомъ пылъ его проходитъ, и курсанты, свыкнувшіеся, въ качествѣ командировъ, съ массой рядовыхъ солдатъ, насильно мобилизованныхъ, испытываютъ разочарованіе, такъ какъ ихъ познанія, духъ и умственный кругозоръ не даетъ имъ никакого авторитета среди измученной и голодной красноармейской массы.

Тѣмъ не менѣе, надо сказать, что служба въ красной арміи, если и не слишкомъ опасна, какъ школа атеизма, все же является сильно деморализующимъ факторомъ, такъ какъ жизнь среди полуголодныхъ бандъ хорошихъ привычекъ создать не можетъ. Эта служба опасна еще тѣмъ, что она вызываетъ такое отвращеніе къ воинскому долгу, какого не могли бы вызвать и самыя плохія въ бытовомъ отношеніи воинскія части старой арміи.

Вопросъ о деморализаціи затронутъ здѣсь потому, что онъ стоитъ въ тѣсной связи съ религіозной жизнью и что всеобщее паденіе нравовъ, вызванное экономической разрухой, преступностью власти, отсутствіемъ культурнаго правопорядка и войной, слишкомъ ужъ бросается въ глаза. Правда

и эта власть вынуждена сдерживать нѣкоторыя преступныя проявленія, напр. разбой въ городахъ, но во все увеличивающейся анархіи отъ проступковъ уголовнаго характера удерживаетъ, главнымъ образомъ, только религіозное сознаніе и вѣковое религіозное воспитаніе. И можно удивляться во многихъ случаяхъ, что моральный развалъ сдерживается и имѣетъ предѣлъ.

Самымъ безудержнымъ порокомъ, имѣющимъ теперь безусловно достаточно оправданій, является постоянный обманъ „гражданами" „своей власти", особенно въ отношеніи казны, поглотившей и промотавшей, какъ извѣстно, почти все имущество самихъ гражданъ.

Указанный, совершенно неизбѣжный нынѣ порокъ можетъ все же воспитать въ народѣ, не имѣющемъ твердаго правового сознанія, опасную для будущаго времени привычку. Моральное будущее, въ особенности судьба новыхъ поколѣній, внушаютъ вообще самое серьезное опасеніе, и здѣсь, пока что, ждать спасенія можно только отъ церкви, поддерживающей свѣтъ нравственнаго сознанія.

Одно право будетъ безсильнымъ справиться съ гніеніемъ, такъ какъ право, въ концѣ концовъ, только отражаетъ нравственныя нормы, слѣдуя за моралью. Вѣдь общественный прогрессъ въ исторіи заключается почти только въ томъ, что идеи нравственнаго сознанія постепенно воспринимаются сознаніемъ правовымъ. Но какъ бы ни было глубоко моральное разложеніе и какъ бы мрачно ни рисовалась намъ жизнь широкихъ народныхъ массъ, общее состояніе духовной жизни въ Россіи не должно внушать отчаянія. Имѣются на лицо и свѣтлые признаки. Этими свѣтлыми признаками являются: во-первыхъ, очищеніе духовенства отъ самаго ненадежнаго элемента и, во вторыхъ, безусловное повышеніе религіознаго чувства въ городахъ. О первомъ рѣчь была выше, второе же надлежитъ освѣтить шире и глубже.

Повышеніе религіознаго чувства въ городахъ видно не только изъ многаго, сказаннаго выше. Его можно наблюдать и по многимъ другимъ проявленіямъ. Оно проявляется какъ въ постоянномъ переполненіи храмовъ молящимися, такъ и въ томъ участіи, которое принимаютъ прихожане въ церковной жизни и богослуженіи.

Теперь во всякое время года (зимой при морозѣ въ храмахъ!) богослуженіе протекаетъ очень торжественно. Если почему либо организованные прихожанами хорошіе хоры пѣвчихъ не могутъ пѣть, то поютъ, и при томъ достаточно стройно, обычно сами молящіеся. При отсутствіи спеціальныхъ чтецовъ всегда находится кто либо изъ прихожанъ, кто охотно исполняетъ эту обязанность. Между прочимъ, нерѣдко читаютъ женщины. Участвуютъ въ богослуженіи постоянно и дѣти.

Въ нѣкоторыхъ храмахъ, ввиду исключительнаго скопленія народа, на Страстной недѣлѣ для дѣтей устраиваются отдѣльныя сокращенныя службы, причемъ для дѣтскихъ крестныхъ ходовъ существуютъ особыя небольшія хоругви.

Дѣти, присутствующія на этихъ службахъ, большею частью ученики по Закону Божьему храмовыхъ священниковъ. Нельзя не отмѣтить, что дѣти проявляютъ въ этихъ случаяхъ всегда особую привѣтливость къ своему учителю, которая раньше, когда преподаваніе велось рутиннымъ порядкомъ въ школахъ, врядъ ли имѣла мѣсто.

Что касается оживленія, такъ сказать, дѣловой приходской жизни, то оно тѣмъ удивительнѣе, что приходы лишены всѣхъ своихъ благотворительныхъ учрежденій, которыя переданы въ коммисаріатъ Соціальнаго Обезпеченія.

Дѣятельность приходскихъ собраній и совѣтовъ, ограниченная оффиціально вопросами содержанія храма и духовенства, казалось бы должна была съузиться, но на дѣлѣ это не такъ.

Приходы не отказались отъ частной благотворительности опредѣленнымъ лицамъ и, кромѣ того, взяли на себя заботу о духовномъ образованіи и воспитаніи. Кромѣ обычныхъ приходскихъ органовъ при многихъ изъ храмовъ возникли многочисленные по составу, такъ называемыя братства, имѣющія присвоенныя храмамъ названія и объединенныя въ общій союзъ. Цѣль братства — „отстаиваніе, гдѣ только можно, интересовъ церкви и христіанства“. Все расширяющаяся дѣятельность ихъ выражается какъ въ благотворительности, такъ и въ возможной пропагандѣ; во время богослуженія члены братствъ поддерживаютъ порядокъ, напримѣръ, при прикладываніи къ иконамъ и кресту, и носятъ особые значки, какъ то Андреевскій крестъ изъ голубого шелка и т. п. Пока что, братства имѣются главнымъ образомъ въ столицахъ, но распространяются и въ провинціи. Кромѣ идеи поддержать церковь, братства лелѣютъ мечту подготовлять вообще и кадры будущихъ честныхъ дѣятелей Россіи. Политическихъ тенденцій въ братствѣ нѣтъ.

Въ составѣ братствъ немало молодыхъ интеллигентныхъ людей. Изъ политическихъ теченій при возникновеніи братствъ пожалуй большее сочувствіе къ нимъ проявляютъ кадеты и націоналисты.

Теперь, впрочемъ, всѣ партійныя дѣленія среди русской интеллигенціи потеряли значеніе, и потому прежняя партійная окраска вліянія въ братствахъ не имѣетъ.

Говоря о повышеніи религіознаго чувства въ городахъ, мы имѣемъ въ виду прежде всего интеллигенцію. Поворотъ интеллигенціи въ сторону религіи выражается еще въ томъ, что немало лицъ, принадлежащихъ къ ней, вовсе не духовнаго происхожденія, охотно принимаютъ духовный санъ. Среди

новыхъ священниковъ есть и юристы, и врачи, и бывшіе военные и т. п. Въ такомъ обновленіи духовной среды многіе склонны видѣть также одинъ изъ залоговъ возрожденія церкви.

Особыхъ объясненій перемѣна міросозерцанія сравнительно широкихъ слоевъ интеллигенціи, думается, не требуетъ. Стихійность послѣднихъ катастрофъ невольно обращаетъ всѣхъ къ мысли о Богѣ, такъ же дѣйствуетъ и полная безпомощность въ частномъ быту, которую испытываешь на каждомъ шагу. Кромѣ того, способствуетъ проявленію религіознаго духа и почти аскетическій образъ жизни, который приходится вести большинству городского населенія.

Въ этихъ условіяхъ человѣческая душа какъ бы обнажается, и такіе мотивы и страсти, какъ голодъ, озлобленіе, отчаяніе, съ одной стороны, и, наоборотъ, любовь, самоотверженіе, терпѣніе, съ другой, выступаютъ настолько ярко, что языкъ отцовъ церкви, этихъ глубокихъ психологовъ, и созданныя ими молитвы, напримѣръ, о преобореніи страстей, становятся особенно доступными пониманію, глубоко проникаютъ въ душу.

Наконецъ, къ религіи и церкви влечетъ мысль о Россіи. Интеллигенты, да и народъ во многихъ случаяхъ понимаютъ, что русской, святой-русской, нынѣ осталась только церковь. Понимаетъ интеллигенція и то, что при безднѣ, которая со времени Петра I. возникла между образованнымъ классомъ и народомъ, единственной прочной культурной связью между ними оставалась церковь и только она одна тѣмъ самымъ оберегла интеллигенцію отъ еще болѣе ужасныхъ и разрушительныхъ формъ народнаго озвѣрѣнія.

Не забывается вся вообще огромная культурная историческая роль церкви, особенно въ допетровское время, когда она была дѣйствительно душою народа, хранилищемъ всѣхъ его лучшихъ идеаловъ, залогомъ его объединенія.

Эти мысли и историческія напоминанія не только заставляютъ беречь церковь, какъ единственный живой образъ былой славы народнаго духа, но и внушаютъ надежды, что и нынѣ церковь сыграетъ спасительную роль. Эти надежды подкрѣпляются еще сознаніемъ, что культурный уровень большинства народа немногимъ еще отличается отъ эпохи смутнаго времени, когда церковь сыграла такую значительную роль въ спасеніи и возрожденіи народа.

Эта вѣра въ церковь и ея благую помощь безусловно имѣетъ много основаній, но наблюденія заставляютъ предполагать, что нынѣ благотворное вліяніе выразится все же иначе, чѣмъ въ смутное время. Активной политической роли въ возможномъ ниспроверженіи большевиковъ церковь играть не будетъ.

Стоя искренно, во главѣ съ Патріархомъ, внѣ политики, Церковь хранитъ и спасаетъ, кромѣ чисто религіозныхъ иде-

аловъ, также и идеи единства, духовной мощи и житейской правды русскаго народа.

Церковь сохраняетъ и, думается, сохранитъ эти сокровища, главнымъ образомъ, для будущихъ временъ, для новой Россіи, оставаясь въ сторонѣ отъ активной политической борьбы. Нельзя забывать, что какъ бы церковь ни сроднилась съ русскимъ государствомъ, ея идеалы и борьба за нихъ не совпадаютъ все же ни съ цѣлями государства, ни съ методами его борьбы. Всѣ государственные и гражданскіе идеалы, какъ бы ни были они высоки, сами по себѣ для церкви не имѣютъ цѣнности, и она борется поэтому не противъ экономическихъ и политическихъ идей большевиковъ, а противъ ихъ моральной и религіозной неправды, противъ зла, которое они причиняютъ ея дѣтямъ и вообще людямъ, въ томъ числѣ и себѣ самимъ.

Единственной же настоящей абсолютной цѣнностью для церкви является только духъ Христовой любви и возможность жить въ этомъ духѣ. Если же въ исторіи Россіи православная церковь сыграла роль въ борьбѣ народа за свое національное существованіе, благословляя народъ и его правителей на войну, а также причисляла ихъ къ лику святыхъ — воиновъ и государственныхъ мужей, то и тутъ она имѣла въ виду духовныя цѣнности, правду Божію.

Воиновъ и правителей она причисляла къ лику святыхъ не за побѣды и государственные успѣхи, а за мощь и жертвенную чистоту духа. Побѣды же просила она въ своихъ молитвахъ, конечно, также для цѣлей духовныхъ.

Плотскою мірскою жизнью управляютъ свои законы, духовной — другіе. Церковь заботится о соблюденіи законовъ духовнаго бытія и молится, чтобы законы, царящіе въ бытіи плотскомъ, не вредили жизни духа, но на управленіе законами природной, плотской жизни она не претендуетъ. Церковь знаетъ молитвы передъ принятіемъ ѣды, но она не даетъ совѣтовъ, какъ приготовлять пищу. Такъ думаютъ и представители духовенства и многіе вдумчивые міряне. И есть основаніе предполагать, что таково и настроеніе высшей іерархіи, которая вмѣстѣ съ паствой радуется, что теперь церковь стала свободной отъ случавшихся ранѣе попытокъ навязать ей мірскія политическія задачи.

Но этотъ взглядъ на отношенія церкви и государства, конечно, не исключаетъ участія членовъ церкви въ мірскихъ дѣлахъ, въ частности, въ государственной жизни, и не умаляетъ значенія вліянія церкви, въ качествѣ таковой, на исторію страны.

Однако, это положеніе надо понимать въ томъ смыслѣ, что, духовное объединеніе и оздоровленіе русскихъ, которое создаетъ церковь, и та духовная борьба, которую она ведетъ съ большевиками, только способствуетъ (неизбѣжно и сильно) и государственному объединенію и политической борьбѣ съ

преступной властью. Жизнь Россіи такъ неузнаваемо измѣнилась и приняла такія ужасныя формы, что даже одинъ внѣшній видъ храмовъ и одна церковная обстановка уже много говорятъ русскому сердцу: побывавъ въ храмѣ, русскій не только чувствуетъ себя духовно освѣженнымъ, но и вновь патріотомъ. Храмъ Божій теперь единственный родной уголокъ, и тѣ чувства, которыя онъ вызываетъ, помимо всего прочаго, являются такимъ сильнымъ національнымъ факторомъ, что можно не сомнѣваться, что у III-го интернаціонала нѣтъ бóльшаго врага, чѣмъ русская церковь, какъ бы далеко отъ политики она ни стояла.

Политическая борьба съ большевизмомъ не можетъ не быть, по существу, дѣломъ жестокимъ, и большинство православной интеллигенціи въ Совдепіи придерживается, насколько я знаю, того взгляда, что въ этой борьбѣ церковь не должна принимать активнаго участія.

Пусть она сохраняется совершенно чистой для новой Россіи, чтобы потомъ съ тѣмъ большимъ авторитетомъ способствовать ея возрожденію и возстановленію въ ней любви и мира.

С.

Совѣты и коммунистическая партія.

I.

„Вся власть совѣтамъ“ — вотъ тотъ политическій лозунгъ, подъ которымъ 4 года тому назадъ совершилась октябрьская революція. Въ совѣтахъ массы видѣли надежное средство къ немедленному осуществленію своихъ чаяній, выраженныхъ въ словахъ: „миръ, хлѣбъ и земля“. Этимъ массамъ большевики говорили: то, что вы захотите, вы сами и сдѣлаете, ибо власть будетъ принадлежать вамъ, подлинно вамъ, а не тѣмъ „господамъ“, которые какъ то умудряются всюду пролѣзать при всеобщемъ избирательномъ правѣ; если вы пойдете за нами, большевиками, то вся власть сосредоточится безъ остатка въ совѣтахъ, т. е. въ рукахъ вашихъ непосредственныхъ избранниковъ, тѣхъ людей, которыхъ вы знаете лично, а не только изъ избирательныхъ плакатовъ и газетныхъ статей.

И народъ пошелъ за сладко пѣвшими сиренами. Рушилась тѣнь власти, возглавлявшаяся каррикатурой на государственнаго человѣка. Создалась новая власть, которая получила названіе власти совѣтской.

Что-же это за власть? По идеѣ, это есть перевернутое на-изнанку буржуазное государство (въ его соціалистическомъ пониманіи). Если въ буржуазномъ государствѣ власть мыслится принадлежащею организованному опредѣленнымъ образомъ коллективу капиталистовъ, землевладѣльцевъ и т. п., при полномъ безправіи пролетаріата, то совѣтское государство есть въ идеѣ властвованіе организованнаго пролетаріата, подавляющее лишаемую правъ буржуазію. Совѣтская власть есть государственно-правовая формула политической идеи диктатуры пролетаріата.

Властвованіе пролетаріата въ совѣтскомъ государствѣ достигается такимъ образомъ, что „трудящіеся“, собираясь по тѣмъ хозяйственнымъ единицамъ, въ коихъ они прилагаютъ свой трудъ, избираютъ довѣренныхъ людей, которые образуютъ совѣтъ рабочихъ (крестьянскихъ и т. д.) депутатовъ данной мѣстности. Такой совѣтъ объявляется для соотвѣтствующаго района единственнымъ источникомъ власти: нѣсть власти, аще не отъ совѣта. Механическимъ соединеніемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ совѣтовъ, или делегаціей представителей отъ нихъ, образуются совѣты высшихъ ступеней, властвующіе надъ болѣе обширными территоріями: уѣздомъ, губерніей, областью, наконецъ, цѣлымъ государствомъ. Всякая

власть, дѣйствующая на такой территорiи, находится въ такомъ же отношенiи къ мѣстному совѣту, какъ мѣстная власть къ мѣстному совѣту. Во всей странѣ по идеѣ не можетъ быть власти, которая не являлась бы эманацiей одного изъ совѣтовъ, а такъ какъ совѣты являются прямыми выразителями воли опредѣленныхъ группъ пролетарiата, то политическое господство послѣдняго при проведенiи формулы представляется обезпеченнымъ, въ особенности, если принять во вниманiе провозглашенiе принципа краткосрочности выборовъ и права досрочнаго отозванiя депутатовъ, которые, въ противоположность членамъ буржуазныхъ парламентовъ, связаны императивнымъ мандатомъ.

Изложенная схема, повидимому, полностью проводится въ основныхъ законахъ Р. С. Ф. С. Р. Высшимъ органомъ государства признается всероссiйскiй съѣздъ совѣтовъ, составляющiйся изъ делегацiй отъ совѣтовъ высшихъ ранговъ; этотъ органъ выдѣляетъ изъ себя для текущей работы В. Ц. И. К.; верховная исполнительная власть принадлежитъ совѣту народныхъ комиссаровъ, отвѣтственному передъ съѣздомъ совѣтовъ и его центральнымъ комитетомъ.

Конституцiя эта представляется конституцiей дѣйствующей, а не только провозглашенной. Въ совѣты происходятъ выборы, совѣты собираются, что-то обсуждаютъ, что-то рѣшаютъ; по временамъ устраиваются и всероссiйскiе съѣзды. Значенiе совѣтскаго принципа подчеркивается тѣмъ, что слово „совѣтская" включено въ оффицiальное обозначенiе россiйской республики. Болѣе того, изъ всего пятичленнаго обозначенiя, какъ извѣстно, чаще всего употребляется именно названный терминъ. Можно ли при этихъ условiяхъ сомнѣваться въ томъ, что въ Россiи подлинно осуществленъ принципъ совѣтской власти, т. е. раскрывая скобки, диктатура пролетарiата?

И тѣмъ не менѣе, можно опредѣленно утверждать: никакой диктатуры пролетарiата въ современной Россiи нѣтъ; диктатура, правда, существуетъ, но принадлежитъ она не пролетарiату, а кому-то иному. Реально совѣтское властвованiе организовано такъ, что никакой власти совѣтамъ не принадлежитъ; реально совѣты построены такъ, что никакого представительства пролетарiата въ нихъ не заключается.

Разсмотримъ сначала второе положенiе. Единственное достоинство совѣтской схемы заключается въ ея простотѣ. Что можетъ быть проще, нежели выборы въ мѣстный совѣтъ? Собрались рабочiе данной фабрики и т. п., потолковали между собою и выдвинули людей, которымъ они довѣряютъ. Но для того, чтобы и эта простѣйшая схема осуществилась, нужны нѣкоторыя условiя. Нужно чтобы люди могли дѣйствительно свободно потолковать, и притомъ, конечно, не только въ тѣсномъ кружкѣ, но съ любымъ гражданиномъ. Нужно, чтобы люди, такъ или иначе пришедшiе къ извѣст-

ному убѣжденію, могли его проявить подачей голоса за любого кандидата по своему усмотрѣнію.

Ни одно изъ этихъ условій не является осуществленнымъ въ совѣтской Россіи. Печать существуетъ только правительственная; въ ней, конечно, не найти матеріала для формированія мнѣнія передъ выборами. Созвать собраніе можетъ только тотъ, кто явно угоденъ власти; говорить на немъ — опять только другъ правительства. Никакая сколько нибудь правильная предвыборная агитація въ современной Россіи невозможна; агитація, правда, временами идетъ, но только въ формѣ разговоровъ вполголоса, прерываемыхъ при всякомъ появленіи третьяго лица, если на него нельзя безусловно положиться. А съ другой стороны, со стороны правительства развивается огромная агитаціонная дѣятельность, для которой созданы спеціальныя учрежденія и растрачиваются чуть ли не всѣ запасы бумаги и наличныя силы типографскихъ работниковъ. Русскій избиратель находится подъ постояннымъ, неуклоннымъ, планомѣрнымъ натискомъ опредѣленныхъ идей, диктуемыхъ изъ правительственнаго центра; и этому натиску не противодѣйствуютъ волны, исходящія изъ частныхъ агитаціонныхъ центровъ, такъ какъ всѣ такіе центры разрушены, и всякія попытки ихъ возродить немедленно энергично пресѣкаются. И если русскій избиратель и не увѣровалъ еще безраздѣльно въ преподносимыя ему истины, то не потому, чтобы ему ихъ слишкомъ рѣдко твердили, а скорѣе всего потому, что къ источнику поученій понемногу утратилось всякое довѣріе, отчасти же потому, что, въ силу заложеннаго въ насъ духа противорѣчія, оффиціальная истина всегда инстинктивно вызываетъ въ насъ скепсисъ.

Но, можетъ быть, упущенное въ предвыборный періодъ можно наверстать въ самомъ процессѣ выборовъ? Быть можетъ, тутъ, на собраніи, непосредственно призванномъ создавать народную волю избраніемъ депутата въ совѣтъ, можно договориться съ согражданами и послать истиннаго печальника о своихъ нуждахъ, стойкаго единомышленника? Вѣдь слышимъ же мы о митингахъ на фабрикахъ и въ казармахъ, митингахъ, на которыхъ не гнушаются участвовать высшіе представители власти, въ Москвѣ Ленинъ и Троцкій, въ Петроградѣ Зиновьевъ и др.?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего напомнить, что совѣтская избирательная система отвергла, какъ буржуазный предразсудокъ, принципъ отдѣленія агитаціи отъ акта выборовъ, въ силу котораго делигированіе народнаго избранника въ Европѣ сводится къ безмолвной подачѣ записокъ и сухому ихъ подсчету. Въ совѣтской Россіи тутъ-же оцѣниваютъ кандидатовъ и программы, и тутъ-же выбираютъ. Мы еще остановимся на вопросѣ о томъ, какъ намѣчаются кандидаты и проводятся выборы. Пока возьмемъ

только ту сторону избирательнаго митинга, которая относится еще къ области формированія мнѣнія.

Митингъ назначенъ. По одиночкѣ или маленькими кучками сходятся избиратели, усталые не столько отъ работы, сколько отъ тяготъ, связанныхъ съ самымъ процессомъ жизни въ смыслѣ прісканія продовольствія и топлива, иногда отъ сидѣнія на обязательномъ собраніи или лекціи или стоянія въ очереди за разрѣшеніемъ на что-то. Давно уже пробилъ намѣченный часъ, но митингъ не начинается — кого-то ждутъ, ждутъ тѣхъ, слову которыхъ заранѣе суждено стать выраженіемъ воли собравшихся. Эти ожидаемые опаздываютъ отчасти потому, что они, получивъ власть, не сумѣли еще пріобрѣсти лоскъ власти (l'exactitude c'est la politesse des rois) отчасти же потому, что ихъ мало, и что имъ нужно „провести" выборы въ пяти или шести мѣстахъ. Въ ожиданіи начинаются разговоры вполголоса; даются обѣщанія постоять за себя, не уступить, разоблачить ненавистную ложь. Но часы идутъ за часами. Одолѣваютъ тоска и усталость. Понемногу все становится безразличнымъ — лишь бы поскорѣе отпустили по домамъ (уйти самовольно нельзя).

Но вотъ, наконецъ, раздаются радостные возгласы: „пріѣхали!" Въ залъ вваливаются нѣсколько человѣкъ съ печатью самоувѣренности на лицѣ. Митингъ открывается. Пріѣхавшіе предлагаютъ имена въ составъ президіума. Иногда слышатся и другія имена, но заявленныя первыми подхватываются разсѣянными по залѣ клевретами, а послѣдующія отчасти замалчиваются, отчасти взаимно устраняютъ другъ друга, какъ бы путемъ интерференціи — вѣдь не было технической возможности сговориться. Усаживается угодный „пріѣхавшимъ" президіумъ. Одинъ изъ послѣднихъ беретъ слово. Твердо звучитъ заученная рѣчь, повторенная уже десятки разъ въ другихъ мѣстахъ; увѣренно приводятся цифры, въ основѣ которыхъ лежитъ Богъ вѣсть какая статистика, вѣрнѣе всего просто фантазія говорящаго; какъ фейерверкъ вылетаютъ трафаретныя схемы и слова — буржуазія, пролетаріатъ, имперіализмъ, міровая революція, интернаціоналъ; въ концѣ предлагается резолюція, одобряющая дѣятельность власти и клеймящая всѣхъ противниковъ ея; одновременно указывается, кого избрать для дальнѣйшаго насажденія соціалистическаго рая.

А что толпа, слушатели?! По большей части они просто подавлены словеснымъ искусствомъ; чувствуется гдѣ-то огромная натяжка, при обнаруженіи которой рухнуло бы все гордое зданіе. Но какъ выразить эти мысли? Что противопоставить блестящему оружію? Къ тому же поздно, глаза смыкаются. Если начать спорить, то когда-то придешь домой; да того и гляди, возьмутъ на примѣту и или посадятъ или куда-нибудь угонятъ при ближайшей перегруппировкѣ рабочаго люда.

А если промолчать и принять резолюцію, то все разыграется какъ по нотамъ. И по большей части никакихъ оппонентовъ не оказывается, или же появляются оппоненты фиктивные, выставленные для того, чтобы опроверженіемъ ихъ доводовъ еще усилить позицію „пріѣхавшихъ“. Резолюція принимается. Исходъ выборовъ предрѣшенъ.

Но вотъ иногда найдется смѣльчакъ, который вступитъ въ серьезный бой съ руководителями. Его обычный доводъ — до васъ, большевиковъ, хотя и сидѣли помѣщики и капиталисты, но народу то жилось значительно лучше, чѣмъ теперь. Подымаются возгласы „вѣрно“, отрывочныя ругательства по адресу власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оппозиція овладѣваетъ положеніемъ; произносятся форменныя „контръ-революціонныя“ рѣчи; „пріѣхавшимъ“ приходится спѣшно бѣжать, причемъ бывали случаи, когда толпа не позволяла имъ воспользоваться автомобилями и заставляла итти пѣшкомъ. Но это — рѣдкое исключеніе, почти не могущее отразиться на общемъ результатѣ выборовъ. Обыкновенно „пріѣхавшіе“ выпускаютъ новыхъ ораторовъ, которые пускаютъ въ ходъ и ссылки на козни буржуазіи и антанты, не дающія подвезти хлѣбъ и топливо, и обѣщанія значительнаго улучшенія положенія въ ближайшемъ будущемъ и, наконецъ, форменныя угрозы: несогласные съ оффиціальной истиной объявляются контръ-революціонерами, и имъ недвусмысленно даютъ понять, что мѣстъ въ тюрьмахъ хватитъ на всѣхъ. Эти рѣчи произносятся, если нужно, въ безконечно растянутомъ стилѣ и длятся въ такихъ случаяхъ часами; почти всѣ расходятся (теперь никого больше не держатъ); наконецъ, остаются одни вѣрные, и казенная резолюція оказывается принятой „единогласно“. Дѣло опять заканчивается выборами, результатъ которыхъ очевиденъ.

Перейдемъ теперь къ самой процедурѣ выборовъ. Такъ, какъ закономъ она не регулирована, то она устанавливается инструкціями мѣстныхъ властей. Сущность этихъ инструкцій обыкновенно сводится къ тому, что списки кандидатовъ должны быть заранѣе заявлены, а самые выборы произведены открытой подачей голосовъ.

Первое требованіе, вполнѣ законное тамъ, гдѣ имѣются организованныя политическія партіи, и гдѣ режимъ достаточно свободенъ для того, чтобы всякій имѣющій шансы на успѣхъ списокъ былъ выставленъ, въ странѣ безправія имѣетъ специфическій эффектъ: списокъ своевременно можетъ быть представленъ только единственною допускаемой въ странѣ политической партіей—партіей правительственной. Допустимъ, однако, что несмотря на всѣ препятствія, нѣсколько энергичныхъ человѣкъ столкуются и составятъ свой списокъ, и притомъ удачный въ смыслѣ соотвѣтствія настроенію избирателей. Подать такой списокъ можно. Но въ условіяхъ совѣтской Россіи тутъ

приходится много подумать: подача оппозиціоннаго списка подвергаетъ опасности какъ подавшихъ, такъ и включенныхъ въ него; имена тотчасъ будутъ „взяты на учетъ“, и стоитъ только на данной фабрикѣ произойти волненію, какъ отмѣченные немедленно извѣдаютъ всю прелесть совѣтскихъ тюремъ. Пусть страхъ преодолѣнъ, и списокъ поданъ. Что же дальше? Мы видѣли, какъ течетъ избирательный митингъ. Охарактеризованные нами пріемы насилія надъ убѣжденіями примѣняются и къ акту выборовъ. Обыкновенно, проводя резолюцію, руководители собранія рекомендуютъ свой списокъ, кокоторый часто и принимается par acclamation. Иногда производится видимость голосованія поднятіемъ рукъ. Характерною особенностью такихъ выборовъ является подача небольшого числа положительныхъ голосовъ и полное отсутствіе отрицательныхъ; громадное большинство не голосуетъ вовсе, не желая подавать голоса за и не смѣя высказываться противъ; тѣмъ не менѣе, кандидаты объявляются избранными единогласно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріемы видоизмѣняются. Тамъ, гдѣ избиратель нѣсколько болѣе интеллигентенъ, приходится дѣйствовать культурнѣе — голосуютъ, напр., не цѣлый списокъ, а отдѣльныхъ кандидатовъ. Къ такимъ выборамъ относятся болѣе осторожно, и на нихъ присылаютъ инструкторовъ-спеціалистовъ. Правда, спеціалистами ихъ можно назвать лишь cum grano salis. Мнѣ удалось присутствовать на такихъ руководимыхъ инструкторомъ выборахъ. Въ выборахъ участвовало около 200 человѣкъ; избрать нужно было семерыхъ, а всего заявлено 13 кандидатовъ. Инструкторъ далъ слѣдующее разъясненіе: нужно голосовать каждаго кандидата отдѣльно, при чемъ каждый присутствующій имѣетъ право поднять руку (т. е. голосовать „за“) не болѣе 7 разъ. Интересно, какъ представлялъ себѣ наивный человѣкъ контроль за выполненіемъ этого требованія.

Если иногда примѣняются болѣе утонченные пріемы, то въ другихъ случаяхъ дѣло устраивается еще проще. Лѣтомъ 1918 г. мнѣ довелось слѣдить за выборами въ уѣздный совѣтъ въ провинціи. Крестьяне къ этому времени успѣли уже разобраться въ большевикахъ, и настроеніе было рѣзко оппозиціонное; выбраны были не тѣ крикуны и хулиганы, которые составляли совѣты перваго призыва, а степенные мужики, хорошіе хозяева, которые, конечно, тоже не прочь были попользоваться помѣщичьей землей, но по остальнымъ пунктамъ были безконечно далеки отъ коммунизма. Какъ же поступили мѣстные заправилы? Уступили они, быть можетъ, свою власть? Конечно, и не подумали. Пріѣзжавшихъ депутатовъ подвергли порознь допросу, при чемъ главный пунктъ былъ: покупаешь ли ты хлѣбъ? Хозяинъ съ гордостью отвѣчалъ, что ему и своего хватаетъ. Тогда депутата немед-

ленно „разъясняли“, признавая его буржуемъ, лишеннымъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права. А тутъ подоспѣло проведеніе въ жизнь декретовъ о комитетахъ деревенской бѣдноты, и вопросъ былъ благополучно ликвидированъ.

Такимъ образомъ, совѣты, которые по идеѣ должны служить непосредственнымъ отраженіемъ вѣяній, господствующихъ въ народныхъ массахъ, въ дѣйствительности никого не представляютъ. Механизмъ выборовъ таковъ, что результатъ ихъ предрѣшенъ заранѣе — въ составъ совѣтовъ могутъ войти и дѣйствительно входятъ только люди, угодные власть имущимъ, вѣрнѣе, ими указанные. Совѣты фактически образуются не по выборамъ, а по назначенію, и нужно обладать нахальствомъ большевиковъ, чтобы послѣ выборовъ провозглашать ихъ результатъ какъ побѣды коммунистической программы. Приходится изумляться не тому, что въ совѣтахъ оказываются 60-70-80% коммунистовъ, а тому, что набирается въ нихъ 20% и болѣе некоммунистовъ. Впрочемъ, это все безпартійные, при томъ безпартійные спокойнаго типа, которые, навѣрное, не станутъ мѣшать.

Казалось бы, что при изложенномъ механизмѣ выборовъ можно было бы положиться на совѣты и дать имъ то значеніе, которое принадлежитъ имъ по конституціи. На первыхъ порахъ дѣло такъ и стояло. Къ голосу совѣтовъ прислушивались и, безъ ихъ участія, никакихъ важныхъ рѣшеній не принимали; частенько созывали всероссійскіе съѣзды.

Положеніе, однако, весьма быстро измѣнилось. Уже составъ совѣтовъ оказался помѣхою къ сколько-нибудь активной роли въ государственномъ механизмѣ. Совѣты неработоспособны уже въ силу своей многочисленности. Еще важнѣе уровень составляющихъ ихъ лицъ: интеллигентныхъ силъ въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такіе элементы не пропускаются тѣми, отъ кого зависитъ ихъ подборъ; составляющая же ихъ сѣрая масса не видитъ дальше своей колокольни и легко поддается на воздѣйствіе тѣхъ опытныхъ митинговыхъ ораторовъ, которыми являются ихъ руководители. Поэтому совѣты не въ состояніи выполнить и функцій направленія и контроля. Засѣданія ихъ производятъ впечатлѣніе хорошо разученнаго спектакля. По вопросамъ, отъ которыхъ иногда зависятъ судьбы страны, читается небольшой докладъ, всегда однимъ изъ власть имущихъ или близкихъ къ нимъ. Затѣмъ происходятъ короткія пренія, которыя даютъ поводъ къ новымъ эффектнымъ выступленіямъ правительственныхъ ораторовъ. Въ результатѣ принимается (обыкновенно единогласно) резолюція предложенная въ концѣ доклада и сводящаяся къ восторженному одобренію дѣйствій и предположеній правительства. Случаевъ ухода народнаго комиссара или вообще отвѣтственнаго лица по причинѣ несогласія съ соотвѣтствующимъ совѣтомъ почти не бываетъ.

Такимъ же образомъ происходятъ и выборы на правительственные посты, на нихъ попадаютъ неизмѣнно тѣ, на кого укажутъ сидящіе у кормила правленія.

Къ этой внутренней безсодержательности дѣятельности совѣтовъ понемногу приспособилась и внѣшняя сторона. Совѣты, въ особенности ихъ всероссійскіе съѣзды, засѣдаютъ все рѣже и рѣже; крупнѣйшія мѣропріятія послѣдующаго времени въ значительной части прошли безъ обсужденія ихъ въ пленумѣ совѣтовъ. Руководители стали относиться къ этимъ засѣданіямъ такъ же пренебрежительно, какъ къ любому митингу; многочасовыя запозданія ихъ, влекущія отсрочку открытій засѣданій, стали рядовымъ явленіемъ. Попытки наладить дѣловую работу въ секціяхъ, комиссіяхъ и пр. не удались — желающихъ работать не находилось; отмѣна засѣданій за неявкою членовъ стала для такихъ организацій чѣмъ то повседневнымъ. Совѣты все больше и больше стали превращаться въ декорацію.

Къ настоящему времени совѣты свелись къ своимъ „отдѣламъ", т. е. къ состоящимъ номинально при нихъ, фактически же при соотвѣтствующихъ властителяхъ, бюрократическимъ органамъ, завѣдующимъ разными вѣтвями государственной дѣятельности. Сами совѣты не значатъ почти ничего. Видѣть въ нихъ средоточіе власти, полагать, что въ нихъ формируются директивы для органовъ управленія — грубый анахронизмъ; это было, но давно прошло. Совѣтская организація была нужна для того, чтобы привлечь народныя организаціи и взять власть. Теперь, когда массы попались и власть дали, надобность въ совѣтахъ миновала. Упразднить ихъ было бы неприлично, да и не нужно. Поэтому совѣты остаются, останутся до конца большевистской Россіи; но реальная жизнь изъ нихъ испарилась.

Эта полная атрофія совѣтовъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ механизмомъ выборовъ, которые сводятся къ провозглашенію указанныхъ властями кандидатовъ. Тамъ, гдѣ политическое собраніе подстраивается властью, оно всегда будетъ говорить только да. А собранію, которое знаетъ только это одно слово, не нужно ни власти, ни самому себѣ, ни странѣ; оно всегда, такъ или иначе, само себя ликвидируетъ.

II.

Итакъ, „совѣтская власть" далеко не есть „власть совѣтовъ". У совѣтовъ власти нѣтъ. Но было бы ошибкою думать, что вовсе нѣтъ власти въ совѣтской Россіи. Власть есть, и власть многоразвѣтвленная и всюду проникающая. И этой властью является „россійская коммунистическая партія" (Р. К. П.)

Господство коммунистической партіи не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Если мы, пробиваясь черезъ фикціи, захотимъ

дойти до реальныхъ соотношеній силъ, до подлинныхъ носителей власти, то мы вездѣ дойдемъ до коммунистовъ. Кто тѣ лица, которыя, какъ было описано въ предыдущей главѣ, „дѣлаютъ“ всѣ выборы и проводятъ свои резолюціи, все равно, на избирательномъ митингѣ или въ совѣтѣ любого ранга? Коммунисты. Кто занимаетъ всѣ сколько-нибудь отвѣтственные посты въ аппаратѣ управленія, кто сидитъ въ разныхъ президіумахъ, исполкомахъ и т. д., кто выступаетъ въ роли комиссаровъ? Коммунисты или такіе безпартійные, въ которыхъ коммунисты абсолютно увѣрены. Откуда идутъ директивы, фактически опредѣляющія дѣятельность всего государственнаго аппарата? Изъ нѣдръ коммунистической партіи. Кто держитъ въ своихъ рукахъ вооруженную силу, кто вдохновляетъ безмѣрно разросшуюся политическую полицію, именуемую „чрезвычайной комиссіей“? Коммунистическая партія. Кто льетъ широкой волной свои рѣчи по лику земли русской, откуда идетъ государственная агитаціонная дѣятельность? Исключительно изъ коммунистической партіи. Всѣ нити сходятся въ одинъ узелъ, и этимъ узломъ является „партія“. Ленинъ правитъ страной не какъ предсѣдатель С. Н. К., а какъ лицо, пользующееся наибольшимъ вліяніемъ въ партіи.

Партія большевиковъ была первоначально малочисленной и хорошо сплоченной группой, съ явнымъ преобладаніемъ интеллигентскаго элемента. Эта первоначальная ячейка несомнѣнно состояла почти цѣликомъ изъ людей, глубоко проникнутыхъ партійной программой; шансы быстраго полученія власти были такъ невелики, что никакой расчетъ не могъ побудить итти въ нее невѣрующаго. И тѣмъ не менѣе у партіи было сравнительно съ другими одно огромное преимущество: въ ея составѣ были люди, исполненные воли властвовать, чуждые русской интеллигентщинѣ съ ея медово-анархическимъ налетомъ. Это были люди, которые знали и понимали, что властвовать — значитъ повелѣвать, принуждать, ломать сопротивленіе и, если нужно, проливать кровь. Это были люди, которые отвергали не только традиціонную мораль съ ея критеріями, но самую основу морали — различіе между добромъ и зломъ. Принципъ: „цѣль оправдываетъ средство“ былъ для нихъ не реторической фразой, а подлинной составной частью ихъ самыхъ глубокихъ психическихъ переживаній. Понятно, какую силу дала имъ въ борьбѣ эта, возведенная въ принципъ, безпринципность. И такъ какъ помимо нихъ не было никого, кто бы тоже имѣлъ подлинную волю властвовать, власть, послѣ восьми-мѣсячныхъ шатаній, докатилась до нихъ.

Этотъ фактъ возымѣлъ непосредственнымъ слѣдствіемъ огромный притокъ въ партію людей, которые или внезапно „увѣровали“ въ коммунистическую программу, или просто поняли выгодность „примазаться“ къ партіи. Въ нее повалили толпами всѣ тѣ, кого прельстилъ узаконенный грабежъ, а при-

липшіе къ рукамъ большевиковъ, кровь и грязь, — не претили. Бурному разростанію партіи былъ положенъ предѣлъ только властными приказами старинныхъ ея руководителей, дѣйствовавшихъ по мотивамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Изъ кого же составилось то новое соціальное образованіе, которое сгруппировалось вокругъ прежней ничтожной ячейки? Нашъ склонный къ упрощенію разумъ нерѣдко даетъ на этотъ вопросъ слишкомъ элементарные отвѣты, подчасъ подсказываемые самими большевиками. Такъ, они любятъ называть себя „авангардомъ пролетаріата", а осуществляемую ими власть „рабоче-крестьянскимъ правительствомъ". На самомъ дѣлѣ, отождествить партію съ той или иною группой пролетаріата было бы совершенно невѣрно: въ ней встрѣчаются представители всѣхъ классовъ — отъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ до членовъ зажиточныхъ буржуазныхъ семействъ и представителей поземельной аристократіи. Что же касается „рабоче-крестьянского правительства", то въ бытіе въ Россіи таковаго не вѣритъ больше ни одинъ рабочій и ни одинъ крестьянинъ; если бы ихъ, подлинныхъ рабочихъ и крестьянъ, хотя бы только спрашивали, то дѣло шло бы совершенно иначе. — Разыгрывающаяся фантазія иногда приписываетъ властвованіе „жидамъ"; серьезно защищать такое положеніе нельзя; конечно, евреи занимаютъ въ современной русской власти гораздо большее мѣсто, нежели то отвѣчаетъ ихъ относительной численности; но все-же имъ далеко до преобладанія въ руководящихъ центрахъ, а огромная масса еврейства стоитъ внѣ участія во власти.

Разнообразію происхожденія отвѣчаетъ и разнокалиберность развитія: наряду съ лицами прошедшими высшую школу, въ партіи встрѣчаются люди неграмотные, психологически примитивные. Полнѣйшее смѣшеніе элементовъ можетъ быть установлено и съ точки зрѣнія профессіональной принадлежности: въ партіи встрѣчаются бывшій чиновникъ съ ремесленникомъ, адвокатъ съ грузчикомъ, дама изъ общества съ проституткой. Правда, можно подмѣтить высокую численность людей, которые въ прежнее время отмѣчались статистикой какъ не имѣющіе никакой профессіи, а на самомъ дѣлѣ жили професcіями запрещенными. Къ нимъ, впрочемъ, близки и тѣ члены, которые вышли изъ иныхъ соціальныхъ группировокъ. Къ коммунистамъ отовсюду отошли преимущественно неудачники: врачи и адвокаты безъ практики, ученые, провалившіеся на диспутѣ или на конкурсѣ, чиновники, выгнанные со службы, рабочіе, которыхъ не хотѣлъ держать ни одинъ хозяинъ, крестьяне, пропившіе свои надѣлы и т. д.

Коммунистическая партія образовалась, такимъ образомъ, изъ отщепленья отъ самыхъ разнообразныхъ группъ, причемъ въ составъ ея вошли тѣ элементы, которые въ прежнемъ обществѣ характеризовались пониженностью соціаль-

ныхъ связей. Что же общаго у этихъ людей, помимо только-что отмѣченнаго, скорѣе отрицательнаго, признака? Соединяющее звено лежитъ, скорѣе всего, въ области психологіи и состоитъ въ прирожденномъ или благопріобрѣтенномъ пониженіи нравственнаго чувства — такое пониженіе стоитъ въ непосредственной связи съ отмѣченной слабостью соціальнаго сцѣпленія, такъ какъ общая этика есть, можетъ быть, наиболѣе характерный продуктъ жизнедѣятельности соціальныхъ группъ. Въ коммунистическую партію пошли люди съ высоко развитой ненавистью противъ стараго общества, ненавистью неудачника, и съ твердой рѣшимостью использовать новый режимъ для своихъ цѣлей, не стѣсняясь кровью и грязью, въ которыхъ для этого нужно было вымараться съ ногъ до головы.

Какъ же велика численность этой всплывшей на поверхность мути? Какъ по оффиціальнымъ заявленіямъ, такъ и по частнымъ подсчетамъ К. П. состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ. На сто съ лишнимъ милліоновъ населенія господствующая организація составляетъ менѣе 1%. Симпатіями въ стоящихъ внѣ ея массахъ она не пользуется; наоборотъ, властвованіе ея переносится страной съ тѣми же ощущеніями и настроеніями, съ какими переносится власть иноплеменниковъ-завоевателей. И, тѣмъ не менѣе, власть эта держится. Такое положеніе вещей возможно единственно вслѣдствіе исключительно прочной организованности властвующей группы.

Чтобы уяснить себѣ эту организованность нужно представить себѣ нынѣшнюю роль партіи въ глазахъ ея давнишнихъ руководителей, сохранившихъ свое значеніе и сейчасъ. Когда партія еще только стремилась къ власти, то она, по заданію, должна была сыграть роль руководительницы рабочаго класса: естественные интересы послѣдняго, думали партійные руководители, должны были обезпечить партіи его восторженное сотрудничество. Дѣйствительность показала иное. Мимолетное увлеченіе, охватившее рабочій классъ, улеглось очень скоро; его роль, какъ революціонной силы оказалась оконченной; никакого новаго союзника въ лицѣ той или иной соціальной группы не нашлось. Почва ускользала изъ подъ ногъ. Но вожди партіи были люди рѣшительные. Надулъ естественный базисъ — создадимъ искусственный, рѣшили они. И вотъ партія, которая предназначалась къ роли авангарда пролетаріата, въ дѣйствительности стала суррогатомъ его. Вмѣсто естественнаго классоваго сцѣпленія пришлось организовать сцѣпленіе искусственное.

Это предполагало прежде всего тщательный подборъ новыхъ членовъ партіи. Пополненіе ея оказалось поставленнымъ подъ контроль ея наличнаго состава и, въ особенности, ея руководящаго центра, чѣмъ въ значительной степени была обезпечена преемственность поколѣній и одновременное домини-

рующее положеніе первоначальной ячейки. Пріемъ въ партію производится лишь послѣ тщательнаго искуса, непремѣнно по рекомендаціи лицъ, состоящихъ ея членами, и при томъ не иначе, какъ по постановленію партійныхъ органовъ. Большое вниманіе обращено на подготовку психологической почвы для обращенія въ коммунизмъ. Этой задачѣ служатъ: періодическое объявленіе „недѣль коммуниста", въ теченіе которыхъ всѣ члены партіи обязаны отдавать себя дѣлу вербовки новыхъ надежныхъ членовъ, огромное развитіе агитаціонной дѣятельности, ставшей понемногу государственной функціей, и особенно работа среди подростающаго поколѣнія путемъ созданія союзовъ и клубовъ коммунистической молодежи и организаціи специфическаго преподаванія общественныхъ наукъ въ старшихъ классахъ средней школы.

Конечно, эта организація прироста не вполнѣ гарантируетъ партію отъ попаданія въ нее нежелательныхъ элементовъ, тѣхъ элементовъ, которые могли бы двинуть ее по новому пути, или, что еще хуже, поколебать значеніе старыхъ руководителей. Въ видахъ устраненія этихъ опасностей отъ времени до времени декретируется пересмотръ партійныхъ списковъ съ цѣлью удаленія всѣхъ сомнительныхъ элементовъ. Эта „чистка" предполагаетъ постоянную подготовительную работу, производимую вожаками и ихъ довѣренными людьми. Это есть не что иное, какъ работа по связыванію неразрывными нитями судебъ отдѣльныхъ коммунистовъ съ судьбами партіи. Всякій вновь вошедшій ставится, по тому или иному поводу, въ условія, когда онъ долженъ недвусмысленно себя выявить или произнесеніемъ безвозвратныхъ словъ, или, что лучше, совершеніемъ навсегда клеймящихъ дѣлъ (напр.: участіемъ въ разстрѣлахъ, обыскахъ, конфискаціяхъ и т. д.), и при пересмотрѣ списковъ въ партіи оставляются лишь тѣ, кто рѣшился на эти непоправимые шаги; тѣ же, кто поколебался или постарался ускользнуть, безпощадно исключаются. Такимъ образомъ, партія является прежде всего сообществомъ людей, связанныхъ между собою сознаніемъ коллективной отвѣтственности за такія дѣянія, которыя при всякой перемѣнѣ режима не смогутъ остаться безнаказанными. Борьба за партію становится для каждаго коммуниста борьбой за себя. И въ борьбѣ за себя, знаетъ коммунистъ, ему можетъ помочь только партія, ибо вступленіе въ партію, въ силу всеобщей къ ней ненависти, обыкновенно разрываетъ всѣ прежнія соціальныя связи. Все это въ совокупности, конечно, въ высокой степени повышаетъ партійную солидарность.

Въ еще большей степени служитъ на пользу партійной спайки та строгая централизація и дисциплина, которыя привились въ ней со временъ подполья. Можно сказать, что только партійная централизація скрѣпляетъ во едино ту разрозненную храмину, каковую представило бы собой совѣт-

ское государство, конституція котораго не провозглашаетъ принципа перевѣса центра надъ мѣстами.

Формальная организація партіи совершенно параллельна совѣтской схемѣ, съ тѣмъ отличіемъ, что низшей ячейкой является „коммунистическій коллективъ“ даннаго учрежденія или предпріятія. Но въ отличіе отъ близкой къ вѣчному сну атрофіи совѣтовъ, въ партійныхъ единицахъ снизу доверху царитъ оживленная дѣятельность. Снизу вверхъ текутъ донесенія, а сверху внизъ стремятся директивы, и эти директивы, въ силу той партійной дисциплины, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, приводятъ въ движеніе отдѣльныя ячейки партійнаго аппарата, а, въ виду личной уніи между партійными и государственными органами, и государственный механизмъ.

Что касается дисциплины, то эта послѣдняя связываетъ коммунистовъ по рукамъ и по ногамъ. На нихъ возлагается бремя посѣщенія довольно частыхъ партійныхъ собраній, на которыхъ излагаются и, такъ сказать, вдалбливаются директивы, пришедшія отъ партійныхъ верховъ. Для коммуниста недопустимъ отказъ отъ избраній или назначеній — онъ долженъ браться за всякое дѣло, на которое онъ будетъ признанъ годнымъ товарищами по партіи. Каждый коммунистъ, какъ таковой, долженъ нести обязанности шпіона: онъ долженъ прислушиваться къ тому, что вокругъ него говорится и въ подлежащихъ случаяхъ доносить объ этомъ правительственнымъ или партійнымъ органамъ. Наконецъ, коммунистъ подвергается постояннымъ партійнымъ мобилизаціямъ: чуть начнется нажимъ на внѣшнемъ фронтѣ, или волненія на фабрикѣ, или положеніе какого либо вопроса (обыкновенно продовольственнаго или топливнаго) обострилось до крайности, какъ сверху приходитъ приказъ — направить туда-то столько-то партійныхъ работниковъ, иногда всѣхъ членовъ партіи даннаго возраста. И коммунисты идутъ на фронтъ, идутъ на пропаганду, идутъ на работу, идутъ часто на мѣсяцы, при томъ нерѣдко почти мгновенно (бывали случаи, когда за партійными работниками пріѣзжали на автомобилѣ). И никакая уже исполняемая, тѣмъ болѣе исполненная работа не гарантируетъ отъ того, чтобы не быть посланнымъ на новое, ставшее внезапно экстреннымъ, дѣло.

Принадлежность къ партіи налагаетъ обязанности и въ частной жизни. Тутъ наиболѣе характеренъ запретъ общенія съ церковью и вообще религіей, запретъ, вытекающій изъ матеріалистическаго міровоззрѣнія марксизма и лишній разъ подчеркивающій фактъ, что коммунизмъ есть нѣчто большее, чѣмъ политическое теченіе. Коммунистъ не имѣетъ права вѣнчаться и крестить дѣтей, тѣмъ болѣе подходить къ Св. Причастію. Нарушеніе этого запрета часто ведетъ за собою исключеніе изъ партіи. Въ качествѣ курьеза можно отмѣтить, что этимъ обстоятельствомъ пользуются иногда лица, жела-

ющія изъ нея выйти, ибо добровольный выходъ почти невозможенъ.

Характерно далѣе, что постоянно провозглашается и нерѣдко на практикѣ проводится принципъ усиленной уголовной отвѣтственности коммуниста за преступленія, особенно по должности. Несомнѣнно, что принадлежность къ партіи часто позволяетъ прикрывать такія дѣла, за которыя безпартійный поплатился бы жестоко. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда партія признаетъ нужнымъ „убрать" своего члена, судъ оказывается очень строгимъ. Это имѣетъ мѣсто, если данное лицо „слишкомъ много знаетъ" и могло бы своими разсказами повредить партіи, или если положеніе таково, что безъ жертвы партія не могла бы сохранить лицо.

Но главное значеніе принадлежитъ, конечно, обязанности коммуниста въ служебной и политической дѣятельности строго слѣдовать партійнымъ директивамъ. Рѣшеніе, принятое партійнымъ органомъ, безусловно и безоговорочно обязательно для каждаго партійнаго дѣятеля. Рѣшеніе можетъ быть формально неправильнымъ, нарушающимъ нормы совѣтскаго права, но занимающій соотвѣтствующій постъ коммунистъ исполнитъ его, и можетъ исполнить, не боясь отвѣтственности. Онъ исполнитъ его даже, если по существу совершенно съ нимъ не согласенъ. И нѣтъ такого высокаго положенія, которое давало бы возможность бороться съ партійными директивами. Весной 1921 г. нѣкоторые народные комиссары обѣщали представителямъ московской профессуры свое содѣйствіе по вопросу сохраненія свободнаго ея объединенія; но политическое бюро партіи большинствомъ 3-хъ голосовъ противъ 2-хъ высказалось противъ; и тѣ же комиссары принуждены были голосовать противъ въ засѣданіи совнаркома. Вообще, партійное постановленіе немедленно пріостанавливаетъ всякое свободное усмотрѣніе. Партія сказала — партійный работникъ обязанъ замолчать и подчиниться.

Громадная внутренняя сплоченность, вытекающая изъ сознанія коллективной отвѣтственности, и строгая дисциплина объясняютъ въ значительной степени наружную мощь партіи. Къ этому еще нужно присоединить то обстоятельство, что партія, очень скоро послѣ октябрьскаго переворота, смогла провести въ свою пользу принципъ монополіи общественности. Коммунистическая партія есть единственная въ современной Россіи. Въ оффиціальной литературѣ она нерѣдко именуется просто „партіей". Это, конечно, не означаетъ, что въ Россіи царитъ политическое единомысліе; ибо, во всякомъ случаѣ, кромѣ большевиковъ существуетъ и антибольшевистскій лагерь. Но этотъ лагерь не въ состояніи выкристализоваться въ одну или нѣсколько партій. Власть не терпитъ иныхъ партій, кромѣ коммунистической, и пока достаточно сильна для того, чтобы фактически устранить всякое враждебное ей пар-

тійно-политическое образованіе. Понятно, что отсутствіе соперничающихъ организацій является еще новымъ, многозначительнымъ факторомъ господства коммунистической партіи.

Но этого мало. Сила коммунистической партіи въ значительной степени основана на томъ, что она въ массѣ своей состоитъ изъ людей, которые дѣйствительно цѣнятъ власть партіи и прилагаютъ всѣ усилія къ ея укрѣпленію и развитію. И достигнуто это тѣмъ, что участіе во властвованіи партіи превращено ея главарями прежде всего въ выгодное для членовъ ея дѣло.

Правда, вопреки распространенному мнѣнію, простая принадлежность къ партіи не даетъ не только власти, но даже, за малыми исключеніями, привилегированнаго участія въ благахъ земныхъ. Вновь вступившій въ партію какъ бы подвергается искусу. И только, когда онъ окончательно станетъ своимъ въ партійномъ кругу, онъ можетъ разсчитывать достигнуть положенія, которое быстро вознаградитъ его за перенесенныя невзгоды. Очень скоро выясняется, что значеніе его на службѣ много выше соотвѣтствующаго занимаемой имъ должности: та „неписанная субординація“, о которой Толстой говоритъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, извѣстна и въ совѣтской Россіи. Уже теперь новый работникъ можетъ себѣ позволить многое въ частной жизни: приглянется ему, напримѣръ, какая нибудь квартира, и онъ свободно можетъ ее занять въ нарушеніе всѣхъ правилъ и пріобрѣтенныхъ правъ — зарекомендовавшаго себя партійнаго работника никто не посмѣетъ тронуть. Первой постоянной наградой ему является, обыкновенно, мѣсто какого нибудь мелкаго комиссара, на которомъ, при небольшомъ умѣніи можно жить припѣваючи. А если онъ здѣсь не зарвется (ибо мѣра нужна во всемъ, даже въ организованномъ грабежѣ), и проявитъ нѣкоторую инициативу въ смыслѣ ущемленія ненавистной буржуазіи, привлеченія новыхъ силъ въ партію и т. п., то онъ можетъ разсчитывать на повышеніе и при томъ головокружительно-быстрое: карьера наполеоновскихъ маршаловъ ничто въ сравненіи съ карьерами, возносящими въ нѣсколько мѣсяцевъ какого нибудь рабочаго до положенія правителя обширной области, завѣдующаго цѣлой отраслью промышленности или ректора высшаго учебнаго заведенія. Существованіе выдвинувшагося партійнаго работника — mutatis mutandis — мало отличается отъ существованія прежнихъ сильныхъ міра сего, этихъ ненавистныхъ „помѣщиковъ и банкировъ“; а если и наблюдаются отличія, то только тѣ, коими всегда и вездѣ „нувориши“ отдѣляются отъ представителей родовой аристократіи или старой буржуазіи.

Мы видимъ теперь, какіе могучіе стимулы поддерживаютъ внутреннее сцѣпленіе партіи и даютъ ей возможность выступать во-внѣ въ качествѣ непреодолимой силы. Два самыхъ

интенсивныхъ мотива нашихъ поступковъ — корысть и страхъ — заставляютъ партійнаго работника слѣдовать исходящимъ изъ центра директивамъ, а хорошо налаженный аппаратъ все время поддерживаетъ тѣсный контактъ между партійнымъ мозгомъ и периферіей.

Какова-же истинная внутренняя структура той соціальной группы, которая именуется коммунистической партіей? Построена-ли она на началахъ демократіи, олигархіи или монархіи? По этому поводу нужно отмѣтить, что недавнее прошлое партіи еще сильно сквозитъ въ настоящемъ, и что въ организаціи партіи явно распознаются моменты конспиративности. Эта конспиративность выражается въ томъ, что свѣдѣнія о внутренней организаціи партіи, о сужденіяхъ ея руководителей, о столкновеніяхъ, имѣющихъ мѣсто между ними, держатся по возможности въ тайнѣ. Видимость говоритъ въ значительной мѣрѣ за олигархію: въ партіи пользуются рѣшающимъ значеніемъ нѣсколько человѣкъ изъ числа прежнихъ вождей, которые очень осмотрительно и постепенно приближаютъ къ себѣ вновь выдвинутыхъ партійныхъ дѣятелей.

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что въ партіи силенъ и демократическій моментъ. Иначе и быть не можетъ, потому что отъ рядовыхъ членовъ требуется не только пассивное повиновеніе, но и активная работа на благо партіи во-внѣ ея, а таковая была бы психологически невозможна при проведеніи въ партіи принципа слѣпого повиновенія. Къ тому же надъ партіей нѣтъ такой силы, которая могла бы вынудить подчиненіе внутри ея самой. Конечно, и въ партіи имѣетъ значеніе принципъ beati possidentes; конечно, тотъ, кто разъ сталъ во главѣ партіи, имѣетъ огромное преимущество сравнительно съ новыми аспирантами на его мѣсто. Но лидерамъ свое значеніе приходится поддерживать и при томъ нерѣдко посредствомъ огромной затраты силъ. Къ партійнымъ конференціямъ серьезно готовятся, и къ рѣчамъ и голосованіямъ на нихъ прислушиваются съ замираніемъ сердца. Здѣсь, и только здѣсь, формулируется та воля, которая во-внѣ проступаетъ, какъ современная русская власть.

Составъ партіи, какъ мы знаемъ, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ руководителей, которымъ принадлежитъ рѣшающее слово по вопросамъ принятія или исключенія. Но партійная масса не есть совокупность пѣшекъ въ рукахъ руководителей; эти послѣдніе выдвигаются, поддерживаются и низвергаются именно самой партіей; партіей, какъ цѣлымъ, устанавливаются директивы для дѣятельности ея членовъ, что, вслѣдствіе своеобразнаго соотношенія между партіей и государственнымъ аппаратомъ, сводится къ руководству жизнью государства.

Въ предѣлахъ партіи ведется острая борьба. Въ коммунистической партіи всегда было нѣсколько теченій. Одно бо-

лѣе спокойное, хотѣло сотрудничества съ техническимъ аппаратомъ буржуазнаго строя и допускало ради его пріобрѣтенія значительныя уступки и проволочки. Другое, болѣе прямолинейное, хотѣло смести все и строить новое зданіе на tabula rasa. Въ партійныхъ верхахъ всегда преобладало первое, въ низахъ — второе направленіе; послѣднее до сихъ поръ не можетъ одолѣть, такъ какъ его сторонники по большой части люди мало уравновѣшенные и далекіе отъ тѣхъ тонкихъ пріемовъ, которыми дается побѣда въ политической борьбѣ.

Но во всякомъ случаѣ во внутрипартійной борьбѣ примѣняется не убѣжденіе силой, а сила убѣжденія, — конечно, со всѣми его варіантами, начиная отъ дѣловой аргументаціи и кончая демагогическими выпадами, личными инсинуаціями, оклеветаніемъ противниковъ и т. д. Возможно, что когда-либо произойдетъ разрывъ между теченіями; при всеобщей ненависти къ большевикамъ это будетъ началомъ конца для господства Р. К. П. Но это положеніе такъ ясно каждому, что до сихъ поръ главари обоихъ теченій прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы предотвратить расколъ, и идутъ на компромиссы. Этимъ объясняется въ значительной степени непослѣдовательность въ дѣятельности т. н. совѣтской власти, такъ, напр., перерывы политики „новаго курса“ актами, которые по духу лежатъ въ плоскости старыхъ пріемовъ.

Итакъ, во внутреннихъ отношеніяхъ коммунистическая партія есть демократія съ уклономъ въ сторону олигархіи. Что-же представляетъ она собою по отношенію ко внѣ ея стоящимъ группамъ? Ибо, что она не есть больше политическая партія, это положеніе можно считать очевиднымъ. Дѣйствительно, партія по самой своей идеѣ предполагаетъ соподчиненіе съ другими. Партія значитъ часть; это есть часть населенія, объединенная по опредѣленному признаку — однороднымъ политическимъ убѣжденіемъ. Коммунистическая же партія есть единственная въ современной Россіи.

Другимъ моментомъ, отдѣляющимъ К. П. отъ чисто партійно-политическихъ организацій, является господствующая въ ней дисциплина. Дисциплина, конечно, возможна и желательна вездѣ. Но при условіи нормальной политической жизни, при наличности борящихся партій, эта дисциплина по необходимости бываетъ весьма слаба. Она въ концѣ концовъ сводится къ требованію не совершать поступковъ, приносящихъ вредъ партіи (какъ, напр., агитація или голосованіе за чужого кандидата); но даже на неисполненіе такой обязанности, какъ участіе въ голосованіи, политическія партіи смотрятъ сквозь пальцы: и то хорошо, думаютъ руководители, что оставшійся пассивнымъ членъ не сталъ добычею другой партіи и не усилилъ собой ея голосовъ. Всякое натягиваніе вождей вызвало бы или расколъ, или отколъ и переходъ въ другую партію многочисленной группы недовольныхъ. Не такъ, какъ мы зна-

емъ, стоитъ дѣло въ коммунистической партіи. Члены ея несутъ многочисленныя и при томъ глубоко вторгающіяся въ ихъ жизнь положительныя обязанности.

Въ третьихъ, всякая политическая партія стремится къ возможному расширенію и охотно открываетъ свои ряды желающимъ. Коммунистическая же партія представляетъ собой полузамкнутое общество.

Наконецъ, принадлежность къ политической партіи нормально не вступаетъ въ коллизію съ другими соціальными связями: вступившій въ партію остается членомъ своей семьи, своего дружескаго круга, своего вѣроисповѣднаго общества и т. д. Иначе стоитъ дѣло съ коммунистической партіей. Нѣкоторыя связи, какъ напр. религіозную, она обрываетъ даже формально. Другія связи рушатся сами собой, такъ какъ, въ силу всеобщей ненависти и презрѣнія къ коммунистамъ, со вступленіемъ въ партію расторгаются прежнія узы и при томъ безвозвратно: разъ вступившему въ партію обратная дорога закрыта.

Коммунистическая партія есть, такимъ образомъ, нѣчто гораздо большее, нежели партія. Она фактически стала новымъ привилегированнымъ сословіемъ. Такое обозначеніе лучше всѣхъ иныхъ раскрываетъ ея сущность. Извѣстный намъ затрудненный порядокъ вступленія вполнѣ отвѣчаетъ той замкнутости дворянства, которое имѣетъ мѣсто въ монархическомъ государствѣ, гдѣ существовали настоящія сословія. Тѣ преимущества, которыми пользуются коммунисты — привилегіи при замѣщеніи должностей, фактическій иммунитетъ отъ совѣтской формы обложенія (національзацій, конфискацій и реквизицій), матеріальныя выгоды — это обычныя привилегіи высшаго сословія. Вполнѣ понятны съ точки зрѣнія „noblesse oblige“ и тѣ тяготы, которыя лежатъ на коммунистахъ.

Такой переходъ одного соціальнаго образованія въ другое, въ данномъ случаѣ политической партіи въ привилегированное сословіе — не есть нѣчто исключительное, изъ ряду вонъ выходящее. Передъ нами типичный случай не рѣдкаго въ соціальной жизни явленія сохраненія организаціи и послѣ того, какъ цѣль ея достигнута или перестала быть цѣлью для кого бы то ни было. К. П. была партіей, такъ какъ ставила себѣ цѣлью осуществленіе опредѣленной политической программы и въ особенности достиженіе власти. Когда власть оказалась захваченной, а политическая программа неисполнимой, то организація не распалась, а сохранилась, но уже ради другой цѣли — а именно ради цѣли поддержанія, развитія и использованія пріобрѣтенной власти.

Процессъ перерожденія въ привилигированное сословіе могъ протечь сравнительно легко не только потому, что нахлынувшая въ партію въ болѣе позднѣе время масса не искала рѣшительно ничего, кромѣ выгоды, но и потому, что въ про-

граммѣ ея основоположниковъ съ самаго начала преобладалъ формальный моментъ надъ матеріальнымъ, способъ надъ цѣлью. Партійная программа состояла въ общемъ изъ двухъ положеній: 1) конечной цѣлью является соціалистическій строй (въ коммунистической разновидности); 2) этотъ строй долженъ быть введенъ въ ускоренномъ порядкѣ, посредствомъ захвата власти пролетаріатомъ и проведенія его диктатуры. Изъ обѣихъ частей программы большевики особенно выдвигали вторую. И ради осуществленія идеи непосредственнаго захвата власти они съ самаго начала готовы были на серьезныя уступки въ области основной программы. Наиболѣе разительнымъ примѣромъ является ихъ политика по аграрному вопросу. Въ условіяхъ русской дореволюціонной дѣйствительности этотъ вопросъ занималъ центральное мѣсто во всякой политической программѣ. Большевики были вѣтвью соціалъ-демократіи; они стояли на платформѣ марксизма и притомъ придерживались строгой ортодоксальности. Для аграрной программы это создавало необходимость выставленія прицепа крупнаго производства. Какъ извѣстно, р. с.-д. п. проектировала такъ наз. муниципализацію помѣщичьихъ и государственныхъ земель и, очевидно, имѣла въ виду сохраненіе имѣній въ качествѣ эксплоатаціонныхъ единицъ, обрабатываемыхъ подъ эгидой крупныхъ органовъ самоуправленія. Этотъ пунктъ соціалъ-демократической программы былъ причиной весьма слабаго проникновенія партіи въ деревенскія массы. Программа соціалистовъ-революціонеровъ, въ которой можно было при желаніи вычитать черный передѣлъ, была этимъ массамъ гораздо ближе. Отсюда головокружительный успѣхъ партіи на первыхъ порахъ революціи. И вотъ произошло явленіе, глубоко поразившее русскую интеллигенцію: на съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ, имѣвшемъ мѣсто въ Петроградѣ весной 1917 года, признанный глава большевиковъ Ленинъ публично отрекся отъ аграрной программы партіи и присоединился къ программѣ с-р. Всѣ тогда смѣялись надъ лидеромъ, который можетъ проявлять соглашательство по вопросу такой важности. Но Ленинъ тоже смѣялся. И онъ былъ правъ. Принятіе большевиками аграрной программы соперниковъ выбило главный козырь изъ рукъ эсъ-эровъ. По остальнымъ вопросамъ большевики давали больше, и массы потянулись къ нимъ. Тактическій успѣхъ былъ достигнутъ отреченіемъ отъ одного изъ центральныхъ пунктовъ партійной программы. Но большевики ни на секунду не призадумались купить власть этой цѣной.

Эта удивительная „гибкость“ политическихъ убѣжденій составила ту почву, на которой сталъ возможенъ процессъ перерожденія партійнаго аппарата, превращенія его въ механизмъ властвованія. Эта гибкость позволяетъ партіи сохранять власть и послѣ того, какъ вся партійная программа отъ А до Z съ невѣроятнымъ трескомъ провалилась на опытѣ.

Три съ лишкомъ года длилось соціалистическое строительство. Всѣ личныя и матеріальныя средства расточались безъ счета и сожалѣнія для того, чтобы возможно скорѣе перекроить Россію на соціалистическій ладъ. Кронштадское возстаніе и рядъ грозныхъ крестьянскихъ волненій на Югѣ и Востокѣ Россіи показали, какъ въ дѣйствительности относятся массы къ коммунистическимъ идеаламъ. Какъ ни силенъ сдавливающій аппаратъ, ежедневнаго повсемѣстнаго натиска онъ не выдержитъ — это ясно всякому стоящему у власти. И власть имущіе въ Россіи поняли, что сохранить власть можно только, ослабивъ натискъ, а ослабить натискъ можно, только отказавшись отъ программы. И вотъ весной минувшаго года провозглашается „новый курсъ," сущность котораго сводится къ возрожденію капитализма при условіи неприкосновенности совѣтскаго строя. Партійная программа переворачивается на изнанку; для приличія, конечно, произносятся фразы о временномъ отступленіи, о передышкѣ и т. д. Процессъ перерожденія оказывается завершеннымъ: организація, которая сложилась ради осуществленія коммунистическаго строя, стремится теперь вернуть къ жизни его злѣйшаго врага — капитализмъ. Вскрывается единственная истинная цѣль бытія и дѣятельности власти — сохраненіе ея за тѣми, кому она принадлежитъ. Партійно-политическая организація оказывается переродившейся въ полузамкнутое сообщество, имѣющее цѣлью эксплоатацію страны въ формѣ осуществленія въ ней функцій власти.

И если вспомнить, изъ кого сложилось это сообщество, если вспомнить, что р. к. п. составили тѣ элементы, которые образовали нижній этажъ политическаго подполья, тѣ элементы, которые населяли собою тюрьмы и притомъ не столько за политическія, сколько за уголовныя преступленія, тѣ элементы, которые терроризировали населеніе окраинъ большихъ городовъ и безчинствовали по деревнямъ, разбавленные достойными товарищами, отщепившимися отъ другихъ общественныхъ группъ, то станетъ явной вся тяжесть русской болѣзни. Худшаго, нежели стать объектомъ безжалостной, ни съ чѣмъ не считающейся эксплоатаціи собственныхъ подонковъ, съ народомъ произойти не можетъ. И это самое ужасное стало дѣйствительностью въ жизни нашего богато одареннаго, способнаго къ великому подвигу и высокому творчеству, но лишеннаго государственнаго инстинкта и погрязшаго — не по своей винѣ — въ глубокомъ невѣжествѣ народа.

Н. С. Тимашевъ.

Баденъ-Баденъ, февраль 1922 г.

Тихій свѣтъ.

Вершины актерскаго художества.*)

I.

Не такъ давно и, по случайности, на площади Софійскаго народнаго театра, русскій писатель А. М. Ѳедоровъ говорилъ: „Театръ грубъ. Онъ разрушаетъ „золотой туманъ“, то неопредѣлимое, что возникаетъ при чтеніи произведеній слова. И, потому что театръ все договариваетъ, все показываетъ въ преувеличенныхъ формахъ, онъ огрубляетъ вкусъ, и толпа начинаетъ требовать и отъ литературы театральной выразительности“.

Въ томъ, что говорилъ писатель А. М. Ѳедоровъ, ново опредѣленіе: „золотой туманъ“. Самое же негодованіе противъ театра у лирическаго поэта, повѣствователя и драматурга лирическихъ формъ, въ сердцѣ человѣка русской келейной интимной культуры, нынѣ затопляемой демократическимъ моремъ, не ново. Еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка Чеховъ писалъ Щеглову: „Современный театръ, это — сыпь, дурная болѣзнь городовъ. Онъ не только не выше толпы, а жизнь толпы выше и умнѣе театра“. Если бы Богъ судилъ Чехову дожить до нашихъ дней, онъ увидалъ бы, какъ въ бывшей Россіи, больной, кромѣ всего иного, еще и дурною болѣзнью театральнаго театра, развѣваются послѣдніе остатки „золотого тумана“ въ душахъ у людей.

Зимой 1913 года русскій литературный критикъ Айхенвальдъ выступилъ со статьею „Отрицаніе театра“, напечатанной въ газетѣ „Рѣчь“. Поводы къ отрицанію театра были у него тѣ-же, что у Чехова и у Ѳедорова: театръ грубъ, матеріаленъ, обнажаетъ и принижаетъ все, къ чему прикасается. Айхенвальдъ отвергалъ театръ во имя того, что читатель получаетъ отъ произведенія художественнаго слова, представляемаго на театрѣ, у себя въ комнатѣ, „при свѣтѣ своей лампы“, т. е. во имя того-же „золотого тумана“. Онъ утверждалъ, что искусство актера не есть искусство; онъ доказывалъ, что театръ питается, какъ паразитъ, другими искусствами (искусствами слова, живописи, музыки), обезпложивая и огрубляя ихъ, вынимая изъ нихъ живую душу.

---

*) Публичная лекція, прочитанная въ залѣ Славянскаго Дружества и въ „Свободномъ театрѣ“, въ Софіи.

Насколько упоренъ, негибокъ, тяжекъ, вещенъ матеріалъ театральнаго искусства — темная плоть человѣческая — знаютъ всѣ подлинные театральные художники: актеры. Но они знаютъ также, что матеріалъ этотъ преодолимъ, что въ ихъ мучительномъ искусствѣ возможны минуты полнаго одухотворенія вещнаго матеріала: „касанія мірамъ инымъ"; театръ уничтожаетъ „золотой туманъ", возникающій при чтеніи произведеній художественнаго слова „при свѣтѣ своей лампы". Но театру доступно творить свое неуловимое и неопредѣлимое вокругъ произведенія художественнаго слова, представляемаго на театрѣ. Художества, которыя въ себѣ вмѣщаетъ театральное представленіе (рѣчь идетъ о драматическомъ театрѣ), — литература, живопись, музыка — должны умереть, чтобы зажить новою жизнью въ искусствѣ театра. „Если ячменное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно. А если умретъ, то принесетъ много плода".

Минуты полнаго одухотворенія вещнаго матеріала въ искусствѣ актера не только не всегда совпадаютъ съ наилучшими страницами художественнаго слова, на которыя актеръ опираетъ свое творчество, а наоборотъ: чѣмъ выше произведеніе художественнаго слова, упавшее въ театральную землю, тѣмъ творчеству актера труднѣе побороть его и умертвить, дабы пробиться черезъ него къ свѣту, какъ пробивается къ солнцу ростокъ изъ зерна. Съ другой стороны: издавна существующій особый родъ сценической литературы, по отношенію къ словесному художеству ничтожный, не почитаемый художествомъ (сценическая драматургія), бываетъ способенъ давать матеріалъ для значительнаго актерскаго творчества. Въ чемъ разгадка? Рядовыхъ актеровъ упрекаютъ въ низменности литературнаго вкуса. Но и такіе сценическіе художники, которыхъ никакъ невозможно въ этомъ упрекнуть, наряду съ образцами высокой литературы, опирались въ своемъ творчествѣ на вещи ничтожныя въ литературномъ отношеніи, и — нельзя сказать, что поднимали ихъ, а, умерщвляя, взращивали изъ ихъ зеренъ такіе плоды, о которыхъ и не грезили ихъ сочинители. Разгадка въ томъ, что произведеніе художественнаго слова и произведеніе это, представленное на театрѣ, не только различествуютъ, а суть два совершенно отдѣльныхъ самостоятельныхъ произведенія. Одно принадлежитъ литературѣ, и, чтобы воспринять его, его надо прочитать; другое создано на театрѣ и живетъ до тѣхъ поръ, пока представляется.

Средство поэзіи въ широкомъ смыслѣ, то есть литературы, заключено въ словѣ. Средство актерскаго художества двулико и заключено въ глазахъ, способныхъ потухать и загораться, выражать и вызывать многообразные оттѣнки чувствъ, и въ многообразіи окрасокъ человѣческаго голоса, способныхъ передавать и вызывать многообразные мельчайшіе оттѣнки душевныхъ движеній. Мимика, жестъ, движеніе и

поза (остановка движенія) суть производныя отъ этого основного двуликаго средства актера; отъ него исходятъ и имъ управляются. Это значитъ: мимическія маски на лицѣ актера смѣняются сами собою, когда мѣняются глаза. Интонація вызываетъ жестъ, управляетъ движеніемъ; молчаніе, наполненное душевнымъ движеніемъ (пауза), дабы перейти въ позу, должно выразиться въ глазахъ актера, хотя бы даже невидныхъ зрителю (когда актеръ стоитъ спиною къ публикѣ). Въ средствахъ искусства актера нѣтъ слова въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово составляетъ единое средство поэзіи.

Актеры сами собою произносятъ на сценѣ слова, смыслъ которыхъ, вмѣстѣ со звукомъ, доходитъ до зрителя. Но смыслъ словъ въ искусствѣ актера не составляетъ творчества и, при воспоминаніи о прекрасныхъ сценическихъ изображеніяхъ, смыслъ словъ приходитъ послѣднимъ. Съ другой стороны: игра актеровъ на незнакомомъ языкѣ способна доходить и, чѣмъ игра выше, тѣмъ понятнѣе зрителю. Для человѣка, желающаго развить въ себѣ чувство художества сценическаго и постигнуть его существо, нѣтъ лучше средства, какъ смотрѣть игру хорошихъ актеровъ на незнакомомъ языкѣ. Онъ достигнетъ того, что научится понимать до мельчайшихъ оттѣнковъ чувства, творимыя этими актерами на сценѣ. Онъ разучится вслушиваться въ слова, произносимыя актерами на родномъ ему или извѣстномъ ему языкѣ, и научится слушать оттѣнки человѣческаго голоса, способныя открывать и рисовать сокровенное въ движеніяхъ человѣческой души. Само собою, вмѣстѣ съ движеніями, какъ родныхъ, такъ и иноязычныхъ актеровъ, будутъ ему разсказывать о чувствахъ, творимыхъ актерами на сценѣ, ихъ глаза и помогать воспріятію средства актерскаго художества, исходящія отъ основныхъ: мимика, жестъ, поза, движеніе. Но звукъ, интонація это — то, безъ чего нѣтъ искусства драматическаго. Слѣпому открыто искусство актера. Одна полуслѣпая старушка изъ Харькова продиктовала своей дочери рядъ писемъ ко мнѣ о театрѣ, въ которыхъ разсказывала о томъ, какую радость она испытываетъ отъ того, что отъ нея за слѣпотою не сокрылось искусство сценическое, а, напротивъ, открылось съ до того невѣдомою полнотой. „Я научилась слушать молчаніе", пишетъ она между прочимъ въ одномъ письмѣ. Глухой же видитъ на драматической сценѣ „мимодраму", фальшивѣйшій родъ театральнаго представленія. Основа искусства театра есть звукъ.

То, что въ средствахъ искусства актера нѣтъ слова въ томъ значеніи, въ какомъ слово составляетъ средство поэзіи, породило много недоразумѣній, несправедливыхъ нападокъ на театръ и принесло много разочарованій художникамъ слова, а иныхъ заставило возненавидѣть театръ. Авторъ драматическій, въ особенности, неискушенный въ театрѣ, съ тре-

вогой видитъ, какъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, пока идутъ репетиціи, онъ перестаетъ узнавать свое произведеніе. Страннымъ образомъ тѣ слова, которыя онъ любилъ у себя, считалъ удавшимися, которыя всегда волновали его въ чтеніи, со сцены звучатъ пусто и ненужно, и ему хочется ихъ вычеркнуть. Съ другой стороны, сцены, которыя онъ считалъ мелкими, второстепенными, исполнились на театрѣ неожиданнымъ содержаніемъ, и онъ смотритъ ихъ съ волненіемъ, чувствуя, какъ это хорошо. Когда онъ дома беретъ въ руки свою пьесу и перечитываетъ (авторъ перестаетъ со сцены узнавать свои слова), онъ убѣждается, что въ этихъ сценахъ съ подмостковъ произносится слово въ слово то, что у него написано, а играется то, чего онъ не писалъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше начинаютъ разрушаться ткани его произведенія, отмирать, разваливаться, и изъ подъ нихъ пробиваться новое художество, рождаемое театромъ. Авторъ ненавидитъ это новое художество, потому что оно, дабы родиться, должно было убить его созданіе. Часто случается такъ, что произведеніе художественнаго слова, пройдя черезъ театръ, лежитъ распластанное, омертвѣлое, — никакого новаго художества не проростаетъ. Тогда авторы хватаются за голову и бѣгутъ отъ театра, какъ отъ чумы. Рѣдко совершается (но пусть бы свершилось одинъ только разъ — и театръ оправданъ), что высокое произведеніе художественнаго слова порождаетъ на театрѣ новое, не уступающее ему по высотѣ, произведеніе искусства театральнаго. Таковы, между прочимъ, драмы Чехова на сценѣ Московскаго Художественнаго Театра: въ особенности „Чайка" и „Три сестры".

Теперь, перечитывая пьесу Чехова, кажется, что театръ просто игралъ то, что написано. На самомъ дѣлѣ это было не такъ просто. Послѣ провала „Чайки" въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ*), Чеховъ боялся театра панически.

---

*) Событіе это — театральный скандалъ на представленіи Чеховской „Чайки" —, пріобрѣтшее потомъ большое значеніе въ исторіи русскаго театра, но тогда немногими, въ ихъ числѣ впереди всѣхъ Ал. С. Суворинымъ, правильно оцѣненное (онъ писалъ, что пьеса съ признаками геніальности, но что театръ не доросъ до пьесы), случилось осенью 1896 года. Манера письма въ „Чайкѣ" та же, какою Чеховъ до того за три года, написалъ первый актъ „Иванова", благополучно разыграннаго на театрѣ у Корша въ Москвѣ и въ томъ-же Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ для бенефиса Давыдова.

Это — манера, при которой будничные образы, истончаясь, просвѣчиваютъ; такъ, что за ними пріоткрывается горній міръ, и музыка горняго міра вплетается въ діалоги о самыхъ будничныхъ вещахъ въ мірѣ дольнемъ. Въ „Чайкѣ" ощущается, какъ за болью о томъ, что убиваетъ „Чайку", пробивается радость: „тайна земная соприкасается съ тайной небесной". „Ивановъ" выдержалъ театръ потому, что, кромѣ перваго, три послѣдніе акта „Иванова" написаны въ обычной для того времени плотной манерѣ. „Чайка"—вся сквозная, и со стороны письма смѣлѣе перваго акта „Иванова".

Роли въ „Чайкѣ" на Петербургскомъ представленіи занимали прекрасные актеры, и роли эти были вполнѣ въ ихъ сценическихъ средствахъ въ

Зиму 1898—99 года Чеховъ жилъ больной въ Ялтѣ, когда на сценѣ Московскаго Художественнаго Театра должны были быть разыграны „Дядя Ваня“ и „Чайка“. Къ представленію „Дяди Вани“ Чеховъ относился болѣе или менѣе равнодушно, но „Чайку“ онъ не хотѣлъ больше подвергать театральному испытанію, и Вл. И. Немировичу-Данченко стоило великаго труда уговорить его. Между тѣмъ дѣло съ „Чайкой“ шло плохо. Актеры не находили „тона“ — звука для этой пьесы. Станиславскій (разсказываю со словъ Мейерхольда, игравшаго Треплева) игралъ Григорина и, участвуя въ постановкѣ пьесы, говорилъ, что не понимаетъ, какъ играть „Чайку“: шелъ ощупью, отчаиваясь, что въ темнотѣ блеснетъ свѣтъ. Если-бы не выдержка Немировича-Данченко, также въ душѣ смущеннаго, но знающаго, что въ театрѣ упорство иногда, — но не всегда, конечно, — бываетъ вознаграждено, „Чайку“ бросили бы репетировать. Отъ муки и усталости у актеровъ къ послѣднимъ репетиціямъ сталъ угасать, приглушаться слишкомъ опредѣленный краснощекій характеръ звука, который былъ взятъ сначала. Пьеса отъ этого упала, потухла, погрузилась въ сумерки; ея образы поблѣднѣли: ихъ стало едва возможно разсмотрѣть.

Но тутъ то и блеснулъ свѣтъ. Осторожно поднимая пьесу, укрѣпляя звукъ, — не болѣе, чѣмъ до того, чтобы расплывшіеся образы получили очертанія, — „Чайку“ нашли на театрѣ. Достиженіе это было однако столь хрупко, что могло разрушиться каждую минуту. Нужно было сыграть пьесу, чтобы закрѣпить ее, и чѣмъ возможно обезопасить первый спектакль

томъ, что касалось „земли“. Съ этой стороны нельзя было и отыскать въ русскомъ театрѣ лучшей Аркадиной, чѣмъ М. Г. Савина, лучшаго Сорина, нежели Вл. Н. Давыдовъ, а Нину Зарѣчную играла В. Ѳ. Комиссаржевская, которой земная Нина необычайно подходила и которой было открыто и „небо“. И со всѣмъ тѣмъ пьеса рухнула подъ несмолкаемый хохотъ публики. По несчастной странной случайности, она, ко всему прочему, была поставлена для бенефиса Левкѣевой, отличной бытовой актрисы, любимицы гостинодворской прикащичьей публики, наполнившей залъ, а ставилъ пьесу Е. П. Карповъ, режиссеръ съ благороднымъ вкусомъ и самъ литераторъ, но мало чуткій къ міру горнему. Но и при всѣхъ иныхъ условіяхъ пьеса не могла бы пройти на сценѣ Александринскаго театра: въ немъ для нея тогда не хватало воздуха.

Чеховъ прятался въ темныхъ кулисахъ, слушая, какъ надрывался отъ хохота залъ, мѣшая актерамъ играть, — былъ „тихій и странный“, разсказывала Комиссаржевская. „Пришелъ ко мнѣ въ уборную, долго смотрѣлъ на меня, сказалъ: какіе у Васъ — глаза! — и вышелъ“. Глаза у Комиссаржевской были дѣйствительно необычайны: другихъ такихъ глазъ не было. Изъ театра Чеховъ скрылся незамѣченнымъ и не вернулся ночевать къ Суворину, у котораго въ тотъ періодъ всегда останавливался, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ. Суворинъ обожалъ Чехова, до конца дней своихъ показывалъ диванъ въ своей библіотекѣ и говорилъ: „Здѣсь спалъ Антонъ Павловичъ“.

Проплутавши по городу эту самую страшную ночь въ своей жизни Чеховъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Москву.

отъ того, чтобы его не сдунула зрительная зала. При томъ напряженіи, въ какомъ были актеры, малѣйшее невниманіе, случайный шумъ, малѣйшій неумѣстный смѣхъ могли все погубить. Вл. И. Немировичъ-Данченко рѣшился, ограждая спектакль и больного Чехова отъ случайностей, распространить билеты на первое представленіе „Чайки" среди почитателей Антона Павловича. Только немногое количество билетовъ поступило въ кассу.

Это былъ незабываемый спектакль. За кулисами была такая тишина, какой должно быть никогда не бывало въ театрѣ. Никто не говорилъ ни слова; всѣ машинально одѣвались, гримировались и сидѣли неподвижно, ожидая выхода, какъ ожидаютъ казни. Передъ выходомъ актеры крестились. Первый звукъ — важный, часто рѣшающій на театрѣ — прозвучалъ тускло: пьеса готова была сразу покатиться подъ гору и еле удержалась. Монологъ Зарѣчной со сцены надъ озеромъ (Нину играла Роксанова), надъ которымъ за два года передъ тѣмъ Александринская зала стала впервые смѣяться, послѣ чего прорвалась и до конца представленія надрывалась отъ хохота, — былъ принятъ въ полной тишинѣ. Еще было невѣдомо, что̀ въ себѣ таила эта тишина, но первое испытаніе было пройдено. Это разсѣяло тягость, нависшую надъ представленіемъ, и оно стало крѣпнуть. Лица у актеровъ стали свѣтлѣть. Вторая половина акта — послѣ сцены на театрѣ — прошла твердо.

Когда послѣ перваго акта задвинулся занавѣсъ, то зрители при мертвой тишинѣ на сценѣ и въ залѣ, долго оставались неподвижными. Потомъ, точно по знаку, зала сверху до низу стала бурно апплодировать. Обнаружился рѣдкій успѣхъ. До конца спектакля успѣхъ былъ полный, непрерывный. Актеры плакали отъ радости за сценой и цѣловали другъ друга. „Точно было Свѣтлое Воскресеніе", вспоминалъ Вл. И. Немировичъ-Данченко.

„Ваша телеграмма сдѣлала меня здоровымъ и счастливымъ", отвѣчалъ Чеховъ на телеграмму, которую послалъ ему театръ послѣ представленія. Этой телеграммы Чеховъ ждалъ и лежалъ не раздѣваясь, ожидая, когда придетъ телеграфистъ. Второе представленіе „Чайки" прошло уже крѣпко. Такъ продолжалось весь сезонъ.

Лѣтомъ, когда Чеховъ пріѣхалъ въ Москву, театръ показалъ ему „Чайку". Въ театрѣ „Эрмитажъ", въ которомъ Московскій Художественный театръ игралъ въ первые годы, лѣтомъ шла оперетка, и представленіе „Чайки" для Чехова было въ театрѣ „Парадизъ" на Никитской. Въ полномъ составѣ: съ декораціями, костюмами, обстановкой и бутафоріей до послѣдныхъ мелочей. Начался первый актъ; ко времени сцены надъ озеромъ Аркадина, Дорнъ, Шамраевъ, Медвѣденко, Маша усаживались на зеленую скамейку, поставленную на первомъ планѣ, — всѣ спинами къ зрителямъ, — чтобы смотрѣть, какъ будетъ играть Нина. Для того времени было не-

привычно сидѣть актерамъ спинами къ зрителямъ, и это видимо раздражило Чехова. Онъ прослѣдилъ всю пьесу, хвалилъ, но было очевидно, что онъ смущенъ и опечаленъ. И смущеніе и печаль его происходили отъ того, что Чеховъ увидѣлъ на сценѣ новое твореніе черезъ пьесу, которую написалъ. Онъ оцѣнилъ его и принялъ это новое художество, рожденное театромъ, но погрустилъ о своемъ.

Въ слѣдующую зиму Чеховъ написалъ для Художественнаго театра пьесу „Три сестры". Пока пьеса репетировалась, Чеховъ не переставалъ дѣлать въ ней измѣненія и присылать изъ Ялты выпуски и вставки въ текстъ. Такъ, между прочимъ, онъ опустилъ прекрасный монологъ Андрея о томъ, что такое жена: прислалъ его въ театръ зачеркнутымъ, вмѣсто чего было надписано: „жена есть жена". По совѣту Немировича-Данченко, потому что театру требовались въ третьемъ актѣ болѣе вещныя средства, нежели у литературы, для созданія воздуха тревоги въ домѣ у сестеръ, Чеховъ переписалъ этотъ актъ на фонѣ ночного пожара въ провинціальномъ городѣ. Пиша „Трехъ сестеръ", Чеховъ сотрудничалъ съ театромъ. То-же онъ дѣлалъ, когда, вслѣдъ за этой пьесой, писалъ „Вишневый садъ". Пиша центральную фигуру, онъ видѣлъ за нею актрису, тогда жену свою О. Л. Книпперъ, и Ѳирса онъ написалъ для Артема.

Сотрудничая съ театромъ, Чеховъ оставался тончайшимъ художникомъ слова. Его образы просвѣчиваютъ; за ними вездѣ видно русское небо. „Весь, весь бѣлый, — чистота наша!" Пьесы Чехова на сценѣ Художественнаго театра такъ-же прозрачны, такія же бѣлыя и чистыя, и „Золотой туманъ", — невѣдомо откуда притекающая сладкая печаль, неуловимое вѣяніе нездѣшняго міра, — пронизываютъ ихъ. Но на театрѣ все это свое, отличное и созданное средствами театра. Въ представленіи „Чайки" Художественный театръ показалъ Чехову твореніе интимно близкаго къ нему, Чехову, художника, но иного искусства, нежели онъ, иныхъ средствъ и иного предѣла возможностей. Чеховъ полюбилъ этого художника, а, полюбивши, почувствовалъ тайны его искусства. Бросая въ его землю зерна, — свои высокія созданія, онъ, нигдѣ не поступаясь своимъ искусствомъ, что̀ было бы и невозможно для истиннаго художника слова, сталъ обрабатывать ихъ такъ, чтобы въ искусствѣ театра они давали полный зрѣлый плодъ. „Художественный театръ" сдѣлался и остался до конца театромъ Чехова, и схематическое изображеніе „Чайки", бѣлой птицы, прилетѣвшей въ его колыбель, — на его занавѣси, программахъ, афишахъ, билетахъ, почтовой бумагѣ, — сопровождало его во всю его жизнь.

Сліяніе театра и литературы, то есть претвореніе безъ остатка въ театрѣ литературныхъ образовъ, есть идеалъ

театра, но онъ крайне рѣдко достижимъ, — не по винѣ актера. Нельзя играть всего прекраснаго, что написано въ драматической формѣ, и даже можно сказать, что изъ этого рѣдко, что можно играть. Предѣлы театра очень трудно раздвигаемы; театръ — тяжелое, упрямое искусство: въ немъ каждый новый шагъ стоитъ годовъ и мученій. И многое прекрасное въ художествѣ слова, будучи брошено въ театральную землю, лежитъ распластанное, омертвѣлое, и никакого новаго художества изъ него не произрастаетъ. Поэтому пребывалъ издавна и пребудетъ, пока будетъ жить театръ, особый родъ литературы, оживающій лишь на театрѣ, не почитаемый за художество слова и не являющій собою этого художества. Это сценическая драматургія.

О ней можно такъ сказать: она даетъ сценическія положенія, мотивы, вѣхи, побужденія для творчества актера. Приводитъ влюбленныхъ другъ къ другу; создаетъ побужденія для выраженія печали, радости, страсти, нѣжности, гнѣва; указываетъ на образы, на характеры, но не пишетъ ихъ, а оставляетъ создавать актеру. Она записываетъ слова, и слова эти произносятъ со сцены актеры. Но, потому что средство актеровъ не въ словѣ (въ томъ значеніи, какое слово имѣетъ въ словесномъ художествѣ), зрители, слушая, не слушаютъ этихъ словъ такъ, какъ ихъ слушаютъ читатели, а слушаютъ впереди словъ интонаціи, окраски человѣческаго голоса; безсловесный языкъ чувствъ, творимый актеромъ. Въ словесномъ художествѣ слова живописуютъ: сами вмѣщаютъ въ себѣ краски, то есть интонаціи, — и кромѣ сего содержатъ неизвѣстно откуда притекающую мелодію души творящаго художника, ею же и порождается „золотой туманъ". „Стиль это — человѣкъ", говорятъ французы по отношенію не къ одному только художественному слову. Въ сценической драматургіи слова не звучатъ безъ актера. Трудно повѣрить, если не знать, въ какой степени изъ ничтожныхъ банальныхъ словъ способны актеры выращивать подлинное художество. Для того, чтобы знать это, надо читать образцы сценической драматургіи, со сцены волнующіе не одныхъ только грубыхъ людей. Но, кромѣ актеровъ и театральныхъ работниковъ, никто не читаетъ этихъ образцовъ, въ Россіи они даже не всегда печатались, а издавались въ литографированномъ видѣ.

Они не то, что созданы для того, чтобы умеретъ въ искусствѣ актера, они не живутъ безъ театра. Въ нихъ театру нечего преодолѣвать. Для того, чтобы выростить новое художество изъ произведенія художественнаго слова, упавшаго въ театральную землю, театру надо, когда брошенное въ его землю зерно станетъ умирать и распадаться, вобрать въ себя его соки, то, что даетъ ему жизнь, и претворить ихъ въ новое художество. Краски, т. е. интонаціи, заключенныя въ художественномъ словѣ, мелодію души творящаго художника,

заключенную въ словѣ, образы, живописуемые художественнымъ словомъ. Сценическая драматургія ничего этого не содержитъ, а содержитъ сценическія положенія, многократно провѣренныя на театрѣ, напримѣръ: мужъ застаетъ жену свою съ любовникомъ (кто то изъ французовъ даже подсчиталъ число сценическихъ положеній, и оно вышло весьма ограниченнымъ), среду и обстановку дѣйствія, которыхъ авторъ не пишетъ, а на которыя онъ только указываетъ, предоставляя создавать ихъ театру, и роли, то есть персонажи сценическаго дѣйствія, издревле утвердившіяся на театрѣ. Героиня: печальная наивная дѣвушка; веселая наивная дѣвушка; важная дама; смѣшная старуха; кокетка; любовникъ-герой (арлекинъ); любовникъ пассивный, страдающій и мужъ (Пьеро); любовникъ-фатъ, благородный отецъ; злодѣй; разсудительные мужи, веселый и печальный, привлекаемые къ объясненію дѣйствія. Образцы сценической драматургіи могутъ быть бытовые, гражданскіе, „Чеховскіе“ (подражающіе внѣшней формѣ чеховскихъ пьесъ), неврастеническіе (ввели новый персонажъ и породили амплуа „актеровъ-неврастениковъ“), такъ называвшіеся „ницшеанскіе“. Каковы бы они ни были, они могутъ избирать любые сюжеты, любую среду, но они остаются составленными изъ утвержденныхъ на театрѣ персонажей и подвигаемыми сценическими положеніями, провѣренными на театрѣ.

То же мы видимъ у истоковъ европейскаго театра: итальянской неписанной комедіи и французскаго театра, который преобразовалъ ее и создалъ ту классическую технику, на которой взросли и воспитались всѣ современныя европейскія сцены.

Французская сценическая техника, то есть французская школа актерской игры, есть техника притворства, и на высокихъ ступеняхъ своихъ очаровательнаго, и вплоть до самаго скромнаго ремесленничества исполненнаго вкуса на своей родинѣ. Огромная культура: традиціи, навыки, вѣками накопленное богатство отборныхъ сценическихъ формъ, — давно сдѣлали французскую сцену классической сценою. Европейскіе театры приняли французскую игру, и ни одинъ изъ нихъ не только не превзошелъ ее, но и не могъ равняться съ нею. Тяжеловатый, аккуратный, по-военному, какъ на парадѣ, выступающій нѣмецкій театръ („die erste Kolonne marschiert!“, — „die zweite Kolonne marschiert!“), сухой и острый, чѣмъ-то спортсмэнскій, англійскій театръ и близкій къ нему шведскій, пластичный, звучный, солнечный итальянскій театръ, четкая, сочная, пьянящая, какъ старый медъ, польская комедія (отличный театръ, достойно воспринявшій французскую технику), душевный, увлекающійся, съ первыхъ дней своей жизни выбивающійся изъ оковъ школы русскій тертръ, — всѣ они получили бытіе свое отъ французскаго театра и приняли французскую сценическую технику. Русскій театръ къ концу

дней своихъ въ рѣдчайшихъ достиженіяхъ преодолѣлъ французскую игру и создалъ свою школу, технику русской игры. Но и здѣсь онъ не могъ отвергнуть окончательно французскую школу и долженъ былъ прибѣгать къ ней всякій разъ, когда въ представленіи готова была разорваться слишкомъ хрупкая ткань русской игры.

Сущность французской игры заключается въ томъ, что актеръ творитъ роль до спектакля, наединѣ съ собой, а на спектаклѣ показываетъ, представляетъ передъ публикой свое созданіе. На творчество роли актеръ затрачиваетъ творческое волненіе, вйдѣніе, догадку, отборъ, — словомъ всѣ элементы творчества; при представленіи роли актеръ долженъ быть холоденъ и внимательно спокоенъ. Все перечувствовано, теперь надо это показать. И въ томъ, какъ представиться взволнованнымъ, будучи спокойнымъ, заставить глаза блеснуть, потухнуть, затуманиться, когда надо, смѣяться и плакать, по произволу блѣднѣть и краснѣть (блѣднѣть и краснѣть по желанію на сценѣ умѣютъ немногіе, и отлично умѣла посредственная итальянская актриса Тина-ди-Лоренцо: неизвѣстнымъ мышечнымъ движеніемъ она заставляла кровь приливать къ лицу и отливать отъ лица), повторить передъ публикой ранѣе отобранныя окраски голоса, сверхсловесный языкъ чувствъ, — во всемъ этомъ французская школа достигла совершенства. Жестъ, исходящій въ творчествѣ наединѣ съ собой отъ интонаціи, при представленіи французской техникой запоминается актеромъ и точно повторяется, независимо отъ интонаціи, молчаніе не требуетъ, чтобы на сценѣ говорили глаза, если они не видны зрителю: поза, найденная въ творчествѣ, когда говорили глаза, запомнена. Вообще на сценѣ нѣтъ творчества, и идетъ напряженная, четкая, точная работа, для которой надо много самообладанія, ловкости, находчивости и знанія своего ремесла. На сценѣ актеръ французской школы не любитъ, не ревнуетъ, не страдаетъ, не радуется, а показываетъ публикѣ, какъ онъ любитъ, ревнуетъ, страдаетъ... Вотъ почему Сарра Бернаръ въ „Дамѣ съ камеліями“ смотритъ съ нѣжностью (нѣжность, разлитая по всей роли, передается ею несравненно) не на Армана, который для нея не существуетъ, а... въ публику. Поэтому Томазо Сальвини въ Отелло однажды, когда подошелъ къ занавѣскѣ, за которой спала Дездемона, то, стоя въ полуоборотъ и играя обращеннымъ къ публикѣ лицомъ, правую руку просунулъ за занавѣску и погрозилъ кулакомъ театральному рабочему, который опоздалъ помочь ему раздвинуть занавѣску (Сальвини нужно было, чтобы занавѣска раздвигалась легко безъ усилій, а она шла туго, и Сальвини поставилъ около нея театральнаго рабочаго). Поэтому Поссартъ въ одной плохой сентиментальной драмѣ, въ которой онъ, между прочимъ, игралъ въ свой послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ (1913 г.), въ сценѣ, гдѣ онъ узнаетъ на фотогра-

фіи своего сына, отвернувшись отъ публики, какъ бы разсматриваетъ фотографію, а самъ приготовляется; когда же готовъ, — оборачивается и играетъ радостнымъ лицомъ. Если бы спросить Поссарта, какую фотографію онъ держалъ въ рукахъ, то онъ не сказалъ бы: онъ, смотря, не видалъ ея, поглощенный своею работой. Поэтому покойная Миронова, средняя русская актриса, но актриса въ совершенствѣ владѣвшая французскою техникой, что было рѣдкостью на русской сценѣ, не могла разсказать, какое лицо, какой цвѣтъ глазъ у молодого актера, который недавно появился въ труппѣ и, замѣняя внезапно заболѣвшаго любовника, игралъ съ ней только-что сцены, исполненныя самой бурной страсти. Миронова расхохоталась и сказала: „Откуда я знаю? Я его не видала.“

Изъ залы кажется, когда актеръ достаточно владѣетъ французскою техникой, что играть ему очень легко. На самомъ дѣлѣ это та же призрачная легкость, съ какою жонглеръ ловитъ въ воздухѣ ножи или канатоходецъ ходитъ по канату. Необычайное физическое утомленіе чувствуетъ актеръ послѣ сыгранной роли. Она проистекаетъ не отъ затраченнаго „жара души“, котораго техника велитъ не затрачивать на сценѣ (если „жаръ души“ кое-гдѣ пробивается у актера на сценѣ, то его техника несовершенна; если же „жаръ“ прорывается и затопляетъ технику, то игра никуда не годится). Физическое утомленіе послѣ сыгранной роли у представляющаго актера проистекаетъ отъ напряженія, которое онъ затрачиваетъ на то, чтобы не дать пробиться черезъ технику „душѣ“. Въ роли все раньше взвѣшено, измѣрено, согласовано, приведено въ строй, возвышено до доступнаго данному актеру предѣла прекраснаго, — и жаръ, увлеченіе при представленіи роли на сценѣ, могутъ только испортить, и неминуемо испортятъ дѣло. Дурной театръ, все непереносимое въ театрѣ для болѣе или менѣе тонкаго художественнаго вкуса, проистекаютъ отъ „жара души“ не владѣющихъ техникой „вдохновенныхъ“ актеровъ.

Есть одна подробность, тайна ремесла, объясняющая, почему „жаръ души“, т. е. творческое волненіе, какъ полагаютъ зрители и сами „вдохновенные“ актеры, способенъ давать на сценѣ не прекрасное, а безобразное. То волненіе, которое „вдохновенный“ актеръ испытываетъ на сценѣ вовсе не творчество, и актеръ такой ошибается, когда онъ думаетъ, что, вопреки притворщику-французу, онъ не играетъ, а, какъ любили писать театральные рецензенты: „живетъ на сценѣ“. На самомъ дѣлѣ, онъ не „живетъ“, а прескверно играетъ. Если онъ, повергая на колѣни свою преступную возлюбленную вывихнетъ ей руку, а, убивая соперника, контузитъ его бутафорскимъ ножомъ (что бывало), — то онъ не скажетъ, какой взглядъ былъ у его возлюбленной, когда онъ повергалъ ее, какое лицо, какой цвѣтъ волосъ у его соперника. Онъ, смот-

ря, не видалъ ихъ. Если онъ актеръ лирическій (страдающій мужъ или любовникъ, Пьерро) и, предположимъ, играетъ сцену, въ которой онъ по роли тайно пробирается въ домъ женщины, безнадежно любимой, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на ея комнату, то здѣсь онъ способенъ заиграться до слезъ. Но онъ не способенъ, окончивши сцену, сказать, какая была эта комната, какія вещи въ ней стояли. Онъ ничего на сценѣ не видалъ.

Онъ управляется на сценѣ силою, которая полагается исходящею отъ свободнаго вдохновенія, называется „нутромъ", „темпераментомъ", „жизненностью" (въ расхожемъ театрѣ всѣ теоретическія и техническія понятія безнадежно перепутаны) и почитается за проявленіе художественнаго творчества. На самомъ дѣлѣ онъ такъ-же свободенъ, какъ человѣкъ не умѣющій плавать, брошенный въ воду. Его горячность, пожалуй, исходитъ отъ „нутра", если „нутромъ" считать утробное, физіологическое въ природѣ человѣка (актеры имѣютъ въ виду душу, когда говорятъ о „нутрѣ"). Она выражается то въ гремящемъ, то въ сладкомъ, то въ трепетномъ голосѣ, нисходящемъ до шопота, въ усиленной мимикѣ, въ подчеркнутыхъ движеніяхъ, но не свидѣтельствуетъ о темпераментѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ жизненной правдѣ и никакого касательства — къ творчеству. Актеръ такой на сценѣ, подобно человѣку, брошенному въ воду и не умѣющему плавать, просто барахтается, звѣринымъ инстинктомъ пытаясь спастись отъ гибели. Въ водѣ онъ неизбѣжно потонетъ. Въ той стихіи, съ которой борется актеръ, — въ зрительной залѣ, — онъ можетъ выплыть.

Онъ дѣйствительно за секунду не знаетъ того, что сдѣлаетъ на сценѣ черезъ секунду, почему и думаетъ, что не играетъ, а „живетъ". Но это въ ту секунду, когда онъ не знаетъ, какъ отражается въ зрительномъ залѣ то, что онъ только-что сдѣлалъ. Если то, что онъ сдѣлалъ, какъ говорятъ въ театрѣ, „принимается", напримѣръ, если публика, — актеръ это ощущаетъ, — взволнована тѣмъ, какъ онъ, самъ не зная почему, ходитъ крупными шагами вокругъ своей возлюбленной, онъ суживаетъ кругъ и начинаетъ двигаться мягко, медленно, крадучись, вродѣ пантеры, самъ не зная почему, потому только, — онъ инстинктомъ угадываетъ, — что это способно еще больше волновать. Если дѣло идетъ, актеръ, зная инстинктомъ, что рѣзкія впечатлѣнія, дабы не ослабѣть, требуютъ еще болѣе рѣзкихъ, пускаетъ себя изо всѣхъ силъ и повергаетъ на колѣни свою женщину, причемъ случается, что вывихнетъ ей руку. Публика холодѣетъ отъ восторга. Но бываетъ, что публика, вмѣсто того, чтобы похолодѣть, приходитъ въ веселое настроеніе. Какая нибудь несчастная случайность, курьезный непроизвольный жестъ (у актера „вдохновеннаго" на сценѣ все непроизвольно), неожиданно со-

рвавшаяся смѣшная нота въ голосѣ — дѣлаютъ это. Тогда актеръ тонетъ, „проваливается“, и про него напишутъ рецензенты, что онъ „живетъ“ на „сценѣ“, но иногда переигрываетъ, увлекаемый своимъ „темпераментомъ“.

Выходитъ такъ, что самоощущеніе у „вдохновеннаго“ актера, т, е. у якобы творящаго на самой сценѣ, такое же, какъ у актера представляющаго ранѣе сотворенное свое созданіе. Онъ чувствуетъ лишь зрительную залу, передъ которою играетъ, не видитъ и не ощущаетъ людей, вещей, его на сценѣ окружающихъ. Его вниманіе все собрано на то, чтобы улавливать, какъ отражается въ зрительной залѣ то, что онъ, не зная почему, дѣлаетъ на сценѣ, и почерпать отъ публики толчки къ тому, что надо дѣлать, (не зная почему, кромѣ того, что это, если не сорвется, произведетъ впечатлѣніе). И такое же, какъ актеръ представляющій, только безмѣрно большее физическое напряженіе, ощущаетъ на сценѣ „вдохновенный“ актеръ. Послѣ сыгранной роли, онъ валится съ ногъ отъ утомленія.

Утомленіе это неправдиво почитается усталостью отъ „творчества“. Это усталость отъ работы вниманія къ тому, какъ отражается на публикѣ то, что дѣлаетъ актеръ. Т. е. усталость отъ представленія, притворства на театрѣ. Актеръ, якобы „вдохновенный“, отличается отъ актера представляющаго тѣмъ, что представляетъ, самъ не зная что. У актера, владѣющаго французской школой, есть моментъ творчества, предваряющій представленіе, скрытый отъ публики; у актера, презирающаго школу, желающаго не играть, а „жить“ на сценѣ, нѣтъ момента творчества, а есть одно ломаніе, дурное представленіе.

Тайна ремесла заключается въ томъ, что сценическая техника, до сихъ поръ бывшая единственно доступной театру, техника въ совершенствѣ разработанная, есть техника представленія. И что актеръ, отвергающій технику, полагающій, что онъ не представляетъ а „живетъ“ на сценѣ, на самомъ дѣлѣ, выходя на сцену, инстинктомъ примѣняетъ ту же технику, которой не владѣетъ, какъ человѣкъ не умѣющій плавать, въ водѣ инстинктивно дѣлаетъ движенія, подобныя тѣмъ движеніямъ пловцовъ, которыхъ онъ не умѣетъ дѣлать. Ибо, какъ движенія пловцовъ не выдуманы, а родились изъ опытовъ, путемъ которыхъ человѣкъ домогался держаться на водѣ, такъ французская сценическая техника, утвердившаяся на европейскомъ театрѣ, не выдумана, а родилась изъ самихъ свойствъ театральнаго представленія, изъ опытовъ доносить до публики актерское искусство. Для того, чтобы актеръ могъ творить или „жить“ на самой сценѣ, нужно созданіе иной, чѣмъ французская, техники, иной школы актерской игры.

Чуждый русскому чувству (въ его чистотѣ, не въ теперешнемъ мутномъ потокѣ) — мишурный, внѣшній, „театраль-

ный“ — французскій театръ, съ первыхъ же дней, когда былъ занесенъ въ Россію, сталъ выбиваться изъ школы. Уже въ первомъ поколѣніи русскихъ актеровъ появился актеръ Яковлевъ, поражавшій современниковъ „естественностью“ своей игры. Яковлевъ былъ очень даровитый человѣкъ (это чувствуется и по его личности: безпокойной, иногда безудержной, тоскующей), но цѣна естественности его игры была не высока: это могло лишь быть и было безпомощное представленіе, т. е. дурное притворство, не обладающаго техникой актера. Не даромъ Дмитревскій, — насадитель театральнаго искусства въ Россіи, его истинный первый мастеръ-режиссеръ, — не признавалъ игры Яковлева. Сохранился разсказъ, о томъ, что Дмитревскій былъ побѣжденъ, когда прослушалъ какъ Яковлевъ у себя дома, въ своей комнатѣ, прочиталъ ему какой-то монологъ. Въ этомъ разсказѣ характерно невѣдѣніе театральнаго ремесла. Яковлевъ былъ даровитый человѣкъ, и у себя дома, въ своей комнатѣ, онъ могъ творить. Но онъ не могъ на театрѣ доносить до публики свое созданіе, потому что не хотѣлъ на сценѣ представлять и не желалъ тому учиться, а хотѣлъ творить на сценѣ, вмѣсто чего неизбѣжно долженъ былъ дурно представлять. Дмитревскій, прослушавшій Яковлева у него дома, могъ только лишній разъ пожалѣть о томъ, чего лишалась сцена отъ того, что Яковлевъ не могъ и не хотѣлъ подчинить себя школѣ.

Послѣ того приблизительно черезъ семьдесятъ лѣтъ, — отъ того, что не могъ уложиться въ существовавшую школу, а иной не было, — погибъ для сцены, не далъ и самой малой доли изъ того, что могъ дать, буйный геній Мочалова. Ни одной роли Мочаловъ не сыгралъ сначала до конца. Были вспышки, рѣдкіе моменты совершенной вдохновенной красоты, — когда они были. Чаще же всего Мочаловъ сплошь кривлялся: такъ, что на него было жалко смотрѣть. Выбивали Мочалова изъ рѣдкихъ творческихъ минутъ на сценѣ зрители. „Пока ладони зрителей не приходили въ возбужденіе“, записалъ невѣдомый современникъ объ игрѣ Мочалова, Мочаловъ былъ прекрасенъ. Послѣ же того „онъ начиналъ свои скороговорки, бѣганье по сценѣ, маханье руками и тогда увы!..“

„Ладони зрителей“ и вообще мѣсто зрителей въ театральномъ представленіи есть фундаментъ сценической школы. Для того, чтобы преодолѣть французскую технику, надо перемѣстить ея фундаментъ. Тѣ „нити“, связывающія актера и зрительный залъ, о которыхъ говорятъ, когда хотятъ похвалить актера, появляются не въ тѣ моменты, когда актеръ воистину поднимается до творчества на самой сценѣ, а какъ разъ въ тѣ моменты когда актеръ обрубаетъ ихъ, забываетъ о публикѣ. Актеръ „вдохновенный“ игрушка публики. Актеръ „представляющій“, владѣющій французской сценической школой, ни на минуту не забывается; для него забыться значитъ пе-

рестать „играть“. Онъ играетъ передъ публикой, показываетъ ей ранѣе сотворенное свое созданіе. И, чѣмъ совершеннѣе управляетъ онъ публикой помощью нитей, къ ней протянутыхъ, тѣмъ совершеннѣе его техника. Для него загорѣться отъ публики, выбиться изъ представленія отъ ея одобренія — значитъ выпустить ее изъ рукъ, позволить публикѣ собою управлять и неминуемо испортить, извратить свое созданіе, то, что онъ хочетъ показать. У него къ публикѣ отношеніе зоркаго обманщика; онъ прикованъ къ ней, потому что его обманъ каждую минуту можетъ быть обнаруженъ; ему надо неустанно слѣдить за собой и за публикой, чтобы не попасться. Смотрѣть игру совершенныхъ въ техническомъ смыслѣ самыхъ среднихъ акеровъ — весьма своеобразное наслажденіе. Оно похоже на то, которое испытываешь, когда наблюдаешь любую увѣренную, точную, четкую работу. Независимо отъ того, что дѣлается, радуешься тому, какъ ловко это дѣлается.

II.

Начатки новой техники, техники переживанія на самой сценѣ, рождались медленно въ русскомъ театрѣ. Вся его исторія, есть исторія преодолѣнія французской сценической школы. Много погибло дарованій въ этой неравной борьбѣ ничѣмъ инымъ, кромѣ „жара души“, не вооруженныхъ сценическихъ художниковъ съ холодными желѣзными законами театра. Еще больше дурного, растрепаннаго, „какъ Богъ на душу положитъ“, якобы „вдохновеннаго“ актерства, „грязи“, какъ называлъ актеръ Щепкинъ, породила на театрѣ эта борьба. Впервые твердый путь открылся передъ Щепкинымъ, но онъ смогъ лишь указать на направленіе дороги, самъ не зная какъ по ней итти. Надо, чтобы театръ ушелъ отъ театра къ природѣ, къ природѣ души человѣческой, — такъ можно выразить то, что открылось Щепкину, — что означаетъ: надо, чтобы театръ пересталъ представлять пріукрашенныя театральныя чувства, а сталъ представлять правдивыя, прекрасныя человѣческія чувства („Бери образцы у природы“, училъ Щепкинъ). Но правдивыя чувства нельзя представлять, то есть передавать со сцены въ публику средствами техники, которой обладала сцена, путемъ высокаго притворства, — а Щепкинъ зналъ, что на волю случая нельзя ничего оставить въ театрѣ. Щепкинъ пытался утончить технику, но она не поддавалась: въ тишинѣ и тайнѣ (наединѣ съ собой) созданныя правильныя прекрасныя чувства, при передачѣ со сцены, неизбѣжно становились театральною прикрашенною правдою, не красотой, а красивостью, то есть ложью. Дѣло Щепкина, неправильно понятое, породило на русской сценѣ печальную полосу такъ называемой „простой игры“. Актеры, пренебрегая не только существомъ художества, которое въ прекрасномъ,

а и элементарными сценическими требованіями (напримѣръ, тѣмъ, чтобы все то, что говоритъ актеръ, было слышно публикѣ), бродили, заложивши руки въ карманы, по сценѣ и невнятно бормотали свои реплики, что называлось играть „просто".*) Эта непереносимая „простота" оказалась подверженной на сценѣ тѣмъ же законамъ, что и очаровательное „притворство" французовъ. Актеръ „представлялъ" простоту передъ публикой, скованный физически отъ напряженнаго вниманія, не видѣлъ и не чувствовалъ ни людей, ни вещей вокругъ себя на сценѣ и, окончивши „просто" играть, валился съ ногъ отъ утомленія.

Открыть начатки техники переживанія, актерскаго творчества на самой сценѣ, дано было Константину Сергѣевичу Алексѣеву (по сценѣ Станиславскому), геніальному сценическому художнику, рожденному въ московскомъ именитомъ купечествѣ, въ Рогожской Слободѣ, на золото-канительной фабрикѣ. Говорить о немъ и о театрѣ имъ созданномъ трудно попутно: онъ и театръ его — это самое значительное, что за послѣдніе полвѣка появилось въ европейскомъ театрѣ. Какъ актеръ, Станиславскій прошелъ длинный путь: отъ опыта держаться французской школы, которою онъ отлично овладѣлъ, до попытокъ выбиться изъ нея, кончавшихся „вдохновенною" игрою, отъ натурализма до реализма, отъ театральности до высшей простоты. Достаточно того, что въ юности Станиславскій готовился стать опернымъ пѣвцемъ, то есть тяготѣлъ къ наиболѣе искуственному пышному роду театральнаго представленія; довольно того, что въ то время онъ былъ настолько пропитанъ актерствомъ, что на похоронахъ директора московской консерваторіи Николая Рубинштейна, появился въ погребальной процессіи, на черномъ конѣ въ черной одеждѣ и съ чернымъ, низко опускавшимся крепомъ на шляпѣ.**)

Въ воздухѣ театра Алексѣевъ сталъ жить съ того времени, какъ сталъ себя помнить. Въ домѣ у Красныхъ воротъ, гдѣ жила по зимамъ огромная семья Алексѣева, и на дачѣ, на Мамонтовской платформѣ, подъ Москвой, куда она переселялась лѣтомъ, были построены сцены, причемъ сцена въ Московскомъ домѣ была настолько хорошо оборудована, что во время коронаціи Государя Александра III-го на ней былъ

*) Въ увлеченіи „простотой" игры, актеры, — и актеры извѣстные, — доходили до курьезовъ. Вспоминается, какъ однажды, одинъ популярный актеръ одного частнаго Петербургскаго театра (въ концѣ девяностыхъ годовъ, когда „простота", особо расцвѣтшая въ восьмидесятые годы, была на ущербѣ), играя Арбенина въ „Маскарадѣ", когда давалъ Нинѣ ядъ, то небрежно протянулъ ей стаканъ и спокойно отошелъ въ сторону. Спрошенный о томъ, что означала такая игра, онъ отвѣтилъ: Я такъ и хотѣлъ: я сыгралъ это „просто".

**) Эти, какъ и другія подробности, разсказанныя ниже, К. С. самъ повѣдалъ для работы о немъ, которая не могла быть исполнена. П. Я.

данъ казенными актерами спектакль для иностранныхъ дипломатовъ. Въ огромной семьѣ Алексѣевыхъ, съ няньками, мамками и гувернантками, съ русскимъ укладомъ и иноземной просвѣщенностью, было много молодежи: братья, сестры, родственники Константина Алексѣева, ихъ пріятели и пріятельницы, гостившіе въ домѣ и приходившіе въ домъ. Молодежь эта увлекалась театромъ. Всегда что нибудь представляли или готовились представлять. Самъ Константинъ Сергѣевичъ сталъ помнить себя съ того времени, когда ребенкомъ, въ образѣ амура съ золотымъ лукомъ, участвовалъ въ живой картинѣ въ Мамонтовкѣ, при чемъ отъ бенгальскаго огня, освѣщавшаго зрѣлище, загорѣлась вата, покрывавшая полъ, ради зимняго пейзажа, и суетня возможнаго пожара испугала Константина Сергѣевича и навсегда запомнилась. Когда Константинъ Алексѣевичъ подросъ, онъ сталъ верховодить театральними представленіями въ Алексѣевскомъ домѣ.

Сначала онъ увлекъ всѣхъ оперой, которой самъ былъ увлеченъ: гимназистомъ бралъ уроки пѣнія и ставилъ на домашней сценѣ отрывки изъ оперъ. Когда же юношей былъ посланъ за-границу по торговому дѣлу, за покупкою машинъ, то привезъ оттуда „на слуху“ множество опереточныхъ мотивовъ — и открылась полоса опереточная, т. е. болѣе гибкая, живая и свободная, на алексѣевскихъ сценахъ. Оперетки составлялись по памяти и сочинялись; музыка подбиралась изъ того, что было „на слуху“. Отъ оперетокъ перешли къ комедіямъ, причемъ вотъ что примѣчательно: изобрѣли игру въ то, чтобы въ живой жизни, оставаясь собою, изображать то лицо, которое готовились играть на сценѣ. Прошло много лѣтъ — и мастеръ Станиславскій, геніальный учитель сцены, ввелъ въ своей школѣ представленіе импровизацій и упражнялъ своихъ учениковъ въ томъ, чтобы въ живой жизни — на улицѣ, въ трамваѣ, въ комнатѣ, въ любой обстановкѣ, — вызывать и создавать импровизированныя сцены, вовлекая въ нихъ стороннихъ людей и не подозрѣвающихъ, что они участвуютъ въ представленіи. Это для того, чтобы воочію увидѣть грань между жизнью и сценой: живымъ правдивымъ чувствомъ и фальшивымъ изоораженіемъ чувства на сценѣ. Не у актеровъ, представляющихъ испугъ, а у людей, дѣйствительно испуганныхъ, учиться выраженіямъ испуга; у людей, по настоящему умиленныхъ или раздосадованныхъ, учиться изображенію умиленія или досады. Такъ осуществлялся завѣтъ Щепкина: „бери образцы у природы“, который Станиславскій впослѣдствіи назвалъ „своей путеводною звѣздою“ (въ рѣчи къ актерамъ передъ началомъ работъ надъ „Синею Птицею“).

Но подражаніе природѣ, такой, какой она видится нетворческому, нехудожественному глазу, не составляетъ художества. Природу для художества надо украшать, embellir, говорятъ французы, и въ искусствѣ актера, въ богатой и не-

превзойденной техникѣ представленія на сценѣ украшенныхъ выраженій чувствъ, французская техника достигла совершенства. Станиславскому дано было пройти ея путь.

Въ 1898 году Станиславскій вступилъ въ число членовъ зародившагося въ Москвѣ Общества Искусства и Литературы. При обществѣ открылась драматическая школа, подъ руководствомъ драматурга и режиссера Ал. Фил. Ѳедотова, оперный классъ, которымъ вѣдалъ Ѳед. Петр. Комиссаржевскій, извѣстный пѣвецъ, отецъ впослѣдствіи знаменитой актрисы, и любительскій кружокъ, подъ руководствомъ Станиславскаго. Станиславскій сталъ ходить въ школу Ѳедотова, по его словамъ блестящаго преподавателя французской техники, — и скоро и свободно ею овладѣлъ. Какъ полагалъ, изъ за того обстоятельства, которое считалъ счастливымъ для себя, что въ немъ течетъ французская артистическая кровь. Его бабка по матери была французская актриса Верле; она играла въ Петербургѣ, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Дѣдъ Станиславскаго, крупный каменный подрядчикъ, женившись на Верле, скоро разорился и сошелъ съ ума. Онъ взялъ подрядъ на гранитъ для Александровской колонны въ память побѣды надъ французами въ двѣнадцатомъ году. Когда везли моремъ изъ Финляндіи безмѣрную гранитную глыбу, то корабль затонулъ и гранитъ погибъ въ морѣ. Дѣвочка, которая родилась отъ этого брака, стала впослѣдствіи матерью Станиславскаго.

Станиславскій, и ставши творцомъ новой сценической техники, не пересталъ придавать огромное значеніе и чувству французской сценической школы. Когда на репетиціи какая нибудь сцена не ладилась (техника переживанія на самой сценѣ требуетъ великаго успокоенія, самонахожденія, сосредоточенія актера въ самомъ себѣ для своего примѣненія, и въ ней бываютъ трудны первые шаги), Станиславскій изъ зрительной залы, откуда смотрѣлъ репетицію, вбѣгалъ на подмостки со словами: „французская игра!“ — и съ необычновеннымъ блескомъ представлялъ эту сцену передъ актерами. Обычно послѣ этого всѣ на сценѣ начинали смѣяться и апплодировать: такъ тонко, съ такой чистотой, съ такой четкостью распоряжался Станиславскій ходовыми изображеніями на сценѣ пріукрашенныхъ чувствъ, которыя онъ называлъ „штампами“. Настроеніе на сценѣ разряжалось: то, какъ можно сыграть эту сцену, но какъ не надо ее играть, развѣивалось у актеровъ, которые, — оттого, что были несобраны и безпокойны, — сбивались на тѣ самые пріемы, которые Станиславскій всѣ передъ ними показалъ. И искушеніе французской техники бывало преодолѣно. Свободное и точное распоряженіе французской техникой Станиславскій всегда почиталъ необходимымъ для актера. Онъ училъ: когда на сценѣ выбился изъ переживанія и не вернулъ еще себя къ нему пріемами новой техники, заполни промежутокъ французской игрой.

Итакъ, въ 1898 году Станиславскій учился у Ѳедотова и руководилъ любительскимъ кружкомъ Общества Искусства и Литературы. Въ кружкѣ дѣло шло плохо. Станиславскій, скоро овладѣвши французской школой, въ то же самое время самъ въ себѣ несознательно преодолѣвалъ ее. Онъ инстинктомъ зналъ, чего хотѣлъ отъ актера на сценѣ, но не зналъ практическихъ способовъ добиться того, чего хотѣлъ. Въ концѣ концовъ онъ и тогда боролся со „штампами“, съ отлившимися пріемами изображенія на сценѣ человѣческихъ чувствъ, хотя въ то время и не вѣдалъ, что будетъ нѣкогда употреблять это слово для выраженія того, съ чѣмъ онъ боролся. Кружокъ готовъ былъ распасться. И вотъ въ кружокъ вошла Гликерія Николаевна Ѳедотова, одна изъ крупнѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ русскихъ актрисъ, тогда занимавшая амплуа героинь на Маломъ Московскомъ театрѣ. Александръ Филипповичъ, что̀ велъ школу въ Обществѣ Искусства и Литературы, былъ ея мужемъ, и ея сынъ, Александръ Александровичъ (впослѣдствіи актеръ Малаго театра), тогда служилъ чиновникомъ въ Городской Управѣ и любительствовалъ въ Кружкѣ у Станиславскаго. „Гликерія Николаевна — разсказывалъ Станиславскій, — пришла, сѣла и сказала: ну, теперь давайте работать.“

Гликерія Ѳедотова, любимая ученица Щепкина, что̀ въ годы школы, до замужества, была своей у него въ домѣ, начала свое сценическое поприще въ драмѣ „Ребенокъ“ Боборыкина, въ 60-хъ годахъ, въ эпоху знаменательную на Маломъ Московскомъ театрѣ. Двѣ творческія силы тогда боролись въ немъ: реализмъ Щепкина („бери образцы у природы“, но отбирай въ нихъ для искусства лишь прекрасное) и бытовой романтизмъ, который принесъ въ русскій театръ Островскій и который на сценѣ нашелъ своего выразителя въ Провѣ Садовскомъ („Полюби до восторга, до любованія, до предпочтенія всему на свѣтѣ родной бытъ и неси его безъ отбора на сцену: въ немъ все прекрасно“). Щепкинское направленіе, правильно понятое, въ концѣ концовъ требовало для осуществленія на сценѣ утонченнѣйшей французской техники,*) а ложно понятое сбивалось на „простоту“. Направленіе Садовского на сценѣ сводилось къ игрѣ „нутромъ“. Къ тому времени, когда Гл. Н. Ѳедотова пришла въ кружокъ Станиславскаго, „садовское“ на сценѣ Малаго театра давно влилось въ „щепкинское“, паѳосъ національный огранился болѣе или менѣе строгою французскою школою, и самый этотъ несравненный театръ, который до конца остался кошницею русскаго

*) Щепкинъ не открылъ техники переживанія на самой сценѣ. То, что называется „щепкинской школой“, есть примѣненіе французской сценической школы къ русскому театральному художеству, тяготѣвшему къ высшей простотѣ.

чувства, хранителемъ русскаго звука, то есть національныхъ интонацій (такъ, какъ звучалъ русскій языкъ на сценѣ Малаго театра, онъ нигдѣ не звучалъ), сталъ называться „домомъ Щепкина".

Ѳедотова передала Станиславскому, — не на словахъ, не въ формулахъ, а непосредственно въ работѣ съ кружкомъ его любителей, — пріемы своего учителя, указавшаго направленіе дороги, которую открыть дано было Станиславскому спустя долгое время. Значеніе Ѳедотовой на своемъ сценическомъ пути Станиславскій считалъ огромнымъ, помнилъ дословно и впослѣдствіи передавалъ своимъ ученикамъ ея замѣчанія и, въ особенности, высоко цѣнилъ одно изъ нихъ, касающееся работы надъ ролью: „Когда играешь добраго, ищи, гдѣ онъ злой; когда играешь злого, — смотри, гдѣ онъ добрый". Станиславскій почиталъ это замѣчаніе одной изъ первоосновныхъ заповѣдей для актера. То же, чему всего главнѣе онъ научился отъ Ѳедотовой, Станиславскій на своемъ необыкновенно точномъ и выразительномъ сценическомъ языкѣ называлъ „краскою". Онъ разсказывалъ, какъ однажды (позднѣе того времени, когда онъ работалъ съ Ѳедотовой) онъ зашелъ къ ней вечеромъ. Ѳедотова въ этотъ вечеръ не была занята въ театрѣ; въ ея роли въ первый разъ выступала Грибунина, которая должна была играть съ ней въ очереди. Во всемъ актриса, и въ большомъ и въ маломъ, Ѳедотова послала свою горничную въ театръ посмотрѣть, какъ будутъ принимать Грибунину и тотчасъ прибѣжать донести, а въ ожиданіи развлекала себя для чуждаго театру человѣка необычайнымъ образомъ. Когда Станиславскій, которому открыла дверь кухарка, сказала, что барыня дома одна, и ушла на кухню (бытъ старинный, московскій), пошелъ искать Ѳедотову по пустымъ комнатамъ, то нашелъ ее въ ея гардеробной передъ большимъ трюмо. Она стояла полуодѣтая угловато прижимаясь и конфузясь, смѣшно потирая животъ. Это была она — и не она. Черезъ секунду Станиславскій увидалъ съ несомнѣнностью, что это была крестьянская баба въ образѣ Ѳедотовой. И дѣйствительно, Ѳедотова развлекала себя тѣмъ, что изображала, провѣряя въ зеркалѣ свои движенія, крестьянскую бабу на пріемѣ у доктора. Ея изображеніе было необыкновенно жизненно, и вмѣстѣ съ тѣмъ чудеснымъ образомъ ея движенія нигдѣ не были грубы, нигдѣ не оскорбляли, а вездѣ радовали глазъ („бери образцы у природы", но отбирай лишь прекрасное). И движенія эти не давали одного только рисунка движенія бабы, а „красили" изображеніе, придавали ему цвѣта. Окрашивали всю Ѳедотову, ея лицо, глаза, волосы, даже, казалось, ея нарядъ, совсѣмъ некрестьянскій, въ крестьянскую бабу. Несомнѣнно было, что если бы она заговорила, она заговорила бы бабьимъ звукомъ. Это уже не были „штампы", условныя сценическія бабьи движенія; это была сама природа

и сама правда, отобранная для искусства и возведенная въ красоту. Средствами французской сценической техники оставалось закрѣпить ее и перенести на сцену.

Станиславскій бросился къ природѣ. Онъ почувствовалъ, что такъ бороться съ отложившимися застывшими пріемами, какъ онъ дѣлалъ это до сихъ поръ, значитъ, просто замѣнять одни штампы другими, и не лучшими, а худшими. Если, положимъ, онъ не дозволялъ актеру, изображая отчаяніе, хвататься за голову, покачаться въ такой позѣ у рампы, а потомъ, отступая назадъ, упасть, какъ бы въ изнеможеніи, на раньше подставленный стулъ, а указывалъ, — представимъ себѣ, — застыть на мѣстѣ, какъ бы окаменѣть, сжаться всѣмъ тѣломъ, послѣ чего шатаясь, отойти въ глубь сцены, то этотъ пріемъ, какъ бы болѣе жизненный, дважды повторенный, застывалъ и обращался въ штампъ, никогда въ концѣ концовъ не лучшій, а худшій. Ибо первый велъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь крупнаго художника, впервые показавшаго его на сценѣ, былъ испытанъ, — а второй былъ придуманъ наскоро, лишь бы не повторять театральныхъ пріемовъ. Надо, чтобы свѣжія сценическія изображенія сами родились изъ нѣдръ живой природы.

И Станиславскій начинаетъ съ того, что переноситъ на-сцену во всемъ возможно болѣе живой жизни. Вмѣсто условныхъ павильоновъ, строитъ на сценѣ жилыя комнаты съ настоящими окнами, дверьми, дверными ручками, задвижками; вмѣсто лѣсныхъ кулисъ домогается впечатлѣнія дремучаго лѣса. Наполняетъ сцену отсвѣтами, звуками, шумами, подражающими подлинной живой жизни. Отъ актеровъ добивается прежде всего внѣшней характерности, „краски": чтобы старикъ былъ старикъ, чтобы профессоръ ходилъ, какъ ходятъ профессора; одному характеру пристало нѣсколько заикаться, другому подергивать плечомъ. чтобы гриммы были, какъ живые; чтобы костюмы и всѣ вещи на сценѣ были подлинные, тѣ самые, какіе должны носить и употреблять и воображаемые люди въ живой жизни; чтобы группировки и передвиженія актеровъ по сценѣ были, „какъ въ жизни".

Чтобы создать на сценѣ протекающія картины живой, звучащей, свѣтящейся жизни, и вещи и приспособленія для производства звуковъ, отсвѣтовъ и самые люди (актеры) должны управляться единою рукою, и здѣсь люди неразличимы отъ вещей. Если, положимъ, цвѣтокъ долженъ быть будто бы брошенъ на подоконникъ именно въ этомъ, а не въ томъ его углу, то актеръ въ данную секунду текущихъ смѣняющихся картинъ живой жизни на сценѣ, долженъ находится на этой именно, а не на другой точкѣ сцены. Это породило легенду о томъ, что у Станиславскаго сцена расчерчена на квадраты, дабы каждый актеръ безъ ошибки занималъ свой квадратъ, Но въ ней столько же правды, какъ въ томъ, что Станиславскій позаимствовалъ у Мейнингенцевъ свой тогдаш-

ній театръ. Трупа Герцога Мейнингенскаго, подъ режиссерствомъ Кронена пріѣзжала въ Россію два раза: въ 1885 и въ 1887 годахъ — и поразила Станиславскаго невиданной сценической дисциплиной въ изображеніи массовыхъ сценъ. Но нѣмцы (они играли Шекспира и Шиллера) были романтики на нѣмецкій ладъ, а Станиславскій, самъ того не вѣдая, уклонился въ натурализмъ. Онъ переносилъ на сцену природу золотоносными глыбами, вмѣстѣ съ землей и пескомъ, ожидая, что золото само отсѣется. И оказался правъ въ пути своемъ: золото стало отсѣиваться — медленно, еле замѣтно.

Живого воздуха, жизни вещей на сценѣ, которыя чувствовали зрители, актеры, разумѣется, не чувствовали (имъ не давало ихъ чувствовать самоощущеніе представляющаго актера на сценѣ), но укрѣпленные, какъ каркасомъ, натуральными подробностями, указанными режиссеромъ (манерой ходить, говорить, смѣяться, заикаться, подергивать плечомъ и т. п.), они находили свѣжія и неожиданныя выраженія для представленія на сценѣ человѣческихъ чувствъ. Спектакли Кружка Общества Искуства и Литературы стали привлекать вниманіе. Что это былъ невиданный театръ, ничѣмъ не похожій на другія сцены — это было для всѣхъ несомнѣнно. Представленіемъ пьесы „Плоды просвѣщенія“ на сценѣ Охотничьяго клуба Кружокъ праздновалъ полную побѣду: и публика и критика нашли, что „Плоды просвѣщенія“ въ кружкѣ играются столь жизненно, что выходятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше, нежели на Маломъ театрѣ.

Именно „жизненность“, то, что все приходитъ „совсѣмъ какъ живое“, радовало зрителей въ театрѣ Станиславскаго, какъ всегда радуетъ людей, изумляетъ, подобно ловкому фокусу, похожесть въ искусствѣ. Но въ художествѣ „совсѣмъ какъ живое“ не составляетъ, или, точнѣе, еще не составляетъ художества. Художество начинается тамъ, гдѣ открывается въ живомъ сокровенное, становится видимымъ до того невидимое. Путь Станиславскаго былъ вѣренъ, а золото еще замѣтно не отсѣивалось, скрывалось въ глыбахъ вмѣстѣ съ землей и пескомъ (послѣ того приблизительно черезъ 20 лѣтъ творческой работы Станиславскаго стало замѣтно отсѣиваться золото). Но „штампы“, застывшіе актерскіе пріемы для изображенія пріукрашенныхъ чувствъ, исчезали. „Театральный“ театръ былъ преодолѣнъ.

Съ Кружкомъ Общества Искусства и Литературы Станиславскій работалъ 10 лѣтъ. Весной 1898 года онъ встрѣтился съ Вл. Ив. Немировичемъ-Данченко, драматическимъ писателемъ и преподавателемъ сценическаго искусства въ школѣ Филармоническаго Общества. До того тяготѣвшіе другъ къ другу, но лично незнакомые, Станиславскій и Немировичъ, когда встрѣтились, пошли вмѣстѣ пообѣдать въ ресторанъ. Въ ресторанѣ „Славянскій Базаръ“ они засидѣлись до ве-

чера, проговорили всю и ночь и на утро разстались съ готовымъ планомъ новаго театра. Такъ родился Московскій Художественный театръ (въ первый годъ онъ носилъ неудачное наименованіе: „Общедоступно-художественный“). Его труппа составилась изъ любителей Станиславскаго и кончающихъ учениковъ Немировича-Данченко. Театръ готовился въ дачной мѣстности Пушкино подъ Москвой. 14 октября 1898 года въ помѣщеніи театра „Эрмитажъ“, принадлежавшемъ Щукину въ Каретномъ ряду, представленіемъ трагедіи гр. Ал. К. Толстого „Царь Θеодоръ Іоанновичъ“ театръ былъ открытъ.

Помню этотъ вечеръ и день передъ нимъ, сырой и сѣрый. Театральная Москва была взволнована. Не было и не будетъ земли, гдѣ бы такъ цѣнили театръ, какъ въ Москвѣ. Однако, въ новый театръ мало кто запасался билетами, и въ кассѣ продавались недорогія мѣста передъ самымъ представленіемъ (Москва была во всемъ консервативна). Сборъ былъ всетаки полный. Зала праздничная. Уже послѣ первыхъ сценъ для всѣхъ стало ясно, что родился театръ съ большимъ будущимъ.

Древняя Москва, оживая, звучала, переливалась красками, звенѣла колоколами, плотно, кругло, важевато двигалась по сценѣ. Безпредѣльнымъ любованіемъ, влюбленностью въ Русь было овѣяно все это натуральное представленіе и становилось отъ того своеобразно романтическимъ. Нельзя было слѣдить за нимъ безъ волненія: все хотѣлось улыбаться отъ радости. Изъ главныхъ участниковъ этого представленія, актеровъ изъ первоначальной труппы Художественнаго театра здравствуютъ: Москвинъ (Царь Θеодоръ Іоанновичъ), Книпперъ (Царица Ирина), Санинъ (Лупъ-Клешнинъ), Лужскій (Шуйскій), Вишневскій (Годуновъ). Могилы Савицкой и Артема, — на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря, недалеко отъ Чехова.

Художественный театръ имѣлъ свою исторію, но дѣло Станиславскаго въ Художественномъ театрѣ есть непосредственное продолженіе дѣла, начатаго въ спектакляхъ Общества Искусства и Литературы. Долго не отсѣивалось золото. Когда же стало отсѣиваться (первоначальныя оформленія новой школы актерской игры, открытой Станиславскимъ, относятся къ 1903 — 04 гг.), то оказалось, что, дабы получить чистое золото, открыть и показать со сцены сокровенное въ живомъ человѣческомъ чувствѣ, надо творить на самой сценѣ, а не представлять ранѣе сотворенное. Потому что сокровенное нельзя донести до сцены, не расплескавъ его, нельзя показать средствами техники представленія.

Станиславскій совсѣмъ не хотѣлъ ничего „открывать“ въ театрѣ; самъ не зналъ и не сказалъ бы, чтό въ немъ надо открывать. Въ немъ не было и тѣни „исканій“, какъ стали говорить въ театрѣ въ позднѣйшее время, т. е. попытокъ придумать что нибудь такое, чего въ театрѣ не было. Онъ шелъ,

побуждаемый силой, какъ бы не въ немъ лежавшей, медленно и мучительно, путемъ сверкающихъ догадокъ, къ тому, къ чему дано было ему прійти. Новая техника создалась сама собою: изъ записанныхъ учениками Станиславскаго въ школѣ и его помощниками на репетиціяхъ необыкновенныхъ по глубинѣ и формѣ замѣчаній, которыя онъ ронялъ безъ системы, въ порывѣ вдохновенія, тотчасъ же забывая о нихъ. Когда ихъ собрали всѣ вмѣстѣ, то оказалось, что онѣ составили полныя и четкія основанія новой школы актерской игры: техники переживаній. Открытіе это поразило самого Станиславскаго, и онъ долго не довѣрялъ ему. Потомъ, при помощи учениковъ, сталъ пополнять и обрабатывать свою „систему“, какъ онъ это называлъ. Еще живъ былъ Чеховъ, когда Станиславскій робко его спрашивалъ, какъ надо писать. Чеховъ сказалъ, что писать надо „просто“. Прошло болѣе 15 лѣтъ, и Чеховъ давно умеръ, — а „система“ все еще писалась, не была напечатана. Въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Станиславскаго зимою 1919 г., онъ лежалъ, хворая почками, въ маленькой внутренней комнаткѣ своей пустой и холодной квартиры (скоро потомъ, я слышалъ, она была реквизирована) и, обложенный рукописями, блокнотами съ замѣтками, которыя собирались на репетиціяхъ и въ школѣ, писалъ свою систему.

Вотъ нѣсколько случайныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ Станиславскій творилъ свою систему, — тѣ, что пришли мнѣ на память. Въ нихъ, мнѣ кажется, сохранился не только ихъ смыслъ, а болѣе или менѣе и ихъ языкъ, характеръ слова у Станиславскаго. Разумѣется въ нихъ нѣтъ полной точности.

— Хорошій жестъ, — тутъ есть какой то коршунъ! Запомните, какъ это передать. (Замѣчаніе записано на репетиціи „Бранда“ и обращено къ актрисѣ, игравшей безумную Гердъ). Не позу брать, а запомните чувство, которое было у Васъ, когда вы взяли эту позу.

— Актеръ спрашиваетъ: „Что такое: я плакалъ на сценѣ, а публика холодна?“ Станиславскій отвѣчаетъ ему вопросомъ: „Ну, а ваши партнеры на сценѣ плакали?“ (Записано учениками).

— Человѣкъ не знаетъ, что онъ сейчасъ скажетъ. Это только актеръ знаетъ. (Записано мною на репетиціи „Хозяйки Гостиницы“).

— Какой это ужасъ: пустые глаза у актера! (Записано учениками).

— Человѣкъ входитъ въ комнату. Это только актеръ выходитъ на сцену. (Записано на репетиціи „Хозяйки-Гостинницы“).

— Вы подметаете полъ (на сценѣ), а сами думаете о томъ, что сейчасъ скажете. А вы не думайте, подметайте внимательно. Разсмотрите, гдѣ щелочка, гдѣ сучекъ. (Работа въ школѣ).

— Сядьте покойно, облегчите свое тѣло. Вотъ столикъ у Вашего кресла: погладьте его рукой, почувствуйте, какой

онъ гладкій и холодный; посмотрите, какой краской онъ окрашенъ. Тогда вы найдете себя. А то вы весь стальной отъ мускульнаго напряженјя; черезъ него не пробиться никакому чувству. У меня, бывало, отъ такого напряженія лопались мелкія жилки на ногахъ, и въ сапогахъ бывала кровь. (Работа въ школѣ).

— Введите себя въ кругъ (въ кругъ ощущеній другихъ людей на сценѣ). Здѣсь вашъ міръ; тамъ (т. е. въ зрительной залѣ) ничего нѣтъ. (Работа въ школѣ).

— Вы носите браслетку на ногѣ (къ модернизированной дѣвушкѣ, пришедшей на испытаніе въ школу), вамъ нечего учиться играть. Вы уже умѣете. (Разсказано учениками).

— Почему это ни одна актриса не можетъ выйти на сцену безъ того, чтобы не повиснуть на портьерѣ? (Записано на репетиціи).

— Женщины любятъ казаться на сценѣ не тѣмъ, что онѣ суть. Бойкая хочетъ быть тихой, веселая хочетъ казаться печальной. На сценѣ нужно быть тѣмъ, что ты есть. Это — самое трудное. (Записано въ школѣ).

— Вы не можете сдѣлаться Вѣрочкой („Гдѣ тонко, тамъ и рвется“) или Штокманомъ. Вы можете лишь найти въ себѣ и передать то, что вы сами бы чувствовали, еслибы сдѣлались Штокманомъ или Вѣрочкой. (Тамъ же).

— Не надо смѣяться, когда невесело у васъ на душѣ. Голосъ у васъ, (т. е. звукъ, интонація) не проситъ смѣха, а вы его тянете. (Тамъ же).

— Глаза, глаза! Пустые глаза!!! (На репетиціи).

— Вы не играете, а вы докладываете слова своей роли. Вы — докладчикъ, а не актеръ. (На репетиціи).

— Никогда не надо говорить на сценѣ не своимъ голосомъ. Вы играете старика, а у васъ молодой голосъ. Что дѣлать? Дышите медленно, тогда будете медленно говорить, и будетъ старикъ. (Въ школѣ).

— Когда выбились изъ круга (переживаній по сценѣ), то осторожно вводите себя въ кругъ. А промежутокъ заполните игрой (т. е. представленіемъ)

Уже въ этихъ немногихъ и случайныхъ замѣчаніяхъ заключены основы техники переживанія на самой сценѣ. Актеръ отрѣзаетъ себя отъ зрительной залы, замыкается „въ кругъ“, въ міръ чувствъ, людей, вещей на сценѣ. („Сядьте покойно, погладьте столъ, почувствуйте, какой онъ гладкій и холодный; посмотрите какой краской онъ окрашенъ“ ... „Разсмотрите, гдѣ щелочка, гдѣ сучекъ“). Такъ освобожденный отъ мускульнаго напряженія, которое сковываетъ актера, связаннаго съ зрительной залой (актера представляющаго), „переживающій“ актеръ открываетъ возможность пробиться въ себѣ подлинному творческому чувству, которое онъ почерпаетъ изъ живыхъ глазъ людей, съ нимъ творящихъ. Почерпаетъ – самъ же въ свою оче-

редь отдаетъ на сцену творящимъ съ нимъ свои переживанія черезъ свои глаза. Творчество на самой сценѣ проявляется въ полной чистотѣ. Жестъ не запоминается, а запоминается и каждый разъ творится вновь на самой сценѣ чувство, порождающее жестъ. Интонаціи управляютъ движеніемъ; глаза рождаютъ мимику.

Теоретически понимая все это, я лично очень долго не постигалъ, какъ это можно „творить чувства". Я думалъ, что чувства можно или испытывать, — въ чемъ не будетъ никакого творчества, — или вспоминать, вызывать въ себѣ, отбирать и представлять, въ чемъ и будетъ состоять искусство актера. Объясненіе открылось мнѣ нежданно въ Оптиной пустыни. Я пошелъ на выходъ къ народу оптинскаго старца Анатолія и тутъ понялъ въ чемъ дѣло.

Я увидѣлъ нѣчто близкое тому, что описано Достоевскимъ въ „Карамазовыхъ". Въ этомъ не было для меня ничего неожиданнаго, но вообще говоря характеръ города Козельска, бокъ о бокъ съ которымъ стоитъ Оптина, слободы на его окраинѣ, дороги въ Оптинъ монастырь, монастырь на рѣкѣ Жиздрѣ, дороги въ скитъ въ вѣковыхъ соснахъ, съ полною точностью описанныя въ романѣ, способны волновать. Я отыскалъ въ Козельскѣ (для меня осталось несомнѣннымъ) домъ Өедора Павловича, трактиръ „Столичный городъ", гдѣ Иванъ исповѣдывалъ Алешѣ свой бунтъ противъ Бога, слободу, гдѣ жила Грушенька, и не разъ проходилъ, по дорогѣ въ городъ изъ монастыря, мимо растрепаннаго одинокаго вяза, изъ за котораго Митя въ темнотѣ крикнулъ Алешѣ: „жизнь или кошелекъ!" Я ходилъ въ скитъ среди вѣковыхъ сосенъ, по той тропинкѣ, на которой Алеша постигнулъ, какъ тайна земная соприкасается съ тайной небесной, и въ восторгѣ повергся на землю. Говорю все это къ тому, что глаза мои были открыты на то, чтобы увидѣть то, что я увидалъ.

Когда келейникъ открылъ дверцу кельи (старецъ Анатолій жилъ не въ скиту, какъ прежніе старцы, а въ самомъ монастырѣ, въ кельѣ, выходящей на паперть одного изъ храмовъ) и кивнулъ намъ головой, что значило, что старецъ сейчасъ выйдетъ, то мы опустились на колѣни. Рядомъ со мною, по правую сторону, стоялъ дьяконъ, мой сосѣдъ по гостиницѣ, съ двумя малыми мальчиками, которыхъ онъ поставилъ передъ собой, а отъ меня налѣво — старая женщина въ платкѣ по купечески. Съ нами въ рядъ и за нами (мы стояли впереди) тѣсно стояла на колѣняхъ толпа человѣкъ въ тридцать, большею частью крестьянскихъ бабъ. Когда старецъ показался, толпа вздохнула — вся въ разъ, какъ бы однимъ дыханіемъ, — и притихла.

Старецъ вышелъ очень поспѣшно, почти выбѣжалъ, накрылъ эпитрахилью и благословилъ обоихъ мальчиковъ и остановилъ на дьяконѣ свои глаза. Сбоку мнѣ не было видно

глазъ старца; я только видѣлъ профиль сухого, — какъ бумага, бѣлаго, — и малаго, какъ у ребенка, древняго личика.

Спустя нѣсколько секундъ, я увидалъ, что дьяконъ потянулся къ рукѣ старца, потомъ какъ будто хотѣлъ приподняться (онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ такъ, что я рядомъ чувствовалъ эту дрожь) — и вдругъ зарылъ лицо свое въ складкахъ мантіи старца. — „Ничего, ничего, ты ей прости, ты приходи... поговоримъ"... скороговоркой промолвилъ старецъ, накрылъ эпитрахилью голову дьякона и, еще держа свои руки на его головѣ, обратился ко мнѣ. Глаза его свѣтились вдохновеніемъ. — „Какъ ваше имя святое?"

Я понялъ, что онъ меня видитъ, всего, до глубины, какъ видѣлъ дьякона, способенъ открыть во мнѣ и вызвать къ жизни чувства, которыхъ я не зналъ въ себѣ и безъ него не узналъ бы, способенъ показать мнѣ Божій міръ и меня самого въ Божьемъ мірѣ такимъ, какимъ я безъ него никогда не увидалъ бы Божьяго міра и въ немъ себя самого. И этотъ дивный даръ проистекаетъ не отъ доброты и даже не отъ любви, — хотя, какъ дарованіе творческое, и оно направляется любовью. А проистекаетъ оно отъ духовнаго дѣланія, постояннаго упражненія въ прозрѣніи и творчествѣ (т. е. въ вызываніи изъ небытія къ бытію) въ себѣ и въ другихъ тончайшихъ душевныхъ движеній. „Художествомъ изъ художествъ" называли святые отцы аскетику, дѣланіе въ себѣ человѣка свѣтлаго и излучающаго свѣтъ.

Когда мы пришли въ гостинницу, дьяконъ сказалъ мнѣ, что его оставила жена, которую онъ безконечно любилъ. Онъ видѣлъ старца въ первый разъ, и старецъ ничего ранѣе не зналъ о томъ.

* * *

На высотахъ своихъ актерское художество излучаетъ тотъ-же тихій свѣтъ.

Времена пришли темныя. Человѣчество толкается въ бездну черной плоти дьяволомъ, искушающимъ людскія массы хлѣбомъ и царствомъ. Скоро зги не будетъ видно на землѣ.

„Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ."

П. Ярцевъ.

Тамъ и здѣсь.

Впечатлѣнія и мысли недавно вырвавшагося.*)

Много есть способовъ бѣгства изъ совѣтской Россіи. Отъ Петрограда всего доступнѣе и ближе Финляндская граница. Идутъ или ѣдутъ на саняхъ по льду Финскаго залива, переходятъ Сестру-рѣку, въ сопровожденіи финновъ, для которыхъ спасеніе людей изъ Совѣтскаго ада стало хлѣбной профессіей; пробираются съ компасомъ и самодѣльнымъ планомъ черезъ лѣсъ, блуждая всю ночь, въ глубокомъ снѣгу протаптывая путь къ спасенію. Больше или меньше трудностей и риска — это неважно. Для всѣхъ, на финской ли сторонѣ Сестры-рѣки или на финскомъ берегу залива, брезжитъ надежда на человѣческую жизнь, на отдыхъ, на свободу. И, наконецъ, всѣ, разными путями, послѣ недолгихъ, но тяжкихъ порой лишеній, собираются вмѣстѣ и на короткій срокъ живутъ общей, одинаковой жизнью. Этотъ срокъ — двухнедѣльный искусъ въ карантинѣ на финской границѣ, въ Келомякахъ. Здѣсь всѣ еще полны такими недавними, только-что пережитыми, впечатлѣніями бѣгства, перехода завѣтной черты... Вырвавшіеся изъ темницы, уже недоступные для погони,всѣ мы съ одинаковой радостью смотрѣли кругомъ, ослѣпленные солнцемъ, опьяненные воздухомъ свободы и, оборачиваясь назадъ, глядя на только что покинутыя стѣны нашей тюрьмы, съ одинаковымъ гнѣвомъ и ненавистью проклинали тюремщиковъ, отъ которыхъ ускользнули, но подъ властью которыхъ еще томятся наши братья. И, единственное, что мы знали твердо, въ чемъ всѣ были между собой согласны, это — то, что они тоже должны быть освобождены, какими угодно средствами, какой угодно цѣной, что стѣны ихъ темницы должны быть разбиты, палачи и тюремщики уничтожены.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, и за все это время я ни разу не встрѣтилъ, не почувствовалъ заграницей этого всеобщаго согласія, этой единодушной ненависти къ большевикамъ, насильникамъ Родины. Здѣсь заграницей, нѣтъ этого священнаго гнѣва, этой рѣшимости никогда не уступить, никогда не примириться, не поклониться грубой силѣ. А тамъ вѣдь это было труднѣе. Въ Россіи голодъ и физическія лишенія, иногда угрозы самому существованію, могутъ заставлять итти на компромиссы, на соглашенія, на уступки. Тѣмъ же, которые здѣсь, въ безопасности, въ

*) Эти „впечатлѣнія и мысли“ принадлежатъ представителю выросшей въ Совѣтскихъ условіяхъ патріотической молодежи и заслуживаютъ, какъ человѣческій документъ, особаго вниманія. **Ред.**

довольствѣ, ради выгодъ или изъ малодушія, готовы протянуть руку палачамъ Россіи — нѣтъ оправданія, нѣтъ и не будетъ прощенія.

Послѣднее мое воспоминаніе о полномъ согласіи, единодушіи, единомысліи въ вопросѣ о борьбѣ съ большевиками, борьбѣ во что бы-то ни стало, безъ пощады и до конца, всѣми средствами и всѣми силами, относится къ нашему карантинному сидѣнію. Тамъ было все еще такъ же, какъ въ Россіи. Съ тѣхъ поръ все, что я въ теченіе мѣсяцевъ видѣлъ и слышалъ въ Финляндіи, въ Берлинѣ, въ Парижѣ, такъ непонятно, такъ необъяснимо и такъ печально! Здѣсь за рубежомъ столько партій и группъ, сколько людей въ эмиграціи. Рѣдко встрѣтишь двухъ человѣкъ, согласныхъ между собой. И я вспоминаю первое утро въ карантинѣ, когда послѣ ночи проведенной на узкихъ койкахъ, въ мечтахъ о будущемъ, въ безпокойной, все еще неувѣренной радости — неужели свобода? — въ некрѣпкомъ, прерываемымъ вздохами и стонами, снѣ — мы, въ невольномъ бездѣльи карантиннаго ареста, говорили, говорили безъ конца о Россіи, о прошломъ и будущемъ, о нашихъ разочарованіяхъ и надеждахъ.

О чемъ же и говорить теперь намъ, русскимъ, когда, лишенные Родины, мы собираемся вмѣстѣ и, говоря о Ней, чувствуемъ, что Она все-таки существуетъ, что Россія есть, не тамъ за Совѣтской чертой и не здѣсь, среди перешедшихъ эту черту, а гдѣ то еще, внѣ географическихъ границъ, и все-таки реальная, живая и вѣчная?!

Мы не спорили тогда, у насъ не было разногласій и вражды. Слишкомъ недавно всѣ мы страдали въ одинаковомъ кошмарѣ, слишкомъ больны были раны, нанесенныя общимъ врагомъ, слишкомъ сильны были въ насъ гнѣвъ и ненависть къ нему. Я взялъ на себя неблагодарную и въ сущности неразрѣшимую задачу доказать, что въ Совѣтской Россіи въ анти-большевистскомъ лагерѣ нѣтъ разногласій, нѣтъ группъ, нѣтъ партій. Можно съ цифрами въ рукахъ доказывать обратное, можно приводить статистику партійныхъ организацій и группировокъ, я же въ доказательство своего утвержденія могу только привести свое личное свидѣтельство, свои впечатлѣнія отъ четырехлѣтняго пребыванія въ большевистской Россіи.

Обстоятельства и случай, отъ которыхъ теперь человѣческая жизнь зависитъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, заставили меня не только близко узнать настроенія интеллигенціи, (въ частности студенчества), но и понять, о чемъ думаютъ, чего хотятъ въ деревнѣ: я побывалъ на югѣ Россіи, прожилъ долго въ центральныхъ губерніяхъ — Владимирской, Костромской, Нижегородской, около полугода въ Вятской губерніи и, наконецъ, лѣтніе мѣсяцы 1921 года — въ Олонецкой деревнѣ.

Я жилъ мѣсяцы въ крестьянскихъ избахъ и, во-время безконечнодолгихъ путешествій по желѣзнымъ дорогамъ, въ душномъ и тѣсномъ вагонѣ-теплушкѣ, гдѣ, подъ шумъ и грохотъ колесъ, развязываются языки въ откровенной бесѣдѣ — я многое слышалъ и многое узналъ. И я утверждаю, что за всѣ эти годы нигдѣ

и никогда я не встрѣчалъ партійныхъ людей, партійныхъ взглядовъ. О деревнѣ и говорить нечего, но даже въ городахъ, среди интеллигенціи, студенчества, я ни разу не наткнулся на тайную или явную партійную организацію, подпольную партійную работу. Больше того, разногласія и споры на политическія темы — были исключеніемъ, рѣдкостью. Я рѣшительно ихъ не помню. Навсегда у меня осталось общее впечатлѣніе единодушія и согласія въ антибольшевистскомъ лагерѣ, среди всѣхъ не-большевиковъ, объединенныхъ одинаковой ненавистью, связанныхъ между собой круговой порукой непримиримой вражды къ насильникамъ Родины.

Я помню, какъ зимой 1918—1919 года, когда въ Петербургѣ шли упорные слухи о томъ, что городъ будетъ оккупированъ иностранными цвѣтными войсками — многіе, очень многіе — таково было общее настроеніе — ждали ихъ прихода, какъ долгочаемаго, давно-желаннаго спасенія. Все равно откуда, отъ кого и какъ придетъ освобожденіе, чьими руками будетъ свергнута Совѣтская власть, какая партія или группа займетъ ея мѣсто. И пусть прольются еще рѣки крови, пусть настанетъ неизбѣжный періодъ анархіи, пусть воцарится самая черная „реакція" — лишь бы окончился безумный кошмаръ, сковавшій Россію.

Кто тамъ въ Россіи боится новой крови? Пусть прольется еще, если только въ ней можно потопить большевизмъ. Страшнали — недолговременная, явная, ничѣмъ не прикрытая анархія — странѣ находящейся въ длительномъ и безнадежномъ состояніи скрытой анархіи? А реакціи боятся только тѣ, кто чувствуетъ за собой тяжкіе грѣхи, за которые придется отвѣтить передъ всякой властью, не связанной съ большевистской революціей. Я помню, какъ, въ дни Кронштадскаго возстанія, весь городъ прислушивался съ жадной надеждой, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ несмолкаемому гулу канонады; какъ носились самые фантастическіе, невѣроятные слухи о близкомъ паденіи власти, о паникѣ среди нашихъ тюремщиковъ. И я помню то молчаливое отчаяніе, ту мертвую безнадежность, которыя повисли надъ ожившимъ было городомъ, когда торжествующіе большевики объявили одновременно о двухъ своихъ побѣдахъ: подавленіи возстанія и заключеніи торговаго договора съ Англіей. И, право, не знаю, какое изъ двухъ извѣстій глубже и болѣзненнѣе отозвалось въ усталыхъ и извѣрившихся душахъ.

Что сказать о настроеніяхъ студенчества, того стараго студенчества, которое сражалось за Родину въ рядахъ Царской Арміи и продолжало ту-же борьбу со злѣйшими врагами Россіи на всѣхъ противо-большевистскихъ фронтахъ?

Въ томъ высшемъ учебномъ заведеніи, въ которомъ я числился студентомъ, на 1500 слушателей коммунистовъ была горсточка, человѣкъ 10—15. Къ нимъ относились нетерпимо; имъ не давали говорить на сходкахъ, когда они выставляли свою кандидатуру въ какой-нибудь студенческій органъ — достаточно было выступить кому-нибудь и заявить безъ дальнѣйшихъ коментарій,

что баллотирующійся — коммунистъ, и его кандидатура единогласно проваливалась. Слово „ товарищъ“, такъ часто раздававшееся прежде въ стѣнахъ нашей Высшей Школы, теперь и, надо надѣяться, навсегда изгнано оттуда. Неписанный законъ замѣнилъ его словомъ „коллега“. Когда нашъ Институтъ праздновалъ годовщину своего основанія, то на огромной афишѣ, въ вестибюлѣ, дата основанія была обвита виньеткой изъ розъ, тогда какъ новую дату — 1921 годъ — обрамлялъ вѣнокъ изъ терній; въ кабарэ, устраивавшемся часто по вечерамъ въ студенческомъ общежитіи, стѣны украшались неизмѣнно рисунками и каррикатурами самаго „контръ-революціоннаго“ содержанія, и въ куплетахъ, сочиненныхъ студентами, съ эстрады, осторожно, но зло, высмѣивались всѣ порядки и мѣропріятія Совѣтской власти.

Наконецъ, во время послѣднихъ выборовъ въ Петросовѣтъ осенью 1921 г. все петербургское студенчество показало свое единодушіе, устроивъ обструкцію Луначарскому, прибывшему по случаю выборовъ изъ Москвы, и сорвавъ выборы по нѣкоторымъ районамъ. Конечно, большевики не смутились. На другой день мы прочли въ ихъ „Правдѣ“, что „послѣ того, какъ кучка контръ-революціонно настроенныхъ студентовъ покинула залъ, оставшіеся единогласно приняли списокъ коммунистическихъ кандидатовъ,“ но мы-то отлично знали, что залъ покинула не кучка студентовъ, а подавляющее большинство ихъ послѣ того, какъ собравшимся было объявлено, что выборы не состоятся ввиду вызывающаго поведенія студентовъ, и что согнанные изъ другихъ районовъ коммунисты остались въ небольшомъ числѣ, чтобы единогласно принять коммунистическій списокъ.

Эти осенніе выборы 1921 года показали большевикамъ, насколько непримиримо настроено студенчество, и власти, разумѣется, не замедлили наказать мятежниковъ. Аресты профессоровъ и студентовъ, сокращеніе числа учебныхъ пайковъ, введеніе новаго устава — были непосредственными послѣдствіями студенческихъ выборовъ. Еще одинъ маленькій, но характерный фактъ. Совершенно случайно я встрѣтился въ карантинѣ со студентомъ нашего Института, бѣжавшимъ, какъ и я, безъ проводниковъ, черезъ финляндскую границу. Его краткая біографія не лишена интереса. Больше 12 лѣтъ тому назадъ онъ окончилъ одно изъ Петроградскихъ Высшихъ Учебныхъ Заведеній и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до большевистскаго переворота, будучи инженеромъ, занималъ видную должность на заводѣ. Для того, чтобы не служить Совѣтской Власти, онъ въ 1918 году вновь сталъ студентомъ, ибо, какъ ни голодно и тяжко живется этимъ пасынкамъ пролетарскаго государства, но зато они наименѣе зависимы отъ большевистскаго произвола. Теперь, уже кончая во второй разъ Институтъ, немолодой, при первой возможности, онъ бѣжалъ заграницу, не имѣя здѣсь ни друзей, ни родныхъ, безъ гроша въ карманѣ. Все его богатство, принесенное изъ Совдепіи, было 7 серебряныхъ чайныхъ ложекъ.

Но съ какой бодростью и какъ радостно смотрѣлъ онъ въ будущее, отправляясь въ Тавастгусъ рубить дрова. Самые черные дни остались позади. Кто станетъ бояться будущаго, если въ прошломъ пережито все самое горькое, самое тяжкое?!

Этотъ случай характеренъ, но это не единичный случай. Много есть людей въ Россіи, пошедшихъ на компромиссы, готовыхъ за скудную подачку отказаться отъ самыхъ завѣтныхъ убѣжденій, забыть требованія чести и морали, но тѣ, кто остался твердымъ и вѣрнымъ, кого не согнули ни лишенія, ни голодъ — тѣ непримиримы до конца, и они — то лучшее, здоровое ядро, существованіе котораго въ Россіи даетъ силу вѣрить въ ея грядущее возрожденіе. Если бы Вы спросили такихъ людей, если бы Вы, вообще, спросили любого гражданина Совѣтской Россіи изъ антибольшевистскаго лагеря — къ какой группѣ или партіи онъ принадлежитъ, какъ онъ мыслитъ себѣ будущій государственный строй Россіи (ибо въ долговѣчность большевиковъ никто — и они меньше всѣхъ — не вѣритъ), онъ посмотрѣлъ бы на Васъ, какъ на существо, явившееся съ другой планеты. Въ Россіи нѣтъ группъ, нѣтъ партій, нѣтъ направленій. И Совѣтская Власть отлично это знаетъ, недаромъ же на оффиціальномъ языкѣ существуетъ только двѣ „партіи": коммунисты и всѣ имъ сочувствующіе, съ одной стороны, и безпартійные, съ другой. Между тѣми и другими — пропасть, но внутри этихъ лагерей нѣтъ споровъ. Чѣмъ неограниченнѣй и безпощаднѣй диктатура властвующихъ, тѣмъ непримиримѣе глухое, пассивное сопротивленіе подвластныхъ. Я монархистъ, но въ Совѣтской Россіи я не былъ монархистомъ. Тамъ соціалистъ — не соціалистъ и республиканецъ — не республиканецъ. Всѣ они безпартійны, всѣ принадлежатъ къ одной партіи — партіи непримиримыхъ враговъ большевизма и всего, что съ нимъ связано. Никогда, никогда у насъ не было споровъ, если въ одномъ, главномъ — ненависти къ коммунистическому строю — мы сходились. Остальное потомъ, остальное неважно. Мы были всѣ за Россію и противъ ея палачей.

Если таковы настроенія интеллигенціи, то тѣмъ болѣе безпартійно крестьянство. Крестьяне не одинаково всюду относятся къ Совѣтской Власти, но здѣсь различіе не въ существѣ, а только въ степени ихъ ненависти къ коммунистическому строю. Эта ненависть вытекаетъ, разумѣется, не изъ теоретическихъ соображеній, она порождена самой жизнью, непосредственнымъ соприкосновеніемъ со всѣми прелестями режима и тѣмъ она дѣйственнѣй и живѣе. Крестьянству нуженъ порядокъ, крестьянину нуженъ полный продуктъ его труда, нужна возможность получить въ обмѣнъ за свой хлѣбъ все необходимое въ хозяйствѣ. Прошлое въ его глазахъ какъ, впрочемъ, и въ глазахъ каждаго, кто не ослѣпляетъ себя сознательно — лучше, неизмѣримо лучше настоящаго. Въ прошломъ онъ помнитъ Царя и, естественно, видитъ въ немъ гарантію законности и порядка. Это настроеніе особенно усиливается чувствомъ своей вины и сознаніемъ тяжкихъ преступленій,

заставляющими видѣть въ переживаемыхъ лишеніяхъ и невзгодахъ — возмездіе за грѣхъ, которому нѣтъ прощенія. Ошибочно было бы сдѣлать изъ этого выводъ, что крестьянство, въ цѣломъ, настроено монархически-реставраціонно. И для него, какъ для всѣхъ, это вопросъ второстепенный, только оттѣнокъ. И въ городѣ, и въ деревнѣ одинъ врагъ — большевики. Всѣ кто не съ ними — противъ нихъ и вмѣстѣ.

Антибольшевистская Россія безпартійна, и въ этомъ сила ея пассивнаго сопротивленія. Такъ было тамъ. А здѣсь? Нужно-ли, стоитъ-ли говорить объ этомъ? Ничего не поняли, ничему не научились. То, что твердили 10—20—30 лѣтъ тому назадъ, продолжаютъ твердить и теперь. Зрѣлище воистину жалкое и смѣшное. Немногіе только имѣли мужество пересмотрѣть прошлое, признать свои ошибки и заблужденія, большинство, вопреки разуму, здравому смыслу, очевидности, какъ баба изъ малороссійскаго анекдота, утопая уже до макушки въ водѣ, высовываетъ пальцы надъ поверхностью пруда, показывая жестомъ: „а все таки стрижено, стрижено, а не брито!“ Надъ полемъ, заросшимъ чертополохомъ и бурьяномъ, который сами они усердно сѣяли, они утверждаютъ, что посѣвъ былъ хорошъ, а если всходы плохи — не ихъ вина. Дьявольскія шутки! Объ этомъ писать безполезно. Здѣсь это всѣ знаютъ. Тамъ мы думали иначе. Мы вѣрили еще въ „соль земли“.

— Но „если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попранье людямъ“.

Тамъ мы поняли, что могутъ быть святой гнѣвъ и святая ненависть, что есть случаи, когда надо быть безпощаднымъ и непримиримымъ, когда слабость и колебанія — преступленіе. Въ той борьбѣ, которая сейчасъ ведется за жизнь нашей Родины, побѣдитъ тотъ, кто будетъ твердъ и вѣренъ себѣ до конца, у кого не дрогнетъ рука и не сожмется сердце при видѣ неизбѣжной крови и неотвратимыхъ жертвъ. Не побѣдятъ, не сохранятъ плодовъ побѣды тѣ, кто сомнѣвается, колеблется, оглядывается на каждомъ шагу. Изъ разногласій и споровъ не возникнетъ сила, способная свергнуть кремлевскихъ палачей. Тѣмъ изъ оставшихся тамъ, кто выдержалъ всѣ испытанія, вынесъ тяжелый искусъ, не согнулся и не уступилъ, будетъ дана великая радость стать строителями разрушенной Родины, и немногіе изъ пребывающихъ за рубежомъ смогутъ помочь имъ въ ихъ трудномъ и свѣтломъ дѣлѣ. Надо имѣть пылающее сердце въ груди, сердце полное любви и святого гнѣва.

Какъ сказано въ Писаніи, „о если бы ты былъ холоденъ или горячъ, но поелику ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ моихъ“.

А. Г.

Мартъ 1922 г. Парижъ.

Политическій обзоръ.

I. Русскія дѣла.

На свободной русской землѣ. Вѣсти съ Дальняго Востока еще разъ подтверждаютъ, какъ умѣло используется большевиками дальность разстоянія и дороговизна телеграфныхъ сообщеній для распространенія своихъ измышленій о единственной незавоеванной ими русской области. Въ мартѣ не только не произошло взятія Владивостока большевиками, не только не было переворота, — не произошло даже измѣненій въ построеніи власти. По прежнему во главѣ области — Приамурское Правительство, „директорія", изъ президіума несоціалистическаго съѣзда, возглавляемая С. Д. Меркуловымъ (котораго лишь на время его болѣзни замѣнялъ Еремѣевъ). Произошло только образованіе новаго совѣта министровъ, во главѣ съ С. И. Ефремовымъ. Около двухъ мѣсяцевъ у власти передъ тѣмъ находился временный „дѣловой" кабинетъ В. П. Разумова послѣ того, какъ въ январѣ вышелъ въ отставку кабинетъ В. Ф. Иванова. Причины частой смѣны министровъ, повидимому, коренятся въ общей затруднительности положенія; оно заслуживало бы внимательнаго изученія, какъ нѣкоторый возможный прообразъ слѣдующаго дня по паденіи большевиковъ. Одна изъ главныхъ трудностей — отсутствіе средствъ. Приамурское правительство живетъ безъ эмиссіи, нормальными государственными доходами (налогами, пошлинами, доходами отъ жел. дор.), счетъ идетъ въ золотыхъ рубляхъ, при этомъ въ отношеніи таможенныхъ пошлинъ несомнѣнно приходится считаться съ интересами союзной Японіи. Другая трудность — отсутствіе энергичнаго активнаго меньшинства, которое бы вело. По словамъ русскихъ харбинскихъ газетъ „приморскіе несоціалистическіе круги проявляютъ всѣ характерныя черты соціалистической кружковщины".*) Народное собраніе, состоящее въ большинствѣ изъ тѣхъ же группъ, что и несоціалистическій съѣздъ, ведетъ борьбу за власть съ совѣтомъ съѣзда. 24 марта состоялось общее собраніе представителей всѣхъ несоціалистическихъ организацій Владивостока; на немъ было выражено единодушное довѣріе С. Д. Меркулову; оппозиція

---

*) Русскій Голосъ. 16. III. 1922. Послѣднія имѣющіяся газеты отъ 26-го марта.

нѣкоторыхъ мѣстныхъ политическихъ „лидеровъ“ оказалась не имѣющей подъ собою почвы. Это совѣщаніе несомнѣнно укрѣпило положеніе правительства.

Состоявшаяся въ концѣ февраля на ст. Пограничной конференція мѣстныхъ коммунистовъ рѣшила усилить активность ввиду наступленія красной Арміи. При этомъ на конференціи было сообщено, что во внутреннихъ дѣлахъ области японцы хотятъ держать нейтралитетъ и что, будто бы, если бы коммунистамъ удалось изнутри совершить переворотъ безкровно, японцы бы не противились, но вооруженныхъ столкновеній допускать не намѣрены.

Россія и Японія. Въ началѣ апрѣля — насколько можно пока установить, 2-го, — произошло около Спасска столкновеніе наступавшей отъ Хабаровска Красной Арміи съ японскими отрядами, прикрывавшими отходъ каппелевскихъ частей. Японцы оказались, повидимому, болѣе надежными союзниками русскихъ національныхъ силъ, чѣмъ о нихъ многіе думали; они отбили бельшевистское нападеніе и, судя по большевистскимъ же телеграммамъ, сами перешли въ наступленіе.

Совѣтская печать, конечно, будетъ кричать о „японскомъ имперіализмѣ“ и, какъ во всѣхъ столкновеніяхъ большевиковъ съ иностранцами, постарается использовать въ своихъ интересахъ патріотическое чувство. Но надо разобрать по существу: гдѣ, въ данномъ случаѣ, интересы Россіи?

Для русскихъ существованіе русской территоріи, свободной отъ краснаго ига, является уже само по себѣ огромной моральной цѣнностью, даже если не имѣть ввиду болѣе широкихъ надеждъ на возстановленіе Россіи съ Востока. Въ чемъ же интересы Японіи? Можно думать, врядъ-ли въ присоединеніи новыхъ земель, къ тому же съ климатомъ, для японцевъ убійственнымъ; изъ за нихъ ссориться съ настоящей Россіей и нарушать недавно заключенныя въ Вашингтонѣ соглашенія, и тѣмъ вызывать конфликтъ съ Америкой — врядъ ли стоило бы! Съ другой стороны, одни приторговыя имущества въ краѣ съ 1—2 милліонами жителей не окупали бы содержанія цѣлыхъ дивизій. Нѣтъ, Японія просто не можетъ допустить большевизаціи Кореи и Китая. Утвержденіе большевистскаго полновластія во Владивостокѣ было бы для коммунистовъ огромной психологической побѣдой. На Востокѣ вѣрятъ силѣ, или ея видимости, и трудно учесть послѣдствія соприкосновенія торжествующаго большевизма и бродящей трехсотмилліонной массы китайскаго народа. И въ предупрежденіи этой опасности интересы Россіи и всей европейской культуры сходятся съ интересами Японіи.

Попытка японцевъ сторговаться съ большевиками сорвалась. Тянувшаяся больше полугода Дайренская конференція кончилась ничѣмъ въ серединѣ апрѣля. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ торжественно заявляетъ, что „подастъ помощь Дальневосточной республикѣ“. Съ другой стороны, и Японія заняла на Генуэзской конференціи болѣе рѣзкую позицію противъ большевиковъ.

Въ оккупированной III интернаціоналомъ области. Рѣчь Ленина. Полученныя въ настоящее время более полныя свѣдѣнія объ XI съѣздѣ коммунистической партіи даютъ существенныя новыя черты. Прежде всего, столь путанно переданная заграницу рѣчь Ленина оказывается поразительной по своему откровенному пессимизму, превосходящему все говорившееся имъ до сихъ поръ.

Ленинъ начинаетъ съ предостереженія отъ увлеченій Генуэзской конференціей: ея значеніе умышленно раздуто „буржуазіей". Главное сейчасъ — сумѣть помочь „обнищавшему и голодающему крестьянину", — иначе „онъ пошлетъ насъ къ черту". Новой экономической политикой за первый годъ ничего не достигнуто. „Это надо прямо сказать". Коммунистамъ былъ оказанъ массами кредитъ, имъ была дана отсрочка, но „все дѣлается до извѣстнаго срока... Мы хозяйничать не умѣемъ. За годъ это доказано... Когда векселя будутъ предъявлены ко взысканію, этого изъ текста ихъ не узнаешь: такова особенность политическихъ векселей..." Государство за этотъ годъ уже дѣйствовало, не всегда по нашему": „вырывается машина изъ рукъ; какъ будто сидитъ человѣкъ, который ею правитъ, а машина идетъ не туда, куда ее направляютъ, а туда, куда ее направляетъ кто то другой, не то легальный, не то беззаконный, Богъ знаетъ откуда взявшійся..." „Мы годъ отступали; мы должны сказать отъ имени партіи — достаточно. Дѣло теперь въ перегруппировкѣ силъ... У насъ не хватаетъ культурности тому слою коммунистовъ, который управляетъ. Построить коммунистическое отечество руками коммунистовъ — ребячья, совершенно ребячья затѣя. Коммунисты это капля въ морѣ"... „Крестьянинъ скажетъ: если ты хозяйничать не умѣешь, то пойди вонъ. Да, крестьянинъ это скажетъ". Дѣло — не въ „политикѣ", а въ „подборѣ людей". — Къ тѣмъ, кто критикуетъ, должны примѣняться суровѣйшія мѣры: преступнѣе всего — вносить панику въ отступленіе. Революціонные трибуналы должны бы разстрѣливать всѣхъ меньшевиковъ, утверждающихъ, что новая экономическая политика ведетъ къ возстановленію капитализма! Надвигается тяжелый финансовый кризисъ, и „придется многое перестраивать и тогда все бросать на дно".

Въ сущности, Ленинъ не указываетъ и не видитъ выхода. На какія силы онъ еще разсчитываетъ въ „борьбѣ не на животъ, а на смерть между капиталомъ и коммунизмомъ", какъ онъ опредѣляетъ наступающій періодъ? Кого, кромѣ самихъ же коммунистовъ, этой „капли въ морѣ", можетъ еще двинуть большевистская власть на борьбу съ капитализмомъ? Отвѣта нѣтъ...

Кризисъ партіи. Наоборотъ: не только не появляется новыхъ союзниковъ, но въ средѣ коммунистовъ замѣчаются признаки разброда. „Группировки, тренія и склока" — какъ опредѣлилъ на томъ же съѣздѣ Зиновьевъ — „самаго различнаго вида: болѣе молодые противъ болѣе старыхъ; уѣздные

противъ городскихъ, партійные противъ совѣтскихъ, совнархозовцы противъ профсоюзовцевъ, и наоборотъ, губпродкомы съ совнархозами, и прочая, и прочая... Каковы же причины? Низкій уровень рядового члена нашей партіи. — Трудно вымолвить, но это такъ..." Правда, въ красной арміи 98000 коммунистовъ (болѣе $^1/_5$ всей партіи!), но зато есть крупные поселки, шахты и т. д., гдѣ на 10—12.000 рабочихъ приходится комячейка въ 6 человѣкъ.

Зиновьевъ взываетъ къ сохраненію единства партіи. Кромѣ „треній и склоки" есть и болѣе глубокія идейныя расхожденія, — это показываетъ наглядно резолюція по вопросу о т. н. рабочей оппозиціи. „Слѣва" или „справа" эта оппозиція, — объ этомъ можно было еще спорить въ прошломъ году; теперь видно отчетливо, что „слѣва". Рабочая опозиція стоитъ за оживленіе „рабочей демократіи" и за прекращеніе „уступокъ капитализму". Если она терпимѣе къ меньшевикамъ и эсерамъ, то суровѣе къ „капиталистамъ", „спекулянтамъ" и т. д., и сейчасъ стремится покончить съ политикой компромиссовъ.

Какъ установило „дознаніе", для котораго ея лидеры, въ томъ числѣ члены Ц. К. коммунистической партіи Медвѣдевъ и Шляпниковъ, а также извѣстная г-жа Коллонтай, были даже задержаны, рабочая оппозиція, несмотря на запрещеніе X-го съѣзда, организовала подпольную фракцію и систематически вела борьбу за захватъ своими единомышленниками руководящей роли въ президіумахъ профессіональныхъ союзовъ (особенно у металлистовъ), устраивала конспиративныя совѣщанія, входила въ сношенія съ группами, стремившимися создать IV Интернаціоналъ, и т. д. Внѣшнимъ выступленіемъ группы явилась подача заявленія „22-хъ" на конференцію III Интернаціонала.

XI-й съѣздъ выразилъ большинствомъ голосовъ осужденіе этой группѣ; но исключены были только два ея второстепенныхъ члена; видимо (какъ уже было въ августѣ 1921 г.) требуемыхъ двухъ третей для исключенія могло не набраться. Правда, въ Ц. К. Медвѣдева и Шляпникова уже больше не выбрали.

Наконецъ, въ итогѣ было принято поразительное постановленіе: не принимать въ теченіе года новыхъ членовъ въ партію. Этимъ коммунисты хотятъ отгородиться отъ чуждыхъ имъ элементовъ, хотятъ сохранить свою партію, какъ обособленную отъ всей страны силу. Не допустить растворенія партіи въ „мелкобуржуазной, анархической стихіи", поменьше имѣть „примазавшихся" въ своей средѣ, — всегда было предметомъ особой заботы большевиковъ. Они открывали свободный доступъ въ партію только въ минуты величайшей опасности, когда врядъ ли кто-нибудь бы пошелъ къ нимъ ради карьеры. Закрытіе доступа сейчасъ благопріятнѣе для лѣваго крыла.

Экономическій кризисъ. Ростъ цѣнъ, какъ всегда бывало весной, въ апрѣлѣ замедлился; въ прошлые годы онъ таки же останавливался — обычно до ноября; черный хлѣбъ въ столицахъ стоитъ около 100.000 (въ 1921 г. —

3000 р., въ 1920 — 400 р., 1919 г. — 100-200 р., въ 1918 г. — 10-15 р.; малый скачекъ съ 1919 г. на 1920 г. объясняется завоеваніемъ Юга и Сибири).

Выпускъ бумажныхъ денегъ къ концу апрѣля долженъ былъ достигнуть 15-значной цифры (100 трилліоновъ, 100.000.000.000.000); съ перваго апрѣля предписано однако счетъ вести въ „рубляхъ 1922 г.“ — четыре нуля откидывается., и остается скромная сумма въ 10 милліардовъ! Золотой рубль на „старые рубли“ котировался въ апрѣлѣ до двухъ милліоновъ. Иначе говоря, вся гора совѣтскихъ бумажекъ стоитъ всего 20—25 милліоновъ долларовъ! Отъ оффиціальнаго исчисленія курса и выплаты по нему жалованія совѣтское правительство отказалось. Введенные налоги, при всей фантастичности ихъ цифръ (подушный налогъ — 1—3 милліона, сборъ за телефоны 75 милліоновъ; билетъ Петроградъ—Москва $2^1/_2$ милліона, и т. д.) конечно, не могутъ при быстромъ паденіи курса и несовершенствѣ аппарата взиманія, имѣть никакого значенія для поправленія финансовъ.

Изъ предположеннаго бюджета въ 1.800.000 золотыхъ рублей дефицитъ уже оказывается не въ какую то одну седьмую; по заявленію Сокольникова на XI съѣздѣ онъ — более половины. „Государственная промышленность“, заявилъ Сокольниковъ, „является калѣкой, живущимъ на средства государства“ — а въ бюджетъ были внесены значительные доходы отъ нея!

Но самой поразительной чертой послѣдняго мѣсяца является, пожалуй, констатированіе совѣтской печатью*) того факта, что въ совѣтской Россіи наблюдается... перепроизводство мануфактуры и нѣкоторыхъ другихъ промышленныхъ издѣлій.

Не то, чтобы ихъ производилось больше, чѣмъ раньше. Нѣтъ, ихъ изготовляется какихъ нибудь 5—10% прежняго. Если бы ихъ, какъ раньше, выдавали на пайки, нехватка была бы всюду. Но соотвѣтственно новой экономической политикѣ ихъ пытаются продать, ищутъ рынка — и оказывается, рынка нѣтъ — даже на мануфактуру. Это — страшный фактъ, несомнѣнно стоящій въ связи съ голодомъ деревни. Городъ уже давно пересталъ быть рынкомъ, онъ жилъ запасами, получая ихъ изъ казны, и сбывая свои — деревнѣ. Теперь перестаетъ быть рынкомъ и деревня. Продовольствіе — хлѣбъ — остается почти единственнымъ товаромъ, на который спросъ есть — да и не можетъ его не быть, пока люди живы. „Перепроизводство“ — симптомъ пожалуй много болѣе грозный, чѣмъ нуллификація совѣтскаго рубля.

Волненія и репрессіи. Продолжаются, въ связи съ ограбленіемъ церквей, протесты прихожанъ по всей Россіи; извѣстіе объ арестѣ Патріарха было опровергнуто, но травля въ печати противъ него ведется во всю. Въ Шуѣ за „устройство волненій“ при изъятіи цѣнностей изъ церквей приговорены къ разстрѣлу три священника.

*) Въ частности Ломовымъ въ „Эконом. жизни“.

Глухія вѣсти о волненіяхъ въ Средней Азіи доходятъ, за послѣднее время, урывками. Отряды „басмачей“ хозяйничаютъ въ Туркестанѣ, убиваютъ коммунистовъ. Сообщается, будто, назначенный большевиками командующимъ войсками въ Бухарѣ извѣстный Энверъ-Паша объявилъ себя независимымъ правителемъ. На Кавказѣ — возстаніе въ Кахетіи. Изъ Тифлиса и Батума выселены всѣ иностранные консула.

Въ Кіевѣ — массовые аресты (650 человѣкъ по совѣтской печати), открытъ будто бы какой то „петлюровскій“ заговоръ. Въ Крыму попрежнему мерещатся большевикамъ фантастическіе десанты арміи генерала Врангеля.

Продолжаются и репрессіи противъ „прочихъ соціалистовъ“, несмотря на всѣ разговоры объ единомъ фронтѣ. Процессъ эсеровъ отложенъ. Но комиссаръ юстиціи Курскій заявилъ, что обѣщаніе, данное Радекомъ на конференціи всѣхъ интернаціоналовъ о непримѣненіи къ эсерамъ смертной казни, нисколько не связываетъ революціонный трибуналъ. Со своей стороны и Ленинъ высказалъ осужденіе Радеку.

Въ данномъ случаѣ дѣло не въ томъ, что Курскій и Ленинъ хотятъ обязательно казнить эсеровъ: Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, передъ заграницей позирующему какъ русское правительство, неудобно выявлять свою формальную зависимость отъ чисто партійныхъ учрежденій. Тутъ какъ бы ящикъ съ двойнымъ дномъ. Когда коммунистической партіи желательно провести то или иное рѣшеніе, она его безпрепятственно проводитъ черезъ всѣ совѣтскія инстанціи или помимо нихъ. Но если бы она захотѣла отъ отвѣтственности за то или иное рѣшеніе уклониться, то могла бы передать его „суверѳннымъ“ совѣтамъ, трибуналамъ и т. д. Есть ли это идеологическая уступка? Скорѣе — военная хитрость. На дѣйствительныя задачи совѣтской власти прямо указываютъ слѣдующія примѣчательныя слова красноармейскаго оффиціоза: „При новомъ курсѣ экономической политики Красная Армія остается арміей Коминтерна... Для развитія наступательно-революціонной идеологіи въ распоряженіи государства есть агитаціонно-просвѣтительный аппаратъ... настоящій періодъ въ развитіи арміи усиленно выдвигаетъ идею содѣйствія международному пролетаріату, идею интернаціональныхъ дѣйствій Красной Арміи въ обстановкѣ грядущей соціальной европейской революціи. Эта идея и является движущей силой, направляющей современное военное строительство Красной Арміи“.*) Но, конечно, и отъ использованія въ своихъ интересахъ по существу имъ враждебныхъ національныхъ эмоцій большевики при этомъ не откажутся. Третій интернаціоналъ не прочь, когда это ему нужно, кощунственно играть именемъ Россіи.

Репрессіи не миновали и столь, казалось бы, лояльную „оппо-

*) „Красная Армія“, журналъ изд. при Военной Академіи, № 9, декабрь 1921 г. („Соціалистическій Вѣстникъ“ 2. V. 1922).

зицію Его Величества Пролетаріата“ меньшевиковъ. Заграничная делегація с.-д. опубликовала 2-го мая воззваніе, въ которомъ указываетъ на массовые аресты с.-д. за послѣднія недѣли; одною изъ главныхъ причинъ, будто бы, явилось ихъ участіе въ забастовкахъ рабочихъ противъ совѣтскихъ „трестовъ“. Кромѣ арестовъ примѣняется и ссылка — главнымъ образомъ въ Туркестанъ.

Въ зарубежной Россіи. Въ зарубежной Россіи праздникъ Пасхи и связанныя съ Генуэзской конференціей ожиданія и тревоги въ значительной мѣрѣ пріостановили на апрѣль мѣсяцъ общественную и политическую работу.

Въ Прагѣ создается русскій юридическій факультетъ, гдѣ русскіе студенты могутъ получать образованіе, котораго не получить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ: ни въ совѣтской Россіи, гдѣ перековерканы факультеты, ни въ заграничныхъ университетахъ, гдѣ русскому праву мало удѣлено мѣста.

Въ окраинныхъ государствахъ за послѣднее время полоса гоненій на русскихъ. Изъ Польши въ Данцигъ выселены свыше ста человѣкъ подъ предлогомъ „монархическаго заговора“. Въ объясненіяхъ, которыя давалъ по этому поводу сеймовой комиссіи польскій министръ внутреннихъ дѣлъ, говорилось о томъ, что конспиративная монархическая организація подготовляла вооруженные отряды для переброски „на восточную границу“; дѣятельность этой организаціи будто бы особенно усилилась послѣ рейхенгальскаго съѣзда; она имѣла связи „въ высокихъ сферахъ польскаго общества“. Польское правительство, учитывая возможность нежелательныхъ осложненій съ совѣтской Россіей, въ связи съ мобилизаціей большевистскихъ войскъ у границы, желало устранить одинъ изъ возможныхъ поводовъ конфликта. Въ преніяхъ польскіе депутаты обнаружили большое незнаніе вопросовъ русской внутренней политики (какъ, впрочемъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, въ одну кучу валившій смѣновѣховца Носкова, ген. Врангеля, казачьихъ атамановъ и монархистовъ), а также большую дозу руссофобства. Заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія правдивое и умное заявленіе деп. Грабскаго, который сказалъ: „ничего удивительнаго въ томъ нѣтъ, что русскіе антибольшевистскіе элементы конспирируютъ противъ большевиковъ, и этому не сможетъ помѣшать ни одно правительство, какъ не смогъ никто въ свое время прекратить работу польской эмиграціи, направленную на освобожденіе родины“.

Въ другихъ странахъ — Эстоніи, Латвіи — аресты носили тотъ же характеръ, только производились въ меньшемъ размѣрѣ. Особо стоитъ дѣло, повидимому, въ Румыніи, гдѣ подъ видомъ „монархической“ организаціи работали большевистскіе агенты; во всякомъ случаѣ, къ охватывающему всѣхъ организованныхъ монархистовъ объединенію („Рейхенгаллю“) румынскія группы никакого отношенія не имѣли.

Большевистская печать заграницей — изъ экономіи? — прекратила свое существованіе, частью совсѣмъ („Новый Путь“ въ

Ригѣ), частью съ замѣной „органами большевистствующей обывательщины“ — „смѣновѣховскими“ изданіями („Наканунѣ“ въ Берлинѣ вмѣсто „Новаго міра“). Въ эти изданія удалось привлечь нѣсколькихъ стоявшихъ донынѣ внѣ политики художниковъ и критиковъ (А. Н. Толстой, З. Венгерова); это вызвало по ихъ адресу рѣзкую отповѣдь со стороны независимой печати, начиная отъ эсеровъ. Въ зарубежной Россіи реагируютъ однако менѣе рѣзко противъ переходящихъ въ лагерь враговъ, — чѣмъ въ Совѣтской области, гдѣ при внѣшнемъ подчиненіи гораздо сильнѣе внутреннее отталкиваніе.

Всѣ вопросы отношеній Россіи и большевиковъ къ внѣшнему міру въ этомъ мѣсяцѣ неразрывно сплелись съ Генуэзской конференціей. Даже германо-большевистское соглашеніе, перерастающее, быть можетъ, по своему значенію все, что эта конференція можетъ дать въ законченномъ видѣ, — нельзя всетаки выдѣлить изъ ея рамки. Такъ же и условія хозяйственнаго возстановленія Россіи (лишенныя смысла при большевикахъ, но могущія послужить основой для переговоровъ той или иной будущей власти) удобнѣе разсматривать въ общемъ планѣ конференціи.

Одно только можно здѣсь же сказать: русскія дѣла рѣшатся не въ Генуѣ. Для тѣхъ героическихъ пріемовъ, которые одни могли бы разрѣшить ихъ извнѣ, нужны были бы совершенно иныя предпосылки, чѣмъ тѣ, на которыхъ Ллойдъ Джорджъ пытается основать свои проекты новаго устройства Европы.

4/V 22/IV 1922.

II. Генуэзская конференція.*)

Задачи и замыслы. Въ оффиціальной программѣ Генуэзской конференціи стоятъ: вопросъ о содѣйствіи хозяйственному возстановленію Россіи и вопросы объ урегулированіи валютныхъ отношеній, международной торговли и транспорта. Почему же на нее, вмѣсто финансовыхъ экспертовъ, съѣзжаются премьеры большинства европейскихъ странъ?

Въ меню — по образному выраженію графа Аппоньи — остались только бульонъ да горчица. Почему же на собраніе въ Генуѣ стремятся какъ на роскошный пиръ? Неужели дѣйствительно, какъ думаютъ нѣкоторые, всѣ правительства видятъ въ облегченіи торговыхъ сношеній съ большевиками — давно уже ведущихся! — выходъ изъ мірового кризиса?

Конечно — нѣтъ. Изъ задачъ Генуэзской конференціи оффиціально исключена ея главная цѣль: общій пересмотръ положенія, созданнаго мирами подъ Парижемъ. Это — попытка, путемъ давленія „мірового общественнаго мнѣнія“, провести „англійскую“ точку зрѣнія на Версальскій договоръ: осуществлять его путемъ

*) Закончено 8-го мая с. г.

постепенныхъ смягченій. Въ Каннахъ Ллойдъ-Джорджъ пытался склонить Францію на этотъ путь; отставка Бріана сдѣлала соглашеніе съ нею невозможнымъ. Но осталось — уже принятое Бріаномъ за Францію — рѣшеніе созвать Генуэзскую конференцію. Ллойдъ-Джорджъ держался за данное слово, и, путемъ всевозможныхъ уступокъ въ вопросахъ ея программы, добился того, что конференція всетаки состоялась. Пусть въ меню — бульонъ и горчица; когда гости съѣдутся — посмотримъ, не потребуютъ ли они чего нибудь болѣе питательнаго, — и кто посмѣетъ отказать „всей Европѣ“!

Главный иниціаторъ конференціи, Ллойдъ-Джорджъ, въ ея удачѣ заинтересованъ и лично: внутри — его положеніе нетвердо, власть онъ можетъ сохранить только при успѣхѣ во внѣ. Укоры въ карьеризмѣ, въ цѣпляніи за власть въ данномъ случаѣ были бы неумѣстны: не изъ за матеріальныхъ выгодъ или внѣшнихъ почестей Ллойдъ-Джорджъ не хочетъ уходить; онъ убѣжденъ, что безъ него все въ мірѣ пойдетъ хуже, что онъ одинъ обладаетъ должнымъ чутьемъ дѣйствительности. Другой вопросъ, насколько это убѣжденіе правильно!

Англія, въ общемъ, раздѣляетъ внѣшнюю политику Ллойдъ Джорджа; но въ то время какъ оппозиція слѣва считаетъ ее еще недостаточно категоричной, — коалиціонное большинство, особенно правое его крыло, стоятъ нѣсколько ближе къ „французской“ позиціи, чѣмъ премьеръ; въ частности, вліятельная „печать лорда Нортклиффа“ — „Times“, „Daily Mail“ и т. д.

Отношеніе Франціи къ конференціи — естественно — крайне недовѣрчивое. Она отлично сознаетъ, что главная цѣль Ллойдъ Джорджа — оказать „моральное давленіе“ главнымъ образомъ на нее. Но предлоги, оффиціальныя задачи конференціи настолько какъ будто невинны и почтенны, что неудобно взять обратно данное Бріаномъ согласіе. Впрочемъ, и на большевиковъ Франція смотритъ не такъ по маниловски, какъ нѣкоторыя другія страны. И позиція Пуанкарэ (который болѣе выражаетъ мнѣніе Франціи, чѣмъ Ллойдъ Джорджъ — Англіи) ясна: на конференціи, при соблюденіи программы, присутствіе премьеровъ излишне; выходъ изъ рамокъ былъ бы нарушеніемъ обязательствъ, принятыхъ иниціаторами.

Для Германіи — надежды на Геную являлись какъ бы послѣдней соломинкой, послѣднимъ шансомъ мирнаго исхода изъ положенія. Какъ ни взывали справа къ скептицизму, неясная надежда на какой то все-европейскій миръ была широко распространена въ народѣ.

Италія примыкала къ „англійской“ позиціи. За послѣдній годъ недружелюбіе къ тому, что называли французской гегемоніей, сильно распространилось въ итальянской средѣ; неоднократно имѣли мѣсто анти-французскіе инциденты. Къ тому же, въ Италіи наименѣе себѣ представляютъ дѣйствительное положеніе Россіи и наиболѣе склонны вѣрить въ ея возстановимость черезъ

большевиковъ. Наконецъ, хозяевамъ Генуи было бы лестно, чтобы на ихъ землѣ состоялось великое всеобщее примиреніе.

Другія страны? Нейтральныя въ общемъ настроены благожелательно къ Германіи, и склонны поддержать всякое облегченіе ея положенія; сосѣди Совѣтской Россій — колеблются между враждою къ ней и страхомъ передъ осложненіями; Бельгія и государства Малой Антанты склоняются къ позиціи Франціи.

Для большевиковъ — Генуэзская конференція прежде всего огромная реклама. Тотъ фактъ, что при запретѣ говорить объ истинныхъ цѣляхъ конференціи большевики оказались первымъ номеромъ программы — явился для нихъ подаркомъ судьбы. Кромѣ готовности при случаѣ урвать кредитъ, основной задачей большевиковъ являлось углубленіе противорѣчій въ „буржуазной Европѣ“, — задача, по существу противуположная ллойдъ-джорджевскому замиренію...

Россія на конференціи представлена не была. По поводу приглашенія большевиковъ, русскими національными кругами былъ поданъ рядъ протестовъ. Приамурское правительство, какъ единственная русская власть на русской землѣ, черезъ ген. Лохвицкаго передало заявленіе созвавшимъ конференцію державамъ, въ которомъ говорилось, что „правительство Совѣтовъ не имѣетъ права представлять собою Россію и русскій народъ,“ и что „всѣ договоры и обязательства, заключенные большевиками отъ имени Россіи, не будутъ обязательными для русскаго народа и его будущаго законнаго правительства“. Высшій Монархическій Совѣтъ разослалъ участникамъ конференціи письмо, въ которомъ отъ имени „грядущей царской Россіи“ заявлялось: „Всѣ обязательства, подписанная во имя Россіи ея палачами, будутъ отвергнуты русскимъ народомъ, какъ только онъ получитъ возможность свободно изъявлять свою волю“. Русскій Національный Комитетъ составилъ для всѣхъ правительствъ записку, доказывающую утопичность надеждъ на эволюцію большевиковъ и протестующую противъ ихъ приглашенія въ Геную, и вмѣстѣ съ другими русскими общественными организаціями послалъ привѣтствіе статсъ-секретарю Юзу по поводу отказа Соед. Штатовъ отъ участія въ конференціи съ большевиками. Русскій Финансово-Торгово-Промышленный Союзъ составилъ обширный меморандумъ, дающій сводку современнаго положенія Совѣтской Россіи. На состоявшемся 6-го апрѣля въ Парижѣ совѣщаніи всѣхъ отдѣловъ Союза были приняты резолюціи, подчеркивающія полную непримиримость русскихъ дѣловыхъ круговъ въ отношеніи большевистской власти. Предположено было послать въ Геную особую делегацію, но это встрѣтило внѣшнія препятствія, чрезвычайно характерныя и воспринятыя русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ прямая и незабываемая обида. Наконецъ, Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека, за подписью всѣхъ казачьихъ атамановъ, послалъ предсѣдателю конференціи протестъ противъ переговоровъ съ коммунистической партіей, какъ съ русской законной властью. „Ка-

заки“, говорилось въ заявленіи, — „привѣтствовали бы сотрудничество иностраннаго капитала въ своихъ земляхъ при условіи освобожденія ихъ отъ власти коммунистовъ“. Къ сожалѣнію, всѣ эти заявленія и протесты были поданы разрозненно, безъ общаго плана.

Русская точка зрѣнія на Геную проста: главный интересъ Россіи — скорѣйшее ея освобожденіе отъ ига большевиковъ. Этой цѣли конференція не способствуетъ — быть можетъ, наоборотъ! Основную ея цѣль — установленіе прочнаго мира — русскіе могли бы привѣтствовать, но только въ иной обстановкѣ. Въ Генуѣ со злѣшими врагами Россіи говорятъ, какъ съ ея представителями; и страданіями русскаго народа пытаются оправдать поддержку основной причины этихъ страданій. Поэтому отношеніе русскихъ къ Генуѣ въ цѣломъ не можетъ не быть рѣзко отрицательнымъ.

Открытіе. Во дворцѣ Санъ-Джорджіо, въ живописно расположенной амфитеатромъ вокругъ полудуги залива старой Генуѣ, засѣдаетъ конференція. Въ съѣздъ делегатовъ нѣкоторую экзотику внесли большевики, время прибытія которыхъ тщательно скрывалось, — остановившіеся въ элегантномъ отелѣ въ Санта-Маргерита подъ охраной отряда въ нѣсколько сотъ карабинеровъ. За ними первые дни гонялись репортеры, тщательно отмѣчая, сколько рубашекъ купилъ себѣ Чичеринъ.

Предварительными совѣщаніями установленъ распорядокъ: за предсѣдательскимъ столомъ сидятъ державы приглашающія — въ центрѣ Италія, справа Франція и Японія, слѣва — Англія и Бельгія. Остальныя приглашенныя страны сидятъ за четырьмя длинными параллельными столами (большевики рядомъ со Швеціей, въ концѣ третьяго стола справа).

На первомъ общемъ собраніи, состоявшемся 10 апрѣля, былъ пронзнесенъ рядъ рѣчей — представителями приглашающихъ державъ (кромѣ Японіи), рейхсканцлеромъ Виртомъ и Чичеринымъ. Общею чертой рѣчей Факта, Ллойдъ Джорджа и Вирта было превознесеніе, въ неопредѣленныхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, значенія Генуэзской конференціи. „Во всѣхъ странахъ“ восклицалъ Ллойдъ Джорджъ „есть теперь собаки, своимъ лаемъ оглушающія Европу. Это, наконецъ, дѣйствуетъ на нервы!... Если бы конференція не удалась, весь міръ охватило бы отчаяніе“. Барту, глава французской делегаціи, заявилъ, что всѣ устали отъ словъ; Франція готова помочь въ реальной работѣ. Генуя, конечно, не кассаціонная инстанція для дѣйствующихъ договоровъ, но духъ ненависти Франціи чуждъ, ея лозунги — миръ и трудъ. Сенсацій все не было; ихъ ждали отъ Чичерина, не связаннаго никакими обязательствами; но и его рѣчь — которую въ произнесеніи почти никто не понялъ — оказалась сравнительно блѣдной; однако, въ ней говорилось о томъ, что международныя конференціи должны стать постояннымъ учрежденіемъ; высказывалось намѣреніе внести предложеніе о всеобщемъ разоруженіи; предла-

гался удивительнѣйшій планъ разрѣшенія валютной проблемы: распредѣленіе золота между всѣми странами, соотвѣтственно численности ихъ населенія!

Признать, что конференція можетъ обсуждать вопросъ о разоруженіи — значило сразу расширить ея рамки; и Барту немедленно заявилъ протестъ: вопросъ о созывѣ ряда дальнѣйшихъ конференцій и разоруженіе — выходятъ за предѣлы намѣченной программы. Ллойдъ Джорджъ воспользовался случаемъ: возражая, будто бы, Чичерину, онъ сказалъ, что конференція должна создать ту атмосферу, при которой разоруженіе само собой придетъ. Факта затѣмъ отказалъ Чичерину и Барту въ словѣ. Инцидентъ перваго дня былъ благопріятенъ „генуэзцамъ“: общее настроеніе делегатовъ въ данномъ случаѣ въ большинствѣ оказалось противъ Франціи; Ллойдъ Джорджъ могъ регистрировать свой первый успѣхъ.

Первая недѣля. Затѣмъ — разбились на четыре комиссіи: по вопросамъ политическимъ, экономическимъ (главнымъ образомъ торговымъ), финансовымъ и транспортнымъ. Комиссіи приступили къ работамъ 11-го и 12-го. Въ каждой участвуютъ представители всѣхъ 28 государствъ. Въ политической комиссіи — предсѣдателемъ избранъ Факта, въ финансовой — сэръ Р. Хорнъ, въ экономической — французъ Кольра и въ транспортной — бельгіецъ Тёнисъ.

Политическая комиссія избрала двѣ подкомиссіи изъ 11 членовъ: одну „по каннскимъ резолюціямъ“ т. е. по русскому вопросу (въ нее вошли: державы приглашающія, Германія, большевики, Польша, Чехословакія, Голландія, Швейцарія); при выборахъ другой — по защитѣ національныхъ меньшинствъ — большевики сдѣлали неудачную попытку отвести делегатовъ Румыніи и Японіи на томъ основаніи, что эти государства оккупируютъ русскую территорію.

Въ началѣ работъ подкомиссіи большевикамъ былъ предложенъ меморандумъ, выработанный въ Лондонѣ совѣщаніемъ экспертовъ. Во введеніи высказывалось нѣсколько здравыхъ мыслей: „при господствующемъ въ Россіи положеніи туда склонны итти только азартные спекулянты“... „Основа — сельское хозяйство; для его возстановленія необходима увѣренность въ своемъ владѣніи и право свободнаго распоряженія урожаемъ“ и т. д. Выводы были довольно скромные: требовали признанія долговъ, созданія комиссіи по взысканію долга, освобожденія иностранцевъ отъ принудительныхъ работъ, производства полицейскихъ и судебныхъ дѣйствій (обысковъ и арестовъ) только въ присутствіи соотвѣтственныхъ консуловъ, допущенія реквизицій — только при условіи должной оплаты; всѣ эти условія, излишнія при нормальномъ строѣ, совершенно были бы недостаточны при большевистскомъ режимѣ, т. е. при фактически полномъ отсутствіи какихъ либо гарантій.

Большевики пытались сначала поднять шумъ, протестовать, утверждали, что эти условія обратили бы Россію въ иностранную

колонію; заявляли, что готовы порвать; но, въ концѣ концовъ, не ушли.

Они свое положеніе использовали во всю: открыли особую пріемную для журналистовъ, гдѣ съ превеликой охотой давали объясненія по любому вопросу и первое время привлекали массу народа. Такая даровая возможность пропаганды „въ міровомъ масштабѣ" давалась имъ впервые! Иногда на „пріемахъ" выходили и недоразумѣнія: такъ, Раковскій на ехидные вопросы французскаго соціалиста антибольшевика, принялся выхваливать коммерческія выгоды и вычислять феерическіе барыши отъ торговли съ „совѣтами", принявъ спрашивающаго за „капиталиста"; французъ злорадно выслушивалъ похвальбу, пока Раковскаго не предупредили, и онъ спѣшно не оборвалъ интервью! Въ комиссіяхъ большевики продолжали поражать своими заявленіями: тотъ же Раковскій утверждалъ, что финансы Совѣтской Россіи почти блестящи; нормальные доходы покрываютъ $^6/_7$ бюджета; и отстаивалъ пресловутый проектъ Чичерина о перераспредѣленіи золотыхъ запасовъ, указывая, что особенно много золота скопилось въ Соед. Штатахъ; въ транспортной комиссіи для того, чтобы иностранные поѣзда могли ходить по болѣе широкой русской колеѣ, большевики предложили на русскихъ путяхъ положить третью рельсу! Они также, въ отвѣтъ на требованіе признать долги, предъявили „контръ-счетъ" юмористическаго характера; исчисляя въ 50 милліардовъ золотыхъ рублей убытки, причиненные внутренними возстаніями противъ Совѣтской власти, они требовали ихъ возмѣщенія съ Антанты! На самомъ дѣлѣ, русскія „бѣлыя" движенія сберегли на 1—2 года обширныя области отъ совѣтскаго разоренія; „союзники" же, къ сожалѣнію, поддерживали эти движенія слишкомъ вяло. Но изъ этого, конечно, еще не вытекаетъ ничьихъ финансовыхъ обязательствъ! На суммѣ своего „контръ-счета" большевики не настаивали, признавая, что „15 милліардовъ можетъ быть и не достаточно обоснованы"; и видя, что объ этихъ безсмысленныхъ (по выраженію Ллойдъ Джорджа) претензіяхъ никто серьезно не разговариваетъ, они ихъ сняли.

Но надо было отвѣчать по существу меморандума. Его принятіе роняло бы престижъ большевиковъ; его отклоненіе могло бы знаменовать ихъ уходъ.

„Генуэзцы" были довольны началомъ конференціи; „европейское мнѣніе" какъ будто создавалось. Надо только продолжать безъ скандаловъ, полагали они. Ллойдъ Джорджу поэтому было желательно договориться и съ большевиками. Дѣлать это безъ союзниковъ было неудобно, и на виллѣ Ллойдъ Джорджа начались во второй половинѣ Страстной недѣли „частныя совѣщанія" державъ приглашающихъ — съ большевиками. Тѣ держались своей обычной тактики: протестовали, путали, затягивали. И въ этой обстановкѣ большевикамъ удалось добиться весьма важнаго по своимъ послѣдствіямъ акта.

Германо-большевистское соглашеніе. Германская делегація, сперва было удовлетворенная непривычнымъ за послѣдніе годы „равноправіемъ“ и сочувственнымъ настроеніемъ, стала нервничать, когда начались совѣщанія на виллѣ Ллойдъ Джорджа. И тотъ шантажъ, который не удался въ февралѣ Радеку, пугавшему нѣмцевъ „русско-французскимъ“ союзомъ, на этотъ разъ возымѣлъ успѣхъ. Большевики стали нѣмцевъ бомбардировать извѣстіями о томъ, что вотъ-вотъ будетъ ими заключено соглашеніе съ Антантой, что они уступятъ союзникамъ право взысканія съ Германіи по ст. 116 Версальскаго мира, и т. д. — а затѣмъ предложили Германіи „гарантировать себя отъ неожиданностей“, подписавъ тутъ же давно уже намѣчавшееся соглашеніе. Ратенау и Виртъ сдались, и 16 апрѣля въ первый день Пасхи, день отдыха для конференціи, германо-большевистскій договоръ былъ подписанъ въ Рапалло.

Содержаніе договора сводится: къ признанію Совѣтской власти Германіей de jure; ко взаимному отказу отъ взысканія военныхъ убытковъ; къ отказу Германіи отъ претензій по поводу націонализацій — въ случаѣ, если не будутъ удовлетворены и претензіи другихъ странъ; — и къ установленію принципа наибольшаго благопріятствованія въ сношеніяхъ. Подписи: Чичеринъ. Ратенау.

Но значеніе договора совершенно не въ его формальномъ содержаніи.

Когда на слѣдующій же день договоръ былъ большевиками опубликованъ, то произвелъ, по общему выраженію, впечатлѣніе разорвавшейся бомбы.

Для Франціи явился онъ подтвержденіемъ худшихъ ея опасеній. „Соглашеніе Берлинъ — Москва означаетъ войну!“ былъ единодушный крикъ французской печати.

„Генуэзцы“ съ Ллойдъ Джорджемъ во главѣ были взбѣшены. Сепаратное соглашеніе, предвосхищавшее главный пунктъ оффиціальной программы, разрушало всѣ паутинныя ткани международной солидарности, которыя они съ такимъ стараніемъ плели.

Впечатлѣніе въ Германіи было огромное, и въ большинствѣ ярко сочувственное. Но замѣчательно, что въ наибольшей мѣрѣ актъ германской делегаціи привѣтствовали круги, стоящіе въ рѣзкой оппозиціи къ Вирту и Ратенау. Договоръ привѣтствовали, какъ смѣлый поступокъ („endlich eine deutsche Tat!“), какъ вызовъ, брошенный Франціи и Польшѣ. Активистское психологическое значеніе договора оттѣнялось еще тѣмъ, что всѣ опредѣленные сторонники примирительной политики осудили его: Гарденъ назвалъ его прямо „колоссальной глупостью“, независимый соціалистъ Брейтшейдъ заявилъ, что договоръ — пагубная ошибка, въ томъ же духѣ высказывался крайній радикалъ Германъ въ своей „Welt am Montag“.

Среди русскихъ договоръ не могъ не вызвать крупнаго поворота отъ Германіи даже въ тѣхъ кругахъ, которые наиболѣе ей

сочувствовали. Можно теоретически разсуждать, что Германія дѣйствовала не изъ любви къ большевикамъ, а „съ отчаянія“, но фактъ демонстративнаго сближенія съ оккупантами, съ поработителями нашей родины оставилъ глубокій слѣдъ въ русской психологіи. Въ особенности отталкивало то упорное, систематическое отождествленіе большевиковъ съ Россіей, которое стало проявляться въ Германіи на каждомъ шагу.

Въ Совѣтской Россіи, при слабой международно-политической освѣдомленности населенія, могутъ, конечно, сперва появиться надежды на то, что „нѣмецъ“ („Вильгельмъ“, какъ выражаются въ народѣ) скушаетъ теперь большевиковъ. Но ясно, что изъ договаривающихся сторонъ сейчасъ сильнѣе недосягаемые и дѣеспособные большевики; что Германія ждетъ отъ нихъ помощи, а не обратно. И разочарованіе въ „нѣмцѣ“ наступить не замедлитъ.

Каковы ни были намѣренія германской делегаціи; есть ли еще какое либо тайное соглашеніе или его нѣтъ; но договоромъ въ Рапалло вызваны духи, которыхъ Вирту и Ратенау врядъ ли уже заклясть. Дальнѣйшія уступки дальнѣйшимъ требованіямъ побѣдителей сдѣлались, вѣроятно, немыслимыми при той надеждѣ на возможность военной поддержки, которую пробудилъ договоръ съ Совѣтской Россіей въ широчайшихъ слояхъ германскаго народа.

Большевики, конечно, довольны. Они вбили клинъ въ „буржуазную Европу“; они получили признаніе de jure отъ хотя и разоруженной, но все же великой державы. На случай активнаго выступленія у нихъ есть теперь шансъ имѣть солиднаго попутчика. Совѣтская печать не замедлила повысить тонъ. „Посмотрите“, писала „Правда“ „какъ оскалила зубы самая злая собака — французская буржуазія, какъ залаялъ предсѣдатель ея делегаціи Барту... Отъ велерѣчивыхъ изліяній пора перейти къ дѣлу!“ „Красная Газета“ не отставала: „Контръ-ударъ попалъ прямо въ сердце, и стая шакаловъ всполошилась... Въ шумѣ и гамѣ, которые поднимаютъ дипломаты буржуазіи, явственно слышится вой шакаловъ, которые думали поживиться на полѣ боя, но встрѣтили мужественный отпоръ“. Въ другой статьѣ представители Антанты называются „сумасшедшими, вырвавшимися изъ банкирскихъ домовъ и генеральныхъ штабовъ“ (!).

Шатанія. Въ первую минуту послѣ опубликованія договора, который самъ Ллойдъ-Джорджъ назвалъ „пощечиной всей конференціи,“ раздраженіе было настолько велико, что могла быть принята любая форма протеста. Но тотчасъ-же итальянская делегація, съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Сканцеромъ, принялась „спасать конференцію,“ и къ ней вскорѣ примкнулъ и Ллойдъ-Джорджъ.

Было созвано засѣданіе Антантъ большой и малой, и отъ имени этихъ девяти державъ (къ которымъ была присоединена еще Португалія), письмомъ на имя предсѣдателя конференціи заяв-

лено было требованіе объ удаленіи Германіи изъ подкомиссіи по русскимъ дѣламъ, такъ какъ она уже всѣ вопросы за себя рѣшила безъ другихъ. Такое выступленіе группы державъ за всю конференцію вызвало нѣкоторое раздраженіе нейтральныхъ, что еще осложнило обстановку.

Французская печать требовала либо отмѣны договора, либо ухода Франціи изъ Генуи. Былъ поднятъ вопросъ, не стоитъ ли договоръ въ Рапалло въ противорѣчіи съ Версальскимъ миромъ, не расходится ли онъ съ Каннскими условіями. Одно время казалось, что возстановлено единство Антанты.

Къ большевикамъ, какъ политически невмѣняемымъ и международно непризнаннымъ, не обращался никто; всѣ громы обрушились на Германію. Ее упрекали въ томъ, что она сама уничтожила создавшееся благопріятное для нея настроеніе („къ сожалѣнію, настроенія не питательны“ отвѣчалъ „Berliner Tageblatt“). 20 апрѣля Ллойдъ-Джорджъ выступилъ съ эффектнымъ интервью передъ собраніемъ въ 600 журналистовъ, рѣзко критиковалъ поведеніе Германіи, но заявилъ что съ ея исключеніемъ изъ „русской“ подкомиссіи инцидентъ будетъ исчерпанъ, и высказалъ убѣжденіе въ томъ, что конференція успѣшно завершитъ свои работы, и всѣ государства примутъ на себя торжественное обязательство десять лѣтъ жить другъ съ другомъ въ мирѣ.

21 апрѣля германская делегація подала самооправдательную ноту. 22-го Барту послалъ предсѣдателю конференціи заявленіе, называвшее лживыми рядъ утвержденій ноты, и потребовалъ болѣе категорическаго постановленія объ исключеніи. Снова были созваны обѣ Антанты, и послѣ принятія второй, болѣе рѣзкой ноты, подчеркивающей карательный характеръ исключенія Германіи — инцидентъ былъ признанъ исчерпаннымъ, на чемъ особенно настаивали Ллойдъ-Джорджъ и Сканцеръ.

За это время большевики послали (21), за подписью Чичерина, ноту, въ которой соглашались принять часть предложеній лондонскаго меморандума, но требовали, чтобы военные долги были понижены (по англійски: written down), чтобы Совѣтской Россіи былъ предоставленъ заемъ и чтобы она была признана de jure. Сднако, 22-го, въ засѣданіи подкомиссіи, отъ большевистской делегаціи былъ розданъ меморандумъ, въ рѣзкой формѣ полемизировавшій съ предложеніями экспертовъ, и совершенно не согласованный съ нотой Чичерина. Франція и Японія при такихъ условіяхъ отказались продолжать переговоры, и ихъ делегаты покинули засѣданіе. Тогда большевики объявили, что свой меморандумъ роздали „къ свѣдѣнію“ и готовы взять его обратно. А 24-го они сообщили, что ихъ невѣрно поняли, что военные долги должны быть не понижены, а списаны (written off); и потребовали вообще для уплаты мораторія въ 30 лѣтъ.

Такъ среди сумбура закончилась вторая недѣля. 22-го итальянскій король, тоже стремившійся спасать конференцію, прибылъ въ Геную на броненосцѣ „Данте Алигіери“ и принималъ у себя

делегатовъ всѣхъ странъ. Явились и большевики; и тоже обмѣнивались тостами и рѣчами съ королемъ... Впечатлѣніе было довольно тягостное.

Рѣчь Пуанкарэ. Изъ лабиринта условностей, изъ борьбы за настроенія и впечатлѣнія, рано или поздно надо было выйти. Французскій премьеръ, посѣщавшій городъ Баръ-ле-Дюкъ въ Лотарингіи, произнесъ тамъ 23 апрѣля большую рѣчь, опредѣлявшую его взглядъ на создавшееся положеніе.

Онъ заявилъ, что его, лотарингца, не напрасно называютъ французомъ изъ приграничныхъ (français de la frontière). Да, сказалъ онъ, мы, французы изъ приграничныхъ, цѣнимъ миръ много болѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ всякая война проходитъ разрушеніемъ по нашимъ роднымъ мѣстамъ; но мы также знаемъ, что только огромнымъ напряженіемъ воли, никогда не слабѣющимъ, можно бываетъ этой войны избѣжать. Франція находится подъ большей угрозой, чѣмъ другіе союзники; и хотя она стремится дѣйствовать съ ними за одно, она не можетъ остановиться, въ случаѣ надобности, передъ сепаратнымъ дѣйствіемъ. Сколькихъ пробудилъ отъ вчерашняго благодушнаго спокойствія германо-большевистскій договоръ! Угроза Франціи и особенно Польшѣ каждую минуту можетъ стать реальной, и болѣе, чѣмъ когда либо, надо стоять на точномъ выполненіи Версальскаго мира. 31 мая настанетъ важный срокъ. Если комиссія по возмѣщеніямъ признаетъ, что Германія обязательствъ своихъ не намѣрена выполнить, то союзники вправѣ и должны будутъ дѣйствовать. По договору санкціи могутъ быть приведены въ исполненіе каждымъ союзнымъ государствомъ въ отдѣльности. Мы желаемъ дѣйствовать солидарно съ союзниками, но не можемъ отказаться отъ защиты своихъ правъ. Затѣмъ — по адресу Генуи: ни консорціумы банкировъ, ни мудрые совѣты по вопросамъ валюты и транспорта не разрѣшатъ политическихъ противорѣчій... Торговля, какъ и краснорѣчіе, объединяетъ людей — во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ не разъединяетъ! — но нельзя безнаказанно игнорировать въ политикѣ моральныя силы, добрыя и злыя. Одна изъ этихъ силъ — и изъ наиболѣе дѣйственныхъ – господствующая въ широкихъ слояхъ Германіи — жажда реванша; другая — и изъ наиболѣе опасныхъ — это стремленіе большевиковъ навязать міру свое новое-евангеліе. Отъ нихъ не защититься экономическими соглашеніями, имъ должна быть противопоставлена нравственная стойкость, и Франція останется въ Генуѣ только въ томъ случаѣ, если ей не придется дѣлать уступокъ Германіи и Совѣтской Россіи. Въ 1914 г. угроза была болѣе непосредственно-грозной, — менѣе коварно-затемненной; и Франція, сильная своимъ правомъ, должна оставаться на сторожѣ.

Реплика Ллойдъ-Джорджа. Рѣчь Пуанкарэ, почти игнорировавшая всеспасающую Геную, вызвала со стороны „генуэзцевъ" отвѣтные шаги. Англійское бюро печати при конференціи издало оффиціозное оповѣщеніе, въ которомъ высказывалась тревога по поводу возможныхъ сепаратныхъ

дѣйствій Франціи, и выдвигалось пожеланіе о немедленномъ созывѣ въ Генуѣ совѣщанія державъ, подписавшихъ Версальскій миръ, для обсужденія вопроса о санкціяхъ. Съ французской стороны Пуанкарэ далъ комментарій къ своей рѣчи: никакихъ сепаратныхъ выступленій Франція не замышляетъ; до 31 мая вообще неизвѣстно, будетъ ли надобность въ санкціяхъ; рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ состоящей изъ всѣхъ союзниковъ комиссіи по возмѣщеніямъ; и новой инстанціи нечего создавать въ лицѣ совѣщанія державъ, подписавшихъ договоръ, — особенно въ Генуѣ, гдѣ было бы неизбѣжно то или иное смѣшеніе съ конференціей, созванной въ иномъ составѣ и — по условію — для иныхъ цѣлей.

26 апрѣля Ллойдъ-Джорджъ на банкетѣ англійскихъ и американскихъ журналистовъ произнесъ знаменательную рѣчь. Онъ открыто указалъ на главную цѣль созыва конференціи. Въ Европѣ нѣтъ настоящаго міра, говоритъ онъ, Германія и Россія составляютъ двѣ трети ея населенія. Игнорировать ихъ нельзя. Германо-совѣтскій договоръ для многихъ явился откровеніемъ, но сближеніе этихъ двухъ силъ было легко предвидѣть, и не надо доводить ихъ до отчаянія. Какія возможности нашествій нашла бы въ себѣ вооруженная Германіей голодающая Россія! Сейчасъ мы — побѣдители, но положеніе можетъ измѣниться. Если мы сдѣлаемъ нашу побѣду источникомъ угнетенія, то возмездіе насъ не минуетъ, и еще на глазахъ людей съ сѣдыми головами, подобныхъ мнѣ, Европа обратится снова въ кровавый хаосъ. Меня страшатъ, воскликнулъ Ллойдъ-Джорджъ, тѣ грозовыя тучи, которыя быстро поднимаются на политическомъ горизонтѣ. И рѣчь свою онъ заключилъ обращеніемъ къ Америкѣ: пусть она, стоящая внѣ застарѣлыхъ распрей, скажетъ, наконецъ, свое вѣское слово въ пользу общаго мира.

Проблема „побѣдителей и побѣжденныхъ", недосказанная главная цѣль конференціи, выдвигалась такимъ образомъ на первый планъ. Съ французской стороны указывалось, что выступленіе Ллойдъ-Джорджа является обходомъ принятыхъ обязательствъ. Были такіе же голоса и въ Англіи; такъ, членъ парламента, маршалъ Вильсонъ выступилъ съ рѣчью, примыкающей къ позиціи Франціи и рѣзко критиковалъ Ллойдъ-Джорджа. Зато вся оппозиція слѣва, независимые либералы и рабочая партія, горячо одобрили рѣчь премьера. Это явилось шагомъ, могущимъ подготовить распадъ нынѣшней англійской коалиціи и возсозданіе старой либеральной партіи, союзной съ рабочей, возвращеніе Ллойдъ Джорджа въ составъ лѣваго блока. (Но трудно ожидать, чтобы онъ могъ стать его лидеромъ: слишкомъ велики тамъ предубѣжденія противъ него, накопившіяся за послѣдніе 6-7 лѣтъ).

Попытки закончить.

Когда позиціи опредѣлились, надо было дѣлать выводы. Чувствовалось, что въ Генуѣ вопросъ не разрѣшится. Европейскаго общественнаго мнѣнія, какъ дѣйственнаго фактора, не создалось; надо было кончать конференцію и сговариваться потомъ по существу. Но не такъ просто

кончить; психологически полная неудача конференціи была бы слишкомъ рѣзкимъ ударомъ по „генуэзцамъ“ — главнымъ образомъ Англіи и Италіи; и добиться хотя бы формальнаго успѣха было трудно. Выдвинута была идея „Божьяго перемирія“, торжественнаго обязательства всѣхъ странъ не посягать другъ на друга втеченіе десяти лѣтъ. Но и тутъ были препятствія: не только санкціи въ отношеніи къ Германіи, но и вопросъ о Габсбургахъ въ Австріи и Венгріи заинтересованныя державы хотѣли особо оговорить; а это, съ другой стороны, вызывало протестъ.

Оставалась еще оффиціальная программа. Снова вернулись къ вопросу о большевикахъ. За послѣдніе дней десять они какъ то были отодвинуты на задній планъ, и, не трогая „большихъ“, отводили душу въ рѣзкихъ нотахъ по адресу Польши: съ какой стати она, заключившая Рижскій миръ, дала свою подпись подъ осужденіемъ договора въ Раппало? Какъ это, послѣ совѣщанія въ Ригѣ въ концѣ марта, гдѣ Польша обязалась поддерживать признаніе de jure Совѣтской Россіи, она теперь занимаетъ какъ будто иную позицію? Германіи эти окрики приходились очень по душѣ; польскій министръ иностранныхъ дѣлъ Скирмунтъ неизмѣнно отвѣчалъ съ холодной вѣжливостью, что совѣтскія претензіи лишены всякаго формальнаго основанія, что въ Ригѣ въ концѣ марта были только высказаны пожеланія совѣщаніемъ экспертовъ и т. д.

27 апрѣля германская делегація съ Виртомъ и Ратенау во главѣ была на банкетѣ у Чичерина и обмѣнивалась съ большевиками изысканнѣйшими безсодержательными любезностями, избѣгая въ тостахъ всякой „политики“.

Пока за кулисами велись разговоры о созывѣ державъ, подписавшихъ Версальскій миръ, о санкціяхъ и т. д., „генуэзцы“ стали спѣшно подготовлять проектъ соглашенія съ большевиками, чтобы хотя бы этотъ сомнительный результатъ записать въ активъ конференціи. Въ то же время, продолжали работу финансово-экономическія комиссіи.

Генуэзскій меморандумъ.

Глава французской делегаціи, Барту, долженъ былъ поѣхать въ Парижъ для совѣщанія съ Пуанкарэ и другими министрами по вопросамъ тактики въ заключительной стадіи конференціи. Вокругъ его отъѣзда создалось довольно нервное настроеніе; въ немъ видѣли начало распада Генуи. Ѣдетъ? Не ѣдетъ? — гадали отъ часа къ часу, когда отъѣздъ Барту замедлялся изъ за выработки меморандума для передачи большивикамъ. Наконецъ, Барту уѣхалъ утромъ 30-го.

При формулировкѣ предложеній, надо было согласовать двѣ редакціи — французскую и англійскую. Англичане и итальянцы стремились пролавировать между Сциллой и Харибдой: не сдѣлать явной нелѣпости и избѣжать въ то же время отказа большевиковъ; Франція „Харибды“ — большевистскаго отказа — не боялась и въ бо́льшей мѣрѣ отстаивала здравый смыслъ, хотя тоже шла довольно далеко навстрѣчу большевикамъ. Въ засѣданіи „русской“ подкомиссіи, состоявшемся послѣ долгаго перерыва 28 апрѣля,

присутствовали, кромѣ пяти державъ приглашающихъ, Польша, Чехословакія, Голландія и Швейцарія; не были приглашены: исключенная Германія и сами большевики, какъ „сторона". Въ этомъ составѣ и вырабатывался генуэзскій меморандумъ.

Подкомиссія работала четыре дня, съ 28 апрѣля по 2 мая. Результатъ ея работъ явился своеобразной попыткой примирить „методическое безуміе" большевиковъ съ нормальнымъ хозяйственнымъ порядкомъ. Во вступленіи говорится объ экономическомъ значеніи Россіи для Европы; затѣмъ, попадается примѣчательная фраза: „Возстановленіе Россіи необходимо въ собственныхъ интересахъ Россіи". Эта поразительная аксіома становится понятной, если принять во вниманіе, что нота обращается не къ Россіи, а къ „Россіи"; смыслъ ея: и вамъ, большевикамъ, будетъ лучше, если перестанетъ вымирать подвластная вамъ страна! Дальше большевиковъ старательно убѣждаютъ, что для возстановленія нуженъ иностранный капиталъ, который не пойдетъ, если ему не дадутъ гарантій. Затѣмъ указывается, какіе кредиты правительства могли бы открыть своимъ торговцамъ и промышленникамъ, желающимъ работать въ Совѣтской Россіи: Англія 25 милл. ф. ст.; Франція — около 1200 локомотивовъ и 25.000 вагоновъ на льготныхъ условіяхъ; Японія 8 милл. іенъ (кредитъ русско-японскому торговому обществу); Бельгія 250 милл. фр. Кромѣ того, предположено учредить международный трестъ, въ которомъ каждое государство участвуетъ въ суммѣ 20 милл. ф. ст. Намекъ на возможность кредита совѣтскому правительству былъ только въ формулировкѣ предложеній Италіи. Затѣмъ слѣдуютъ условія, идущія большевикамъ болѣе навстрѣчу, чѣмъ лондонскій проектъ: 1) воздержаніе отъ пропаганды, и недопущеніе ея организаціи на своей территоріи; содѣйствіе заключенію мира между кемалистами и Греціей; 2-5) признаніе долговъ; то или иное рѣшеніе вопроса о военныхъ долгахъ — только въ связи съ междусоюзнымъ соглашеніемъ по этому вопросу; отказъ отъ всякихъ контръ-требованій; признаніе долговъ частнымъ лицамъ — иностранцамъ, и долговъ мѣстныхъ самоуправленій; 6) обязательство, въ теченіе года, заключить соглашеніе съ кредиторами по вопросу о возобновленіи уплаты процентовъ; въ случаѣ надобности, третейскій судъ съ суперъарбитромъ, назначеннымъ президентомъ Соед. Штатовъ; 7) возвращеніе націонализованныхъ иностранныхъ имуществъ или возмѣщеніе понесенныхъ убытковъ главнымъ образомъ путемъ новыхъ концессій; о формахъ и размѣрахъ, въ случаѣ несогласія — третейскій судъ; 8-10) облегченіе требованія долговъ отъ русскихъ подданныхъ; когда эти лица совѣтскимъ правительствомъ поставлены въ невозможность платить, долгъ переходитъ на правительство; для разрѣшенія конфликтовъ особая смѣшанная комиссія для каждой страны: большевикъ; подданный этой страны; и предсѣдатель, назначенный общимъ третейскимъ судомъ; 11) гарантіи личной и имущественной безопасности иностранцевъ, согласно лондонскимъ предложеніямъ; 12) соглашеніе по вопросамъ ликвидаціи до-воен-

ныхъ договоровъ между русскими и иностранными подданными; 13) возвращеніе Румыніи депонированныхъ ею въ Москвѣ золота и прочихъ цѣнностей.

Вокругъ параграфа 7.-го завязалась неожиданно борьба; Бельгія требовала, чтобы въ него внесли оговорку: если національзованное имущество владѣльцу не возвращается, то оно не можетъ быть передано и третьему лицу. Поправка принята не была; Барту уѣхалъ въ Парижъ, его временно замѣнилъ Баррерь. Въ заключительномъ засѣданіи 2 мая Бельгія отказалась подписать меморандумъ; Баррерь пытался добиться принятія бельгійской поправки, согласно телеграфной инструкціи изъ Парижа. Но Ллойдъ-Джорджъ рѣшительно настоялъ на немедленномъ принятіи всего меморандума безъ дальнѣйшихъ поправокъ, его поддержали Италія и нейтральные, и Баррерь заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ можетъ подписать только условно, съ оговоркой о томъ, что окончательное рѣшеніе будетъ принято по полученіи инструкцій. Въ такомъ видѣ 3 мая меморандумъ былъ переданъ большевикамъ, за подписями Англіи, Италіи, Японіи, Польши, Чехословакіи, Голландіи и Швейцаріи, и — условно — Франціи.

Оказалось, что бельгійская поправка имѣла вполнѣ опредѣленный смыслъ. У бельгійцевъ возникло опасеніе, что принадлежащія имъ угольныя копи и нефтяные промыслы, нынѣ національзованные, будутъ переданы другимъ, — голландскимъ и англійскимъ концессіонерамъ, а бельгійскимъ владѣльцамъ будетъ дана „компенсація" вродѣ лѣсныхъ концессій на Алтаѣ. По этому поводу англійскіе промышленники опубликовали заявленіе, въ которомъ признавали наличіе переговоровъ о нефтяныхъ концессіяхъ, но утверждали, что переговоры прерваны впредь до окончанія Генуэзской конференціи.

Въ Парижѣ совѣтъ министровъ, съ участіемъ Барту, постановилъ присоединиться къ бельгійской точкѣ зрѣнія, и меморандумъ подписать только въ томъ случаѣ, если его подпишетъ и Бельгія.

Многообразныя вліянія, клонящія, вопреки разсудку, къ соглашенію съ большевиками дополнились за послѣднія недѣли своеобразнымъ факторомъ: католическая церковь, въ лицѣ папы Пія XI и генуэзскаго архіепископа, опредѣленно высказалась за „помощь страждущимъ народамъ Восточной Европы", понимая подъ этимъ содѣйствіе Совѣтской власти. Повидимому, у католическаго духовенства появилась мечта — воспользоваться господствомъ въ Россіи антирелигіозной власти для насажденія въ ней католичества! Врядъ ли это можетъ содѣйствовать увеличенію русскихъ симпатій къ католицизму. Безпринципный союзъ съ врагами всякой религіи врядъ ли приличествуетъ одной изъ великихъ христіанскихъ церквей!

Большевики не торопятся давать отвѣта на меморандумъ, да и срока имъ не поставлено. Даетъ онъ имъ мало; правда, и требуетъ не очень многаго. О наиболѣе интересномъ для большевиковъ — о займѣ въ немъ не говорится ничего. Есть въ немъ и конкретное

требованіе: возвращенія Румыніи золотого запаса. У большевиковъ готовый отвѣтъ на него: а Бессарабія? Надо сказать, — большевики не имѣютъ правъ ни на золото, ни на Бессарабію. Золото принадлежитъ Румыніи, Бессарабія — Россіи. Захватъ Бессарабіи большевиками могъ бы — какъ и всѣ большевистскія завоеванія — пойти на пользу Россіи только въ томъ случаѣ, если бы большевистская власть была затѣмъ немедленно свергнута. Иначе, годъ большевистскаго хозяйничанія могъ бы превратить Бессарабію изъ ирриденты русской — въ ирриденту румынскую...

Второе общее собраніе. 3-го мая состоялось второе общее собраніе конференціи. Оно совершенно не касалось „боевыхъ темъ". Представили свои доклады комиссіи финансовая и транспортная. Предложенія первой въ общихъ чертахъ воспроизводили постановленія Брюссельской финансовой конференціи 1920 г., оставшіяся на бумагѣ; вторая примыкала къ рѣшеніямъ конференціи въ Порто-Роза въ 1921 г. Наиболѣе опредѣленнымъ было предложеніе принять мѣры къ возстановленію золотого обращенія, которое одно могло бы прекратить колебанія курсовъ; для этого рекомендовалось сокращеніе государственныхъ расходовъ, соблюденіе бюджетнаго равновѣсія и девальвація въ странахъ съ обезцѣненной валютой. Окончательныя рѣшенія по этому вопросу предлагалось передать конференціи директоровъ эмиссіонныхъ банковъ.

Всѣ эти пожеланія были приняты безъ возраженій. Въ довольно блѣдныхъ преніяхъ голландскій делегатъ Карнебеекъ указывалъ на невозможность упорядочить валютныя отношенія, когда на нѣкоторыхъ странахъ лежатъ непосильныя долговыя обязательства — прозрачный намекъ на германскую контрибуцію.

Въ другихъ комиссіяхъ еще не закончено обсужденіе вопросовъ таможенныхъ, транспортныхъ. Въ финансовую комиссію Раковскій внесъ заявленіе, гдѣ указываетъ, что Совѣтской Россіи на возстановленіе сельскаго хозяйства нуженъ кредитъ въ 2797 (обязательно „97"!) милліоновъ золотыхъ рублей, что она намѣревается построить 4534 версты новыхъ ж.-д. путей и т. д.

Что же дальше? Сейчасъ конференція стоитъ на мертвой точкѣ: не можетъ ничѣмъ закончиться, не можетъ прерваться! По основному вопросу — о санкціяхъ — Чемберлэнъ въ Палатѣ Общинъ заявилъ, что Англія не стала бы участвовать въ оккупаціи Рурской области. Это показываетъ, что англійское правительство пока цѣликомъ поддерживаетъ Ллойдъ-Джорджа. „Генуэзцы" бы не прочь затянуть конференцію до 31 мая, — срока, поставленнаго Германіи комиссіей по возмѣщеніямъ — если бы это можно было сдѣлать безъ явнаго „злого умысла". Но Генуя, въ сущности, уже не является сейчасъ силой; теперь рѣшенія дадутъ скорѣе переговоры въ другихъ мѣстахъ — Парижѣ, Лондонѣ и т. д. Европейскаго мощнаго мнѣнія не сложилось.

Въ общемъ, опытъ Генуэзской конференціи показываетъ, что попытки изобрѣсти новую „открытую" дипломатію являются уто-

пичными, что тайна лежитъ въ самой природѣ незаконченныхъ международныхъ сношеній. Мнѣніе о томъ, что нѣкоторыя „эгоистическія“ цѣли не выдержатъ свѣта гласности, оказалось невѣрнымъ: въ концѣ концовъ, всякій серьезный національный интересъ можно достаточно обосновать теоретически. И наоборотъ: гласное обсужденіе заставляетъ заострять, утрировать положенія, доказывать ихъ абсолютную жизненную необходимость — и тѣмъ существенно затрудняетъ всякіе компромиссы. Къ „тайной дипломатіи“ пришлось перейти и въ Генуѣ, когда дошли до сколько нибудь конкретныхъ вопросовъ. Но нужны ли въ такомъ случаѣ торжественныя инсценировки, вызывающія преувеличенные ожиданія и страхи?

Что дальше? Попытка договориться съ большевиками будетъ вѣроятно еще продолжена. Ллойдъ-Джорджъ, въ сущности, не прочь имъ дать „отступного“ въ видѣ кредита изъ англійской казны, чтобы они пока „сидѣли смирно“, не воевали. Но врядъ ли на это пойдетъ весь англійскій кабинетъ, съ Черчиллемъ. А на экономическое возстановленіе Россіи при большевикахъ врядъ ли надѣется и Ллойдъ-Джорджъ. Со стороны нѣкоторыхъ круговъ — Италія, католицизмъ, отчасти нѣмцы — замѣчается одновременное преувеличеніе силы большевиковъ и преуменьшеніе ихъ идейной „твердокаменности“. Думаютъ, что они то или иное могутъ реально дать (концессіи, возможность развитія миссіонерства) и что они за нѣкоторыя матеріальныя выгоды откажутся отъ всѣхъ своихъ цѣлей; что ихъ слова — только слова, на которыя вниманія можно не обращать. Всѣ эти круги разочарованіе ждетъ во всякомъ случаѣ: если большевики скоро падутъ, связь съ ними не пойдетъ на пользу ни комми-вояжерамъ, ни іезуитамъ; если они удержатся, то въ удобную минуту сумѣютъ все „прибрать къ рукамъ“.

Политическій барометръ показываетъ, во всякомъ случаѣ, „перемѣнно“. Будетъ ли война? — въ Варшавѣ этотъ вопросъ на всѣхъ устахъ. На это же — надежды нѣмецкаго обывателя. Рѣшатся ли большевики? И перенесутъ ли ударъ, Германіи ради, съ болѣе удобной для нихъ Румыніи — на Польшу? Поводовъ найти можно сколько угодно. Изъ Москвы — минуя Чичерина — на этихъ дняхъ послана Польшѣ нота, требующая съ нея возмѣщенія убытковъ отъ дѣятельности Балаховича, Петлюры и Савинкова. Стоитъ заострить это требованіе до ультиматума — и война неизбѣжна.

Въ сложныхъ сплетеніяхъ международной политики сейчасъ къ русской точкѣ зрѣнія наиболѣе приблизились Франція и Соед. Штаты. Отвѣтъ Барту Чичерину, жаловавшемуся на плохое отношеніе Франціи къ „Россіи“, заслуживаетъ того, чтобы его запомнили: „Франція къ русскому народу всегда относилась съ величайшимъ сочувствіемъ, но она боролась и продолжаетъ бороться съ правительствомъ, подписавшимъ брестъ-литовскій миръ“.

6/V 24/IV 1922.

III. Дѣла иностранныя.

Германская контрибуція. Внѣ рамокъ Генуэзской конференціи жизнь шла по прежнимъ русламъ. Въ положеніи вопроса о германской контрибуціи не произошло пока перемѣнъ. Первый изъ сроковъ, указанныхъ въ мартовской нотѣ комиссіи по возмѣщеніямъ — 30 апрѣля, — былъ Германіей соблюденъ: еще за двадцать дней до его истеченія новые налоги, возвѣщенные въ концѣ января, приняты рейхстагомъ въ окончательной формѣ. Взносъ золотомъ за апрѣль (18 мил. марокъ) сдѣланъ, какъ полагалось, 15-го. Передышка во взносахъ (послѣ уплатъ каждые десять дней по 31 мил., производившихся во второй половинѣ марта), — отразилась повышеніемъ курса марки — долларъ съ 350 спустился до 300, временно даже до 250 м. Ближайшій взносъ — 50 мил. марокъ золотомъ къ 15 мая — будетъ, повидимому, также произведенъ въ срокъ. Но грознымъ memento продолжаетъ стоять дата 31 мая; почти невѣроятно, чтобы германское правительство — особенно въ новой общей обстановкѣ, захотѣло или смогло бы исполнить требованія комиссіи по возмѣщеніямъ. Отказъ отъ ихъ исполненія не былъ бы равносиленъ отказу отъ платежа по долгамъ и не влекъ бы за собой автоматически санкцій; но онъ былъ бы вѣроятно признанъ за отказъ Германіи отъ предложенныхъ ей облегченныхъ условій платежа на основаніи Каннскихъ резолюцій; могла бы итти рѣчь о возвратѣ къ условіямъ принятаго Германіей въ маѣ 1921 г. лондонскаго ультиматума. И здѣсь уже грань конфликта; если Германія откажется отъ облегченныхъ условій платежа, то можно ли ожидать, что прежнія она захочетъ или сможетъ выполнить?

Въ германской печати идутъ толки о планѣ сокращенія контрибуціи въ связи съ погашеніемъ международныхъ долговъ, но нѣтъ пока реальныхъ признаковъ такой возможности. Въ то же время, получить заграничный заемъ на покрытіе ближайшихъ взносовъ, при современномъ состояніи ея финансовъ, Германія видимо не можетъ.

Въ связи съ ростомъ цѣнъ ростутъ въ то же время требованія рабочихъ и служащихъ. Сократить расходы нынѣшнее германское правительство и германскіе муниципалитеты явно не въ силахъ: они ихъ вынуждены постоянно повышать. Рабочіе подъ вліяніемъ коммунистической агитаціи, принимаютъ все болѣе повелительный тонъ; 2-го мая огромныя толпы окружили берлинскую городскую думу, гдѣ обсуждался вопросъ о повышеніи жалованія. Попытки проникнуть въ зданіе были отражены полиціей; на улицѣ произошла схватка съ демонстрантами, въ городской думѣ коммунисты и независимые подняли бурю по поводу „насилій полиціи,“ засѣданіе пришлось прервать. Демонстранты долго не расходились, хотя и были оттѣснены отъ зданія думы. Въ видѣ протеста противъ дѣйствій полиціи городскими рабочими объявлена на сутки общая забастовка (кромѣ водопровода).

Ирландія. Въ Ирландіи положеніе становится близкимъ къ анархіи. Сѣверъ и Югъ находятся почти въ состояніи войны; не удается заключить соглашенія по поводу нормальнаго функціонированія желѣзныхъ дорогъ, широко проводится „бойкотъ“ грузовъ, идущихъ изъ Ульстера и въ Ульстеръ — товары выбрасываются летучими отрядами изъ поѣздовъ, частью уничтожаются. Господствуетъ система мести: такъ, напр., въ томъ или иномъ городѣ южной Ирландіи убиваются нѣсколько протестантовъ и затѣмъ объявляется, что это сдѣлано въ видѣ репрессаліи за убійство или казнь столькихъ то католиковъ въ Бельфастѣ.

Но нѣтъ согласія и среди южанъ. Правительство Коллинса и Гриффита, стоящее сейчасъ у власти въ Ирландскомъ Свободномъ Государствѣ, не можетъ добиться подчиненія себѣ „ирландской арміи“, состоящей изъ добровольцевъ синнъ-фейнеровъ. Эта „армія“ — I. R. A., ирландская республиканская армія — повинуется не оффиціальной власти, а своему штабу, состоящему изъ сторонниковъ полной независимости (партіи де-Валера, даже крайнему крылу этой партіи). Она не возстаетъ; она не свергаетъ, но и не признаетъ правительства; захватываетъ для своихъ нуждъ дома, самовольно чинитъ репрессіи и т. д. Повторяются картины Россіи 1917 г. съ домомъ Кшесинской, дачей Дурново, Кронштадтомъ и т. д. Главная разница въ томъ, что ирландскіе „большевики“ — непримиримые синнъ-фейнеры — являются крайними націоналистами безъ всякой примѣси соціализма.

Правительство Коллинса стремится столковаться со сторонниками де-Валера, желая обезпечить свободу выборовъ, намѣчаемыхъ на іюнь. Но любопытно, что крайніе синнъ-фейнеры отказываются дать какія-либо обѣщанія — воздержаться отъ давленія на выборы; это „активное меньшинство“ не желаетъ рисковать быть побѣжденнымъ формальнымъ голосованіемъ. Когда большинство немножко хочетъ чего нибудь, а меньшинство очень хочетъ противоположнаго, то трудно и ожидать, чтобы меньшинство пассивно подчинилось: дѣло не только въ направленіи воли, — дѣло и въ ея интенсивности.

Изъ ирландскаго тупика — или вѣрнѣе лабиринта! — исхода пока не видно. Рабочая партія устроила демонстративную однодневную забастовку съ лозунгами „прекращенія гражданской войны“ — и тѣмъ показала, что въ ирландской смутѣ есть еще одна, четвертая борющаяся сторона (кромѣ Ульстера, сторонниковъ Коллинса и крайнихъ). Пятая сила, Англія, за которой, быть можетъ, останется послѣднее слово, стоитъ пока совершенно въ сторонѣ.

Изъ разныхъ странъ. Въ самой Англіи процессъ возвращенія къ нормальнымъ экономическимъ условіямъ продолжается. Онъ идетъ толчками, черезъ временные кризисы, — но идетъ. Въ связи съ паденіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости, понижается и выросшая за войну заработная плата. Англія, какъ вся Европа, за войну обѣднѣла и не можетъ сохранить искусственно повышеннаго уровня потребленія;

это повело бы къ расточенію капитала страны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится итти черезъ забастовки или предупреждающіе ихъ локауты; наряду съ вопросами заработной платы борьба ведется вокругъ правъ всяческихъ фабричныхъ комитетовъ.

Процессъ возстановленія жизни отразился и на внесенномъ въ парламентъ новомъ бюджетѣ. Прошлый годъ далъ излишекъ въ 42 милл. фун. ст., обращенный на погашеніе долговъ. Бюджетъ этого года сокращенъ на 250 милл. противъ прошлогодняго, и, — невиданное за эти годы явленіе! — предлагается понизить на 1 шил. съ фунта подоходный налогъ и понизить пошлины на чай, кофе и какао, а также оплату корреспонденціи!

Путешествіе въ Алжиръ президента Мильерана — послужившее поводомъ къ отказу Пуанкарэ ѣхать въ Геную — является однимъ изъ проявленій тенденціи къ расширенію понятія „Франціи". Алжиръ — старѣйшую африканскую колонію — французы хотѣли бы сдѣлать уже не колоніей, а частью родины, — какъ для Россіи, скажемъ, Сибирь. Насколько африканскія племена смогутъ воспринять французскую культуру — судить еще трудно, но, во всякомъ случаѣ, французамъ уже вполнѣ удалось создать регулярныя черныя войска, превосходно несущія службу и въ Европѣ.

Процессъ Фехенбаха, вмѣстѣ съ нынѣ покойнымъ Эйснеромъ опубликовавшаго въ началѣ 1919 г. тайные германскіе дипломатическіе документы, возлагавшіе на Германію вину за начало войны, привлекаетъ усиленное вниманіе нѣмецкой печати. Рядъ экспертовъ доказываетъ, что документы препарированы, что тексты сокращены, рядъ важныхъ актовъ обратнаго характера — утаенъ; нѣкоторые свидѣтели стремятся установить связь Эйснера съ Клемансо. Повидимому, несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ крайніе лѣвые германскіе круги послужили орудіемъ враговъ своей родины. Прямого подлога, однако, какъ будто не было, — только тенденціозный подборъ.

Греко-турецкій конфликтъ не сдвинулся съ мѣста. Турки-кемалисты перемирія принимать не склонны безъ немедленной эвакуаціи Смирны. Съ другой стороны, въ греческихъ малоазіатскихъ кругахъ готовятся къ „самопомощи" въ видѣ объявленія независимаго греческаго государства Малой Азіи, въ случаѣ согласія афинскаго правительства на отдачу Смирны Туркамъ, — причемъ ожидается, что на службу новому государству перейдетъ значительная часть греческихъ войскъ, находящихся тамъ. Примѣръ Желиговскаго въ Вильнѣ — да и самихъ кемалистовъ послѣ Севрскаго договора! — располагаетъ къ подражанію...

Италія заключила съ Ангорскимъ правительствомъ отдѣльное торговое соглашеніе. Это вызываетъ рѣзкую критику англійской печати по адресу вѣрной соратницы Ллойдъ-Джорджа по Генуѣ.

Анархія, длящаяся въ Китаѣ скоро десять лѣтъ, то становится болѣе мирной, то — снова кровавой. Сейчасъ въ сѣверной части Китая начались военныя дѣйствія между арміей генерала Ву-Пей-Фу и отрядами министра Чанъ-Со-Лина. Войска Ву-Пей-

Фу стремятся продвинуться къ Пекину. Въ случаѣ ихъ побѣды, возможно, что исчезло бы даже то номинальное, столичное правительство Китая, отъ имени котораго засѣдаютъ въ Лигѣ Націй китайскіе делегаты.

Въ Аргентинѣ состоялись выборы новаго президента; побѣдила радикальная партія (сторонники нынѣшняго президента Иригойена) противъ консерваторовъ и соціалистовъ. Иригойенъ во время войны отстаивалъ политику нейтралитета — и тѣмъ стяжалъ въ Южной Америкѣ репутацію германофила. При немъ же Аргентина демонстративно ушла изъ Лиги Націй, послѣ отклоненія ея предложенія — допустить въ Лигу всѣ суверенныя государства. Такъ какъ вторичное переизбраніе аргентинской конституціей допускается только послѣ перерыва, президентомъ будетъ на ближайшіе годы де Альвеаръ, сотоварищъ Иригойена по партіи.

Среди Интернаціоналовъ. Единый пролетарскій фронтъ пока налаживается плохо. Демонстрація 20 апрѣля не объединила всѣхъ соціалистовъ; германскіе с.-д. большинства отказались въ ней участвовать, ссылаясь на то, что большевики въ Совѣтской Россіи не будутъ манифестировать вмѣстѣ съ меньшевиками и эсерами.

„Комиссія девяти“ составлена заново; отъ II-го Интернаціонала въ нее вошли Вандервельде, Вельсъ (Германія) и Рамзэй Макдональдъ; отъ „$2^1/_2$-го“ Фр. Адлеръ, Браккъ (Франція) и Криспинъ (Германія); отъ III-го, — Радекъ, Клара Цеткинъ и Фроссаръ. Соберется ли она и когда — пока неизвѣстно.

Исполнительный Комитетъ III Интернаціонала публикуетъ воззваніе, призывающее рабочихъ всѣхъ странъ бороться противъ разъединяющей политики вождей и требовать созыва всемірнаго конгресса труда. Но соціалистическая не-большевистская печать большевиками опять очень недовольна, иронизируетъ надъ ихъ поведеніемъ въ Генуѣ, возмущается репрессіями противъ меньшевиковъ и эсеровъ и двойственной ихъ политикой въ вопросѣ о судѣ надъ соціалистами.

Большевикамъ сейчасъ нѣтъ еще интереса перекрашиваться въ защитный цвѣтъ единаго фронта. Ставку они дѣлаютъ, повидимому, на „попутчиковъ“ съ иной идеологіей! Впрочемъ, нити къ сосѣдямъ протянуты, Комиссія Девяти существуетъ. Большаго пока III-му Интернаціоналу не надо.

4/V 22/IV 1922 г.

С. С. Ольденбургъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Б. Д. Бруцкусъ. Аграрный вопросъ и аграрная политика. (Экономика. Выпускъ 6) Петербургъ. Издательство „Право“ 1922 г. Стр. 234.*)

Центральное мѣсто книги Бруцкуса, какъ по внѣшнему размѣру, такъ и по внутренней значительности занимаетъ очеркъ „Аграрная эволюція и аграрная политика Россіи“ (стр. 26—132.). Въ первой главѣ („эпоха великихъ реформъ“) дается сжатая экономическая характеристика крѣпостного права и его упраздненія въ 1861 г. Въ характеристикѣ русскаго крѣпостного строя правильно оттѣнена правовая безграничность помѣщичьей власти, но все же преувеличеніемъ значенія формальнаго момента по сравненію съ бытомъ грѣшитъ категорическое утвержденіе автора, будто крѣпостные были крѣпки не землѣ, а господамъ. Правильно отмѣчена экономическая неизжитость крѣпостного хозяйственнаго строя; но нельзя не отмѣтить, что существо этой экономической неизжитости авторомъ въ достаточной полнотѣ не раскрыто. А между тѣмъ тутъ важно расчленить два момента. Во-первыхъ, существенно то, что рынокъ питался исключительно помѣщичьимъ хлѣбомъ т. е. другими словами, что народно-хозяйственная функція крѣпостного строя сводилась къ тому, что онъ кормилъ города и вообще снабжалъ зерномъ рынокъ. Но рядомъ съ этимъ не менѣе важно и то обстоятельство, что создавались эти запасы хлѣба въ порядкѣ использованія почти исключительно крестьянскаго труда и капитала, использованія крестьянскаго хозяйства, какъ основной хозяйственно-предпринимательской единицы. Крестьянинъ своимъ инвентаремъ обрабатывалъ свой надѣлъ, затѣмъ, своимъ же инвентаремъ обрабатывалъ барскую землю. Помѣщикъ руководилъ всѣмъ предпріятіемъ въ цѣломъ, наблюдая за работой, производимой крестьянами какъ на себя, такъ и на барина. Организація хозяйства формально всецѣло зависѣла отъ помѣщика — по существу онъ былъ ограниченъ бытомъ — но въ основѣ своей внутренняя экономическая структура помѣщичьяго хозяйства отвѣчала его народнохозяйственной функціи вовнѣ: крѣпостное крестьянство, такъ сказать, въ порядкѣ барщины, содержало города и вообще давало запасы для вывоза на рынокъ. Такимъ образомъ, при крѣпостномъ правѣ помѣщикъ являлся лишь организаторомъ и руководителемъ крупнаго сельскохозяйственнаго производства, основаннаго исключительно на использованіи мелкохозяйственныхъ крестьянскихъ производственныхъ единицъ. Это положеніе оставалось характернымъ и для эпохи, примыкающей къ великой реформѣ. Ни процесса образованія самостоятельныхъ, сильныхъ, мелкихъ хозяйствъ, работающихъ на рынокъ, ни, напротивъ, процесса образованія крупныхъ хозяйствъ съ самостоятельной хозяйственно-производственной базой — въ рамкахъ крѣпостного строя не произошло. Другими словами, крестьянинъ не превратился ни въ самостоятельнаго мелкаго хозяина, ни въ безземельнаго батрака, такъ же какъ и помѣщикъ не превратился ни въ самостоятельнаго крупнаго хозяина, ни въ рантье, обладающаго нѣкоторыми правами феодальнаго верховенства. Поэтому великая реформа являлась не оформляющимъ назрѣвшіе соціально-экономическіе процессы юридическимъ актомъ, а политической реформой, разрубавшей

---

*) На научной книгѣ, вышедшей въ 1922 г. сакраментальная помѣтка „Р. В. Ц.“ = Разрѣшено Военною Цензурою!

„цѣпь великую", дотолѣ неразрывно связывавшую основанное на принудительномъ трудѣ помѣщичье хозяйство, и рвавшей одновременно всѣ тѣ связи, которыми вообще держалось снабженіе страны. Реформа не замыкала экономическій процессъ перестройки сельско-хозяйственнаго производства, а лишь ставила фактомъ своего осуществленія эту проблему во весь ея грандіозный ростъ. Вотъ это-то и значитъ, что великая реформа проходила подъ знакомъ не экономическихъ мѣропріятій, а политическаго освобожденія.

Авторъ во всякомъ случаѣ вполнѣ ясно понимаетъ политическій паѳосъ реформы; весьма жаль, однако, что, вообще проявляя недюжинную независимость и широту взгляда, онъ въ данномъ случаѣ — какъ и въ другихъ мѣстахъ книги — не можетъ окончательно порвать съ трафаретами экономическаго матеріализма въ самомъ тривіальномъ его варіантѣ, именно въ формѣ наложенія всей соціально политической дѣйствительности на транспарантъ классовыхъ экономическихъ интересовъ. Совершенно правильно разслояя интересы различныхъ помѣщичьихъ группъ примѣнительно къ реальной заинтересованности ихъ, какъ въ самомъ фактѣ освобожденія крестьянъ, такъ и въ формахъ этого освобожденія, онъ, однако, исторически невѣрно рисуетъ значеніе этой заинтересованности. Конечно, на реформу оказали вліяніе всѣ тѣ экономическіе интересы, на которые указываетъ авторъ, но все же реформа остается въ своей основѣ совмѣстнымъ достиженіемъ самодержавной власти и лучшихъ умовъ русскаго общества, одухотворенныхъ глубокимъ сознаніемъ первостепенной государственной важности этого политическаго акта. Тутъ рѣшающее значеніе имѣло не совпаденіе интересовъ отдѣльныхъ элементовъ правящаго класса съ интересами государства, а сознательно поставленная и съ полнымъ убѣжденіемъ осуществленная государственная задача.

Оцѣнивая экономическое содержаніе реформы по существу, авторъ правильно констатируетъ два основныхъ дефекта ея, тяжкимъ бременемъ легшихъ на всю послѣдующую исторію Россіи: во-первыхъ, лишеніе крестьянъ части ихъ земельнаго владѣнія, и во-вторыхъ, преувеличеніе размѣровъ выкупныхъ платежей, таящихъ въ себѣ выкупъ и живой силы. Однако, авторъ, оставаясь въ убѣжденіи — оправданномъ формальнымъ воспріятіемъ буквы законодательныхъ актовъ — что земля и раньше принадлежала господамъ, къ коимъ и были прикрѣплены крестьяне, мыслитъ великую реформу вмѣстѣ съ творцами ея, съ одной стороны, какъ уничтоженіе личной крѣпостной зависимости и, съ другой стороны, какъ надѣленіе крестьянъ землей. Поэтому для него все же остается неяснымъ то опредѣляющее значеніе, которое пріобрѣтаютъ указанные имъ дефекты на фонѣ крестьянскаго воспріятія великой реформы въ ея конкретномъ осуществленіи. А между тѣмъ корень дѣла заключается именно въ томъ, что расчлененіе вопроса земли и вопроса воли, разложеніе крѣпостного права на публично-правовое властвованіе помѣщика надъ личностью крестьянина и на обладаніе помѣщикомъ землей на правѣ частной собственности — было лишь оффиціальнымъ толкованіемъ крѣпостного права, исторически необоснованнымъ и не вошедшимъ въ народное міровоззрѣніе. *)

*) Любопытно, что три послѣдовательно смѣнившихся при русскомъ дворѣ французскихъ посла въ этомъ непріятіи крестьянами оффиціальной точки зрѣнія на землю, какъ на частную собственность помѣщиковъ, видѣли основную трудность проблемы освобожденія. „Самое серьезное препятствіе, писалъ Казимиръ Перье въ 1842 г., заключается въ состояніи нравственнаго огрубѣнія или по крайнѣй мѣрѣ совершеннаго невѣжества сельскаго населенія. Почти всюду оно воображаетъ, что, будучи лично въ рабствѣ, оно одно имѣетъ реальныя права на обладаніе землей. Очень часто владѣльцу, желающему переселить земледѣльцевъ, отправить ихъ изъ одной губерніи въ другую, противопостовляется страшная сила инерціи, подкрѣпляемая слѣдующими словами, въ которыхъ заключается кодексъ русскаго крѣпостного: наша жизнь принадлежитъ тебѣ, ты можешь ее взять, но ты не имѣешь права отнимать у насъ землю, которая намъ принадлежитъ. Этотъ опасный предразсудокъ укоренился въ умахъ милліоновъ

Поэтому, независимо отъ экономической квалификаціи установленныхъ реформой размѣровъ крестьянскаго надѣла и размѣровъ выкупной платы за него, существенно отмѣтить, что и сокращеніе площади крестьянкаго землевладѣнія, и форма и размѣры выкупной платы могли ощущаться и дѣйствительно ощущались крестьянствомъ, какъ извѣстная неправда а не только, какъ невыгода. Не даромъ И. С. Аксаковъ, вскорѣ послѣ манифеста 19 февраля писалъ: „Это дурацкое положеніе на первой страницѣ объявляетъ, что земля составляетъ неотъемлемую собственность помѣщиковъ и, такимъ образомъ, идетъ прямо наперекоръ народнымъ понятіямъ, выработаннымъ его исторической жизнью. Тутъ очень важенъ провозглашенный принципъ. Скажите крестьянину, что земля его, но что помѣщика слѣдуетъ вознаградить за эту землю, вознаградить обязано государство (а не крестьянинъ выкупать ее). Государству для этого нужны деньги, и участвовать въ этомъ вознагражденіи, наравнѣ съ другими, готовы и крестьяне. Это я слышалъ отъ мужиковъ". Только учтя это основное противорѣчіе правовыхъ воззрѣній оффиціальной и крестьянской Россіи можно понять и правильно оцѣнить вѣсъ отмѣченныхъ авторомъ дефектовъ реформы въ судьбахъ Россіи. Не только и не столько имѣетъ значеніе то обстоятельство, что крестьянамъ назначили абсолютно недостаточные надѣлы и назначили за нихъ абсолютно преувеличенный выкупъ по сравненію съ цѣнностью земли; особенно важно то, что и ту землю, которую крестьянамъ оставили на условіяхъ выкупа и ту, которую у нихъ отняли, — они считали своею. Между тѣмъ, этотъ аспектъ остается совершенно внѣ поля зрѣнія автора, который все вниманіе свое фиксируетъ исключительно на чисто экономической характеристикѣ разбираемыхъ имъ явленій. И тутъ онъ правильно отмѣчаетъ одинъ весьма существенный фактъ, именно претвореніе юридической зависимости мѣстныхъ крестьянъ отъ мѣстнаго помѣщика, лежащей въ основѣ помѣщичьяго хозяйствованія при крѣпостномъ правѣ, въ зависимость экономическую. Крестьянство, прилагавшее свой трудъ къ своей запашкѣ и запашкѣ барской, получивъ примѣрно прежнее количество земли, расчитанное на покрытіе его продовольственныхъ нуждъ, должно было продолжать прилагать свой трудъ и свой инвентарь къ той же оставшейся въ распоряженіи помѣщика землѣ, добывая этимъ необходимыя для уплаты податей и выкупныхъ платежей суммы. Тамъ же, гдѣ крестьянинъ былъ на оброкѣ, этотъ же оброкъ въ сущности онъ долженъ былъ продолжать уплачивать помѣщику, такъ какъ, оставаясь крѣпкимъ землѣ (круговая порука!), онъ долженъ былъ въ составѣ преувеличенно исчисленнаго выкупного платежа выплачивать, въ той или другой долѣ, прежній оброкъ.

Такимъ образомъ, крестьянство переходило къ свободѣ въ экономически ослабленномъ видѣ. Но оно переходило къ свободѣ! И вотъ наступаетъ эпоха экономической борьбы ставшихъ юридически независимыми двухъ, дотолѣ въ крѣпостномъ хозяйствѣ неразрывно связанныхъ, элементовъ русскаго сельскаго быта — помѣщика и крестьянина. Привыкшее къ использованію крестьянскаго труда и инвентаря, помѣщичье хозяйство оказалось по общему правилу слабѣйшей стороной и съ первыхъ

людей и не указами онъ будетъ побѣжденъ". Аналогичныя мысли высказывали преемники Казимира Перье при русскомъ дворѣ — д'Андре и Рейневаль. См. проф. Е. В. Тарле. Западъ и Россія. Статьи и документы изъ исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Изданіе „Былое" П. 1918 г. Ст.: Императоръ Николай I и крестьянскій вопросъ въ Россіи по неизданнымъ донесеніямъ французскихъ дипломатовъ 1842—1847. Стр. 17—24.

Характерно, что въ то же приблизительно время Императоръ Николай Павловичъ въ своей рѣчи 20-го марта 1842 г. въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу проекта объ обязанныхъ крестьянахъ подчеркивалъ полезность этого закона въ томъ смыслѣ, что „онъ выражаетъ прямо волю и убѣжденіе правительства, что земля есть собственность не поселенныхъ на ней крестьянъ, а помѣщиковъ, предметъ — также первостепенной важности для будущаго спокойствія".

же шаговъ стало сдавать свои позиціи. Напротивъ, впервые „созданный" (по слову Якова Ростовцева въ письмѣ къ Государю послѣ назначенія его предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій) народъ проявилъ огромную хозяйственную энергію. Усиленіе производительности свободнаго труда, въ связи съ перестройкой всего хозяйственнаго и правового уклада въ направленіи современнаго капиталистическаго строя, создало невиданную волну подъема, и можно было надѣяться, что въ этой волнѣ утонутъ указанные выше дефекты реформы, что въ общемъ ростѣ цѣнъ растворятся тѣ сверхъ-платежи, которые легли на крестьянъ, а въ процессѣ земельной мобилизаціи и въ формѣ свободныхъ частно-правовыхъ сдѣлокъ произойдетъ должное насыщеніе землей крестьянскихъ хозяйствъ и осуществится отборъ хозяйственно годныхъ крупныхъ сельскихъ хозяйствъ.

Но случилось иначе, и авторъ (въ главѣ „эпоха реакціи") достаточно наглядно и убѣдительно разъясняетъ причины роковой задержки капиталистической метаморфозы русскаго сельскаго быта.

Авторъ справедливо отмѣчаетъ значеніе коллективистской тенденціи, лежавшей въ основѣ устройства крестьянъ по положенію 1861 года. Жаль только, что авторъ, въ ущербъ исторической правдѣ, не отмѣчаетъ наряду съ мотивами фискальными такихъ мотивовъ, какъ извѣстный консерватизмъ (сохраненіе бытовыхъ устоевъ исконнаго сельскаго мірского самоуправленія) и какъ желаніе усилить сопротивляемость крестьянства предъ лицомъ бывшаго барина и чиновниковъ, каковые мотивы играли далеко не послѣднюю роль при выработкѣ хозяйственныхъ, административныхъ и финансовыхъ мѣропріятій, связанныхъ съ реформой. Кстати, нужно сказать, что исторически нереальнымъ и потому безплоднымъ явилось бы обсужденіе великой реформы съ точки зрѣнія возможности осуществленія въ ней современныхъ индивидуалистическихъ тенденцій. Редакціонныя комиссіи вырабатывали компромиссное рѣшеніе, которое отвѣчало міровоззрѣніямъ того времени, но онѣ отнюдь не придавали — какъ то правильно отмѣчаетъ и авторъ — своимъ рѣшеніямъ какого либо приципіальнаго, нормативнаго, общеобязательнаго значенія. Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, и не въ томъ бѣда, что онъ былъ разрубленъ въ формахъ, примыкающихъ къ коллективистскому хозяйственному строю того времени. Въ иныхъ формахъ немыслимо рѣшеніе вопроса въ ту эпоху. Важно то, что жизни былъ данъ выходъ, а дальнѣйшее строительство должно было опредѣлиться направленіемъ, принятымъ дѣйствительной жизнью. Бѣда была въ томъ, что дальнѣйшая политика сдерживала потокъ жизни именно тамъ, гдѣ онъ постепенно исправлялъ и уничтожалъ дефекты реформы, а тѣ части ея, которыя носили принципіально временный характеръ, которыя должны были видоизмѣняться и даже упраздняться въ процессѣ живого развитія, — эта политика отверждала и провозглашала нерушимымъ устоемъ.

Когда мы выше говорили, что освобожденіе крестьянъ произошло не въ процессѣ экономическаго созрѣнія, а какъ актъ по существу политическій, мы подъ этимъ понимали не только то, что крѣпостное хозяйство, какъ таковое, осуществляло опредѣленную и весьма значительную народно-хозяйственную функцію; мы этимъ хотѣли обозначить и то обстоятельство, что въ сельскомъ хозяйствѣ не дифференцировались крупныя и крестьянскія предпріятія, что не образовалось ни крестьянскаго самостоятельнаго хозяйства, ни самостоятельныхъ крупныхъ экономій, стоящихъ на собственномъ матеріально-хозяйственномъ базисѣ. Реформа формально-юридически „развела" помѣщиковъ и крестьянъ. Но оставалась задача экономическая: созданіе самостоятельнаго и сильнаго мелкаго хозяйства и самостоятельнаго и сильнаго крупнаго хозяйства. Пореформенная политика должна была всецѣло проникнуться духомъ производственной активности; всѣ мѣропріятія въ отношеніи какъ помѣстнаго класса, такъ и крестьянства должны были оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ производительной эффективности и ихъ отраженія на основной задачѣ — созданіи самостоятельныхъ производственныхъ единицъ. Между тѣмъ, какъ

разъ наоборотъ, вся политика послѣ реформы опредѣлялась какимъ то средневѣковымъ консерватизмомъ чисто потребительскаго склада какъ въ отношеніи земельнаго дворянства, такъ и въ отношеніи крестьянства. Правительство хотѣло сохранить соціальный status quo ante, не взирая на производственную революцію, которая перекраивала всю хозяйственную жизнь. Если — поскольку мы говоримъ исключительно объ экономикѣ — мѣропріятія въ отношеніи дворянства являлись по существу лишь организаціей чисто потребительскаго кредита, дававшаго возможность дворянству на болѣе выгодныхъ для него условіяхъ и нѣсколько медленнѣе очищать арену сельскаго хозяйства, если, такимъ образомъ, помощь дворянству лишь отсрочивала уходъ хозяйственно-негодныхъ и не поощряла отборъ хозяйственно-годныхъ — то политика правительства въ отношеніи крестьянства имѣла гораздо болѣе глубокія послѣдствія.

Тутъ мы подходимъ къ основному вопросу земельной эволюціи второй половины XIX вѣка: къ проблемѣ такъ называемаго малоземелья, правильно разсматриваемой авторомъ въ связи съ коллективистскими формами хозяйственной жизни русскаго крестьянства. Это одно изъ наиболѣе удачныхъ мѣстъ книги. Авторъ наглядно раскрываетъ экономическую безсодержательность термина „малоземеліе" и даетъ достаточно вдумчивый и ясный анализъ того сложнаго хозяйственнаго кризиса, который создавалъ въ данной соціальной и агрикультурной обстановкѣ атмосферу все болѣе сгущающагося аграрнаго перенаселенія и въ которомъ, вопреки общественному и правительственному мнѣнію, абсолютный размѣръ надѣльнаго землевладѣнія и даже всего фактическаго землепользованія игралъ, въ сущности говоря, второстепенную роль.

Въ изложеніи автора можно реально нащупать два основныхъ соціально-политическихъ фактора, въ дѣйствительности обусловившихъ тяжкій кризисъ земледѣльческаго центра. Во первыхъ, косность помѣщичьяго хозяйства, остающагося по общему правилу на основѣ чистаго рантьерства и стабилизирующаго экономическій status момента ликвидаціи крѣпостного права, т. е. такія формы аренднаго землепользованія, которыя исключаютъ производственный прогрессъ, и, во вторыхъ, косность крестьянскаго хозяйства, вытекающая также изъ стабилизаціи тѣхъ временныхъ компромиссныхъ рѣшеній, коими было разрублено крѣпостное право. Въ частности, авторъ совершенно справедливо дѣлаетъ удареніе на томъ реакціонномъ вліяніи, которое имѣло общинное землепользованіе и принудительная связь крестьянства съ землей, отмѣчая значеніе этихъ факторовъ, какъ нарочито задерживавшихъ въ народномъ сознаніи потребительскую идеологію земельнаго пользованія и заставлявшихъ искать выхода лишь въ расширеніи его площади. Постепенно растущая перегрузка крестьянскаго хозяйства трудовой силой и связанное съ этимъ потребительское оскудѣніе его, въ условіяхъ искусственнаго затрудненія разрыва избыточнаго населенія съ землей, въ условіяхъ соціально-политическаго быта, исключающихъ возможность агрикультурнаго прогресса, единственно способнаго увеличить трудоемкость хозяйства въ предѣлахъ той же земельной площади, и въ атмосферѣ идеологіи, проникнутой принципомъ права на землю, какъ на кормящій крестьянина надѣлъ, — вотъ въ общихъ чертахъ сущность того „земельнаго голода", того „малоземелья", которое назрѣвало въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ великой реформы. Если припомнить, что крестьянская „земельная тѣснота" была внѣшне отграничена помѣщичьими землями, связь съ которыми для крестьянъ была весьма памятна и которыя по общему правилу не пріобрѣли хозяйственной самостоятельности, а продолжали лишь быть площадью приложенія крестьянскаго труда и инвентаря, то станетъ понятнымъ, въ какую сторону оказалась направленной стихійная жажда земельнаго расширенія. Отмѣчая географическое распространеніе аграрныхъ волненій 1905—6 годовъ и степень ихъ интенсивности, авторъ совершенно справедливо подчеркиваетъ характерное соотношеніе между интенсивностью и формами хозяйственнаго использованія площади крупнаго землевладѣнія и интенсивностью и формами аграрнаго движенія. По общему правилу, волна погромовъ этой

эпохи особенно сильна была тамъ, гдѣ крупное землевладѣніе не вылилось въ крупное самостоятельное хозяйственное предпріятіе, а сводилось лишь къ рантьерскому взиманію съ крестьянъ вознагражденія за пользованіе ими землей.

Обрисовавъ ту экономическую подпочву, на которой выросла первая аграрная революція, авторъ переходитъ къ изложенію аграрной политики и аграрной эволюціи послѣ 1905 г. („эпохи контръ-революціи“ по терминологіи автора.) Нужно вообще сказать, что нѣтъ, кажется, болѣе вызывающей на размышленія и болѣе драматической темы, чѣмъ сопоставленіе общественной идеологіи и правительственной дѣятельности этой эпохи примѣнительно къ земельному вопросу. Изъ спокойнаго и объективнаго, избѣгающаго рѣзкихъ оцѣнокъ, изложенія автора, съ полной отчетливостью вырисовывается грандіозная реформаторская работа правительства, съ лихорадочной поспѣшностью стремящагося наверстать потерянныя десятилѣтія въ дѣлѣ хозяйственной реконструкціи сельскаго быта и тѣмъ защитить страну отъ вырвавшейся было наружу земельно-уравнительной стихіи. Можно многое говорить и по существу заданія и, особенно, по техникѣ его выполненія — авторъ останавливается и на нѣкоторыхъ дефектахъ реформы — но все же цѣлая духовная пропасть лежитъ между свободной, здоровой и творческой государственной мыслью, которой одухотворена правительственная земельная политика эпохи „контръ-революціи“, и между „общественностью“, безнадежно замкнутой въ кругу условностей, лишенной интуитивнаго воспріятія живыхъ, созидающихъ народныхъ силъ и потому обреченной въ своей кабинетной обывательщинѣ на то, чтобы идеологическимъ покровомъ облекать злѣйшую экономическую и культурную реакцію. Въ преодолѣніи каноновъ дореволюціонной общественной мысли, въ созданіи здоровой государственной идеологіи — залогъ творческой годности современной интеллигенціи, и съ этой точки зрѣнія книга Бруцкуса, посвященная въ сущности цѣликомъ реабилитаціи Столыпинскаго дѣла, и въ идеѣ и въ его конкретномъ осуществленіи, — есть явленіе знаменательное и утѣшительное. Дѣйствительно много воды (и, увы, крови!) должно было утечь, чтобы не въ качествѣ протестующаго и тонущаго въ общемъ хорѣ особаго мнѣнія, а какъ выраженіе взглядовъ несомнѣнно широкаго общественнаго слоя интеллигенціи, могло быть провозглашено Столыпинское motto: „ставка не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и сильныхъ.“ Правда, нельзя не отмѣтить, что авторъ то и дѣло прослаиваетъ свое изложеніе комментаріями самаго благонамѣреннаго прогрессивнаго радикализма, но все же этимъ не устраняется основной здоровый фонъ воспріятія земельныхъ отношеній. Ознакомивъ читателя съ ходомъ аграрной эволюціи Россіи, авторъ посвящаетъ затѣмъ особые очерки характеристикѣ русскаго землеустройства и земельной (и землеустроительной) политикѣ иностранныхъ государствъ, гораздо менѣе удачные, чѣмъ разобранный выше очеркъ, но все же вводящія читателя въ кругъ вопросовъ и проникнутые той же idée maîtresse, что внѣ принциповъ земельной политики, которые характерны для „эпохи контръ-революціи“, нѣтъ и не можетъ быть путей ни въ Россіи, ни гдѣ либо во всемъ мірѣ. Къ чему ведутъ другіе пути, — автору въ Россіи, къ сожалѣнію, разъяснять не приходится. Оцѣнивая результатъ дѣйствія „закона о землѣ“ 1918 г. онъ могъ ограничиться словами: „народное хозяйство, поскольку оно было построено на частной собственности и свободномъ обмѣнѣ, на территоріи Россіи больше не существовало, и новое соціалистическое хозяйство можно было строить на чистомъ мѣстѣ...“

Въ результатѣ попытки осуществленія соціалистическаго хозяйства мы видимъ въ Россіи цѣлыя области, къ которымъ теперь уже языкъ не повернется примѣнить эвфемизмъ „чистое мѣсто“... Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ нигдѣ никакого матеріала для сужденія, какъ о процессахъ оформленія земельныхъ отношеній, которые, такъ или иначе, слагаются въ сохранившейся отъ вымиранія деревнѣ, такъ и о степени сопротивляемости и живучести натуральнаго крестьянскаго хозяйства, съ которыми деревня вышла изъ періода воинствующаго коммунизма. А именно къ разъясненію

этого вопроса устремлены въ первую очередь всѣ наши тревожные помыслы...

Издана книга внѣшне прилично. Обращаетъ вниманіе крайняя скудость и случайность библіографическихъ указаній, не характерныхъ для опредѣленія рабочаго процесса автора и явно недостаточныхъ для оріентированія въ литературѣ вопроса интересующагося читателя.

К. Зайцевъ.

2. Rosa Luxemburg. Die russische Revolution. Aus dem Nachlass, herausgegeben und eingeleitet von Paul Levi. Berlin. 1922. 120 стр.

Когда между людьми одного и того же лагеря идутъ споры, подчасъ ожесточенные, по вопросамъ тактики (въ широкомъ смыслѣ этого слова), то противникамъ, одинаково далекимъ отъ обоихъ спорящихъ, нѣтъ надобности и часто нѣтъ возможности становиться на ту или другую сторону. Примитивное представленіе о томъ, что всякій, кто бранитъ врага, — союзникъ, далеко не всегда правильно: часто бываетъ, что врага бранитъ врагъ злѣйшій, за то, что онъ недостаточно умѣло или рѣшительно ведетъ борьбу. Но и за такими спорами во вражеской средѣ надо внимательно слѣдить, такъ какъ въ нихъ вскрывается наиболѣе ярко идейная сущность противника.

Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интересна статья Розы Люксембургъ о большевикахъ, изданная черезъ три года послѣ смерти автора извѣстнымъ нѣмецкимъ коммунистомъ П. Леви, (исключеннымъ изъ германской коммунистической партіи въ первой половинѣ 1921 г. за несочувствіе московскимъ директивамъ).

Было бы совершенно ошибочно Розу Люксембургъ причислять къ противникамъ большевизма. Наоборотъ, и въ этой своей статьѣ она говоритъ объ ихъ „безсмертныхъ заслугахъ" передъ революціей и ставитъ ихъ въ примѣръ германскимъ с.-д.. „Октябрьскій переворотъ", пишетъ она, „не только явился спасеніемъ русской революціи, — онъ спасъ честь международнаго соціализма." Ея возраженія противъ тактики большевиковъ (статья написана въ сентябрѣ 1918 г.) сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему: проведенная большевиками аграрная реформа, отдавшая всю землю крестьянамъ — мелкимъ собтвенникамъ, создала классъ, который явится препятствіемъ для введенія соціализма. Лозунгъ „самоопредѣленія народностей вплоть до полнаго отдѣленія" вызвалъ на окраинахъ націоналистическія настроенія, которыми воспользовалась буржуазія для своихъ цѣлей. (Между прочимъ, Р. Люксембургъ очень рѣшительно отзывается объ „украинствѣ": „Украинскій національзмъ въ Россіи былъ только вздорной выдумкой (war eine Schrulle, eine Fatzkerei) дюжины, другой мелко-буржуазныхъ интеллигентиковъ, безъ малѣйшихъ корней въ экономическихъ, политическихъ или духовныхъ условіяхъ края, безъ всякой исторической традиціи, безъ какой либо національной культуры"). Третье возраженіе — противъ злоупотребленія диктатурой, ведущаго къ омертвенію массъ и тѣмъ убивающаго революцію: „Съ подавленіемъ политической жизни въ странѣ должна замереть жизнь и въ совѣтахъ. Безъ всеобщихъ выборовъ, неограниченной свободы печати и собраній, свободной борьбы мнѣній, — замираетъ жизнь во всякомъ общественномъ учрежденіи; она обращается въ жизнь призрачную, при которой бюрократія остается единственнымъ дѣйственнымъ элементомъ. Отъ этого закона не уйдетъ никто. Общественная жизнь постепенно засыпаетъ, нѣсколько десятковъ партійныхъ вождей съ неизсякаемой энергіей и безграничнымъ идеализмомъ управляютъ и властвуютъ, среди нихъ фактически правитъ десятокъ выдающихся людей, отборная часть рабочихъ созывается отъ времени до времени, чтобы апплодировать рѣчамъ вождей и единогласно приннмать предлагаемыя резолюціи"...

При этомъ Роза Люксембургъ оговаривается, что всѣ недостатки большевистской тактики навязаны условіями борьбы и бездѣйствіемъ западнаго пролетаріата, — и возражаетъ только противъ возведенія этихъ, вынужденныхъ обстоятельствами шаговъ — въ принципъ, противъ "обращенія необходимости въ добродѣтель."

Тѣ, кто слѣдилъ за совѣтской печатью въ 1918 г., вѣроятно, помнятъ, что аналогичныя мнѣнія высказывались тогда же и нѣкоторыми русскими большевиками (Рязановымъ, Лозовскимъ и др;)

Гораздо интереснѣе и „злободневнѣе" самой статьи — предисловіе Леви (занимающее, между прочимъ, болѣе половины книги). Въ немъ говорится объ отрицательномъ значеніи новой экономической политики для міровой революціи. „Россійская совѣтская республика", пишетъ Леви, „на которую одни смотрѣли съ усмѣшкой, другіе — съ любовью и благоговѣніемъ, всѣми пролетаріями ощущалась какъ первый героическій натискъ противъ твердыни капитализма... Какъ будящій призывный кличъ, какъ собиратель пролетарскихъ силъ всего міра, Совѣтская Россія излучала силу бóльшую, чѣмъ что либо донынѣ." Это налагало обязанности: „если бы ее менѣе любили, меньше бы теперь и осуждали". Признаніе долговъ, свобода торговли, концессіи и т. д. стоятъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ идеологической задачей большевиковъ. Что возразить Стиннесу, требующему денаціонализаціи германскихъ желѣзныхъ дорогъ, когда самъ Ленинъ пишетъ въ „Rothe Fahne", что личная заинтересованность способствуетъ поднятію производства?!

Леви разматриваетъ новую экономическую политику, какъ капитуляцію, онъ объясняетъ ее тѣмъ, что сбылись предвидѣнія Розы Люксембургъ: крестьянство обратилось въ мелкихъ собственниковъ; еще хуже обстоитъ дѣло съ „пролетаріатомъ": „совѣты умерли... Они — отгорѣвшая зола... Есть ли болѣе тяжкій укоръ, чѣмъ тотъ фактъ, что въ пролетаріатѣ, который съ 1905 г. служилъ примѣромъ всѣмъ пролетаріямъ, послѣ четырехъ лѣтъ пролетарскаго владычества подавляющее большинство безпартійно?... Русская революція и ея правящая партія не сумѣла связать массы съ судьбами революціи. Онѣ стоятъ въ сторонѣ и внѣ рядовъ борцовъ... Стройно централизированная партія, блестящій центральный комитетъ, скверная бюрократія носятся надъ водами. Но подъ ними все дико и пусто." Власть оказалась безъ всякой классовой базы. Организація — не все; „есть не только мѣры и числа въ вещахъ, есть духъ, который долженъ всюду вѣять"; безъ него невозможенъ успѣхъ. Конечно, — говоритъ и Леви, — главная вина — на западно-европейскомъ пролетаріатѣ, но заниматься тѣмъ, что укорять его за это — безплодно; надо, наконецъ, сознать дѣйствительное положеніе вещей.

Критикуя, Леви недосказываетъ: что же по его мнѣнію должны сдѣлать теперь большевики? Но изъ его разсужденій самъ собою напрашивается выводъ: они должны „достойно погибнуть". — „У большевиковъ былъ величайшій моральный фондъ... Если онъ будетъ цѣликомъ растраченъ, то рабочія массы всего міра духовно обѣднѣютъ, и понадобится работа, быть можетъ, десятилѣтій, чтобы снова воздвигнуть то, что было къ 1918 году"... Можно думать, что этотъ „моральный фондъ" Леви ставитъ выше тѣхъ реальныхъ силъ, которыми еще располагаетъ большевистская власть, и судьбу Парижской Коммуны онъ счелъ бы для нея болѣе достойнымъ исходомъ, чѣмъ медленное гніеніе на корню. Обратно — можно думать — какой нибудь иностранецъ, врагъ соціализма, могъ бы желать продлить господство большевиковъ, чтобы въ конецъ дискредитировать соціализмъ (для русскихъ — такое желаніе непріемлемо: это дискредитированіе, полезное другимъ народамъ, шло бы за счетъ вымиранія нашего!)

Несомнѣнно, что ходъ мыслей Леви не чуждъ и многимъ изъ дѣйствующихъ въ Россіи большевиковъ; что и передъ ними стоитъ грозный вопросъ: удерживать власть цѣною безконечныхъ уступокъ не значитъ ли propter vitam vivendi perdere causam?! Поэтому-то такъ половинчаты и неискренни всѣ ихъ шаги въ сторону капитализма; поэтому для нихъ сохраненіе за собой монополіи на власть — съ возможностью рѣзко по-

вернуть обратно — является категорическимъ императивомъ; имъ это нужно для нравственнаго самооправданія. Здѣсь — роковой кругъ, изъ котораго большевикамъ исхода нѣтъ.

Для пониманія тяжелаго кризиса большевистской идеологіи книга Розы Люксембургъ и Леви даетъ очень много.

30/IV 1922. **С. С. Ольденбургъ.**

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва:

Ксенія Абковичъ. Огни и Дали. Стихи. 1922. Складъ изданія: Книжный маг. А. Г. Сыркина, Вильно. Стр. 165.

С. Т. Аксаковъ. Семейная хроника. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1922 г., стр. XXI + 256.

В. Амфитеатровъ-Кадашевъ. Очерки исторіи русской литературы. Прага 1922. Акц. общ. „Славянское издательство", стр. 262.

Ж. Барнишъ. Принципы позитивной политики по Сольвею. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ Бориса Соколова. Edition, »Librairie Franco-Russe«. Bruxelles. Стр. 187.

„Воля Россіи". Еженедѣльникъ. Подъ редакцій Вл. Лебедева, М. Слонима и В. Сухомлина. Прага 1922 г. №№ 4—16.

Донъ-Карлосъ. Вѣщіе сны. Wiborg 1921, стр. 64.

П. Жилльяръ. Императоръ Николай II и его семья (Петергофъ, сентябрь 1905 — Екатеринбургъ, май 1918 г.) По личнымъ воспоминаніямъ. Съ предисловіемъ С. Д. Сазонова, б. мин. иностр. дѣлъ. Единственное полное разрѣшенное авторомъ русское изданіе, съ 60 фотогр. снимками, 2 факсимиле, 1 картой и 3 планами. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1921 г. XV + 243 стр.

Н. Н. Зворыкинъ. Крушеніе золота — валютной монетной системы. Берлинъ 1922 г. Стр. 176.

Н. И. Костомаровъ. Дѣятели русской церкви въ старину. Кн-во „Дѣтинецъ". Мюнхенъ 1922. Стр. 116.

Кл. Лукашевичъ. Одинъ изъ многихъ и другіе разсказы для дѣтей средняго возраста со многими рисунками въ текстѣ. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1922 г., стр. 94.

Кл. Лукашевичъ. Славная севастопольская оборона. Книга для дѣтей съ 30 иллюстраціями. Книгоиздательство „Русь". Вѣна 1922 г., стр. 90.

И. Лукашъ. Голое поле. Книга о Галлиполи. Софія 1922 года. стр. 77.

Младорусь. Періодическій сборникъ подъ ред. В. Ильинскаго, книга 1-ая. Славянское издательство. Прага 1922 г., стр. 113.

Ив. Наживинъ. Во мглѣ грядущаго. Повѣсти. К-во „Дѣтинецъ". Вѣна 1921. Стр. 203.

Ив. Наживинъ. Передъ катастрофой. Разсказы. К-во „Дѣтинецъ". Мюнхенъ 1922. Стр. 268.

Ив. Наживинъ. Въ деревнѣ. Разсказы для дѣтей. Изданіе 3-е. Кн-во „Дѣтинецъ“. Берлинъ 1922. Стр. 141.

Ив. Наживинъ. Четверть вѣка спустя. Повѣсть. Кн-во „Дѣтинецъ“. Берлинъ 1922. Стр. 73.

Ив. Наживинъ. Зеленя. Разсказы изъ школьной жизни для дѣтей. Кн-во „Дѣтинецъ“. Берлинъ 1922. Стр. 137.

В. Сергѣевъ. Три года въ Совѣтской Россіи (очерки). Paris, 1921 г. Цѣна 5 фр., стр. 139.

V. Červinka. Tragédie Ruska. S dodatečnou kapitolou: Tragédie ruské inteligence. V Praze 1922. Nakladatelství J. Otto. Стр. VIII + 168.

La débacle des Soviets et la restauration économique de la Russie. Mémoires présentés à la Conférence de Gênes par l'Association Financière, Industrielle et Commerciale Russe et le Comité des Représentants des Banques Russes à Paris. Paris 1922. Pp. XXXI + 208 + 78.

Padesátka. Veselé i tragické obrázky současného Ruska. Uspořádal a přeložil V. Červinka. Praha 1922.

Paměti hraběte Sergěje Witte, ruského ministra financí a ministerského předsedy za cara Mikuláše II. Z angličtiny přeložil Th. Pistorius. Praha 1922.

Revue de l' Institut de Sociologie (Solvay). Deuxième année 1921-1922. Tome II: № 1 (Janvier), № 2 (Mars). Bruxelles.

P-ce A. Wolkonsky. Les Soviets. La destruction de la Russie et le peril mondial. Mémoire soumis à la conférence de Gênes. Rome 1922. pp. 40.

Изданіе О-ва „И. Отто“ въ Прагѣ. — Société J. Otto, Éditeur à Prague.